РОМАН ХАЕР
ИДЕАЛЬНОЕ ДЕЛО
ИДЕАЛЬНОЕ
ДЕЛО
РОМАН ХАЕР
ИДЕАЛЬНОЕ ДЕЛО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация:

В комфортабельной Москве недалекого будущего все снова спокойно, как в древней Монголии до рождения Чингисхана. Но как можно наслаждаться покоем, если твоя профессия — джисталкер? Опять же друзья-компаньоны, бывшие одноклассники, маются от безделия, и предлагают проекты — нелепее некуда. Выход один — ухватиться за первое попавшееся задание, которое выглядит более или менее приемлемым. А о том, куда оно в результате приведет неугомонного джисталкера, можно подумать и позже, ведь если что друг, рыжий кот-телепат, будет рядом и всегда поможет. Хотя, признаться честно, путь лежит туда, куда идти немного страшновато, ведь дело придется иметь с орками и троллями, оградами и гоблинами. Летать на драконе, сражаться с живыми мертвецами…

- Роман (Крысь) Хаер
  - Часть 1. Тут
    - Работа 1. Предварительная
    - Работа 2. Обычная
    - Работа 3. Вступительная
    - Работа 4. Договорная
    - Работа 5. Привычная
    - Работа 6. Неприятная
    - Работа 7. Нормальная
    - Работа 8. Удельная
    - Работа 9. Отправная
  - Часть 2. Там
    - Работа 1. Тактическая
    - Работа 2. Кошачья
    - Работа 3. Предполетная
    - Работа 4. Разгонная
    - Работа 5. Полетная
    - Работа 6. Береговая
    - Работа 7. Конечная
    - Работа 8. Традиционная
    - Работа 9. Рыболовная
    - Работа 10. Праздничная
    - Работа 11. Банкетная
    - Работа 12. Прощальная
    - Работа 13. Перелетная

        - Работа 14. Прибывальная
        - Работа 15. Приемная
        - Работа 16. Снова приемная
        - Работа 17. Предпраздничная
        - Работа 18. Театральная
        - Работа 19. Зрительская
        - Работа 20. Гоночная
        - Работа 21. Завершающая праздничная
        - Работа 22. Разведывательная
        - Работа 23. Не совсем удачная
        - Работа 24. Улетная
        - Работа 25. Встречная
        - Работа 26. Ностальгическая
        - Работа 27. Боевая
        - Работа 28. Драчливая
        - Работа 29. Приемно-полетная
        - Работа 30. Прощательная
    - Часть 3. Снова тут
        - Работа 1. Офисная
        - Работа 2. Продолжающаяся офисная
        - Работа 3. Завершающаяся офисная
        - Работа 4. Финишная
        - Работа 5. Суетливая
        - Работа 6. Заключительная
- notes
    - 1

Роман (Крысь) Хаер
ИДЕАЛЬНОЕ ДЕЛО
(Авторское название — УДАЧНОЕ ДЕЛО)

От мелочных дрязг мы частенько скрываемся в книги,
Глядим с восхищеньем в прекрасное это далёко.
Там сильные чувства, там все побужденья велики!
И дамы как розы, и рыцари без упрека!

Там шпаги звенят, там вином наполняют бокалы,
Прекрасные женщины там на балконы выходят.
А в жизни у нас до обидного яркого мало —
Лишь пьяные драки, да что-нибудь этого вроде…

Часть 1. Тут

Работа 1. Предварительная

Все познается в сравнении…

(размышления заключенного при переводе на тюрьму из камеры предварительного заключения)

Зазвонил у меня гашек-фон. Кто говорит? Естественно слон (или какой-то другой дядька, такой же большой и важный). Откуда? От верблюда (опять грубят). Что вам надо? А что еще от бедного джисталкера надо, невзначай разрекламированного? «Камень света» подавай. И не просто так, а на блюдечке с голубой каемочкой. И желательно контракт сначала подписать, как бы чего лишнего джисталкеру не досталось, а то и так почти ничего не делает, негодяй эдакий. Совсем обленился, место свое знать должен, ибо место его — обслуживание заказчика, не более того. Откуда номер мобильника узнали? Сорока на хвосте принесла, что-то много вопросов себе некоторые позволяют, будут они работать, наконец, или к кому другому обратиться? Благо вас, джисталкеров, как собак развелось…

И такая дребедень — целый день, то тюлень позвонит, то олень… Ладно, мы тоже не лыком шиты. Это первое время я попадался на удочку, кричал, спорил, чего-то доказывал. Теперь Тим, существо толстокожее, звононепробиваемое.

— Извините, Вы номером ошиблись. Раньше тут был такой, теперь наш офис. Кстати, сразу видно, что Вы человек серьезный. У меня к Вам встречное предложение. Купите пылесос или средство для похудения. Первый раз мы почистим у Вас все бесплатно, когда…. — гудок отбоя прервал мою речь. Опять сделка сорвалась. А жаль — я мог вещать о пылесосах часами, во мне наверно умер великий коммивояжер.

Первое время я грешил на Романа Геля-младшего. Потом включил ненадолго головной мозг и сразу же (вот неожиданность) понял, что был неправ. Круг общения у Ромы не тот. Люди серьезные, понимающие. Прежде чем сделать шаг — просчитают обстановку. Другие ребята в том кругу не задерживаются надолго. Да и не станет сын олигарха на каждом углу кричать обо мне. Неохотно сильные мира сего консультации дают, постараться надо, чтобы от таких ребят совет бесплатный получить.

Кстати, отношения у меня с Романом после недавних событий сложились дружеские, можно сказать идеальные. За все время знакомства, с той самой удачной работы, он мне позвонил целый один раз, проконсультировался. На следующий день я на своем счету обнаружил лишнюю тысчонку еврази. Ну и я к нему особо не лез, в свору прихлебателей. Во-первых, без меня желающие найдутся, во-вторых, в своре служить надо, а я достаточно ленив. Ну и самое главное — я зверек гордый, иду по жизни с высоко поднятым носиком. А если кто встанет на моем пути — грозно рычу тоненьким слабым голоском, так жалобно. Пока они смеются, я смыться успеваю.

Так что, обдумав на досуге ситуацию, я моментально (почти как доктор Ватсон) вычислил своих бесплатных рекламных агентов. Нет, я, конечно, понимаю, что они хотели как лучше — но вышло-то все как всегда. Любимая русская поговорка имеет великую силу от частого повторения в народе. Естественно эти негодяи, изрядно подпортившие мне жизнь, были никто иные, как мои друзья-компаньоны. Глава предприятия Александр да бессменный бухгалтер и финансист Дмитрий.

Первое предложение подобного рода я услышал именно от них. Сначала в офисе, а потом в Сандунах, куда они меня самым подлым образом заманили якобы просто попариться в баньке, прикрываясь высокими словами о дружбе. Я сначала посмеялся, а потом очень долго и нудно объяснял им, что это невозможно. В самом-то деле, как я буду выглядеть в глазах ребят из мира Ворк, если вскоре снова заявлюсь к ним, выклянчивая: «Ну, давайте, ну еще разок сделаем камешек, пожалуйста». Думаю если такое случится, то вскоре в том мире будет ходить легенды о том, что все духи — законченные идиоты. Даже миролюбивый профессор Апик ради такого случая немного подкачает мышцы, возьмет топор Грома и будет им меня гонять по всему Вихрь-городу.

Впрочем, великих предпринимателей мне убедить не удалось и под конец они примитивно напились, после чего весь спор свелся к сакраментальному: «Ты меня уважаешь?». Неумный джисталкер расслабился и выкинул из головы тот случай, за что и был наказан. Если бы я отнесся тогда серьезно к вопросу, жизнь сейчас была бы светла и безоблачна, полна свободы и радости, счастья и… Что-то я увлекся.

Потом они еще не раз приставали с нелепым предложением добыть «камень Света» и мне это стало потихоньку надоедать. Вскоре стали звонить совершенно незнакомые люди и не всегда вежливо говорить со мной по мобильнику. Поначалу, как уже было упомянуто, я принял это за происки сына олигарха, но

потом меня осенило и вскоре терпение лопнуло как воздушный шарик в надежных копытцах Пятачка. Я пришел в офис к ребятам и разругался с ними в пух и прах. После чего фактически за шиворот притащил бывших одноклассников в спортзал, вытащил на помост и провел с каждым трехминутный спарринг. С Александром мы боксировали, а с Дмитрием боролись. В раздевалке я устроил разнос слегка побитым друзьям, после чего клятвенно пообещал, что каждый звонок незнакомого человека с подобным предложением, тем более глупость, непосредственно услышанная от приятелей-предпринимателей, будет заканчиваться в спортзале таким вот образом. После этого я еще три раза вытаскивал их на ринг, наконец, они сломались, покаялись и мы отпраздновали примирение в тех же Сандунах. Больше от ребят я этой чуши не слышал, но было поздно. Мой мобильник знала вся Москва и спокойная жизнь закончилась. Лавры Романа Геля-младшего не давали спокойно жить местной мелкой элите и меня просто замучили звонками. Я даже хотел сменить номер, но потом передумал — привык к этому.

Со временем я перестал злиться на подобные звонки, и они даже начали доставлять мне некоторое удовольствие. Где еще можно безнаказанно поиздеваться над современным московским купечеством? Опять же, про пылесосы говорить обожаю, хоть ни разу их и не видел. Правда редко дают до конца договорить, не любят наши деловые люди пылесосы, наверно и чистоту не очень жалуют. А жаль.

В отличном настроении после удачного звонка я умылся, сделал утреннюю разминку, позавтракал и пошел на тренировку. Сэнсэй Андрей повесил на меня немного тренерской работы, хоть я и отбрыкивался как мог. Теперь раз в неделю провожу групповое занятие по ножевому бою, но мое мнение — зря он это затеял. Я такому научу, потом переучивать замучаешься. А хотя сэнсэй большой — ему видней…

Отмучавшись с начинающими бойцами, я был вознагражден спарингом с Андреем. То, что меня благополучно зарезали, думаю говорить не обязательно, это и так понятно. Двигается сэнсэй потрясающе, куда до него балетным танцорам.

В раздевалке опять зазвонил гашек-фон. На этот раз звонила дочь.

— Привет, Арин. Что случилось? — спросил я у ребенка, раньше это время никогда не звонившего.

— Привет пап! — радостно завопила девочка. — Представляешь — меня похитили! Вот уроды!

— Не понял? — удивленно протянул я. В этот момент лицо

дочери исчезло с виртуального экрана-куба и появилось жуткая узкоглазая физиономия.

— Точно уроды, — согласился я с определением, данным моей девочкой похитителям.

— Не понял? — удивленно протянула жуткая узкоглазая морда, потом экран-куб задрожал, как будто за гашек-фон шла борьба. Я даже догадываюсь, кто с кем боролся.

— Не пап, ты представляешь! — радостно закричал победитель в борьбе за мобильник на том конце провода. — Ладно, они тут нервничают, пушки достали. Отдаю мобилку. Только ты, пап, не задерживайся там долго. Приходи задницы им надери!

— Дочь, ну что за выражения, — сказал я укоризненно. — Ты же девочка, какие задницы?

— Ладно, пап, извини, — покаялся веселый подросток, впрочем не чувствуя за собой особой вины. Сам виноват, мало занимаюсь воспитанием собственного ребенка. — Отдаю мобилку.

На экране опять появилась жуткая узкоглазая рожа, теперь немного ошарашенная.

— О'Генри читал? «Вождь краснокожих»? — спросил я у нее. Физиономия вытянулась еще больше и в ступоре продолжала молча на меня пялиться. — Так там еще цветочки по сравнению с моей ягодкой.

— Нас неправильно поняли, — вежливо сказала жуткая рожа. — Никто вашу дочь похищать не собирался.

— Пистолеты спрячьте там, — попросил я. — Отберет еще, а она несовершеннолетняя. Рано ей с оружием баловаться.

— Да, конечно. Спасибо, — виновато ответил узкоглазый и подал кому-то знак за границей зоны видимости гашек-фона. — Мы представляем интересы определенного лица…

— Да я уже понял, что не сами по себе, — усмехнулся я. — А чего слон пылесосы то покупать отказался?

Мой собеседник опять впал в ступор, впрочем, быстро встряхнулся и продолжил с умным видом:

— Наше детективное агентство по просьбе клиента…

— Мафия что ль китайская? — вежливо поинтересовался я. — Триада типа?

— Почему китайская, — обиделся узкоглазый. — Мы монголы.

Теперь настал черед удивилятся мне. Поймал себя на том, что смотрю в экран-куб с открытым ртом.

— А что вы так смотрите, — снова обиделся монголец… монголоид…а, тьфу, просто монгол.

— Извините, — пробормотал я. — Просто я знаю про монголов только то, что когда-то тут было монголо-татарское иго.

— Не застал, — с сожалением в голосе произнес монгол.

— Я тоже не застал, — радостно улыбнулся в ответ джисталкер (моя профессия только появилась в начале этого века).

Монгольский детектив с осуждением на меня посмотрел и продолжил:

— Наш клиент не смог ни с кем договориться, и попросил найти способ, чтобы тут серьезнее отнеслись к его предложению.

— Это плохой способ, — нахмурился я.

— Приношу извинения, нас неправильно поняли, — засмущался монгол. — Мы просто хотели поговорить, а экспрессивная юная особа растолковала наше предложение как агрессивный акт.

— Она может, — согласился я. — А чего испугались-то? Связались с ребенком, а потом пушки достали.

Монгольский детектив опять засмущался.

Когда-то давно языковой барьер был для жителей нашей планеты иногда непреодолим. Сейчас при помощи трикета обучение новому языку занимает максимум пару часов, поэтому монгол, как впрочем и какой-нибудь австралийский абориген, свободно говорящий на русском ни у кого не вызывает удивления.

— Да как-то неожиданно все получилось… — застенчиво пробормотал мой собеседник и быстро перевел разговор на другую тему. — Если вы готовы, наш клиент может сделать предложение в любое удобное для вас время. Он сейчас находится…

— Меня это не интересует. — Прервал я его. — Верните девочке мобильник. И извинитесь перед ребенком. До свидания.

— До свидания, — удрученно попрощался со мной монгол. — И еще раз извините.

На экране появилось расстроенное лицо дочери.

— Ну, так не интересно, — начал канючить нахальный ребенок. — Я думала похищение. Киднепинг — прикинь?! А тут такая скукота, эти уроды даже извинились — прикинь?!

— Дочь, ну что за выражения, — попробовал я заняться воспитательным процессом. — Ты же девочка.

— Ладно, пап, извини, — легко согласилась Арина. — Все, я побежала, у меня дел полно. Пака-пака, чмок.

— Чмок в ответ, — попрощался я, и ребенок дал отбой.

Переодевшись, я отправился домой. Зайдя в квартиру, бросил сумку со спортивными вещами в стиральную машину и

плюхнулся в медицинское регенерационное кресло. Раньше, говорят, надо было все стирать отдельно, даже из сумки вещи вытаскивать, прежде чем в аппарат засовывать. Потом белое нельзя было стирать с цветным и еще масса условий. Как все это люди запоминали — ума не приложу. Теперь гораздо проще, бросил сумку с грязными шмотками в ящик стиральной машины — через часик все в сумке аккуратно сложено, вещи естественно чистые, а сама сумка рядом с машинкой стоит. Правда мне иногда со стиральной машиной поговорить хочется, посоветоваться, уж больно умная.

Потом заварил чай, только присел попить — мобильник снова зазвонил. Звонил Борис Кузнец. Как я раньше рассказывал, Борис Кузнец — великий кузнец и коллекционер оружия. Я его постоянный клиент, на любой джипрыжок материально-техническую базу закупаю только у него.

— Тимчик, приветик! — пропищал Борис. Знаю Кузнеца много лет, а постоянно вздрагиваю от несоответствия его голоса и внешнего вида. Человек, который выглядит как могучий дварф из фентэзийных сказок, не может пищать как кастрат из средневековой итальянской оперы.

— Привет, Кузнец. Случилось что? — спросил я. Сегодня прямо день неожиданных звонков.

— Да все нормально. Тут клиента тебе нашел. Серьезный человек, — важно пискнул Борис.

— Уху, хорошо. Только если «Камень света» нужен, то я пас, — предупредил я.

— Да нет, ты что. Коллекционеры ребята основательные, нас временной мишурой, салютами там всякими, не заманить, — солидно взвизгнул Кузнец.

— Хорошо, пусть к ребятам в офис подъезжает, там и обговорим. А то я без них никак.

— Да в курсе, только он не из России.

— А откуда такое чудо?

— Зулусский барон, — пару секунд помявшись, сказал коллекционер.

Везет что-то сегодня мне на экзотику — монголы, теперь африканец.

— Черный барон? — пошутил я.

— Да нет, очень даже белый. Европеоид и даже блондин.

— Как так? — удивился я. — Вроде бы зулусы неграми были с незапамятных времен.

— Ну, купил в Африке что-то, вот и стал бароном, — объяснил Борис.

— Ненастоящий зулус? Апельсиновый барон? — снова

пошутил я.

— Можно сказать и так, только говорить ему это не советую, — сразу посерьезнел Кузнец. — Очень опасный человек, оружием торгует.

— Понятно, — тоже серьезно ответил я. Теперь главное — в присутствии барона глупо не ухмыляться. Еще скормит своим людоедам.

— Ладно, как приедет в Россию, сведу вас, пака-пака, — попрощался Борис и дал отбой.

Я задумался. Где-то это «пака-пака» недавно слышал, вспомнить не могу. Может лекарства для улучшения памяти пить начать, пока не поздно? А хотя склероз — болезнь достаточно удобная — о ней можно не вспоминать со спокойной совестью.

Работа 2. Обычная

Обычно я не такой…

(оправдание на первом свидании, после случайного выпадения из кармана таблетки виагры)

Стряхнув с себя задумчивое настроение, которое обычно меня редко посещает, я отправился поиграть в компьютерный клуб. Джисталкеры часто играют в компьютерные игры — для нас это необходимый тренинг. Почему-то те, кто играет хотя бы пару часов в день, лучше действует в мирах джипрыжков.

Компьютерный клуб «Динамо» жил своей привычной жизнью. Ничего с последнего посещения не изменилось. Огромный стадион был разбит на сектора и в каждом тренировались свои направления компьютерного спорта. Впрочем, весь этот стадион предназначен исключительно для любителей. В места, где тренируются профессионалы, попасть значительно сложнее.

В баре при клубе все было как обычно. Геймеры отдыхали, заключали сделки и просто тусовались. Между столов бегали жучки-перекупщики и предлагали за ресурсы одних игровых миров-проектов виртуальные деньги других миров. Впрочем, реальными деньгами они тоже не брезговали. Последнее время это стал один из самых прибыльных и не совсем законных бизнесов. Периодически кто-нибудь из сидящих в зале игроков останавливал такого жучка с вопросом типа: «Есть голда из варика девятнадцать?», после чего они начинали шушукаться, жучок доставал наладонный комп и переводил ресурсы или виртуальные деньги клиенту. В основном торговля шла на рубли и еврази, но жучки с удовольствием брали и ресурсы некоторых игр.

За стойкой бара бегал бармен, который продавал совершенно не виртуальные напитки, по-моему, тот же что и вчера. Над его головой сверкал плакат: «Прошедшему пятнадцатый уровень квест-акшена „Солдат в Раю“ — бесплатное пиво!». В меню помимо рублей и еврази цены стояли в голде «варика девятнадцать», миллениуме «адама сорок два», свитках «шара двадцать шесть» и многих других внутренних валютах игровых проектов.

— О, Тим, дароф! — возглас раздался из уголочка, где

расположились бойцы компьютерных стрелялок-убивалок. Кричал Фокс, местный авторитет в этом направлении компьютерного спорта. Когда-то он был чемпионом мира, правда, недолго. — Гоу к нам.

Я заказал в баре пиво, непременный атрибут всех бывших профессиональных виртуальных атлетов, и подошел к столу, за которым расположилась пестрая компания убийц той стороны компьютерного пространства. Усевшись на стул, который мне быстро освободили, повинуясь небрежному взмаху Фокса, я стал слушать разбор полетов какой-то недавней схватки. Через минуту официантка принесла мое пиво, которое местный авторитет сразу схватил и продолжил разнос соратников, прихлебывая из моей кружки.

— Что Тим, ты в доле? — закончив с разбором полетов, обратил на меня внимание Лис. — Хотя лучше бы Доську проспонсировал, и выигрыш забрал.

Дося его брат, тоже профессионал виртуальной стрельбы.

— Во-первых, либо я стреляю, либо без меня, — прервал я полет мысли Фокса. — Во-вторых, что за дело то? А то так сходу налетел — ничего не объяснил…

— Да я так, попробовал просто, — примирительно протянул виртуальный авторитет. — Да копенгагенцы вызвали на бой, по сто евразек с носа. Квака двадцать вторая. А тут одна нищета собралась.

После этих слов Фокс с неудовольствием окинул взглядом собравшихся геймеров. Половина сидящих за столом виновато опустили глаза.

— Оки, когда бьемся? — поинтересовался я.

— Да кого ждать? Го сейчас, — сразу довольным голосом откликнулся Лис. — Одного как раз и не хватало.

После этого мы прошли в зал, где проходили контрольные схватки между полупрофессиональными командами виртуальных стрелков из разных городов. Там же заключили пари через сайт-гарант с командой копенгагенцев. Фокс быстренько распределил обязанности между нами и вкратце набросал тактические маневры. Мне досталась роль приманки, на что я особо не возражал. Жить буду ярко, но недолго.

Так в принципе и получилось. Успел выпустить пару виртуальных ракет и немного пострелять из тяжелого бластера (слегка похожего на боевую армейскую модель), не дав возможности «отожраться» основным застрельщикам команды соперников. Под это дело Фокс перехватил тяжелый виртуальный бронежилет и успел взять какое-то там оружие главного калибра. Немного поборовшись, копенгагенцы слились и наша команда,

шумно радуясь, отправилась справлять победу в тот же бар, откуда недавно вышла. Я с ними не пошел и еще часик рубился в «мясо» — большую мясорубку для всех желающих «квакеров», любителей этой игры.

После компьютерного клуба забежал в офис к друзьям-компаньонам.

— Тут на работу берут всех подряд? — зайдя в офис, спросил я ребят.

— Тим, есть чего новое?! — вместо приветствия заорал Саня.

— Тут опять про тебя интересовались, из налоговой инспекции, — дополнил друга Дима.

— Понял, не туда попал. Ладно, я пойду, — попытался закруглиться джисталкер.

— Стоять-бояться! — завопил Александр. — Ты же не просто так зашел! Колись!

— Ладно, ладно, уже никто никуда не идет, — согласился я.

— Опять заставишь писаниной заниматься? — горестно пробубнил Дмитрий.

— Ну не мне же это дурацкий воз тащить, — возмутился я. — Зачем вы мне сдались-то тогда?

— Тим, не мелькай! — крикнул начальник предприятия. — Есть что конкретное?! Если нет, то работать не мешай!

Я нахально прошел на середину комнаты и сел в «кресло важного клиента». Потом задумчиво посмотрел на ребят, сделал вид, что собрался с мыслями и завел свою любимую шарманку:

— Да я зашел, чтобы о дружбе поговорить, о высоком. Понимаете — дружба это то, что отличает человека от обезьяны. Я вот — человек, например, а вы…

Договорить мне не дали. Сначала Саня кинул в меня пустым пластиковым стаканчиком, пришлось срочно уворачиваться. Потом с места вскочил Дима и начал медленно надвигаться на меня, чем-то в этот момент напоминая атакующего огра из мира Ворк. Правда, он был какой-то неповоротливый огр, но честно пытающийся меня поймать. Пришлось начать забег вокруг стола начальника. Александр тоже вскочил и ринулся за мной. Так мы бегали вокруг стола, почему-то в одну сторону.

Впереди приставными шагами скакал джисталкер, за ним несся, сразу опрокинув «кресло важного клиента», горообразный бухгалтер, а замыкал гонку невысокий глава предприятия, который умудрялся периодически подбирать с пола пустой стаканчик и ловко запускать им в меня. Под конец гонки преследователи выдохлись, Дмитрий остановился первый, поднял

с табурет и аккуратно присел на него, тяжело дыша. Александр некоторое время продолжал гонку, потом тоже тяжело задышал и свалился в начальственное кресло.

— И это все? — спросил я с ехидной миной. Ответа не последовало, предприятие восстанавливало дыхание после кризиса физической нагрузки.

— Хоть так вас иногда можно заставить спортом заниматься, — сказал я и заработал презрительные взгляды работников умственного труда.

— Ладно, заслужили, спортсмены, — похвалил я ребят, когда они немного отдышались. — Борис Кузнец клиента какого-то собирается подогнать.

— Что за клиент?! Большой котрактик?!

— Клиент юридически грамотный?

— Много вопросов, — важно сказал я, потом добавил: — Да сам не знаю, известно только то, что он зулусский барон.

— Какой барон? — хором спросили друзья-компаньоны.

— Зулусский! — гордо ответил я.

В конторе воцарилась тишина. Все (в том числе и джисталкер) обдумывали, хорошо это или плохо.

— Негр что ль? — вопросительно буркнул Дмитрий.

— Да нет, вроде, — ответил я. — Блондин даже говорят.

— А как же тогда он зулусский барон? Зулусы же чернокожие, — завопил Александр.

— Борис сказал, что купил там что-то, вот и стал бароном.

— А! Апельсиновый барон! — радостно заорал Саня.

«У дураков и мысли одинаковые», — расстроено подумал я, почему-то считавший себя остроумным, до этого момента.

— При нем это не ляпни, он оружием торгует, серьезный человек, — хмуро предупредил я главу предприятия.

— Понятно, может скормить своим людоедам. Все — я буду нем как могила! — крикнул Александр и сделал честные глаза. После этих слов я расстроился еще сильнее.

— Ладно, я пойду. Вероятный заказчик еще не в России, как появиться — сразу на нас выйдет, — сказал я ребятам, попрощался и покинул гостеприимный офис, где сегодня мое болезненное самолюбие получило очередной щелчок по носу.

Выйдя из здания офисного центра, я постоял немного под едва ощутимым осенним дождиком и полюбовался на урбанистический пейзаж. По изгибу ленты третьего транспортного кольца с жутким ревом проносились болиды гонщиков и сумасшедшие мотоциклисты. Неподалеку район

развлечений Мневники зазывно сверкал огнями большого города. Оторвавшись от любования Москвой, я шмыгнул на станцию телеполитена и отправился в стрелковый дворец «Лужники».

Храм стрельбы — одно из моих любимых мест. Ничто так не может порадовать сердце, как удачное попадание в цель, особенно если ты этого добивался очень долгое время.

Не так давно я проходил курс обучения стрельбе из ранцевых бластеров и с большим трудом преодолел восьмой уровень предварительной подготовки. До диплома стрелка-профессионала низшей категории осталось всего три уровня. Пока решил сделать паузу и вернуться к стрельбе из пистолета.

Стрелять из ручного оружия меня учит Серега, он же Батяня. Сергей помешан на Великой Отечественной Войне, если конкретнее, то на работе противодиверсионных подразделений «Смерш». Говорят, в свободное время пишет книги о попадании современного человека «туда» и уничтожении нашим парнем «там» в немереных количествах злобных фашистских захватчиков.

Уж не знаю, какой он писатель, но стрелок из ручного оружия просто фантастический. Думаю, если бы он сам попал на Великую Отечественную Войну, то наши войска могли бы победить на полгодика раньше. Естественно, его любимая книга «Момент истины», а экранный фильм, конечно же — «В августе сорок четвертого…». Жаль, что экранные фильмы снимать перестали, сейчас все больше объемные производят, голливудская гашек-киноиндустрия, чтоб ей пусто было. Было в экранном кино какое-то непередаваемое очарование…

Когда я зашел в комнату тира, Серега сидел в уголке и читал книгу, думаю какую — говорить не надо. Гимнастерка сержанта советской армии, штаны-галифе и начищенные до блеска уставные яловые сапоги смотрелись на Батяне естественно и гармонично. На копне пшеничных волос лихо сидела форменная пилотка с красной звездочкой. Взглянув на меня недовольно, он отвернулся и показательно продолжил чтение интересной книги. Дело в том, что у него есть пунктик — он отказывается тренировать кого бы то ни было, если его ученик не надевает форму офицера или сержанта советской армии времен Отечественной Войны. Надо ли говорить, что все манекены у него либо в фашисткой форме, либо тоже в советской, но с некоторыми отличиями от настоящей, которые его ученики обязаны сразу распознавать.

Тяжело вздохнув, я пошел в раздевалку и через пять минут стоял перед учителем в форме младшего лейтенанта, готовый

«качать маятник» и «стрелять по-македонски».

— Встать, когда с тобой разговаривает подпоручик! — рявкнул я на Серегу, он оторвался от своей книги, хитро на меня взглянул, и мы рассмеялись. Лучший вестерн всех времен и народов мы оба обожали.

— Пойдем, начну тебя сейчас обижать, за державу, — ответил Батяня на мою шутку суровой жизненной правдой и занятия начались.

Сначала тренер взял пневматический пистолет, поставил между нами хаотично двигающегося и внезапно приседающего андроида, а потом стал методично расстреливать меня резиновыми пулями. Иногда попадал, каждый раз хитро усмехаясь в пшеничные усы. Очень больно, между прочим. По мнению Батяни, в результате этих упражнений я должен научиться двигаться так, чтобы этот дурацкий андроид постоянно мешал стрелять Сереге. Ага, помешаешь ему, мечтать не вредно.

— Нет Тим, ты безнадежен. — Резюмировал тренер результат моих получасовых трудов.

Потом мы поменялись, и я полчаса пробовал ему отомстить. Очень хочется похвастаться, как мой тренер плакал, молил о пощаде и клялся больше никогда меня не трогать — но не могу. Правдивый я очень. По тренеру мой пистолет не попал ни разу (неисправный наверно попался), даже более того — раза три влепил резиновую пулю в пластмассового болвана, после чего эта гнусная кукла противно орала и падала на пол, якобы застреленная.

— Да, Тим, — протянул Батяня под конец. — Ты безнадежен.

Хоть бы чего нового сказал, что ль. Это я и так знаю, без всяких умников.

После этого мы занялись изучением боевых характеристик различных пистолетов, от древнего «маузера» до современного «макашникова». Из каждого немного постреляли, коллекция пистолетов в стрелковом дворце говорят — одна из самых богатых в мире.

— Давай, подпоручик, дуй домой, — закончил занятия Серега. — А то на тебе чего-то лица нет. Завтра жду.

— Слушаюсь, товарищ гвардии сержант! — отрапортовал джисталкер.

— Вольно. Кру-гом, шагом-марш! — вежливо послал меня подальше Батяня и вернулся к своей любимой книжке.

До дома добрался едва живой. Только прилег, решив перед сном умную книгу почитать, классика какого-то начала двадцать первого века (там их столько, что ни в одну энциклопедию все

одновременно не влезут), как опять зазвонил мобильник. Звонил Кузнец.

— Привет, Тимчик, не разбудил? — радостно пискнул Борис.

— Да пока нет, готовлюсь только спать ложиться.

— И серьезная подготовка требуется? — вдруг заинтересовался коллекционер.

— О да! Молитвы, воспоминания о дневных грехах, радостное приближение к нирване, — меня понесло. — Воспоминание (с удовольствием) об лично убиенных врагах, особенно тех из них, кто любить звонить поздно. Пытки сегодня пойманных любителей поздних звонков…

— Но-но! — запищал Кузнец. — Я по делу звоню.

— И что тебе мешает поставить меня в курс дела? — поинтересовался я с доброй улыбкой людоеда.

— Да ничего собственно… — замялся Борис. — Завтра после обеда клиент приедет в ваш офис, не забудь только.

— Вот, с этого бы и начинал, — обрадовался я. — Буду, не сумлевайтесь.

— Ладно, спокойной ночи, — улыбаясь, сказал кузнец.

— И вам сладких сновидений, — с подобревшей улыбкой попрощался я, и Кузнец дал отбой.

Только прилег, мобильник зазвонил снова. С кислой физиономией соединился с абонентом.

— Добрый вечер, не разбудил? — вежливо поздоровалась узкоглазая физиономия. — Понимаете, для нас очень важен этот разговор.

— Я, в общем-то, спать собирался, — недовольно пробурчал я, напомнив сам себе в этот момент ворчуна Диму.

— Я буквально одну секундочку, — поспешно проговорил монгол. — Меня зовут Едигей. Мы в Москву только вчера приехали, специально зарегистрировали детективное агентство «Изворотливый батор».

— Ну? — по прежнему недовольно пробурчал джисталкер.

— Так вот, наша фирма, «И-батор»…

После этих слов я от неожиданности замер, потом хрюкнул и закатился в истерике.

— А почему все тут так реагируют, — расстроено сказал Едигей. — Сокращения распространены в России, вот мы и решили соответствовать. У вас даже нашу столицу, Улан-батор иначе как У-батор не называют.

— Вы как язык учили? — сквозь слезы поинтересовался я.

— Через трикет, — расстроено сказал монгол. — Загрузили аудио-словарь литературного русского языка и выучили…

— Наверно не стоит сокращать название вашей фирмы, — отсмеявшись, сказал я.

— Спасибо, — задумчиво проговорил Едигей.

— Не за что, спокойной ночи. — Воспользовавшись удобным случаем, закруглил я разговор и дал отбой, после чего сразу отключил мобильник.

Попробовал снова почитать разумное, доброе, вечное, — но буквы прыгали перед глазами, никак не желая складываться в слова. Через минуту борьбы с тестом я потерпел сокрушительное поражение и еще через минуту сладко спал.

Работа 3. Вступительная

Вступить можно не только в профсоюзы…

(размышления на коровьей лепешке)

Встав рано утром с нужной ноги, я быстренько размялся, почистил зубы и выпил чашечку кофе (именно кофе, а ни какаву и не чай). Потом немного подумал и снова пошел на тренировку к сэнсэю. Наверное, я мазохист. Не может нормальный человек с удовольствием ходить туда, где его постоянно бьют.

Сэнсэй Андрей как всегда пребывал в отличном настроении. Он стоял на одной ноге, упершись второй в стену над головой, и непринужденно беседовал с очередной любимой ученицей. У него периодически вспыхивают бурные романы со своими учениками, конечно только в том случае, если этот ученик молодая симпатичная девушка.

Сэнсэй что-то сказал своей пассии, после чего она заинтересованно взглянула в мою сторону. Я после этого поспешил скрыться в мужской раздевалке, еще сэнсэй взревнует ненароком, будет на теле пара-тройка лишних синяков.

Хорошенечко размявшись, я выполнил ката, поработал с бокеном, залез на ринг и застыл, ожидая пока сэнсэй накокетничается вдоволь. Заметив, что я его жду, Андрей оставил свою подругу и тоже взобрался на ринг, одним длинным и тягучим прыжком.

Сегодня мы провели бой без правил. Естественно, я был жестоко избит, хоть и усиленно сопротивлялся. Впрочем, сэнсэй меня берег. Когда бросал — аккуратно придерживал мое стремительное падение, а когда у меня проваливалась оборона, он только обозначал жуткие удары, за которыми должны были последовать в лучшем случае переломы. Так что спарринг закончился идеально — максимум синяков двадцать и может быть сломанное ребро, хоть я и не уверен насчет ребра. Болело просто сильно.

Когда я сидел после спарринга и пытался прийти в себя, ко мне подошла девушка тренера.

— Неужели вы тот самый джисталкер? — с удивлением спросила она.

— Угу, — только и сумел выдавить я. Ничего объяснять не хотелось.

— Что-то вы как-то слабоваты, — свысока протянула нахальная девчонка. — Тренироваться надо.

— Во-во, — поддержал подругу Андрей, хитро улыбаясь. — Я ему это постоянно говорю.

— Виноват, исправлюсь! — включился я в игру сэнсэя. Не мешать же приятелю охмурять красотку из-за каких-то глупых амбиций.

— Ну, определенные способности есть, — продолжила умничать новая пассия Андрея.

— Буду стараться! Больше тренироваться! — пообещал я, собрался с силами и сбежал в мужскую раздевалку. Оглянувшись, успел заметить, как сэнсэй украдкой показал мне большой палец. Вот хитрый котяра.

Выбравшись удачно из раздевалки (девушка Андрея меня не заметила), я дошел до дома и забрался в регенерационное кресло. Почему-то в нем меня часто посещают умные мысли. Наверно организм пытается бороться, используя все резервы головного мозга, чтобы намекнуть: «Может, хватит издеваться надо мной, а?».

На этот раз пришли мысли о женщинах.

С женой мы, как говориться, «не сошлись характерами». В результате бурного романа и последующих за ним пяти лет совместной жизни я превратился из «любимого котеночка» в «шляющегося непонятно где кота ободранного». Хотя шлялся я исключительно по делам — работа у меня такая, пропадаю порой на несколько дней. А никакой другой делать не умею.

В принципе я с ней согласен, для создания полноценной ячейки общества работа джисталкера подходит плохо. Это раньше жены могли спокойно ждать мужей, отправившихся, к примеру, на войну, длящуюся лет эдак пять-шесть. Сейчас современная эмансипированная особа такого мужа долго терпеть не будет. Говорят, есть среди женщин терпеливые ангелы — но я не встречал, невезучий наверно. Вернее все дамы конечно ангелы — пока им не покажется что глупый демон (почему-то всегда мужского рода) постоянно им на белоснежные крылья наступает. А ангелы помимо того, что имеют прекрасную внешность, обладают еще и жуткой мощью (в любую компьютерную игру загляните). Ну и поле боя, конечно, останется за силами Света, а Тьма в мужском лице всегда будет повержена и изгнана. Что в принципе со мной и произошло.

Впрочем, после того, как произошел разрыв, отношения с женой сразу наладились и теперь мы стали хорошими друзьями. Правда как-то естественным образом получилось, что старшим

другом стала она, а я остался маленьким и глупым приятелем с несерьезным местом работы. Да хотя бы та же дочь, при матери слова лишнего не вымолвит, а отца периодически даже бьет. Впрочем, дочь — особый разговор. Она мой самый любимый человек.

Так вот, лежал я в кресле и думал про тонкую душевную организацию милых дам. Почему-то лучший способ понравиться девушке — это поговорить с ней о ней самой. Хотя, наверно, это лучший способ понравиться не только девушке, ибо самый любимый человек у человека (простите за тавтологию) — это он сам. Хотя мужчинам такие беседы часто надоедают, а вот женщинам это все надоедает значительно реже, особенно блондинкам. Причем загадка, если мужчина ухитряется создать вокруг девушки атмосферу, где центром является именно она, то победа хитрецу почти обеспечена. Впрочем, зачастую милые дамы прекрасно понимают этот момент мужской игры, но отнюдь не возражают против подобного с собой обращения. Думаю не надо говорить, что новая пассия сэнсэя была блондинка.

А у меня почему-то не получается играть, увлекаюсь и излишне душу раскрываю. Душа джисталкера, по-видимому, не больно приглядное зрелище, и потому хорошие девушки шарахаются от меня, а плохие (интересующиеся исключительно состоянием счета) мне и самому не очень интересны. Вот так и проходит жизнь — дом, работа, дом.

Кресло пикнуло, показывая, что процесс приведения моего организма в более-менее приличное состояние закончен, и умные мысли сразу покинули голову. Вспомнив шуточное высказывание знакомого химика, являющееся абсолютной истиной: «Мысли человека — продукт химических процессов в его организме», я вскочил, быстро оделся и отправился в офис к ребятам. Сегодня туда должен был заявиться странный продукт смешения народов — зулусский барон.

Когда я открыл дверь и зашел в офис, сразу заметил повернутые в мою сторону заинтересованные лица приятелей-предпринимателей. Увидев, что пришел всего лишь джисталкер, лица утратили интерес и брякнув хором: «Привет», — отвернулись от меня. Я зашел в офисную комнату, подошел к столу и вальяжно расположился в «кресле важного клиента».

— Приветствую почетнейшее собрание, — сказал я. Лица заинтересованности не проявили. — Две новости, плохая и хорошая. С какой начать?

Ребята зашевелились, и я снова удостоился вниманием.

— Давай хорошую, — пробубнил Дмитрий.

— Сегодня вы будете лицезреть невероятный продукт цивилизации, плод генетических и социальных экспериментов всего прогрессивного человечества, зулусского барона! — объявил я, как конферансье со сцены, взглянул на веселые выражения лиц ребят и добавил: — И не факт, что все смогут пережить это зрелище, иначе как в желудках зулусских воинов!

Веселья немного поубавилось, и лица приобрели серьезное и понимающее выражение.

— Может это… — неуверенно крикнул Александр. — Позовем телохранителя? У них тут, в охранном агентстве офисного центра, есть парочка бойцов с винтокрылами.

— Они за один день работы сдерут мою месячную зарплату, — горестно пробурчал Дима.

Саня поднял палец в воздух, и с видом древнегреческого философа выдал:

— Жизнь дороже!

Бойцы спецназа и элитных охранных агентств идут на некоторую коррекцию способностей, данных нам природой. Путем длительных микрохирургических и биотехнологических операций они значительно укрепляют скелет и мышцы собственного тела, которое становится могучей боевой машиной. Против такого бойца у обычного человека нет ни единого шанса. Но главное даже не в этом. Путем некоторого дублирования нервных волокон энергетическими составляющими, так же вживленных в их тело, они могут управлять винтокрылом огневой поддержки, причем управлять виртуозно, на уровне рефлексов, и так значительно ускоренных у этих жутких бойцов.

Винтокрыл чем-то напоминает небольшого железного комара, размером примерно с кулак взрослого мужчины. Вместо носика у этого насекомого ствол мощного лазера, ножки могут мгновенно превратиться в ножи-пилы, все, что видит винтокрыл, естественно видит боец-хозяин и масса других полезных в бою свойств. В неактивном состоянии это железное насекомое просто сидит у хозяина на плече, а так фактически является его третьей рукой, зачастую превосходящей по возможностям первые две. Говорят, что эти ребята при помощи винтокрылов даже едят, используя их вместо столового ножа или поднося ко рту ложку в зажатых лапках металлического помощника.

Первый год после операции они почти с нуля обучаются владеть собственным телом и винтокрылом и только потом становятся лучшей боевой единицей Земли. Естественно, не все молодые люди подходят для подобной работы. Человек,

потенциально могущий стать владельцем винтокрыла, встречается редко, где-то один на тысячу. Пятилетний контракт позволяет этим ребятам потом не работать до конца жизни. Впрочем, контракт у них длится не более пяти-шести лет, а затем они проходят повторный курс операций, приводящий их тела в обычное состояние. Нагрузка на тело и нервную систему очень велика.

Поэтому нанять телохранителя с винтокрылом огневой поддержки — жутко дорогое удовольствие.

Джисталкерами владельцы винтокрылов работать не могут. При подавляющем большинстве джи-переносов система, вживленная в их организм, отказывает, и эти боевые машины становятся не более чем грудой мяса и железа, которая и передвигаться-то без посторонней помощи не может.

— Ребят, ну вы тут уже совсем того… — я покрутил пальцем у виска. — К нам серьезный клиент должен подойти, а мы его винтокрылом хотим встретить.

— Ну, для солидности… — неуверенно пробубнил Дмитрий.

— Угу, солидность, — я обвел взглядом непритязательную обстановку стандартного офиса. — В этом гадюшнике.

Друзья-компаньоны виновато переглянулись и кивнули в знак согласия, признав идею с элитным телохранителем неперспективной для развития деловых отношений с предстоящим партнером.

— А что за плохая новость? — заинтересованно проорал Саня.

— Плохой новости нет, — сказал я, горестно взглянув на ребят. — Есть ужасная.

— Давай уже, не тяни резину, — буркнул Дима.

— Ну, вы сам попросили. Я о мужской верной дружбе, — завел я шарманку. — Понимаете, вы окончательно превратились в офисных крыс. Только они не ценят настоящие человеческие отношения, нормальные люди…

Отреагировали ребята как-то необычно. Вместо того чтобы броситься на меня они с умным видом переглянулись, причем я каким-то чутьем уловил, что дело нечисто. После этого Саня небрежным движением руки взял со стола пульт, который я поначалу не приметил, и нажал на кнопку. Над головой что-то зажужжало, и на меня упала рыболовная сеть. Глупый джисталкер вскочил и попытался бежать, потом запутался в сетке и упал на пол.

Человеческая гора, по какому-то недоразумению занимающаяся бухгалтерией, не спеша встала со своей любимой табуретки и подошла ко мне, в это время беспомощно барахтающемуся на полу. Начальник предприятия тоже неспешно обошел стол и замер надо мной. Несколько секунд они наслаждались триумфом.

— Ура! — заорал Дмитрий, подпрыгнул и обрушил на меня полтора центнера собственного веса.

— Мачи казлов! — победно завопил Александр и прыгнул на спину своему компаньону. В школе это называлась куча-мала, одно из любимых развлечений нашего детства. Я уже и забыл эту глупую игру, а эти интеллектуальные негодяи все помнили и приготовили мне ужасную месть.

Фундаментом кучи-малы являлся джисталкер, запутавшийся в рыболовной сети. На нем барахтался огромный пузатый бухгалтер в строгом черном костюме и пыхтел от усердия, стараясь удержаться на брыкающимся однокласснике. А вершиной кучи-малы являлся невысокий начальник предприятия, который, выкрикивая победные лозунги, периодически подбирал с пола пустой пластиковый стаканчик и в упор швырял его в голову джисталкера.

— Добрый день, тут находится солидное предприятие, рекомендованное мне уважаемыми людьми? — неожиданно раздался вежливый голос от двери.

— А вы, собственно, кто такой? — пыхтя, крикнул Саня, стараясь удержаться на вершине пирамиды из тел.

— Разрешите представиться, Джон Аурум, — светски сказал гость, недоуменно разглядывая барахтающиеся тела. — Мне вас порекомендовал мой уважаемый коллега по хобби, Борис Кузнец.

Мы замерли на полу и три пары глаз виновато уставились на зулусского барона.

Работа 4. Договорная

Дого-вор
(собако-жулик)

Организация в полном составе валялась на полу и неловко пялилась на элегантного блондина, примерно тридцати пяти лет от роду, который с недоуменным видом смотрел на это безобразие. На секунду мне показалось, что в офисной комнате стала слышна мелодия из последней голливудской постановки про Джеймса Бонда. Правда, там агента 007 играл рыжий негр, но все равно ощущалось невероятное сходство нашего гостя с образом величайшего киношного суперагента.

— Если с меня сейчас встанут, то вы мгновенно получите все объяснения, — с трудом выдавил я. Попробовали бы вы сказать что-нибудь, имея на груди больше двухсот килограммов веса.

Ребята застеснялись и быстро вскочили с моей тушки. После чего совместными усилиями я был избавлен от рыболовной сети. Джон принимал активное участие в процессе избавления, давая бесценные советы.

— Русская народная игра, — объяснил я, когда мы удобно расположились на креслах и стульях. Мне, во всяком случае, сидеть на стуле было гораздо удобнее, чем лежать на полу под тушей Дмитрия. — Называется «куча-мала».

— Кьючьиямалья, — задумчиво повторил зулусский барон, удобно расположившийся в «кресле важного клиента». В словарном запасе трикета, которым он изучал русский язык, такого слова явно не было.

— Рашен традишен, — блеснул эрудицией Александр, заслужил удивленный взгляд Джона, и укоризненные мой и Дмитрия, после чего засмущался и умолк.

— Вернемся к нашим баранам, — сказал Джон, и я с трудом сдержал улыбку. Уж очень смешно в устах агента 007 звучали эти слова. — Я сюда пришел, потому что мой друг Борис Кузнец порекомендовал вас.

— Поставьте нас в курс дела, и мы с удовольствием побеседуем, — непринужденно ответил я.

— Я — коллекционер оружия, — начал рассказ Джон. — Один из самых известных в мире. Пожалуй, только мой друг Борис обладает более обширной коллекцией.

— Небольшую часть его коллекции пополнил присутствующий в этой комнате джисталкер, — скромно

признался я.

— Да, мне об этом Кузнец говорил, — кивнул Аурум. — Так вот, большим пробелом в моем собрании оружия является дальнобойные раритеты из мира Ворк. И когда у моего друга Бориса появился в коллекции арбалет, произведший заметный фурор в нашем узком кругу, я тоже попробовал нанимать джисталкеров.

— Понимаете Джон, Борис меня никогда не нанимал, — начал я объяснять ситуацию. — Все что я ему приносил, так скажем побочный продукт моих исследований.

Зулусский барон замолчал ненадолго и с удивлением на меня посмотрел. Мысль о том, что я не работаю на кузнеца, его очень удивила. Чуть запнувшись, он предложил:

— Если вы будете ставить меня в курс того, чем является ваш «побочный продукт», я думаю что смогу иногда давать за него хорошую цену.

— У нас с Борисом Кузнецом взаимовыгодное сотрудничество, — вынужден был отказаться я от интересного предложения. — Он для меня производит оружие и снаряжение.

— Понимаю, — согласился Джон и вернулся к главной теме нашего разговора: — Так вот, — все что приносили джисталкеры, меня не устраивало.

— Почему?

— Дело в том, что современное дальнобойное оружие мира Ворк содержит магические приспособления, которые не выдерживают переноса в наш мир, — стал объяснять коллекционер. — А подделки под старину меня, как вы понимаете, не интересуют.

— Понимаю.

— А тот арбалет, который достался Борису, это просто шедевр, — сказал барон Аурум, и его лицо приобрело одухотворенное выражение, какое было наверно у Тристана, когда он думал о своей Изольде. — «Плечи» арбалета из булатно-мифриловой стали, натяжение тетивы дублированное, как крючком так и «воротом», причем натяжная рейка крючка рассчитан под силу огра, даже тетива из жил особого лесного тираннозавра, который вымер в мире Ворк веков пять назад. Система подачи болтов…

Коллекционер бормотал еще минут пять, восхищенно описывая достоинства шедевра, а мы внимали ему, иногда поддакивая, хотя я потерялся в терминах примерно через минуту. Думаю, что мои друзья-компаньоны тоже ничего не понимали в арбалетах, но и они тоже старательно кивали в знак согласия с зулусским бароном. Наконец Джон умолк и выжидающе взглянул

на меня.

— Понимаю ваши чувства, но я не являюсь ценителем древнего оружия, я больше специализируюсь в его применении. Так что если буду нанят — то не факт, что смогу достать нужную вещь, — сказал я. — С тем арбалетом мне некоторым образом повезло, я взял его как боевой трофей.

— Приятно работать с профессионалом, а то большинство сразу начинает мне обещать успешный результат, — улыбнулся зулусский барон и у меня по коже пробежал холодок. Не завидую тем ребятам, которые ему чего-то лишнего пообещали. — Расскажите мне, если не трудно, эту историю. Как вам достался арбалет Бориса Кузнеца?

Я стал рассказывать, как встретился с группой Той Стороны на нейтральной территории во время выполнения предыдущего заказа и о поединке с троллем Кепебом, закончившимся моей победой. Арбалет мне действительно достался как трофей и о его происхождении я не имел никаких сведений. После моего повествования зулусский барон ненадолго задумался, потом его, по-видимому, посетила какая-то умная мысль, и он снова взглянул на меня с интересом.

— А если я найму вас для того, чтобы узнать происхождение этого арбалета? — задумчиво сказал Джон. — Вы выполните для меня детективную работу и если добудете (совершенно случайно) похожее дальнобойное оружие, то это будет выполнением дополнительного пункта договора. Как вам такое предложение?

Теперь задумался я.

— Понимаете Джон, для этого мне придется отправиться на Ту Сторону, — засомневался я. — А у меня совсем нет опыта пребывания в мире Ворк на Той Стороне.

— То есть вы отказываетесь? — взял быка за рога зулусский барон. Вот хватка у человека!

— Да нет, просто для такой работы есть профессионалы, — попытался объясниться я. — Мне же придется осваивать маскировку почти с нуля. И потом работа такого уровня профессионалов оплачивается по особому трафику.

— Вы за деньги не волнуйтесь, Тим. Я — человек небедный, — улыбнулся Джон. Что-то не помню, чтобы мы ему представлялись, хотя он и не спрашивал особо-то. Не иначе как в личных делах покопался. — Так да или нет?

— И все-таки, почему я? Есть же профессионалы, государственные конторы… — попытался оттянуть момент.

— Я верю в богиню удачу. А вас она, похоже, любит, — снова улыбнулся зулусский барон.

Я задумался. Джон Аурум мне не мешал, только смотрел улыбающимися глазами прожженного хитреца. А впрочем — почему бы и нет? Конечно, придется попотеть, но попробовать-то можно. Что мне — в первый раз, что ли шкурой рисковать придется?

— Ну, хорошо, делайте ваше предложение, от которого мне будет трудно отказаться, — решился я и встретил хитрый взгляд агента 007. — Люди вашего уровня никогда не приходят без готового решения.

— А вы опытный парень, — с улыбкой сказал Джон. Угадал, барон. Пообщался бы ты с Романом Гелем-младшим — лишних бы вопросов не задавал.

После этого Джон Аурум начал рассказывать, каким он видит предстоящий договор. Надо сказать, я не очень удивился тому, что все нюансы были предусмотрены. Когда зулусский барон закончил рассказ, и мы с ним скрепили устное соглашение рукопожатием, он достал мобильник и, набрав номер, коротко что-то приказал на чужом языке.

Через полминуты в комнату вбежал запыхающийся человек в строгом черном костюме, оказавшийся юристом барона. Его тут же взял в оборот Дмитрий, и они засели в уголке офиса, увлеченно обсуждая тонкости предстоящего бумагомарания, называемое ими договор. Они размахивали руками, говорили о мировом законодательстве и о правильных формулировках, словом молились богам учета и порядка. Про остальных людей, присутствующих в конторе, они вспоминали столько же раз, сколько Гомер в «Одиссее» упоминает о полярных медведях.

Джон, неожиданно для меня, увлекся разговором с Александром. Саня принес три чашки кофе, хотя обычно от него такой щедрости не дождешься, а потом начальник предприятия и зулусский барон повели разговор о бизнесе. Тему затронули больную — конкуренцию. Матерые бизнесмены в завуалированной форме делились тонкостями борьбы с конкурентами, причем, по-моему, каждый из них плохо понимал, о чем конкретно говорит собеседник. Почему-то мне кажется, что во фразы «я то в танке», «пришлось применить артиллерию» и «я стер их с лица земли» Александр и Джон вкладывали разный смысл. Впрочем, это им вовсе не мешало получать наслаждение от разговора с понимающим собеседником.

Наконец, договор составили. Если вкратце, то Заказчик (конечно же Джон Аурум) договаривается с Исполнителем (ну это, понятно, джисталкер Тим) о нижеследующем. Заказчик полностью оплачивает (включая необходимое снаряжение)

четырехдневное пребывание Исполнителя в мире Ворк по расценкам джисталкера десятого ранга (я девятый-то только недавно получил) при желтом уровне опасности мира пребывания. Исполнитель обязуется приложить максимум усилий для получения сведений, откуда некий тролль Кепеб получил арбалет, впоследствии доставшийся Борису Кузнецу (дог Б.Кузнец от 17.07.2… № 11211). При получении достоверных сведений (недостоверные сведения зулусскому барону может дать только самоубийца, причем мазохист) Исполнителем, Заказчик выплачивает премию, в размере 10 000 (десяти тысяч) еврази на контору Александра и Дмитрия, из которых половина достается джисталкеру. Если в процессе поисков сведений Исполнитель достанет дальнобойное оружие, аналогичное арбалету Бориса Кузнеца, то вступает в силу приложение к договору за номером один.

Приложение номер один говорило о том, что если предмет, добытый Исполнителем устроит Заказчика, то последний выплачивает 200 000 (двести тысяч, почти в полтора раза больше того, что заплатил за арбалет этот жмот Кузнец!) непосредственно мне, и 30 000 (тридцать тысяч, а не слишком ли много?) на контору ребятам. Причем этим негодяям со мной даже делиться не надо будет. А впрочем, ладно, я не жадный.

Конечно, я сильно сократил эту жуткую писанину. Сам контракт составлял листов сорок мелким шрифтом, так что полностью его прочитать с удовольствием не смог бы никто из моих знакомых, кроме Дмитрия. Когда договор, наконец-то, был составлен и обе стороны поставили свои подписи в нужных местах, юрист барона положил свою копию в черный дипломат, запер его на замок, а ключ отдал Джону. Александр убрал нашу копию договора в сейф, где лежал оригинал моей джисталкерской лицензии. После чего мы обменялись рукопожатиями, и юрист покинул офис, прихватив с собой кейс.

— Очень приятно с вами пообщаться, — сказал после всего этого Джон. — Люблю работать с профессионалами.

— Нам тоже очень приятно, — ответил я, с трудом сдерживая зевок. Все были заняты, кроме меня, несчастного. Почти четыре часа я просидел в уголке и попросту смотрел в потолок. Ладно хоть в офисе летало несколько мух — я их периодически пересчитывал.

Потом зулусский барон немного помялся и, наконец, решился:

— У меня к вам есть просьба, — застенчиво проговорил

Джон. — По-поводу кьючьиямалья.

— Чего? — переспросил я. — Не понял?

— Кьючьямалья, — повторил терпеливо Джон. — Игра, в которую вы тренировались, когда я пришел.

— А, куча-мала! — первым дошло до Александра. — И что же вы хотели?

— Понимаете, мне очень интересна русская экзотика, — начал объяснять зулусский барон. — Я уже был в вашей «бане» с моим другом Борисом, ездил на медвежью охоту и даже ел борщ!

— И что же вам интересно?

— Какие правила этой игры? — глаза Джона загорелись подлинным интересом.

— Да нет особо правил! — заорал Саня. — Игра детская шуточная, главное не повредить сильно никого!

— Кто наверху — тот царь горы, кто внизу — тот дурак, — деловито пробубнил Дима.

После этих слов Джон обаятельно улыбнулся и ошарашил всех нас:

— А можно и мне поиграть?

Мы замерли в недоумении. Зулусский барон вполне серьезно смотрел на нас и ждал ответа.

— Понимаете, — начал я. — Игра детская, простонародная. Неудобно нам, вы ведь все-таки аристократ, барон.

— О, вы не волнуйтесь, — обаятельно улыбнувшись, сказал Джон. — Я в некотором роде «апельсиновый барон». Детство мое прошло в трущобах Ливерпуля, а баронство мне досталось как бы в нагрузку, после очередной сделки.

Мы замерли, не зная, что сказать, а Джон смотрел на нас в ожидании.

— Желание клиента — закон! — неожиданно завопил Саня, схватил рыболовную сетку и ловко набросил мне на голову.

Через минуту на полу барахталась куча из четырех тел. Основанием «кучи-малы» по-прежнему служил джисталкер, запутавшийся в рыболовной сетке и жутко брыкающийся. На нем расположился огромный бухгалтер в черном костюме, забавно пыхтя и стараясь удержаться хотя бы на этом этаже горки. А вот директор предприятия явно жульничал. Периодически он выбирался из кучи тел, вскакивал на ноги и с криком: «Мачи казлов!», снова запрыгивал на вершину холма дергающихся тел. Ну а бессменным царем горы являлся зулусский барон, обладающий невероятной верткостью и цепкостью, которая выдавала в нем опытного уличного хулигана.

— Что тут за безобразие? — раздался грозный рык от дверей офиса. На пороге стоял могучий телохранитель в форме охранника офис-центра, над плечом которого противно звенел винтокрыл. Из-за его спины опасливо выглядывал юрист Джона Аурума.

Куча-мала прекратила барахтаться и четыре пары глаз растерянно посмотрели на телохранителя.

— Рашен традишен, — виновато вякнул Саня, как раз в этот момент почти слетевший с горки тел. Головой он упирался в пол, а его ноги находились на самой вершине «кучи-малы».

Работа 5. Привычная

Привычка — вторая халтура.

(пословица строителей)

Недопонимание вскоре устранили и телохранитель, улыбаясь, покинул офис. Юриста Джона он прихватил с собой, объясняя что-то ему по пути и ехидно посмеиваясь. Оставшиеся в комнате стали приводить себя в порядок, причем основное время ушло на выпутывание меня из рыболовной сетки. На этот раз зулусский барон помогал мне не только советами.

— Премного благодарен вам за этот интересный экзотический опыт, — улыбнувшись, сказал Джон Аурум, когда мы более-менее привели себя в порядок. Причем почему-то все остальные были немного потрепаны, а барон по-прежнему выглядел элегантным агентом 007. — Я получил массу новых впечатлений.

— Не за что, — с хмурым выражением ответил я. — Правда, это нечестно. Рыболовная сеть условиями игры не предусмотрена.

— Но ведь и не запрещена! — радостно крикнул Александр и все, кроме меня, весело заулыбались. Я на это только пожал плечами. Все бизнесмены — жулики.

— Еще раз спасибо за весело проведенное время, — сказал зулусский барон и почему-то подмигнул директору предприятия, на что тот подмигнул ему в ответ. Спелись, негодяи. — Теперь я вынужден вас покинуть, дела зовут.

Джон пожал каждому руку и покинул наш сумасшедший офис. Выглядела комната для деловых переговоров так, как будто недавно тут резвилась шаловливая стайка бегемотов.

Как только клиент ушел, Саня хитро улыбнулся и достал из сейфа початую бутылку.

— Это надо отметить! — крикнул начальник предприятия, при этом главный бухгалтер ему возражать не стал. Мое мнение их не интересовало. — А ты так не смотри, тебе никто и не предлагает! — это он уже ко мне.

— Чтобы деньги были, — пробурчал Дима тост и под моим осуждающим взглядом парни опрокинули по пятьдесят.

Продолжать ребята не стали, и после первого тоста Александр спрятал бутылку обратно в сейф. В конторе сразу воцарилась деловая атмосфера. Дмитрий, как всегда, ушел в виртуальность бухгалтерской бюрократии. Примостившись на

своей любимой табуретке, наш финансист выпал из обычной реальности, погрузившись с головой в море сетевых согласований, постановок на учет, организацией сводов отчетностей и параграфов любимых налоговых постановлений. Как всем этим может человек заниматься — ума не приложу. Я бы сразу заснул, как только прочитал первое слово в грозном пакете документов с названием «устав». Кстати, надо бы попробовать, если вдруг бессонница замучает. Хотя у меня этой странной болезни никогда не было, чистая совесть — здоровый сон. А то, что налоги не вовремя плачу — так это пусть те, кому они нужны, не спят.

Александр прочно слился с креслом, оккупировав гашек-фон. Начальник предприятия вопил на кого-то, требуя к себе повышенного внимания, согласно постановлению правительства о «помощи мелкому бизнесу». Попутно что-то набивал на компе, тоже видимо ругаясь с врагами, вставляющими палки в колеса разгоняющейся машины делопроизводства. Естественно, как только он сделал первую копию с моей лицензии джисталкера, я ее (копию) тут же благополучно отобрал, заслужив полный призрения взгляд существа, стоящего на самой вершине эволюционной пирамиды развития. Впрочем, насекомое надолго заинтересовать высшее существо не может, поэтому Саня ограничился взглядом, и тут же про меня забыл.

— Господа предприниматели, приятного времяпровождения, — попрощался я, правда, непонятно с кем. Дмитрий никак не отреагировал на мою реплику, а Александр сделал небрежное движение пальцами, как будто отгонял назойливую муху. Думаю, что это означало: «До скорой встречи, многоуважаемый друг и кормилец! Заходи — мы тут всегда тебе рады!». А впрочем, я не сильно разбираюсь в языке жестов, может он что-то другое имел ввиду.

Прикрыв аккуратно за собой дверь, я вышел в коридор офис-центра. Рабочий день приближался к своему лучшему моменту — завершению. В коридоре уже сновали люди в верхней одежде, удачно завершившие трудовой «будень». Телепорт-лифт мгновенно спустил меня с двести восемнадцатого этажа в холл и, пройдя поле охранного периметра здания, я вышел под моросящий дождик осеннего мегаполиса. На повороте третьего транспортного кольца сумасшедший мотоциклист не справился с мокрой дорогой и вылетел метров на сто за пределы трассы. Разбитый мотоцикл убирали роботы дорожной службы, а самого гонщика, окутанного силовыми полями подушек безопасности, снимали с электровышки, в которой он неудачно завершил стометровый полет и благополучно застрял. Парень весело

ругался, а собравшаяся поглазеть толпа радостно комментировала все движения неудачливого гонщика. Район развлечений Мнемники все так же зазывал любителей веселого времяпровождения.

В «Гном-маркет», заниматься техническими вопросами и одеждой, под вечер идти не хотелось, и я решил отложить все необходимые движения на завтра.

«Дима меня с потрохами сожрет!» — весело подумал я и отправился в стрелковый дворец «Лужники».

Поймав Батяню, я попросил его перевести меня в отдел средневекового оружия.

— Работа подвернулась, Серег, — начал оправдываться я перед тренером. — Как только добью — сразу вернусь, а то ни разу же в тебя ни попал.

— И не попадешь, — «успокоил» меня Батяня и добавил с хитрым выражением лица: — У тебя все есть, кроме одной малости. Эта малость называется — талант.

— Терпение и труд — всех заклюют! — гордо ответил трудолюбивый джисталкер и забрал карту перевода у улыбающегося в пшеничные усы виртуоза стрельбы «по-македонски».

Потом я пошел разыскивать Вику, которую все зачастую звали Вилкой из-за ее невероятных талантов в обращении со всеми колюще-режущими предметами, использующимися на расстоянии.

— Что-то ты ко мне зачастил. Влюбился что ли? — встретила меня «амазонка», хитро улыбаясь, и немного полюбовавшись засмущавшимся джисталкером, отправила в раздевалку.

— Ну что, побегаем? — предложила Вилка, когда я вышел в зал стрельбы.

— Вик, а может, арбалетом займемся? — немного неожиданно даже для самого себя попросил я. Наверно повлиял на меня зулусский барон, уж больно долго он распинался об арбалетах.

— Можно и арбалетом, — согласилась мой тренер. — Очень хорошо нервы тренируют на дуэлях, особенно те, которые долго перезаряжаются.

Вика быстренько сбегала на склад и притащила два мощных арбалета с натяжением тетивы при помощи реечного ворота. Сначала мы долго разбирались с тактико-боевыми свойствами этого дальнобойного средневекового оружия. Вилка — просто

кладезь информации, если дело касается древнего вооружения. Она прочитала мне целую лекцию об арбалетах, основная часть которой благополучно вылетела из моей головы сразу после прослушивания.

Из вороха сведений запомнилось немногое. Оказывается, арбалет очень древнее оружие, изобретенное одновременно в древней Греции и Китае примерно в пятом веке до нашей эры. В принципе арбалет — это просто усовершенствованный лук и не более того. Арбалет состоит из основания, имеющее название «ложе», внутри которого крепится спусковой механизм. На верхней поверхности имеется направляющий паз для болтов. Техника стрельбы из арбалета почти не отличается от стрельбы из ружья или винтовки. Конечно, подача патронов у огнестрельного оружия значительно быстрее, чем процесс натяжения тетивы и наложения болта, но принцип практически тот же. Приспособлений для натяжения тетивы существует огромное количество, и Вилка мне каждое расписала досконально, но я так и не запомнил ничего толком. Кстати, у нас на Руси арбалеты тоже использовались, и носили название «самострелы».

Потом мы облачились в тяжелые бронежилеты, больше похожие на средневековые полные доспехи, встали в разных концах зала, и дуэль началась. Впрочем, дуэлью этот процесс я бы назвал с большой натяжкой. Больше было похоже на расстрел. На каждые два болта «амазонки» я успевал выпустить максимум один. Причем если каждый второй болт Вилки бил в мой бронежилет, иногда отбрасывая меня на пару шагов назад, если я в тот момент находился в неустойчивом положении, то я в тренера не попал ни разу. Она ловко двигалась вдоль стены, и мои болты били только в пластиковое покрытие. Наконец один особо удачный болт, метко пущенный Вилкой, ударил в мой тяжелый шлем, после чего я сел на пол, и пару минут не мог подняться, получив легкий нокдаун.

Придя немного в себя, я обнаружил, что дышать почему-то стало значительно легче. Оказывается, пока я пребывал в состоянии «грогги» мой сердобольный тренер подошла и сняла с меня тяжелый шлем. Запыхавшийся вспотевший джисталкер с красной физиономией с восхищением смотрел на гламурную девицу, которая тоже сняла шлем. «Амазонка» даже не сбила дыхания и ее прическа, после получасовой-то стрельбы в закрытом шлеме, была такая же идеальная, как всегда.

— Что-то с арбалетами у тебя похуже дела обстоят, чем с луками, — резюмировала Вилка результат сегодняшней тренировки. — Когда в поле?

— Неделя примерно есть, — грустно ответил джисталкер.

— Ладно, подтянем, думаю, — задумчиво сказала «амазонка». — Только каждый день минимум пару часов придется заниматься, вспоминать мои многолетние уроки, двоечник ты мой.

— Понял, хозяйка! — согласился я. — Только завтра начнем, хорошо? А то сегодня я чего-то не в духе.

— Да вижу. Беги домой — приводи себя в порядок, — сжалилась Вилка и тренировка закончилась. Тяжелый бронежилет жизнь мою спас неоднократно, а вот тело от синяков, оставленных тяжелыми болтами, защитил плохо. Впрочем, грех жаловаться, главное — живой остался.

Домой идти было рановато, и я отправился в компьютерный клуб. Игра не клеилась — сказывалась усталость и избитое тело. Поиграв в стратегию «крафт двадцать один» я не смог пройти даже отборочные сражения, и был выбит из борьбы геймером из Гондураса. Это стало вершиной сегодняшнего позора, поэтому я тихонько сбежал из клуба — как бы кто не заметил. Если узнают местные геймеры — будут надо мной смеяться. Получить за глаза кличку «Гондурас» почему-то не хотелось.

В расстроенных чувствах пошел домой зализывать раны, нанесенные телу и самолюбию. Только зашел — зазвонил гашек-фон. Звонил мой любимый монгол.

— Добрый вечер, джисталкер, — вежливо поздоровался Едигей.

— И вам того же, детектив, — усталым голосом промямлил я. Говорить совсем не хотелось.

— Я все по поводу предложения моего клиента… — начал свою песню монгол.

— Извините, Едигей. Но говорить сейчас не могу, очень устал, — взмолился я.

— Извините, — виноватым голосом покаялся монгол. — А можно мне вопрос задать? Не связанный с работой.

— Только один, — твердо ответил я.

— Мы решили изменить название нашего детективного агентства. А то почему-то все относятся к нам несерьезно, — обиженно проговорил начальник «Изворотливого батора». — Наше агентство — единственное монгольское частное предприятие в Москве. Как вы думаете, название «Единственный батор» звучит хорошо?

— Нет! — закричал я, потом спохватился (таким криком можно соседей разбудить) и добавил немного спокойнее: —

Оставьте лучше старое название.

— Ясно, — растерянно сказал монгол, явно удивившись моей бурной реакции.

— Можете меня не благодарить, не за что. Спокойной ночи, — быстро проговорил я и дал отбой, после чего сразу отключил мобильник.

«Что-то последнее время мне часто приходится отключать гашек-фон — может все-таки поменять номер?», — подумал я, валяясь в регенерационном кресле. Мысль как-то не додумалась и тихо угасла. Разбудил меня писк, означающий, что процедура восстановления моего несчастного тельца завершена.

Я с трудом встал, добрался до кровати и через минуту уже спал без задних ног, хотя как это выглядит — плохо себе представляю.

Работа 6. Неприятная

Назвался грузом —
Полезай в кузов.

(девиз грузоперевозчиков)

Проснулся в ужасном настроении.

Дело в том, что джисталкеры, работающие на Той Стороне в мире Ворк, должны выглядеть не совсем как обычные люди. Да что я говорю-то — совсем необычно должны выглядеть специалисты по Той Стороне. Орки, тролли, огры и гоблины совсем непохожи на людей, во всяком случае — внешне. Средний рост орков примерно метр восемьдесят и комплекция у них как у борцов греко-римского стиля. Широкая кость, чуть коротковатые ноги и могучие плечи. Замаскироваться под орка проще всего. Недостаток — орки живут огромными тейпами и сразу возникнет вопрос, — к какому именно роду я принадлежу. Так что если я выберу внешний вид орка, то придется идти в джисталкерскую комиссию и досконально прорабатывать легенду со специалистами, а это удовольствие не из дешевых. А хотя Джон оплатит все расходы — чего я мучаюсь?

Средний рост троллей примерно метр девяносто, так что я вполне вписываюсь. Живут тролли достаточно обособленно, деревенек их огромное количество и за родство они сильно не держаться. Знатные тролли тоже компаний ни с кем особо не водят. Недостаток — комплекция. Тролли достаточно узкокостные и стройные, но это не главный минус. Сложность состоит в том, как они ходят. Тролли очень сутулые создания и передвигаются сильно согнувшись, фактически буквой «Г». При этом руки троллей немного длиннее человеческих и как этот момент обходят специалисты по той стороне я не знаю, тоже придется консультироваться в комитете.

Огры и гоблины совершенно не годятся для того, чтобы под них маскироваться. Средний рост огров под три метра и вес в районе трехсот пятидесяти киллограммов. При этом главная гордость огра — его живот. Огромные огрские животы — предмет постоянных шуток всех жителей Этой Стороны. Даже Дмитрий в лучшем случае сошел бы за огра-подростка, фактически ребенка, а уж обо мне и говорить не приходится. Гоблины являются прямой противоположностью огров. При росте в районе метра они весят килограммов тридцать, при этом жутко юркие и ловкие ребята. Роль гоблинов лучше всего бы сыграли земные мартышки,

если их оснастить могучими клыками павианов.

Так что для моих целей годились только орки и тролли.

Кожа орков имеет зеленоватый оттенок, а у троллей синий, как морская волна. Но это не является серьезным препятствием — косметические приспособления у джисталкеров для этого случая имеются в избытке. Труднее дело обстоит с запахом. Все жители Той Стороны обладают прекрасным обонянием, хищники все-таки, а обычные люди пахнут там как дичь. Духами отделаться невозможно, поэтому придется пить соответствующие препараты для изменения запаха тела. Препараты неприятные, организм к ним еще придется приучить, поначалу будет сильно тошнить.

Естественно строение лица у человека и у орка, как и у тролля, совершенно разное. Но на это существуют коллоидные маски, выращенные по современным биотехнологиям, так что особых неудобств это не вызовет. Маски даже кровоточат, если получают легкие повреждения.

Но главная неприятность — это зубы. Все жители Той Стороны ведут происхождение от хищников и огромные клыки, торчащие изо рта, являются главным украшением их жутких морд. Так что мне сегодня предстоял поход к специальному стоматологу-протезисту, это и стало основной причиной моего плохого настроения. Не люблю я зубных врачей по примитивной причине — почему-то очень их боюсь. Вроде бы и не больно-то особо, а все равно как подумаю о зубоврачебном кресле — сразу мурашки по коже. Ладно, хоть клыки у троллей и у орков почти не отличаются, ну разве что тролли чуть более клыкасты. Так что, какую бы я расу не выбрал — клыки вставлять все равно придется.

С расстроенной миной я включил мобильник, который, конечно же, мгновенно зазвонил.

— Тим, ты законченный негодяй! — грозно пробурчал Дмитрий, как только произошло соединение. — Я работать не могу, срочно беги делать документы!

— Понял, Дим. Уже лечу, — горестно ответил я, тяжело вздохнул и дал отбой.

Вот, еще и бюрократией заниматься в «Гном-маркете». Настроение и так не очень хорошее упало ниже отметки «жить можно». Созвонившись с джисталкерским комитетом, я взял адрес стоматолога, работающего по нужному профилю протезирования. Потом договорился с ним о записи на послеобеденное время, понуро оделся и отправился в «Гном-маркет».

«Гном-маркет» находился почти в центре Москвы, сразу за московской кольцевой автодорогой, любимой гоночной трассой

всех городских любителей быстрой езды. Я и сам по МКАДу иногда гоняю на своем болиде. Но передвигаться по Москве со скоростью триста километров в час занимает чересчур много времени. При помощи московского Телеполитена добраться до нужного места получается значительно быстрее.

Попав в «Гном-маркет» я сразу направился на последний этаж, где обслуживали исключительно джисталкеров. Первые этажи занимались продажами всякого барахла, пригодного разве что на сувениры. Хотя, говорят, продажи идут бойко.

Первым делом побежал в юридическую контору, чтобы наш финансист и бухгалтер не очень ругался, составлять завещание, которое на каждый джипрыжок необходимо обновлять. Я несколько раз пытался узнать — зачем это? Ведь есть же завещание, составленное недавно. Вразумительного ответа ни разу не получил, при этом строчить длинную опись имущества и перечислять, кому из наследников что следует получить в случае моей внезапной кончины, все равно заставляли. Понимаю, конечно, что жить вечно — это не мой случай, но зачем каждый раз об этом напоминать — не пойму.

Потом пошел в страховую компанию и там меня ошарашили новым постановлением. Оказывается, теперь джисталкер должен принести квитанцию оплаты из домоуправления и только после этого можно застраховаться на один джипрыжок. Пришлось вернуться домой и зайти в домоуправление, иначе подтверждение об оплате пришлось бы ждать пару недель. Пока я бегал по конторе управления жилищным хозяйством, собирая глупые бумажки, Дмитрий позвонил еще пару раз. Когда пришел обратно в «Госстрах» с бланком оплаченной квитанции, где стояла необходимая печать от домуправства, я мог только рычать. Думаю, в этот момент ненужны мне были ни клыки, ни зеленая кожа, ни коллоидная маска, чтобы сойти за своего среди хищных жителей мира Ворк. Я готов был рвать всех в клочья, как настоящий зверь, и при этом метать икру как какой-нибудь осетр на нересте. Ненавижу бюрократию! Впрочем, после этого довольно быстро страховочная квитанция была получена, и я немного успокоился.

Все — теперь Дмитрий не будет клевать меня прямо в головной мозг. Иконка «джисталкер Тим» в бухгалтерской виртуальности приобрела все нужные свойства, и теперь он может продолжить свою любимую работу, которую я ненавижу всеми фибрами души.

Раз уж я оказался в «Гном-маркете», решил заодно закрыть

вопросы с одеждой и деньгами мира Ворк.

Сначала прошел в «Лавочку менялы». Наличность для детективного расследования необходима, скорее всего, везде, даже в средневековом магическом мире. Я, правда, никогда не занимался расследованиями, но не думаю что это очень уж сложно. В то время, когда я еще был «любимым котеночком», жена увлекалась женскими детективами, и я прочитал пару книг со скуки. То, что творили главные героини этих книжек, поначалу вызвало у меня шоковое состояние периодически переходящее в безудержное веселье. Когда я читал и плакал, жена гордо на меня смотрела, считая, что я приближаюсь к состоянию «идеальный мужчина». Я же просто смеялся как в цирке, над кривляньями клоунов. С тех пор считаю, что детективная работа — это очень несложно, может быть, поэтому зулусский барон меня так легко и уговорил.

Обменяв по льготному курсу еврази на золотые, серебряные и медные монеты, имеющие хождение на Той Стороне и отказавшись от кожаного кошелька — подарка от фирмы (в прошлый раз хватило), я покинул пункт обмена валюты с карманами, полными звенящими деньгами. Все-таки удобная вещь — бумажные деньги, да и кредитная карта тоже изобретение неплохое.

После обменного пункта пошел в прокат одежды. Как я уже говорил, покупать на каждый джипрыжок новое обмундирование не имеет смысла, разве что если решите заняться хобби — собиранием огромного гардероба на все случаи жизни. Правда, для этого нужна дополнительная комната, а еще лучше огромный дом, который тоже, я думаю, заполниться шмотками достаточно быстро.

В прокате скучала девушка-менеджер, с голотабличкой на груди «Инга52». Интересно — что означают эти номера? Спросить я не успел, потому что девушка вскочила и сразу взяла меня в оборот.

— Давненько вас не было, уважаемый джисталкер, разрешите копию вашей лицензии? — щебетала менеджер, попутно сканируя какие-то бумаги и вводя мои данные в комп на виртуальной полупрозрачной клавиатуре. — Опять у вас мир Ворк, сейчас просчитаем одежду, пройдите пока в гашек-примерочную.

Я развернулся и пошел смотреть одежду, едва успел сделать три шага, как девушка меня догнала, продолжая щебетать, не давая мне вставить ни слова. А впрочем, я и не стремился — зачем мешать профессионалам?

— Особой разницы в покроях у орков и троллей нет, так что можете выбрать одежду, вне зависимости от того какую форму

пребывания на Той Стороне вы выберете, — непринужденно говорила Инга, попутно листая передо мной мои виртуальные копии, одетые как среднестатистические бойцы Той Стороны. — Заказ будет готов не сразу, поэтому если возникнет необходимость в изменениях, вам надо будет только позвонить и внести нужные коррективы.

Выбрав почти наугад одного из застывших джисталкеров с оскаленной орчьей рожей, одетого в легкие кожаные доспехи, я быстренько расплатился, дал координаты офиса ребят для подвоза одежды и покинул гостеприимный прокат, вызвав легкую улыбку у продавца. Она, конечно же, заметила мое поспешное бегство. Ну не могу я торчать в гашек-примерочных много времени — накатывает беспричинное раздражение. Совсем я немодный парень, да и день сегодня не особо удачный.

Перекусив в предприятии быстрого питания «Гномус» я покинул «Гном-маркет» с сознанием выполненного долга, проторчав там больше четырех часов.

Как только я вышел из здания супермаркета, сразу зазвонил мобильник.

— Добрый день, мы вчера не договорили, — вежливо сказала узкоглазая физиономия. Я потихоньку начинал понимать, как Чингис-хан завоевал полмира.

— Здравствуйте Едигей.

— Я все по поводу клиента, — взялся за старое опытный монгол. — Если вы выслушаете…

— Уважаемый детектив, вы крайне не вовремя позвонили, — начал я. — Понимаете, мне сегодня предстоит очень серьезное испытание. И я к нему готовлюсь, настраиваюсь, так скажем.

— Да? — удивился Едигей. — И что же вам предстоит?

— Для кого-то это может быть и пустяк, а для меня очень трудный поход, — честно признался я. — К стоматологу.

— Понимаю, — неожиданно сказал монгол и улыбнулся, показав мне где-то примерно сорок-пятьдесят белоснежных зубов. — Я сам не так давно оттуда.

— Эх, — завистливо вздохнул я.

— Тогда мешать не буду, — пожалел меня чуткий потомок Чингис-хана. — Желаю удачи, — добавил он серьезным голосом с легкой ноткой сочувствия, и вежливо дал отбой.

Как я не оттягивал момент, он все-таки наступил. Мой трудный жизненный путь сегодня должен был закончиться в кресле зубоврачебного кабинета. Хотя, говорят, есть люди пережившие пребывание у стоматолога, но мне кажется — это

просто городские легенды. Зубной врач — самый жуткий монстр городских джунглей.

В приемной доктора было пусто, наверно все пациенты уже навечно успокоены. Вежливая медсестра плотоядно улыбнулась мне (сердце испуганно екнуло) и предложила подождать доктора Рязанцева, показав на удобное кресло. Фамилия врача мне сразу не понравилась — наверняка происходит от слова «резать». Я аккуратно присел на краешек кресла, имеющего ужасный синий цвет (прямо как кожа трупа), и попытался почитать журналы. В первом же журнале открытом наугад я прочитал: «Больной зуб может годами не беспокоить своего обладателя». Я поставил себя на место владельца больного зуба, и читать почему-то сразу расхотелось. Время тянулось медленно, и нервы стали сдавать. Сначала я начал подергивать ногой, потом почему-то зачесалась шея. Когда меня, наконец, пригласили в кабинет, чесалось практически все тело, а в ногах чувствовалась ужасная слабость. И еще что-то с воздухом, по-моему, было не в порядке, так как я дышать не мог толком.

Якобы вежливый доктор Рязанцев хищно глянул на меня сквозь стекла очков (такие же носил Берия) и пригласил сесть в кресло, оббитое кожей красного цвета (это явно, чтобы кровь была не видна). Рядом со мной на медицинском столике лежали блестящие инструменты для пыток. Потом врач попросил меня открыть рот и включил яркие лампы над креслом, направив свет мне прямо в глаза (слышал, так гестаповцы делали). Поглядев мне в рот, доктор нахмурился, после чего посмотрел на меня недовольно. Сердечко джисталкера затрепетало, как пойманная птица. Я закрыл рот и стал ждать диагноза, молясь о невинно замученных зубными врачами душах, почти не надеясь на чудесное спасение.

— Батенька, придется немного посверлить, — сказал доктор Рязанцев.

— Посверлить? — слабым голосом спросил я, глядя на стоматолога снизу вверх из кресла пациента, и потерял сознание.

Работа 7. Нормальная

Если ненормально –
Значит все нормально.

(девиз дурдома)

Очнулся я от удара в нос.

«Пытки продолжаются», — с ужасом подумал я и открыл глаза. Оказывается, обеспокоенный доктор Рязанцев просто дал мне понюхать нашатырный спирт.

— Нервы надо лечить, батенька, — улыбнувшись, сказал доктор.

— Наверно, — пробормотал джисталкер.

— Давайте-ка, я вам объясню, что собираюсь делать. А то вы больше неизвестности предстоящей пугаетесь, — предложил врач и после моего слабого кивка начал рассказывать.

Все оказалось очень просто. Доктору было необходимо снять небольшой участок эмали с зуба, чтобы при помощи биотехнологий вживить в зубную ткань крепление для протеза, которые он называл «замок». После того, как надобность в протезе отпадет, замки будут сняты, а восстановить эмаль — дело получасового сеанса в медицинском регенерационном кресле при соответствующей настройке. От крепости зубов зависело, сколько замков необходимо для надежной фиксации протеза. Зубы у меня оказались отличные, поэтому на вставную челюсть хватало четырех замков. По два замка соответственно на верхнюю и нижнюю части. К этим замкам и прикреплялся зубной протез, имитирующий челюсть хищника. По ощущениям немного похоже на боксерскую капу, с условием, что эта бойцовая амуниция могла спокойно разделяться на две части. Сверление заняло буквально пару минут, вживление замков было чуть сложнее, но я уже безбоязненно вытерпел всю процедуру. Доктор несколько минут регулировал протез, а потом ловко вставил его в мой рот. Вставная челюсть была пока без клыков.

— Вам надо привыкнуть к новым ощущениям во рту. Первое время будет немного мешать, — сказал мне милый доктор, в своих смешных очках чем-то похожий на Айболита из детских стишков.

— Фпафиба дофтог! — радостно сказал я, что означало: «Спасибо, доктор». Впрочем, врач меня прекрасно понял.

— Да не за что, — улыбаясь, ответил стоматолог. — Если потрогайте языком протез, на самом краю около коренных зубов с

левой стороны, нащупайте небольшой бугорок. Его нажимать не надо…

Последнюю фразу доктор сказал поздно. Я уже нажал языком, после чего вставная челюсть (ладно хоть без клыков) с клацаньем отделилась от моих зубов и вылетела изо рта примерно на полметра. Мы со стоматологом бросились ее ловить, и это у нас получилось не совсем удачно. Поймать-то мы ее поймали, только одновременно. Вставная челюсть выскользнула из наших сомкнутых рук и взмыла вверх, а мы с доктором столкнулись лбами и отлетели друг от друга. Я снова упал в кресло пациента, оббитое приятной для глаз малиновой кожей, а вот стоматологу повезло меньше. Бедный врач потерял равновесие и сел на пол. Зубной протез ударился об потолок и, повинуясь закону тяготения, упал прямо на доктора, снова стукнув его по лбу, а потом залетел прямо в мусорное ведро. Все выглядело как великолепная смесь бильярда и баскетбола.

— Батенька, вы прямо-таки ходячее бедствие, — пробормотал стоматолог, поднимаясь с пола и потирая шишку на лбу.

— Извините, — смущенно прошептал я, гадая, сразу ли из мусорной корзины вставят предмет в мой рот, или сначала челюсть помоют. Что-то оба варианта мне не очень нравились, хотя второй был немного предпочтительнее.

— Ладно хоть, не готовый протез, — улыбнулся доктор в ответ на мои мысли. — Был бы уже с клыками — как миленький ходили бы с ним дальше. А это недорогая пластиковая заготовка, сейчас новую сделаю.

Повозившись около пяти минут, доктор соорудил новые вставные челюсти.

— Сначала техника безопасности. Интересоваться протезом при помощи языка сразу не надо, — сказал опытный врач и я улыбнулся. — Перед тем, как вытаскивать протез, расслабляете челюсть и желательно приготовьтесь его поймать.

— Понял, — сказал я и с готовностью открыл рот, как птенчик в гнездышке.

После этого стоматолог ловко вставил мне протез и опасливо отошел на пару шагов, на всякий случай. Я потренировался в одевании и снимании предмета, на что доктор внимательно смотрел и с удовлетворением кивал головой.

— На сегодня все, батенька, — сказал Рязанцев. — Я бы посоветовал пару дней протез снимать только перед сном. Вам надо к нему привыкнуть. Через два дня приходите, будет готово изделие уже с клыками.

— Фпафиба дофтог! — сказал благодарный пациент и добрейшей души человечище, прекрасный доктор Рязанцев

(кстати, Рязань — мой любимый город!) прямо таки по-отечески на меня посмотрел. После этого врач дал мне футляр для хранения вставной челюсти, и я покинул стоматологический кабинет.

В приемной симпатичная (да что я говорю-то — очень красивая и добрая!) медсестра выбила кассовый чек (с несерьезной суммой за такой профессионализм) который я с радостью сразу же оплатил. Немного посидел в кресле, оббитой прекрасной кожей цвета морской волны, прислушиваясь к непривычным ощущениям во рту, и потом в отличном настроении покинул стоматологию.

Как только вышел на улицу, зазвонил мобильник.

— Как прошло лечение? — участливо поинтересовался монгольский детектив.

— Ноано фо. Фыла софем не бофно, — ответил я, что переводится как: «Нормально все, было совсем не больно».

На лице Едигея отразилось удивление, а я обрадовался. Протез отлично защищал меня от назойливых звонков.

— Непонятно, — расстроено сказал монгол.

— Да фофут фефофяфнофо? Фот! Феня доффафи фяие фоняфие фне фюди! Фкока мофа ифдифафса фнаг бфыффалкефом? — выдал я длинную фразу, означающую: «Да что тут непонятного? Вот! Меня достали всякие звонящие мне люди! Сколько можно издеваться над джисталкером?».

— Непонятно, — еще более расстроено сказал монгольский детектив.

— Фыфен геогу фомоф, — спокойно сказал я, и это должно было пониматься как: «Ничем не могу помочь».

— Я вам позже перезвоню, — догадался Едигей и, после того как я энергично закивал, с расстроенной миной прервал связь. Вставные челюсти начинали мне нравиться все больше и больше.

Немного поразмышляв, я отправился в офис к ребятам. Надо же проконтролировать их работу, ну или хотя бы создать видимость неусыпного контроля.

— Фывет псем! — громко сказал я, зайдя в комнату приятелей-предпринимателей, предварительно цепким взглядом просканировав потолок на предмет наличия рыболовной сетки. Дмитрий на меня попросту не отреагировал.

— Привет Тим, — крикнул Александр, не отрываясь от гашекфона. — Не мешайся под ногами, хорошо?

— Венег фай, — сказал я Сане.

— Зачем тебе деньги? — спросил директор предприятия, по-

прежнему не глядя на меня. Вот кому моя вставная челюсть совсем не мешала обмениваться со мной информацией. Пришлось снять протез и аккуратно сложить его в футляр. После этого я предстал перед другом во всей красе.

— Деньги мне нужны для работы! — рявкнул я так, что даже Дима на долю секунды оторвал взгляд от виртуальной бухгалтерии. Это — невероятное достижение, для меня во всяком случае. Саня оторвался от гашекфона и посмотрел на меня так, как какой-нибудь несчастный владелец киоска годов девяностых двадцатого века смотрел на очередных рэкетиров. — Джон перевел аванс?

— Перевел! — горестно завопил начальник предприятия, и мне на секунду показалось, что сейчас он закричит: «Грабят!».

— Ну, так в чем дело тогда? Делись, давай.

Александр горестно вздохнул, залез в комп и перевел мне некоторую сумму. Проверив счет, я был полностью удовлетворен результатом.

— О дружбе говорить будем? — деловито поинтересовался Саня с ужасно не понравившейся мне физиономией. Не иначе, как новую каверзу друзья мне подготовили.

— Нет. Вы безнадежны, — струсил я, пятясь к двери и готовый к любым неожиданностям. Только когда открыл входную дверь и почти вышел из комнаты, переведя дух, сказал: — Офисные крысы!

Вслед полетел пустой пластиковый стаканчик, но было поздно. Я закрыл за собой дверь и гордо сбежал. В коридоре вставил обратно челюсть (проходящая мимо стайка секретарш посмотрела на меня как-то не так) и покинул офисное здание.

После этого направился в джисталкерский комитет. Пора было уже заказывать коллоидную маску, а я еще не проработал легенду пребывания в мире Ворк и даже не сделал окончательный выбор между орком и троллем.

В комитете очень долго консультировался со специалистами.

Чтобы выглядеть как нормальный тролль, необходимо постоянно носить что-то типа корсета, который немного ограничивал свободу движений. При этом нужна определенным образом сшитая одежда, которая создавала видимость удлиненных рук. Ну и двигаться как тролль еще предстояло научиться, хотя этот момент особой сложности для меня не представлял. Но больше никаких расходов и неудобств маскировка под тролля не доставляла.

Маскировка под орка лишена таких неприятных моментов, но прикрытие стоит гораздо дороже. Мировой джисталкерский

комитет провел довольно большую работу в мире Ворк и подкупил один обособленный тейп орков. Любой представитель этого тейпа совершенно не обращал внимания на незнакомых родственников и мало того, всегда вступался за этих незнакомцев в любом споре или конфликте. Правда, это обходилось ежегодно в довольно крупную сумму.

Меня дороговизна не сильно испугала — все расходы взял на себя зулусский барон. Поэтому довольно быстро мы составили контракт, и я получил все необходимые сведения для легенды, согласно которой я буду орком. Информации оказалось очень много, поэтому ее загрузили в трикет, естественно после того, как я произвел полную оплату по договору. Еще в трикет загрузили коррекцию языка северных орков, основного средства общения почти всей Той Стороны, так что после загрузки я буду говорить как типичный представитель тейпа срединных орков Грым, что переводится как «хищная мышь». Интересно, что это за зверь?

Покинув джисталкерский комитет, я позвонил в прокат одежды и сделал пару уточнений. Потом отправился в косметический салон для джисталкеров. Говорят, раньше он назывался «салон Джи-красоты», но потом название, над которым постоянно смеялись, решили изменить. Ну, сами посудите — какая тут красота, к примеру с такой мордой? И орки — это далеко не самый страшный внешний вид, который джисталкерам приходится примерять.

В салоне у меня быстро взяли необходимые анализы и сразу занялись изготовления нужного препарата для изменения запаха. Потом долго читали лекцию, как я должен это химическое средство применять, меры безопасности и действия по заметанию следов. Сложностей оказалось значительно больше, чем я представлял. Например, даже в туалет в мире Ворк на Той Стороне мне придется носить целую химическую лабораторию, чтобы запахи соответствовали. Под конец лекции меня заставили выпить первую дозу препарата. После этого я получил инструкцию по применению и большой график предварительного приема, четко по датам и дозам. Ну что ж, буду питаться исключительно этой противной химией. Через минуту после приема меня жутко затошнило, но пришлось потерпеть.

В том же салоне заказал коллоидную маску зеленокожего орка, согласно инструкциям, полученным в джисталкерском комитете. С заказом особых сложностей не возникло. Сказали, что будет готова послезавтра, и посоветовали немного походить в маске уже с клыкастым протезом для того, чтобы привыкнуть.

Завершив все необходимые на сегодняшний день дела, я отправился пострелять. Вилка продолжила мучить меня арбалетами. Впрочем, сегодня стрелять было значительно проще — я начал потихоньку чувствовать этот вид оружия. Главное в любом учении — не мешать организму обучаться. Я давно заметил, что мой организм гораздо умнее своего хозяина. То что, по моему мнению, усвоить практически невозможно, организм через определенный промежуток времени обучается делать играючи. Впрочем, этот способ придумал не я. Говорят, что во время вьетнамской войны американцы брали молодых ребят и сажали их в вертолеты после двухнедельного обучения. Так вот, лучшие воздушные асы получались именно из такой бесшабашной молодежи, которые начинали гонять свои вертолеты, как нынешние мальчишки гоняют экстремальные велосипеды, особо ни о чем не думая.

Тяжелый арбалет я заряжал гораздо быстрее, передвигаться под обстрелом значительно более ловко и даже попал в Вилку два раза (правда, по-моему, это получилось случайно). Сдавать стал примерно через час, а ведь вчера полностью выдохся за полчаса.

— Делаем успехи, — похвалила меня «амазонка». — Теперь есть небольшой шанс, что перед тем, как тебя убьют, успеешь пару раз выстрелить.

В ее устах это была почти высшая похвала. Одно радовало — таких стрелков как Вилка очень немного. Поблагодарив своего гламурного тренера, я покинул стрелковый дворец «Лужники».

Потом я сходил поиграть в компьютерные игры. Настроение и самочувствие было отменное, и я решился снова попытать счастье в стратегию «крафт двадцать один». Удачно прорвавшись через предварительные отборы, я в четвертьфинале столкнулся с тем же геймером из Гондураса. Немного нервничая, я начал игру и через некоторое время мои войска просто разорвали оборонительные построения противника. Грамотно направляемые «зерги» просто смели его «протосов», да и тяжелая артиллерия у меня подросла значительно быстрее, так что я взял полноценный реванш. В полуфинале достойно проиграл компьютерному бойцу из игрового клана «Орков», между прочим, парню из рейтинговой сотни лучших мировых игроков «крафта». Это было очень почетное поражение, о котором сразу стало известно на всем компьютерном стадионе «Динамо» и мой негласный рейтинг среди геймеров немного подрос.

Из компьютерного клуба я вышел полностью довольный собой. Может, во всех сегодняшних удачах виновата вставная челюсть? Решил ее как можно дольше не снимать, если будет

такая возможность.

Пришел домой, принял все необходимые процедуры — а мне никто так и не позвонил! Бесспорно, сегодня очень удачный вечер получился. Даже монгол меня не побеспокоил. Перед сном вытащил изо рта любимую вставную челюсть и нежно положил ее в футляр. Ценная вещь! На всякий случай отключил мобильник и завалился спать со счастливой улыбкой.

Работа 8. Удельная

Закрыл дело –
гуляй смело!

(пословица следователей)

Порадовало и утро следующего дня. Проснулся, как говориться «с той ноги». Умылся, почистил зубы и сразу вставил зубной протез (больше для удачи). Потом выпил кофе (с протезом во рту это было не так просто), съел химию для запаха и отправился к Борису Кузнецу. Необходимо было закупать вооружение и средства защиты для предстоящего джипрыжка.

Борис Кузнец, помимо того, что коллекционируют вооружение, владеет небольшой суперсовременной кузницей, которая находится недалеко от Октябрьского поля. Для любого задания все необходимое постоянно покупаю у него. Правда и берет он за свои шедевры очень неплохие суммы, но нельзя экономить на самом себе. Насколько я знаю, хорошее оружие никогда не стоило дешево. Еще Кузнец в данном случае привел клиента, и неплохо было бы получить о нем хоть какие-то сведения.

Когда я вошел на территорию кузницы, Борис творил. Невысокий и ужасно широкоплечий кузнец легко ворочал пудовым молотом, как будто в его руке находилась пластиковая подделка, а не железо. Одет Кузнец в неизменную оранжевую спецовку с многочисленными карманами, набитыми разнообразными приборами и приспособлениями, а ноги, обутые в унты полярных летчиков, упирались в бетонный пол как два могучих столба. При росте чуть за полтора метра, Борис умудрялся выглядеть как гранитный утес.

— О Тимчик, приветик! — пропищал Кузнец, перестав стучать по наковальне. — Давненько тебя жду, что-то ты задержался.

— Фыфет, — поздоровался я и только потом вспомнил о вставной челюсти во рту.

— Чего? — удивился Борис, никогда раньше не замечавший за мной нечеткости речи.

Я вытащил протез изо рта, положил его в футляр под удивленным взглядом кузнеца и вернулся к разговору.

— Привет говорю. Да, клиент озадачил, — объяснил я. — Столько всего нового пришлось осваивать, вот зубной протез,

например. Кстати, расскажи мне о Джоне что-нибудь, если это не правительственная тайна.

— Меньше знаешь — крепче спишь, — отрезал коллекционер. — Опять в мир Ворк дорожка лежит?

— Угу. Ладно, понял по поводу твоего барона, — не стал настаивать я. — Давай тогда веди в закрома свои.

— Это завсегда пожалуйте! Милости просим, гости дорогие! Не побрезгуйте угощением — только денежку приготовьте заранее! — радостно пропищал Борис.

— Веди уж, кровопивец, — горестно сказал я и пошел за кузнецом. Коллекционер шел впереди и радостно ухмылялся в предвкушении сверхприбыли.

Сначала мы заглянули в отдел холодного оружия. Коллекция ножей и мечей почти не пополнилась, пара новых шедевров, каждый стоимостью с хороший звездолет, не в счет. Борис сразу же забыл про меня и начал поправлять на миллиметры все предметы своей коллекции. Пока каждый не потрогал — не успокоился. Впрочем, я был к этому морально готов и терпеливо ждал. После того, как приступ аккуратности прошел, наступил черед жадности. Кузнец ревниво взглянул на меня, попытался прикрыть спиной последний предмет своей коллекции, как наседка в курятнике прикрывает цыплят, и сварливо сказал:

— Коллекционное даже не проси. Не дам!

— Да не надо мне, успокойся. Такой же мечик как в прошлый раз меня вполне устроит, — успокоил я Бориса, после чего его лицо мгновенно приобрело добрейшее выражение.

— Это завсегда пожалуйста! Только подорожало немного.

— Подешевело, говоришь? Не может не радовать!

— Подорожало, говорю!

— Ну, я и говорю — подешевело…

Так мы препирались еще минут десять, под конец сошлись на той же цене, что и в прошлый раз. Зал холодного оружия я покинул владельцем полуметрового меча с удобными наспинными ножнами, режущие кромки которого были усиленны противоударным керамическим покрытием. Клинок был отлично сбалансирован и практически ничем не отличался от того меча, с которым я путешествовал в прошлый раз.

После этого прошли в зал с коллекцией дальнобойного оружия. Там приступ аккуратности и затем жадности повторился. Я терпеливо переждал стихийное бедствие, и мы перешли к торговле.

— Давай тот лук, я к нему привык, — попросил я Бориса.

Кузнец немного помялся, а потом ошарашил меня:

— Нет того лука, разобрал.

— Вот ты даешь! Отличное же оружие!

— Для тебя — не спорю, а вот для других — не уверен, — расстроено сказал кузнец. — После тебя я его еще два раза пристроил. Первый раз он палец начинающему джисталкеру отрубил, а во второй раз система подачи заклинила. Клиент не правильно руку с браслетом держал. Чуть не убили его.

— И что теперь, мне от чужого непрофессионализма страдать? — огорчился я.

— А мне что — исключительно под тебя оружие делать? Я так разорюсь, — вполне резонно парировал Борис. После этого мы немного помолчали, каждый задумался о своей тяжелой доле.

— А что есть в наличии, по характеристикам похожее? — прервал молчание я.

— Есть, не плачь только, — успокоил меня кузнец. — Арбалет сварганил. Не арбалет — пулемет!

— Тяжелый, небось, — засомневался я.

— Вот обидел, это у меня-то? По последним технологиям исполнен!

— Ну, тогда выглядит как космический челнок. А мне в средневековье с ним…

— Опять обижаешь! Как ископаемый мамонт смотрится!

— Покажи хоть…

— За показ денег не беру, — радостно сказал Борис, уверенный, что я у него уже на крючке. — Минутку постой, часа два назад его доделал — сейчас на тест-аппарате гоняю как раз.

Борис вывел меня из своей бесценной комнаты с оружием (не доверяет, подлец такой) и усадил на стул в ремонтной мастерской, а потом убежал куда-то. Через пять минут он пришел, держа в руках арбалет, который я бы ни за что не отличил от взятого как трофей после боя с троллем.

— Вот! Только профессионал-коллекционер сможет отличить от твоего, — гордо сказал Кузнец и начал объяснять мне устройство и принцип работы шедевра собственного изготовления.

Арбалет действительно оказался очень неплохой вещицей. Не пулемет, конечно, но что-то близкое к этому.

Во-первых, он действительно оказался достаточно легким, при этом выглядел почти как средневековые громоздкие модели. Размерами арбалет был немного меньше оригинала, и это создавало дополнительные удобства при ношении за спиной. Оружие, снабженное ремнем, носилось его за плечом как автомат Калашникова.

Во-вторых, арбалет позволял стрелять почти очередями. Этот эффект достигался при помощи все тех же силовых полей. Магазины с болтами (по тридцать в каждом) удобно пристегивались к ложу арбалета и не мешали вести прицельную стрельбу. При выстреле болт из магазина подается в желоб простым механизмом, работающим от движения плеч при выстреле, и надежно удерживается там силовыми полями. Стрелять из этого оружия можно в любом положении. Натяжение тетивы осуществляется тоже силовыми полями, если перевести небольшой замаскированный переключатель в крайнее нижнее положение. Скорострельность меньше чем у порохового автоматического оружия, но четыре болта в секунду при зажатом спуске — для арбалета это очень неплохой результат. Правда, держать арбалет в руках при такой стрельбе очень непросто, но возможно — Кузнец изменил конструкцию ложа, и оно очень удобно удерживалось в руках. Болты небольшие, размером с сигариллу, но это компенсируется скоростью их полета.

Если переключатель стрельбы, замаскированный под инкрустацию костью на ложе арбалета, передвинуть в среднее положение, то оружие стреляет одиночными болтами, но натяжение тетивы по-прежнему происходит силовыми полями почти мгновенно. Борис учел технику безопасности, отсутствующую на луке, и весь ход тетивы защищен силовым полем, так что опасности для неосторожных стрелков арбалет не представляет. Хотя я считаю, что это излишняя предосторожность.

Для маскировки существует верхнее положение переключателя стрельбы. Силовые поля полностью отключаются, и натяжение арбалета происходит при помощи «ворота». Стрелять в этом положении можно, только если плечи арбалета были расположены параллельно поверхности.

Прицельная дальность оружия составляет примерно пятьсот метров, но мне, думаю, этого хватит за глаза. Естественно, силовые поля включаются, когда сенсор, инкрустированный под украшение из кости, идентифицирует мои отпечатки пальцев. Так что я собирался отправиться в средневековый мир вооруженный фактически автоматом. Правда как оправдываться, если кто-нибудь увидит это оружие в действии — я не знаю. Совру что-нибудь про магический трофей.

Потом Борис поводил меня по остальным своим отделам и в каждом я оставлял на его счету определенную сумму, а мой багаж становился все тяжелее и тяжелее. На этот раз с выбором я особо не мучился, и брал все то же, что мне сослужило неплохую

службу, когда я работал на человеческой стороне мира Ворк. Наконец, закупив все, что запланировал, я встал во дворе кузницы как осел торговца, загруженный товаром перед началом рыночного дня.

— Заходите, гости дорогие! Наш товар — ваш купец! — зачем-то вспомнил Борис свадебную поговорку, после чего я недоуменно на него уставился.

— Угнетатель, — только и смог буркнуть я, и покинул гостеприимную кузницу грабителя-коллекционера. Зулусский барон — ребенок, по сравнению с нашим кузнецом.

Разгрузившись в офисе у ребят (они, естественно, меня не заметили — так были увлечены работой), я взял арбалет и отправился пострелять, так сказать — произвести полевые испытания. Вилке арбалет абсолютно не понравился.

— Это не арбалет — это пулемет! — гневно сказала «амазонка», вкладывая в эти слова совершенно другой подтекст. У кузнеца сравнение с пулеметом прозвучало как серьезное достоинство. — С ним к тренерам автоматического оружия иди. Я эту мерзость даже в руки не возьму!

— Вик, ну хорошее же оружие, — попробовал я уговорить своего расстроенного тренера. — Совсем чуть-чуть усовершенствованный арбалетик.

— Ты бы еще ко мне с бластером заявился. Все, уматывай к Батяне, — Вилка была непреклонна и молча переписала мой талон. Ладно, подарю ей что-нибудь потом — простит.

Серега наоборот, очень заинтересовался изобретением Бориса.

— А магазины крепятся совсем как диск у ППШа! — восторженно сказал Батяня, когда я продемонстрировал ему арбалет. — Иди пока переоденься, а я посмотрю оружие.

Когда я вернулся в форме младшего лейтенанта, гвардии сержант Советской Армии уже во всю стрелял по андроидам.

— Отличная вещица, — сказал Серега, вдоволь настрелявшись. — Очень помогла бы в диверсионной работе. Хорошо, что у фашистов таких арбалетов не было на вооружении.

После этого Серега стал обучать меня тонкостям стрельбы из автомата. В этом он тоже профессионал высочайшего класса.

После занятий отправился домой. В подъезде произошла странная история. У симпатичной соседки снизу есть небольшой кокер-спаниель. Обычно мы вежливо здоровались при встрече, и я чесал собачонку между ушек. В этот раз, увидев меня, песик завыл, описался прямо в подъезде и спрятался за хозяйку. Мы с девушкой недоуменно взглянули на спаниельчика, и я прошел

мимо, даже не поздоровавшись. Дома я с ужасом обнаружил, что хочу сырого мяса. Это напомнило мне о необходимости принять следующую дозу химии, от которой меня тошнило уже не так сильно, как поначалу.

В тот день больше ничего интересного не произошло, ну разве что позвонил монгол, но я в тот момент очень удачно вставил зубной протез, так что разговора не получилось. Кстати, вставная челюсть мне уже не мешала кушать, но по-прежнему в ней неудобно было разговаривать.

На следующий день сходил к стоматологу и забрал готовый протез с клыками. Привыкать к нему предстояло снова — клыки торчали изо рта, и губам поначалу было очень неудобно. Одно меня немного расстроило — счастливую вставную челюсть без клыков доктор отобрал.

В косметологическом салоне мне вручили коллоидную маску и чуть подкорректировали график приема химии. С кожей тела вопрос решили достаточно просто. Перед отправкой мне надлежало принять ванну с растворенной в воде краской, и моя кожа приобретет нужный цвет на пару-тройку недель. Краска несмываемая, после возвращения надо будет принять ванну с нейтрализатором — и я снова стану белым человеком. Примерив маску вместе с клыками, я сам себя испугался. Из зеркала на меня глянула жуткая орчья физиономия зеленоватого цвета. Если бы я встретил такую рожу в мире Ворк, то не сомневался бы и доли мгновения что встретил орка. По улицам Москвы идти в таком виде не стоило, я упаковал вещи в небольшой чемоданчик и отправился по делам. Собаки на улицах при виде меня прятались за хозяев, тихо воя, а когда я проходил мимо начинали истерично лаять вслед. Впрочем, я к этому быстро привык.

В ресторане заказал бифштекс с кровью, хотя обычно предпочитаю хорошо прожаренное мясо. Съел с большим удовольствием, с трудом удержался и доел аккуратно — вилкой и ножом. Хотелось отбросить столовые приборы и впиться зубами в нежную плоть, истекающую невероятно аппетитным красноватым соком.

Дома надел вставную челюсть с клыками и коллоидную маску. Попытался говорить — получалось не очень хорошо. Потом пришла в голову гениальная мысль — разговаривать на языке северных орков. Дело сразу пошло на лад. После загрузки диалекта моего тейпа Грым, при помощи трикета, я говорил как деревенщина. С этим могут возникнуть сложности — провинциалов чаще пытаются обмануть. Впрочем, при

необходимости я мог говорить на научном оркском.

Когда я репетировал произношение сложных оркских фраз, позвонил мобильник. Звонил монгол, по которому я даже немного соскучился.

— Грр ахр, рангрр-а, — вежливо сказал я Едигею, что переводится: «Привет тебе, наемник». Понятия «частный детектив» в мире Ворк пока не существовало.

— Сабдык[1]! Чур-чур! — испуганно крикнул монгол и дал отбой.

«Он что, орков никогда не видел, что ли?», — подумал я, и вслух произнес эту фразу по-оркски.

Кстати, расскажу одну лингвистическую особенность — в языках обеих Сторон нет как самоназвания, так и названия врага. Себя и люди, и хищники называют «мы», или «Эта Сторона» — что тоже совсем приблизительный перевод. Правильнее было бы сказать: «Наша Сторона, единственная верная и мы горды тем, что мы такие!». Причем и у тех, и у этих смысл примерно один. А вот в названии врагов имеется некоторое различие. Слова схожи, и переводятся дословно как «другие» или «Та Сторона». Люди и союзники в эти слова вкладывали смысл: «С Той Стороны стены порядка, зверье грязное (дикое)». А орки и компания: «Обратная Сторона медали доблести, слабая добыча (дичь)». Вот так непросто обстоит дело. Для облегчения восприятия впредь я буду называть хищников «Та Сторона», а людей «Эта Сторона» — исключительно для того, чтобы не путаться.

Жизнь покатилась по колее. Тренировки, игры и снова тренировки. Пару раз звонил монгол, но я от него удачно отделывался. Дней через пять я уже не замечал маску и протез с клыками и разок случайно вышел из дома в обличии орка мира Ворк, чем вызвал переполох у дворовых бабушек и массу веселья у местной детворы. По-оркски говорить протез мне уже совершенно не мешал, да и на языке Этой Стороны я говорил как толмач. Теперь я понимаю, почему представители Той Стороны плохо говорят на человеческих языках — сильно мешают клыки.

Работа 9. Отправная

Отправленье — мать мученья.

(пословица призывника)

Наконец, все дела были практически завершены, и наступил день старта. С раннего утра я уже был на ногах. Выпил с утра последний флакончик химии для запаха и поставил в графике последнюю галочку. Все — теперь мне для поддержания хищного духа достаточно было принимать одну маленькую таблетку перед сном. Впрочем, в последние дни меня от этой химии уже не тошнило, правда, резко поменялся вкус — теперь я предпочитал недожаренные бифштексы и сырую рыбу. Последние дни ел исключительно суши и бифштексы с кровью.

Для всех собачников двора я стал врагом номер один. Столько описавшихся собак мог увидеть разве что собачий ветеринар. Завидев меня, владельцы четвероногих друзей сразу прицепляли своих питомцев на поводок и бежали прочь как от огня. Симпатичная соседка снизу перестала со мной здороваться, и теперь только морщила носик при встрече и презрительно фыркала, даже если была без своего спаниельчика. Странно — в салоне меня уверили, что человек мой запах совсем не чувствует. Ну, переживу как-нибудь. Не бегать же за людьми и объяснять каждому, что это всего лишь издержки профессии. Да и догонять спасающихся от меня собак проблематично — уж больно быстро убегают.

Растворив в воде флакон краски, полученной в косметологическом джисталкерском салоне, я залез в теплую ванну с головой, закрыл глаза и провел под водой долгие десять минут, дыша через соломинку. Тщательно вытершись и выйдя из ванной комнаты, я полюбовался на свое отражение. Кожа получила чуть зеленоватый оттенок, значительно более светлый, чем коллоидная маска. Но я был к этому готов — специалисты из салона сказали, что нужный цвет полностью проявится через час после окрашивания.

Взяв маленький мешочек с таблетками для запаха, которые внешне напоминали горошины перца и поэтому не должны были привлечь внимания, даже если их случайно обнаружат, я отправился в офис к приятелям-предпринимателям. Остальное оружие и снаряжение хранилось там. На всякий случай надел плащ с капюшоном, в котором на мое лицо ложилась тень. Привлекать внимания народа на улицах города зеленой

физиономией не хотелось.

— Привет зеленый! — заорал Саня, как только я переступил порог офиса.

— Крокодилам вход воспрещен, — пробурчал Дима вдогонку.

— На себя посмотрите, красавцы, — парировал я, и парни с интересом взглянули друг на друга. — Во-во, ничего интересного, обычные офисные крысы.

Дружеская перепалка после недели упорного игнорирования меня порадовала. Значит, все необходимые дела сделаны, придирок от компетентных органов не намечается, можно и мне начинать работу.

В уголочке скучал молоденький врач-практикант, присланный городской больницей согласно какого-то там постановления, и с нетерпением ждал моего отправления, чтобы телепортироваться обратно. Телепорт в больницу в офисе уже был установлен.

Дружески пикируясь, мы подошли к столу. Пятьдесят грамм перед прыжком — наша давняя и обязательная традиция. На столе сиротливо стояла открытая бутылка водки, в которой плескалось грамм четыреста. Ясно — приятели-предприниматели не удержались и уже приняли на грудь по пятьдесят, вот ведь негодяи. Медицина к нам присоединилась, и Александр вытащил откуда-то четыре пластиковые рюмки, выглядевшие как дорогой хрусталь, и при этом умудряющиеся складываться аккуратным столбиком. Водка была быстро разлита, и мы подняли стопки.

— Ну, за удачу! — провозгласил тост Саня, и мы чокнулись рюмками. Звук был такой, что сразу стала понятна разница между пластмассой и хрусталем, причем я бы предпочел хрусталь, а остальным было все равно. Мы опрокинули в себя стопки и замерли на мгновение. Водка обожгла рот, горячей волной прошла по глотке и, вспыхнув факелом в желудке, разлилась теплыми ручейками по жилам.

Потом я оставил ребят, и пошел переодеваться и снаряжаться. Ребята мной уже не интересовались, как впрочем, и доктор-практикант. Подойдя к зеркалу, я увидел, что моя кожа приобрела зеленый цвет, в самом деле, чем-то похожий на цвет кожи аллигаторов.

«Может орки произошли от крокодилов?», — подумал я ни с того ни с сего. — «Ближайший родственник человека — обезьяна, а кто ближайший родственник орка? Надо будет порыться в справочниках, как только вернусь», — решил я и выбросил лишние мысли из головы.

Надев вставную клыкастую челюсть и прилепив к лицу уже ставшую привычной коллоидную маску, я встал перед зеркалом в комнате отдыха и еще раз внимательно себя осмотрел. В зеркале отражался жуткий мускулистый орк с непонятным выражением лица. Сильную мимику орков я еще понимал, а вот тонкие нюансы мимического общения от меня пока ускользали полностью. В косметологическом салоне мне гоняли гашек-фильмы с мимикой орков, огров, троллей и гоблинов, и объяснениями — что каждое выражения лица означает. И хотя я все это не очень хорошо запомнил, меня успокоили, сказав, что в процессе общения на месте все быстро усвоится. А высокотехнологичная коллоидная маска сама будет делать нужные выражения, повторяя их за моей мимикой. Если в чем ошибусь — выручит легенда. Никто и не ждет от деревенщины из тейпа Грым тонкого понимания и адекватной реакции. Деревня — есть деревня.

После этого я оделся и еще раз проверил снаряжение. Сложив аккуратно городскую человеческую одежду, я взял предметы, которыми цивилизованный человек отличается от дикаря (мобильник, кошелек, кредитные карты, ручной комп и документы) и вернулся в главную офисную комнату.

Водки в бутылке за время моего отсутствие почти не убавилось — и это меня очень удивило. На приятелей-предпринимателей что-то совсем непохоже. Поглядев на раскрасневшиеся физиономии кабинетных работников и врача-практиканта, я заглянул под стол и понял, в чем подвох. Это была вторая бутылка — первую, за время моего отсутствия, ребята уже приговорили.

— Ох, — взглянув на меня, сказал практикант, и схватился за сердце. — Говорили же мне — можно допиться до зеленых чертиков.

— Пить — здоровью вредить! — грозно сказал я, жутко коверкая слова из-за клыков, и ткнул в парня пальцем. Практикант посмотрел на мой палец, побледнел и присел в уголочке.

Надо сказать, что и с моими руками в косметическом джисталкерском салоне тоже провели большую работу. Теперь мои ногти выглядели почти как когти, а после того, как я подкрасился в зеленоватый оттенок, поверхность ногтей еще и приобрела почти черный цвет. Совсем уж когтями пальцы не заканчивались, но на человеческие тоненькие ноготки этот ужас на моих руках походил мало.

— Тим, хватит парня пугать! — заорал Саня.

— Во-во, ты сейчас смоешься, а нам тут еще пить с ним, — пробурчал Дима.

— Алкоголики, — надменно бросил я, и отдал Александру свои цивилизованные вещички. Саня спрятал все в сейф (неподалеку от навечно прописанной там моей джисталкерской лицензии) и вернулся к разливу водки в рюмки. Практикант поняв, что я ему не мерещусь, сразу повеселел и снова присоединился к празднующим офисным работникам.

— Коней на переправе не меняют! — глубокомысленно произнес тост Александр, и я задумался о глубоком смысле этого стандартного изречения.

Пока я думал, парни с практикантом допили вторую бутылку. Потом все засуетились и начали доставать разные бюрократические письмена. Подписав все необходимые бумажки в больничном листе для практиканта, и поставив свою подпись в нужных местах бумаг, которые мне подсунули приятели-предприниматели, мы покинули офис и зашли в комнату отдыха, где в уголочке сиротливо стояла Гашек-камера, устройство, которое должно перенести меня в мир Ворк.

— Тим! Я тебя люблю! — крикнул пьяненький Александр, и полез обниматься.

— Ты там аккуратнее, а то если что — отчеты писать полгода придется, — пробурчал добрый Дмитрий, и тоже по дружески обнял меня.

— Не каркай, — ответил я, Дима сплюнул через левое плечо, и я тоже обнял своих друзей.

Потом зачем-то полез обниматься врач-практикант, но этот порыв был мною жестко пресечен. Впрочем, через секунду взглянув на мою жуткую клыкастую рожу, практиканта затошнило, он икнул и куда-то убежал.

— Вы тут, пожалуйста, больше не празднуйте, — попросил я ребят.

— Не пережувай, Козлодоеу, — пробубнил Дима цитатой. — Чтобы меня свалить надо еще с десяток таких доз.

— Ну, это да, — согласился я, и мы с ним с любовью посмотрели на Александра, который уже прикорнул на диванчике в углу, подложив руки под голову и забавно сопя.

— Устал, болезный, — по-доброму буркнул Дмитрий и пошел настраивать аппаратуру.

Приняв пять таблеток джитези, что соответствует примерно часам десяти нахождения в мире Ворк без подзарядки, я выждал положенные три минуты для усвоения стимулятора, взял вещи и

зашел в камеру старта. Вот вроде бы далеко не первый прыжок — а волнуюсь как зеленый новобранец. Хм, зеленый… Сердце бьется быстрее, коленки подрагивают — так называемый предстартовый мандраж. Дима тем временем все в компьютере настроил, подошел к гашек-камере и закрыл крышку саркофага. Потом начал закручивать винты герметизации. Сердце ускорило свой темп и меня всего затрясло. Загерметизировав джикамеру, виртуальный гений подошел к компьютеру, оглянулся и помахал мне рукой. Я махнул ему в ответ, и Дима нажал клавишу «энтер».

Сначала я оказался в заэкранном гашек-пространстве игры-ключа. Игра была древняя, и все вокруг было исполнено довольно схематично. Подойдя к виртуальным фигурам орка и тролля, которые больше напоминали безликие манекены, я встал рядом и застыл в ожидании.

Через полминуты в ушах щелкнуло от перепада давления, в глазах что-то ярко вспыхнуло, и безвкусный кондиционированный воздух офиса резко сменился на свежий и духовитый лесной ветерок. Я находился в мире Ворк.

Часть 2. Там

Работа 1. Тактическая

Нам, котярам, пшик — война.
Наступать — бежать,
отступать — бежать…

(бородатый кошачий анекдот)

Аппаратуру Дмитрий настроил, как всегда, великолепно. Перенос произошел практически в ту же точку, что и в прошлый раз. Еще и повезло — оказался в полуметре над землей и мягко приземлился на обе ноги. Даже маскировать следы своего прибытия в мир Ворк не пришлось. Проверил еще раз обмундирование и снаряжение (попрыгал, чтобы послушать — ничего не бренчит?) и отправился на охоту. К Котам лучше явиться уже с гостинцами. Конечно, меня и так должны пока помнить — но с курочками надежнее.

Коты мира Ворк особой разницы между Сторонами не видят. В схватке с отрядом Той Стороны Рыжик бросился на волка, принадлежащего троллю Кепебу, по одной причине — те напали на наш отряд, который кот к тому времени считал своим маленьким прайдом. А уж отличить серьезную схватку от шутливой борьбы кот-телепат может всегда. Так что я не видел особых препятствий для того, чтобы договориться с котами. Во всяком случае то, что я выгляжу как орк, точно помешать не сможет — котов мира Ворк обмануть невозможно. Даже если я буду выглядеть, как саблезубый семиголовый пингвин размером с таракана Рыжик все-равно меня узнает.

На Той Стороне кот особого подозрения вызвать не должен. Правда, в качестве боевых питомцев бойцы там предпочитают волков, но и против котов тоже ничего не имеют. Тем более я буду выглядеть как провинциал, а мало ли странностей у отсталых деревенских орков?

В этот раз мой прыжок пришелся на зимний период, впрочем, совсем не похожий на нашу снежную холодную зиму. Средняя температура зимой в мире Ворк на этой широте примерно плюс пятнадцать градусов по Цельсию, что всего на десять градусов меньше летней. Дичи в вечнозеленом лесу котов меньше не стало, и через полчаса я уже шел по направлению к поляне прайда Рыжика с палкой, на которой висели пять жирных куропаток, привязанных за длинные шеи.

— Рыжик! Халва! Вожак! Я иду к вам! — периодически кричал я, одновременно с этим посылая в пространство такие же мысли. До поляны прайда было уже совсем недалеко, а никто со мной на контакт так и не вышел. Это было немного странно — обычно патрульные коты замечали чужака моментально, и при приближении к месту дислокации прайда либо пытались прогнать ненужного визитера, либо каким-то образом с ним контактировали.

В гордом одиночестве с палкой, полной кур, я вышел на поляну, где месяца три назад находился гостеприимный прайд Вожака. Поляна была пуста. Это было необычно. Коты мира Ворк не любят менять месторасположение, разве что какая-нибудь опасность может заставить их изменить привычке. Никакой опасности я на поляне не увидел и в нерешительности застыл. Подойдя к сухому развесистому дереву, на котором не так давно располагались Старшие Коты, я внимательно осмотрел землю под ним.

Если коты и покинули свою поляну, то это произошло не так давно. Под деревом было довольно много относительно свежих следов, но этот факт никак не приближал меня к самим котам. Прислонив палку с курами к дереву, я присел под ним и задумался. Что делать дальше — неизвестно.

Сидел я так недолго. Кусты шевельнулись, и на краю поляны появился кот, белый в серую полоску. Я пригляделся внимательнее, и понял — это совсем еще котенок. Размером котик был почти с взрослого кота, но ярко выраженная пушистость, относительно маленькие лапы и совсем коротенькие клыки явно указывали — этот зверь совсем еще молод, и от обычного котенка отличается пока только размерами.

— Привет котик, — сказал я, благожелательно думая о нем и о котах мира Ворк в целом. — Где твой прайд? Не так давно все были тут.

Котенок говорить с людьми пока не умел, но чувства излучал очень ярко. Меня окатила беспричинная радость, так всегда бывает при общении с котами мира Ворк.

«Узнавание. Помнить-тебя. Вкусная-еда», — излучал котик ощущения, бесстрашно подойдя ко мне.

— Так ты тот маленький котенок, которого я угостил курочкой в прошлый раз? — улыбнувшись, догадался я.

«Вкусная-еда», — подтвердил котенок, и с намеком взглянул на палку с курицами. Вот хитрец. Я снял одну из кур с палки и протянул зверю.

«Благодарность! Благодарность! Благодарность!», — котик

просто засветился от счастья и аккуратно взял протянутую ему курицу. Естественно, пока он ее ел, мы не общались. Котенок восстанавливал силы молодого растущего организма и окунал меня в целое море радости. Я сидел и блаженно жмурился. Общаться с котам мира Ворк — непередаваемое удовольствие.

«Бегать-прятаться-искать? Я-прятаться — ты-искать!», — предложил котенок поиграть с ним, когда насытился.

— Нет, малыш, к моему сожалению, — отказался я, хотя поиграть с котенком хотелось. — Мне нужны Старшие Коты.

«Старшие-плохие (сердитые). Непустили-драться (воевать, серьезно биться). Маленький-я», — сразу расстроился котенок.

— Что случилось? — спросил я обеспокоено.

«Защита-леса», — передал мне котенок, но больше я от него ничего добиться не сумел.

— Отведешь меня к Старшим Котам? — попросил я котика, и он мысленно замялся, так как немного побаивался Старших.

— Может быть, я сумею помочь, — сказал я, и котенок немного успокоился. Привести помощь и оказаться полезным прайду хотя бы в качестве проводника ему очень хотелось.

«Ты-почти-кот», — решил котенок, вспомнив, как меня воспринимали старшие члены прайда, и передал мне: — «Я-бегу — ты-догоняешь».

— Договорились. Только очень быстро не беги — я медленный, — попросил я котика и получил образ зеленой лесной черепахи с клыками.

«И этот туда же, мелкий, а ехидный», — подумал я, смеясь и сравнивая котенка с Рыжиком. Сравнение польстило котику, по-видимому, Рыжик стал авторитетным котом, и он весело поскакал вперед. Я последовал за ним.

Котенок вел меня по направлению к паучьему лесу. По пути он часто отвлекался на интересные лесные моменты — детеныш еще совсем. Постоянно приходилось напоминать моему забавному проводнику, куда и зачем мы идем. Наконец мы дошли до места, у которого котик встал как вкопанный.

«Дальше-мне-нельзя. Старшие-запретили», — передал мне малыш, и мысленным образом показал, как пройти дальше.

— Спасибо маленький, — искренне поблагодарил я, котенок опрокинул на меня ворох положительных эмоций и убежал.

Дальше я шел один, вслушиваясь в лесную тишину. Шум схватки я услышал издалека и поспешил на помощь. Сначала мне на глаза попался серый котяра, который в свое время немало попортил крови моему Рыжику. Кот лежал под деревом и не шевелился. Сначала я подумал, что он погиб, но, подойдя к нему,

понял — зверь был парализован. Из его шкуры торчали паучьи зубы, и кот не мог ни пошевелиться, ни что-либо сказать. Вытащив из шкуры бедного животного штук пять ядовитых паучьих зубов и оставив его приходить в себя, я снял арбалет, положил рядом с серым котярой узел с вещами, прислонил к дереву палку с курьями и почти бегом рванулся к месту схватки.

Следующей я увидел черную, как пантера, кошку. Это была Халва, вечная любовь Рыжика. Кошка металась между деревьев, иногда запрыгивая почти на трехметровую высоту по стволу и спрыгивая снова на землю, уклоняясь от плевков неспешно преследующих ее трех огромных лесных пауков. Выждав момент, Халва рванулась к паукам и одним неуловимым для глаза движением оторвала одному из них членистую ногу. У паука осталось всего две ноги, он обиженно застрекотал и упал на бок. У оставшихся двух пауков тоже был явно неполный комплект ног. Я закинул арбалет за спину, вытащил меч и в два прыжка оказался среди тварей, которые отвлеклись на своего юркого и неуловимого черного противника. Через секунду этих пауков можно было уже использовать для салата с паучатиной (хотя для салата можно было бы их еще немного измельчить) а Халва, тяжело дыша, подошла ко мне.

«В прошлый раз ты был симпатичнее, Тим», — сказала Халва и потерлась бочком об мою ногу, выражая благодарность за помощь.

— А ты все такая же умница и красавица, — не стал я вступать в полемику с дамой и почесал ее за ушком.

Время для болтовни явно не подходило и мы с Кошкой поспешили к месту схватки. Навстречу нам попался Вожак, который тащил на загривке молодого белого кота с черными ушами, всего утыканного паучьими зубами. Вожак бежал, загнув шею так, что его голова смотрела почти назад, и крепко, но аккуратно держал мощными клыками за шкирку парализованного. Подбежав ко мне, Вожак сбросил товарища на землю и посмотрел на меня. Белый с черными ушами валялся как кусок тряпки.

«Привет Тим, ужасно выглядишь. Помоги», — сказал «дипломатичный» Старший Кот, и я начал вытаскивать из раненного бойца паучьи зубы.

— Что у вас там? — поинтересовался я, занимаясь извлечением из шкуры последствия паучьих плевков. Это следовало делать аккуратно, если я случайно поцарапаюсь о зуб, то встану столбом рядом с парализованным котом.

«Опять волна пауков пошла, третья с утра», — сказал мне Вожак и убежал. Я толком ничего не понял. Халва тоже не стала

ждать и рванула вслед за Старшим Котом. Очистив шкуру лежащего без движения зверя от ненужных «украшении», я поспешил следом за знакомыми котами.

По пути успел помочь еще четырем схваткам между пауками и котами и встретил пару огромных Старших, которые тащили выбывших в глубину леса. Пару раз со мной приветливо здоровались, но в основном коты на меня внимания не обращали, занимаясь каждый своим делом. В кошачьем лесу кипела война.

Подойдя к реке, я понял, в чем дело. Речка Дремка бежала в этом месте между двумя каменистыми берегами, отделенными друг от друга не более чем двадцатью метрами. Скорее всего, не так давно тут бушевал ураган (крайне редкое явление в мире Ворк), который свалил пять деревьев, лежавших на обоих берегах вывороченных с корнями из земли. Одно дерево упало очень неудачно и образовало мост между берегами паучьего и кошачьего лесов. По этому мостику пауки бежали вереницей в Лес котов. Коты тактически рассредоточились вокруг места проникновения и заманивали насекомых в глубину своего леса, там разбивали их на мелкие группы и уничтожали — эти бои местного значения я и встречал на пути сюда.

Армия котов действовала четко и тактически грамотно. Огромные Старшие Коты находились в резерве, и периодически кто-нибудь из них бросался в глубину леса, чтобы заниматься транспортировкой парализованных. Боевые группы состояли из молодых и юрких котов и кошек, которые заманивали пауков и распыляли силы враждебной армады по всему лесу, а потом уничтожали порознь. Расправившись со своими пауками, коты не бросались за следующими врагами, а снова сформировывались в небольшие группы. Потом вновь образованные подразделения принимали на себя новую партию ядовитых тварей. Постепенно в эти группы вливались ранее парализованные звери, когда действия яда заканчивалось.

Наконец вереница пауков на мосту стала изредка прерываться, и я решил, что наступил благоприятный момент. Выйдя из-под прикрытия кустарника, я дал длинную очередь из арбалета. Небольшая куча тварей осталась валяться на берегу, а те, которых я сбил с моста, упали в воду и мгновенно утонули. После этого я быстрыми одиночными выстрелами очистил дерево-мост. Наступила передышка.

Коты возвращались к месту прорыва пауков, и их становилось все больше и больше. Скоро лес просто кишел котами — такое количество этих прекрасных зверей одновременно я видел

впервые. Я и не представлял, что их столько — обычно лес котов тих и спокоен. Оказывается, когда возникает необходимость, коты могут выставить целую армию. Теперь я стал лучше понимать нежелание двуногих обитателей мира Ворк без особой надобности беспокоить этих могучих зверей. Думаю, если придется — коты могут устроить войну (правда только в своем лесу), по масштабам сопоставимую с войной Той и Этой Сторон.

Ко мне подошел Вожак и поблагодарил за помощь.

«Сколько же тут прайдов?» — удивленно поинтересовался я.

«Не все», — хитро ответил Вожак. Вот ведь дипломат какой, а?

«И что будете делать дальше?» — спросил я Старшего Кота.

«Через пару недель пауки в этом районе закончатся, а потом может и с упавшим деревом что-нибудь случится», — философски ответил Старший Кот.

После этого его позвали, и Вожак присоединился к трем огромным котам, покрытым шрамами с головы до ног. Они стали что-то мурчать друг другу, перестав обращать внимание на все, что происходит вокруг. Явно военный совет. Кошачий штаб обсуждал тактику и стратегию, а я любовался четкими перемещениями кошачьих отрядов (хоть в форму одевай и воинские звания вводи) и размышлял — сколько же тут прайдов. Четыре генерала явно были вождями, но количество зверей на берегу реки значительно превосходило численностью любые четыре прайда, которые я до этого момента видел. А впрочем, может быть, я замечал далеко не всех членов отдельного кошачьего сообщества, когда раньше общался с Котами мира Ворк.

Пока я размышлял, к берегу речки подходили все новые и новые коты. Казалось что этот лес — просто неисчерпаемый источник, у которого единственная задача — производить на свет исключительно котов.

Тут кусты затряслись, и в воздухе мелькнула рыжая молния. Через долю секунды я и огромный рыжий кот кубарем покатились по траве. Еще через секунду я обнимал могучего рыжего война за шею, громко и радостно смеясь, а Рыжик (это был именно он) лизнул мой нос, на долю секунды показав между могучими клыками розовый язычок.

«Ты по мне скучал!» — твердо решил за меня рыжий хитрец, потом подумал и добавил: — «Какой же ты стал страшненький».

Работа 2. Кошачья

Любое доброе дело не должно
оставаться безнаказанным.

(девиз первых пионеров)

Кошачья армия ждала новую волну пауков, а мы с Рыжиком сидели в обнимку на берегу речки Дремки и обменивались новостями. Вернее рассказывал кот, а я слушал и просто млел от удовольствия из-за общения.

После возвращения Рыжик стал местным героем, даже коты соседних прайдов приходили послушать, так скажем из первых рук, не лесные новости. Мой ошейник и кольцо-коготь Вожак приватизировал в пользу кошачьей семьи, а потом и вовсе отдал (на временное пользование) другому прайду — предметы там сейчас были нужнее. Взаимовыручка у котов оказалась на высшем уровне. Красавица Халва, постоянно тершаяся неподалеку и благосклонно на меня поглядывающая, после возвращения Рыжика сделала свой выбор в его пользу и теперь у них сложилась молодая семья — они уже начали подумывать о котятах. Серый котяра (он тоже находился на берегу, притащив узел с вещами и палку с курами, причем ни одной курицы не взял) недолго погоревал, но потом увлекся кошечкой из другого прайда и теперь жил по соседству. С Халвой и Рыжиком серый котяра сейчас крепко дружил. Это были самые важные новости, а так Рыжик говорил не переставая, вываливая на меня чуть ли не почасовой отчет о проведенном времени. Я прервал оратора, угостив его курицей, которую он тотчас отнес Халве.

«Рыжик, у меня Охота на Той Стороне. Пойдешь?», — спросил я кота, когда он вернулся от подруги. Халва ела курицу, боевые кошачьи отряды маневрировали, а Рыжик задумался.

«Хочу. Только если ненадолго. Сейчас поговорю с Халвой. Но если Старшие Коты не отпустят — пойти не смогу. Война», — ответил рыжий боец, и снова подбежал к подруге. Вернулся он почти сразу.

«Халва отпустила. Она тебя любит. Иди к Старшим», — сказал Рыжик, в твердой уверенности, что я сейчас скажу пару слов, и его со мной сразу отпустят. Я взял палку с оставшимися курами и подошел к кошачьему командирскому штабу.

Положив палку перед кошачьими отцами-командирами, я отошел в сторонку и сел на землю. Война войной — но все надо

делать по установленной церемонии. Старшие Коты оценили мой уважительный жест и посмотрели на меня благосклонно. Быстро съев куриц, они о чем-то деловито помурлыкали, и ко мне подошел Вожак.

«Тим, отпустить хорошего бойца пока идет война, мы не можем, извини», — сказал Вожак, хотя чувствовалось, что ему было немного неловко.

«А если я устраню причину войны?», — спросил я.

«Тогда и поговорим», — твердо ответил мне железный командир кошачьего войска.

«Мне потребуется помощь одного кота. Я возьму Рыжика?», — попросил я.

«Да», — коротко разрешил Старший Кот и вернулся к своему штабу.

Я встал на ноги и подошел к Рыжику, который лежал рядом с Халвой. Влюбленная парочка о чем-то ласково мурлыкала.

«Рыжик, потребуется твоя помощь», — сказал я моему коту, на что тот сразу вскочил на лапы, готовый ко всему.

После этого я покинул берег реки и отправился в лес искать подходящее деревце. Это оказалось не так просто — кругом стояли могучие стволы огромных лесных гигантов, а достаточно тонких и гибких деревьев почти не было. Рыжик пошел со мной, и я по пути объяснил ему, какое дерево мне нужно. Кот знал местность как свои пять когтей и секунду подумав, рванул вдоль берега. Я побежал за ним. Примерно через пару минут Рыжик привел меня к небольшой рощице достаточно тонких деревьев. Это было как раз то, что нужно. Срубив одно деревце при помощи меча, который я применил в качестве топора дровосека (местные войны, увидев, как я использую благородную сталь пришли бы в ужас), я очистил ствол от веток, взвалил почти трехметровую оглоблю на плечо и пошел обратно к месту дислокации кошачьего штаба. Подойдя к дереву-мосту, я бросил оглоблю на траву, и снова используя меч как топор дровосека, стал срубать лишние ветки с дерева-моста. За мной с интересом наблюдали Старшие Коты. Кошачьи отряды рядовых бойцов продолжали маневрирование, исключение сделали только для Халвы и Рыжика.

На том конце моста снова стали собираться пауки. Я взял арбалет и длинной очередью отогнал их от берега. Около десятка насекомых остались валяться на земле (арбалетный болт успевал пробивать по пять-шесть тварей до потери убойной силы), служа напоминанием остальным, и паучья армада временно откатилась, возмущенно стрекоча. Многие пауки, у которых болтами не были задеты жизненно важные органы и поэтому они смогли отбежать

от моста, скрипели от боли, что тоже сдерживало все увеличивающуюся толпу на том берегу.

Найдя подходящий камень, я установил на него оглоблю, уперев концом под огромное бревно моста, и стал раскачивать сооружение при помощи рычага, который изобрел еще Архимед. Рыжик мне помогал, иногда ловко запрыгивая на самый конец оглобли, добавляя усилие на рычаг. Наконец бревно качнулось и чуть сдвинулось. Я переставил камень и начал все сначала. Так я возился более получаса, периодически хватая арбалет и очередью отгоняя пауков от той стороны моста.

Наконец мои усилия увенчались успехом. Я последний раз передвинул камень-упор, и после движения рычага с рыжим пушистым противовесом на конце, огромное бревно заскрипело, само медленно сдвинулось с места и наша половинка моста, постепенно набирая скорость, упала в реку. С той стороны дерево еще недолго цеплялось корнями за землю, но потом тоже рухнуло с высокого каменистого берега в воду, подняв тучу брызг, и бревно медленно поплыло вниз по течению реки.

Пауки на той стороне реки обиженно застрекотали, а все коты одновременно издали победный рев. Рев котов мира Ворк — это нечто ужасное. Когда орет один кот, и если он при этом находится неподалеку от вас, — возможна частичная потеря слуха. Рев такого количества этих зверей одновременно я услышал первый и искренне надеюсь, что последний раз в жизни. Взлет космического челнока в сравнении с этими звуками — негромкое шуршание бумажного самолетика. Я оказался к этому не готов, после напряженной получасовой работы, и меня как будто ударили по голове чем-то тяжелым. Я выронил оглоблю и сел на землю. Коты открывали пасти, прыгали радостно вокруг, Рыжик чего-то мурлыкал почти мне в ухо — но я ничего не слышал, только ошарашено вертел головой.

«Если бы я мог так орать — меня бы нанимали футбольные клубы работать болельщиком», — только эта глупая мысль почему-то вертелась в голове. Никто, кроме Рыжика, моего состояния не замечал, и могучие Коты радостно скакали по всему берегу, ненадолго превратившись в беззаботных котят. Боевые подразделения смешались, и на нашем берегу весело носилась огромная толпа больших лесных кошек.

Когда слух ко мне начал потихоньку возвращаться наш берег уже опустел. Еще секунду назад повсюду находились коты — и через мгновение на берегу остались только я, Рыжик, Халва и Вожак. Магия мира Ворк явно проигрывала чудесам маскировки, которые продемонстрировали Коты. Вниз по течению уплывало

огромное бревно и по берегу рядом с ним, не скрываясь, бежала пятерка пушистых бойцов во главе с одним Старшим Котом. Пауки обиженно стрекотали на том берегу, не веря тому, что надежного моста уже нет и от берега, полного пищи, их отделяет непроходимая полоска воды.

«Пойдем на нашу поляну? Или сразу отправитесь на твою Охоту?», — спросил меня Вожак.

«Пойдем, ваша поляна у меня на пути», — сказал я, потряхивая головой. Слух восстановился еще не полностью.

«Почему ты не кричал?» — ехидно поинтересовался Рыжик. — «Крикнул бы — уши сохранил».

Я, не вступая в споры, взял свои вещи и пошел за Котами, которые периодически передавали мне образ зеленого котенка с огромными ушами. Я их, можно сказать, спас — а они издеваются. Хорошо, что Коты незнакомы с Саней и Димой — точно бы спелись, и тогда самоубийство через повешение стало бы для меня вполне приемлемым вариантом развития событий.

По пути к нам присоединился белый в серую полоску котик, который показывал мне дорогу от поляны прайда.

— Привет, Сусанин, — поздоровался я с малышом.

«Я — Сусанин!», — гордо сказал котенок. Это были первые слова, которые он отчетливо передал. Я улыбнулся, Вожак похвалил котика, Рыжик одобрительно толкнул его лапой, а Халва лизнула малыша в носик.

«Я — Сусанин! Я — Сусанин! Я — Сусанин!», — гордо повторял первые в своей жизни слова котенок, весело прыгая перед нами. Мы шли за ним, радуясь жизни. Коты отвлеклись от обсуждения глупого джисталкера и добродушно комментировали новое имя котенка. Кто такой Сусанин они, понятное дело, не знали, и я не поторопился повышать их эрудированность.

Минут через десять я, Рыжик, Халва, Вожак и Сусанин вышли на поляну прайда.

На сухом развесистом дереве уже расположились Старшие Коты, и оно снова стало напоминать облезлую новогоднюю елку, увешанную мягкими игрушками. В углу поляны играли несколько маленьких котят, которые на нас не обратили никакого внимания (думаю, были бы у меня куропатки — дело обстояло бы несколько иначе). Две парочки молодых Котов неспешно прогуливались по траве, как отдыхающие по парку Культуры и Отдыха. Под деревом Старший Кот обучал двух подростков, ровесников моего проводника, премудростям кошачьей лесной жизни. Коты мира Ворк обладают короткой памятью — недавно бушевавшая война была мгновенно позабыта.

«Я — Сусанин!», — гордо объявил наш котенок на всю поляну и посмотрел на меня, прося подтвердить его новое имя.

— Сусанин, конечно же. Только успокойся, — посмеиваясь, поддержал я котика и почесал его за ушком. После этого Сусанин убежал под дерево и присоединился к кошачьей лесной школе. На поляне прайда царил мир.

«Сколько времени продлится твоя Охота», — перешел Вожак к делу.

«Дня три-четыре. Не больше пяти», — честно ответил я.

«Судя по тому, что ты успел за три дня (по рассказам Рыжика), за пять дней вы перевернете этот мир», — пошутил Старший Кот.

«Если сравнивать с настоящей охотой, то в прошлый раз мы загоняли дичь. А теперь надо ее выслеживать», — объяснил я Вожаку принципы детективного расследования.

«Что, сын, не передумал?», — обратился вождь прайда к моему Коту.

«С Тимом очень весело, отец. И очень вкусно», — непосредственно ответил рыжий лакомка.

«Ну что ж, тогда больше вопросов не имею. А, да, чуть не забыл», — старый интриган сделал небольшую паузу, и продолжил: — «Ошейник и кольцо-коготь у тебя есть? А то тот, что ты нам оставил, сейчас очень далеко».

«Есть», — улыбнулся я на хитрость Вожака, и он заметил то, что я его раскусил. При этом кошачий Макиавелли не испытал и секундной неловкости, и честным наивным взглядом уперся мне в глаза. — «Если все завершится удачно — Рыжик вернется в прайд с новым ошейником».

«Это очень хорошо», — удовлетворенно ответил рачительный руководитель кошачьего хозяйства и начал что-то мурлыкать сыну на ухо, по-видимому, давая последние наставления, так как настроение у него в этот момент было очень деловитое. Закончив с сыном, Вожак взглянул на меня.

«Тим, береги Рыжика. Он часто ведет себя, как глупый котенок», — попросил меня обеспокоенный отец.

«Папа!», — возмутился могучий рыжий воин, муж красавицы Халвы и фактически глава кошачьего семейства.

«А ты молчи, когда старшие разговаривают!», — сердито сказал строгий отец, и Рыжик виновато поджал уши.

«Я сделаю все, от меня зависящее, чтобы максимум через пять дней мой друг Рыжик рассказал тебе много новых историй», — искренне сказал я, и Вожак закрыл на пару секунд глаза, удовлетворенный моим ответом.

«Ну, все тогда. Халва проводит вас до границы владений прайда. Удачи вам на Охоте», — попрощался Вожак, подошел к сухому дереву и одним прыжком взлетел на самую удобную ветку, которую никто из Старших Котов почему-то не занял (видимо она соответствовала кошачьему трону).

Я, Рыжик и Халва развернулись, и направились к границе поляны. В этот момент ко мне подбежал котик-проводник и ткнулся лбом в мою ногу.

«Я — Сусанин!», — попрощался со мной огромный котенок.

«До встречи. Учись хорошо и когда-нибудь ты станешь новым Вожаком», — напутствовал я малыша и погладил его по пушистой голове.

«Я — Сусанин!», — пообещал он мне хорошо учиться, развернулся и побежал обратно в лесную кошачью школу. После этого мы покинули поляну прайда.

Я не спеша брел по мирному лесу Котов, давая попрощаться пушистым влюбленным, которые шли за мной, вдохновенно мурлыча о чем-то своем. Когда мы подошли к огромному дереву (ствол которого смогли бы обхватить, держась за руки, минимум пять взрослых мужчин), Рыжик передал мне что тут проходит граница владений прайда.

Я остановился и, покопавшись в вещах, достал бронированный ошейник-передатчик и кольцо-коготь. Борис Кузнец немного усовершенствовал вещицу. В прошлый поход это был простой бронированный ошейник, который мог слегка вибрировать, когда подаются сигналы при помощи кольца-когтя. Это являлось неплохим альтернативным способом связи с котом. При помощи примитивной азбуки Морзе я мог подавать сигнал Рыжику, носящему ошейник, когда мы не могли с ним общаться. Теперь, помимо этих полезных свойств, Борис встроил в ошейник пару камней, которые выглядели как недорогой горный хрусталь и были похожи на простые украшения. На самом деле эти высокотехнологичные камни могли ярко светиться, если ошейник получит определенный сигнал от кольца-когтя. Еще, опять же при получении сигнала от кольца, камни могут мгновенно выдать высоковольтный разряд, от которого носитель ошейника надежно защищен. Если кто-то в этот момент держится за ошейник — несчастному можно только посочувствовать.

Недостатком стало то, что после электрического импульса предмет полностью разряжается, и на повторную зарядку уходят почти сутки непрерывного движения носителя ошейника. Светиться камни тоже вечно не могут, и после часа работы происходит самоотключение, при этом на повторную самозарядку

вновь потребуются сутки.

Надев ошейник на Рыжика, я отошел в сторонку и отвернулся, после чего рыжий влюбленный стал прощаться со своей пушистой возлюбленной. Коты нежно мурлыкали, а я терпеливо ждал.

«Рыжик, нам пора», — сказал я, честно выждав десять минут.

Кот расстроено посмотрел на меня, потом развернулся и лизнул черную кошку между глаз. Заслужив ответную нежность Рыжик, наконец, оторвался от предмета своего обожания и подбежал ко мне. Я махнул Халве рукой на прощание, мы развернулись и стали углубляться в лес. Халва сидела под огромным деревом и смотрела нам вслед.

Джисталкер и огромный рыжий кот быстро шли по лесу, в противоположную от Вихрь-города сторону.

Работа 3. Предполетная

«Хорошо, что кабаны летать
не умеют», — думал я, вытирая
с автомобиля птичий помет.

(случай на охоте)

Двигаясь по лесу в хорошем темпе, Рыжик грустил, а я шел за ним и думал. Дорога от места переноса в мир Ворк до города Огрбурга, куда я планировал попасть, была разработана в том же джисталкерском комитете. А впрочем, совсем не проработан этот вопрос в комитете, за что столько денег содрали — непонятно. На карте путь был отмечен чуть изогнутой стрелкой, вот тут, мол, прибыл — и вот сюда надо добраться. Как будто это не лес, полный хищных, а зачастую и магических, тварей, а большой город, вроде Москвы. Приземляешься в Сокольниках, потом надо попасть на Красную Площадь — и все. Никаких пояснений, ни названий улиц, ни станций Телеполитена — словом, ноль абсолютный. В Москве можно хоть остановить сердобольную бабушку и поинтересоваться маршрутом, правда получишь ворох ненужной информации о невоспитанных медсестрах в районной поликлинике и недоброкачественном валокордине в аптеках, но крупицы нужных сведений тебе все-таки дадут. Где взять такую бабулю в лесу мира Ворк я не знал — поэтому просто шел по лесу в нужном направлении и по пути высматривал подходящих старушек. Забегая вперед, скажу — одну я все-таки нашел.

Постепенно Рыжик повеселел (коты не могут долго расстраиваться), и стал часто убегать вперед, периодически возвращаясь обратно и развлекая меня кошачьими шутками. Настроение сразу поднялось, и я уверенно продолжал шагать в нужном направлении. Если идти в нужную сторону, то рано или поздно придешь к намеченной цели. А целью на этот раз служило огромное лесное озеро, называющееся Глуб, куда впадали все лесные речки этой части света. Посередине озера находился небольшой остров, на котором стояла цитадель Той Стороны.

Огрбург, город Той Стороны, куда мне надо было попасть, находился в противоположном направлении. Но путь туда от леса Котов проходил через Вихрь-город и фактически весь лежал на территории Этой Стороны. Думаю, с зеленой рожей орка меня бы не правильно поняли местные жители. Даже если снять коллоидную маску и челюсть с клыками — цвет кожи и запах замаскировать затруднительно. Доказывать местным ребятам, что

я хороший парень, и при этом пахнуть так, что все встречные собаки будут выть при моем приближении, как будто чуют настоящего орка, думаю, получилось бы как-то неубедительно.

Небольшое поселение на острове является местным аналогом аэродрома. Та Сторона вовсю использует для далеких перемещений дирижабли. Впрочем, эти цеппелины не очень большие и перевозят за один раз максимум десяток пассажиров. На борту летучего судна имеется команда из капитана, трех матросов и двух магов (Огня и Стихий), и дирижабли считаются средством передвижения быстрым, но чрезвычайно опасным (как впрочем, все, к чему прикладывают руки маги Огня) и при этом билет на летающий корабль стоит огромных денег. С деньгами я проблем не испытывал, рискнуть был готов, а вот как быстро добраться до острова — представлял плохо. Путь от леса Котов до озера при моем темпе передвижения занял бы несколько дней, ну а потом надо было еще как-то преодолеть три километра водной поверхности от берега до острова. Просто переплыть — идея не очень хорошая, полутораметровые озерные акулы очень больно кусаются.

Дирижабли Той Стороны — это сложнейшие инженерно-магические аппараты. Эта Сторона дирижабли не использует, за отсутствием острой необходимости. Территория Этой Стороны на единственном огромном материке мира Ворк, имеющий размер пары Евразий (у него даже названия нет, просто Суша), непрерывна и лежит от владений светлокожих варваров на крайнем севере до мест, где живут темные эльфы на юге. А вот Та Сторона разделена на две части, Запад и Восток. Если возникает необходимость в перемещении огромных армий, то хищники используют море, и путешествие занимает чуть меньше трех недель (морские суда оснащены магическими приспособлениями для увеличения скорости хода). Значительно быстрее (за пару дней) с Запада на Восток или обратно можно добраться при помощи дирижаблей, но только небольшому количеству пассажиров. Естественно, два дня бодрствовать, при этом напряженно работая, маги не могут, и поэтому в глухих и малодоступных местах на территории Этой Стороны отстроены цитадели-аэропорты, в которых маги сходят, а их место занимают отдохнувшие сменщики. Матросы и капитан просто двужильные — они не сменяются. Эта Сторона к таким местам не лезет, в силу давних договоренностей и по причине труднодоступности. В свою очередь Та Сторона никогда не использует крепости-аэропорты для диверсионных акций в глубине вражеской территории.

Маг Огня разогревает газ (какой — я не уточнил) в шаре

дирижабля и одновременно создает совместно с магом Стихий реактивную струю воздуха, толкающую цеппелин в нужном направлении с огромной скоростью. Дирижабль при этом поднимается выше уровня облаков, и задача мага Стихий (одновременно с созданием реактивной тяги) поддерживать защитный купол, чтобы команда и пассажиры могли дышать в разряженной атмосфере на большой высоте. Ниже летать не рекомендуется — для мага типа Амы, верхом на саламандре, сбить вражеский дирижабль — секундное дело. А так высоко никто кроме воздухоплавателей Той Стороны залететь не может. Гондола дирижабля напоминает палубу обычного речного кораблика, который унес нас от преследования галеры правителя Вихрь-города. Вместо бортов, плавно переходящих в киль, у этого кораблика днище похоже на нижнюю часть вертолета с полозьями как у детских санок.

Капитан дирижабля прокладывает курс, ориентируясь по звездам и по солнцу, в совершенстве зная и грамотно используя розу ветров (на такой высоте всегда постоянную), и цеппелин быстро летит к намеченной цели, конечно значительно медленнее земных реактивных самолетов, но двести пятьдесят километров в час — огромная скорость для средневековья. Еще капитан отвечает за все, что происходит на дирижабле во время полета. Матросы работают, как лошади, а пассажиры скучают. За любое нарушение распорядка наказание одно — за борт без парашюта (не изобретены пока там парашюты).

Так что путешествие в Огрбург от бастиона-аэропорта, имеющего немудреное название Остров, обещало быть спокойным и относительно безопасным. А вот как быстро добраться до Острова — я не знал, поэтому шел, тихонько поругивая джисталкерский комитет. Еще и стрелку на карте обозначили изогнутую. Даже дети знают то, что самое короткое расстояние между двумя точками — прямая линия. А эти предлагают мне идти почти зигзагом. Геометрию что ли в начальных классах не изучали? Недовольство я, конечно, проявлял, но от маршрута не отклонился, за что и был вознагражден. Хотя считать ли это наградой — я так до сих пор и не решил.

Я остановился, надел трикет и мягкие глазные линзы-экраны, и еще раз сверил маршрут с картой, вызвав ее на картинке громко произнеся по-русски: — «Карта». Все было правильно. Я шел по короткому участку, который должен был закончиться на небольшой каменной горе. От нее прямая линия моего маршрута шла до озера Глуб. При этом мне зачем-то предписывалось забраться на самую вершину холма. Еще раз ругнувшись, я пошел

к горке без названия.

Примерно часа через два мы с Котом подошли к каменистому холму. На его склонах деревья не росли, и местами нагромождения скал были непроходимы без альпинистского снаряжения. Подойдя к подножью, я недовольно шмыгнул носом и тяжело вздохнул. Предстоял непростой подъем на вершину, а зачем — непонятно. Еще разок тяжело вздохнув, я начал подъем. Триста метров, отделяющих подножие холма от вершины, я преодолевал час, внимательно смотря под ноги и выбирая более-менее проходимый маршрут. Рыжик ловко прыгал по камням, а я с мешком, арбалетом и мечом за спиной пытался повторять его грациозные прыжки. Получалось довольно неуклюже, и я даже разок упал, правда, удачно — не скатился вниз и только здорово ушибся. Наконец, обливаясь потом, я вскарабкался на вершину.

На плоской площадке стояла бревенчатая избушка (и как только сюда бревна затащили?). Перед избушкой на небольшой скамейке, обдуваемой всеми ветрами, сидела маленькая старушка (человек) с обветренным годами лицом, одетая в серый грязноватый балахон, и ехидно смотрела на меня, не переставая что-то вязать. Вязальные спицы мелькали в ее ловких ручках как лопасти винтов вертолета на влете.

— Я знала что орки, да ишшо Грымские, не шибко умные тварюшки, но чтоб такое — даже и не думала! — сказала старушонка надтреснутым пронзительным голоском на языке Этой Стороны, прекратила вязать и хитро блеснула молодыми и ясными глазами. Ответить я ей не смог (запыхался) и сел на камень, удачно подвернувшийся неподалеку, чтобы отдышаться.

— А ты, глупый котишка, почему не сказал ентому недалекому орку при первой встрече, что он дурень? — переключила внимание ехидная старушонка на кота, и Рыжик смутился. — Как зовут тебя, зверушка глупая?

«Рыжик», — смущенно ответил кот.

— Рыжик. Больно хорошее имя для такого кота-дурня, — сварливо прозвенела как медный тазик старушка. Ух-ты, она может говорить с котами!

— А чево тады ты сюды приперся, ежели не знал? — сразу отреагировала бабушка на мои мысли.

«Вот ведьма дает!», — восхищенно подумал я.

— Да ты на свою рожу глянь! Ведьма? — сразу обиделась бабуля. — Орк с харей, как у вепря говорит мне, бабульке-хорошульке, мол, я ведьма!

«Это же феномен! Ее надо в лабораторию для изучения!», — не смог я вовремя остановиться.

— Какой-такой хфенОмин? Я те ща устрою лаблаблаторию! — еще больше завелась бабулька-хорошулька, и не вставая со скамьи пригрозила мне клюкой.

— Извини, мамаша. Устал просто — лезет в голову всякая чушь, — быстренько извинился я.

— Если б ты сынок мой был (тьфу-тьфу-тьфу, не приведи небо) — я бы тя сначала выпорола, а потом утопила бы, как котенка увечного, чтоб мамашу-то не позорил прилюдно! — не унималась вредная старушенция. Я, впрочем, уже сориентировался, и прекратил отчетливо думать (опыт общения с котами здорово помог). Бабулька-хорошулька сразу перестала улавливать мои мысли, и понемногу успокоилась.

— Погоди, бабулька-хорошулька, дай отдышаться. Уж больно ты высоко забралась, — взмолился я.

— А кто-ж те виноват, что ты дурнем уродился, — не унималась вредная бабушка. — Это-ж надо такое удумать — с наветра на гору к мине карабкаться. Битый час на тя, лаптя, гляжу — потешаюся.

Старушка сказала, конечно, не слово «лапоть». Если перевести дословно, то звучало бы как «погнутый медный шлем без подкладки, который на незащищенную голову может одеть только неопытный воин», но смысл был — именно «лапоть». Остальной разговор — тоже не дословный перевод, но деревенский говор и интонации мира Ворк при нашем общении присутствовали.

— Туды вона глянь, — сказала старушка и махнула клюкой в направлении, противоположном моему трудному и опасному подъему.

Я встал с камня и посмотрел. Лучше бы я этого не делал — мне стало как-то очень неловко. От подножья к вершине с другой стороны каменистого холма вела даже не тропа, а довольно широкая и ровная дорога, выложенная большими плоскими камнями. По этой, я бы даже сказал, улице без особого труда смог бы подняться отряд конников сразу в две шеренги.

«Умный в гору не пойдет — умный гору обойдет. Это не про меня», — грустно подумал я, глядя на дорогу из камня.

— Глянь-ка, дурень-дурнем — а эдакое выдал! — восхитилась бабулька-хорошулька пословице, и мне снова стало немного неловко. Я решительно взглянул на старушку, и стал плавно уводить разговор в сторону от обсуждения моих умственных способностей.

— Звать-то тебя как, бабулька-хорошулька? Я — Тим.

— Торькой родители нарекли. Ты тоже бабой Торей зови.

— Баба Торя, а что ж вы не испугались орка зубастого?

— Это тебя что-ль? — удивленно спросила бабуля-хорошуля, и вдруг зашлась в приступе смеха. Смеялась бабка долго, достала откуда-то грязноватый носовой платок и вытирала им хлынувшие от смеха слезы. — Вот насмешил-порадовал. Вот удружил, дурень ты дурень, — приговаривала бабка, когда наступала небольшая пауза, но после взгляда на меня приступы смеха возобновлялись.

— Ну так все-таки, почему? — повторил я вопрос, когда баба Торя отсмеялась.

— Да я ж ведунья. Я злыдня за пару верст чую, мысли его поганые, — получил я ответ. — А ты как дурачок деревенский — безобидный.

— А что ты делаешь, когда злыдень повстречается?

— Глаза ему отведу, он мимо в шаге пройдет — не углядит ничаво.

— А мне сможешь сейчас глаза отвести?

— Не, тебе не смогу ужо, — протянула баба Торя. — Я тебе ужо казалась, поздно терперича. Токма коты лесны такое можуть.

После этих слов мне стали ясны причины чудес маскировки котов мира Ворк. Мы с бабулей-хорошулей еще немного поболтали, и я выяснил массу интересных вещей.

Мои способности телепатического контакта, благодаря которым я могу общаться с котами мира Ворк, чрезвычайно редки, но не уникальны. Мало того — их можно развивать, если этим вовремя заняться и иметь хороших учителей. Я упустил свой шанс примерно в возрасте пяти лет. То, что я умею говорить с котами — вовсе не моя заслуга. Коты мира Ворк — сильнейшие телепаты (как я уже говорил) и самый сильный ведун никогда не сможет достичь уровня даже котенка Сусанина, а уж то, что умеют Старшие Коты не может больше никто из живых существ.

Обычные люди чувствуют только направленные телепатические атаки Котов мира Ворк. Ведуны, те, что немного слабее меня, воспринимают только чувства Котов в спокойном состоянии. Я нахожусь как бы на второй ступени ведовства и могу с Котами общаться (для меня это — потолок). Третья ступень заключается в умении улавливать чувства всех живых существ. Четвертый уровень позволяет понимать четко сформулированные мысли разумных (что и было продемонстрировано бабулей-хорошулей). Ведуны, достигшие четвертого уровня мастерства, уже не могут жить в больших городах — черные мысли «злыдней» (так их назвала старушка) сводят их с ума. Ведуны такого уровня уходят в леса и ведут отшельнический образ жизни, и если все-таки им встречаются плохие люди — они отводят им глаза (при

помощи телепатического воздействия становятся для них как бы незаметными), избегая неприятных контактов. Характер у них при этом ужасно портится, что не удивительно. Впрочем, я почему-то на нападки бабули-хорошули ни разу не рассердился, относясь к ним как к природному явлению (ну может немного неприятному — но сделать-то с этим ничего нельзя). Баба Торя являлась ведуном пятого и высшего уровня. Она могла общаться с животными, уговаривая или заставляя их делать что-нибудь полезное. Передавать свои мысли, чтобы их понимал человек, могут уже только Коты мира Ворк.

Впрочем, ведовство в мире Ворк не очень популярно. В боевых столкновениях от ведунов пользы немного, а с третьего уровня, когда они уже могут быть полезны, ведунам очень трудно жить в злобном цивилизованном мире. И то, что у меня всего лишь второй примитивный уровень ведовства, — это очень хорошо. Я совсем не хотел ощущать чувства и слышать мысли людей, находясь, например, на улицах Москвы — сумасшествие было бы гарантировано.

— Ну, так чаво приперся-та? — поинтересовалась бабулька, когда закончила ликвидацию телепатической неграмотности у отдельно взятого джисталкера.

— Мне бы до озера добраться. До Глуба, — смущенно сказал я, не представляя, чем мне могут тут помочь.

— Ну так давай золотой и ляти. А лучше пехом дуй. Ежели съедят тя по пути — ничаво страшного. Одним дурнем меньше будет — никто и не приметит, — продребезжала старушенция и хитро взглянула на меня.

Бабуля-хорошуля просила у меня золотую монету, а за что — непонятно. А впрочем, хотя бы за информацию о ведовстве бабе Торе уже можно заплатить, так что я, особо не раздумывая, достал золотой и протянул старушке. Хитрая бабулька вытянула свою сухую ручку, похожую на куриную лапку, и монета волшебным образом испарилась.

— Ну ляти, голуба, — сказала после этого баба Торя и вернулась к вязанию, я ее больше не интересовал.

Джисталкер стоял на вершине скалы и удивленно пялился на ведунью, которая не обращала на него никакого внимания и монету возвращать при этом явно не собиралась.

Работа 4. Разгонная

Перед взлетом самолету
нужно набрать скорость…

(из пособия «Пилотирование
для Чайников»)

Бабуля-хорошуля спокойно вязала, а я стоял и смотрел на нее в полном недоумении. Потом я осмотрелся, но ничего достойного внимания не обнаружил. Решив, что аппарат для перелета может быть в доме, я подошел к избушке и открыл ветхую деревянную дверь. Обстановка в единственной комнате была небогатая. В углу находилась мазанная печурка, рядом с ней примостилась широкая неубранная кровать с огромным количеством подушек. Под закопченным окошком стоял чистый столик с одной табуреткой и в углу находился шкаф, забитый чем-то съестным. Рядом с ним валялось огромное седло — больше в комнатке ничего не было.

— Чаво енто ты в дом лезешь? Тя кто приглашал? — раздалось за спиной недовольное дребезжание. Я закрыл дверь и решительно подошел к старушке.

— Баба Торя, а как лететь-то?

— Вот дурная головушка, — бабка с жалостью смотрела на меня, осуждающе покачивая головой. — На Гошке полятишь, дурень.

— А кто это — Гошка?

— Как кто? — удивилась бабуля. — Дракон знамо дело.

— Дракон?!!

— Ну да, чаво орешь-та?

Я поперхнулся, закашлялся и несколько секунд был не в состоянии сказать ни слова. То, что в мире Ворк существуют драконы, я в теории знал, но не видел их ни живьем, ни в виртуально сконструированной гашек-записи,

— А где он, дракон этот? — справился я, наконец, с неожиданным бунтом своей дыхательной системы.

— Поднялся бы сюды как умный чаловек, все б узрел, а так канешна, дурак-дураком, — продолжала меня костерить бабулька, не давая никакой информации. А впрочем, я уже привык к этому.

— Ну, где дракон-то?

— Спустися отсель по-человечьи, орк-дурачок, все и углядишь, — загадала очередную загадку бабуля-хорошуля, но

потом, поглядев на мою озадаченную физиономию, сжалилась и добавила: — Тама дыра больша, иди в нее, не заплутаишь. Гошка там каменья черные лопаит, тащи его сюды — я спомогу оседлать те его — и ляти, голуба.

«У подножья, по-видимому, пещера. Там дракон и находится», — подумал я.

— Во! Не совсем ты дурень стоеросовый! Тащи Гошку сюды, — обрадовалась бабка-телепатка моей сообразительности. Я не стал вступать в прения, оставил у скамейки узел с вещами, там же положил арбалет, развернулся и быстро начал спускаться по широкой каменной дороге к подножью холма, слыша с вершины причитания бабули-хорошули: «Вот дурень-та, всем дуракам — дурак! Сама главна дурилка в лясу…». Кот шел рядом и хитро на меня поглядывал. Рыжий негодяй явно был согласен с вредной старушкой.

Спустившись по удобной и ровной дороге к подножью холма, я действительно сразу увидел зев огромной пещеры. Подойдя к нему и секунду постояв в нерешительности рядом с темным туннелем, из которого доносился едва слышный скрежет, я включил при помощи кольца-когтя свет на ошейнике Рыжика и решительно шагнул в темноту. Кот бежал по туннелю чуть впереди, освещая дорогу, а я шел за ним. Туннель был с ровным полом и понемногу уводил вниз. Скрежет с каждым шагом становился все громче, и минут через десять я увидел источник этих неприятных звуков.

Тоннель заканчивался небольшой пещерой, и у одной из ее стен находился дракон. Зверь была размером с африканского носорога. Если к телу носорога добавить толстый хвост трехметровой длины, а голову посадить на длинную и в то же время могучую шею, то будет что-то похожее на это создание. На носу у дракона красовались два рога над каждой ноздрей, а мощные ноги заканчивались не носорожьими копыто-пальцами а когтистыми лапами древних динозавров. Когти, правда, больше походили на небольшие лопаты или даже кирки. Клыков у дракона я не заметил, и зверь ничем не напоминал кровожадного хищника, хотя и был чем-то похож на драконов с древнекитайских гравюр.

Зверь копался в стене, в основном используя рога над ноздрями и изредка помогая себе передними лапами. На меня дракон никак не отреагировал, ни на секунду не прерывая своего увлекательного занятия. Мы с Котом подошли почти вплотную к его огромной голове, и я стал с интересом наблюдать за драконьей работой. Дракон, как заправский шахтер, добывал

каменный уголь.

Антрацит в этом месте не лежал огромным пластом, а попадался небольшими вкраплениями в известковую породу. Дракон разрывал стену и выгрызал кусочки каменного угля, после чего с наслаждением его жевал огромными плоскими зубами. В целом дракон производил впечатление доброй и умной зверюги, и поглядывал на меня с веселым интересом. Похоже, он относился к своему шахтерскому занятию как деревенский парень на завалинке к лузганью вкусных семечек. Веселое ненапряженное времяпровождение — и не более того. Постояв минут десять, я понял — мое появление не нарушило планов дракона. Он продолжал лузгать антрацит, и не собирался прерывать своего увлекательного занятия. Как тащить к бабуле-хорошуле животное весом несколько тонн — я себе не представлял.

— Гошенька, пойдем со мной а? — жалобно попросил я дракона, после чего он скосил хитрый глаз с вертикальным зрачком в мою сторону, и продолжил увлеченно выкапывать каменный уголь.

«Как его к бабке тащить-то?», — спросил я Кота.

«Не пойдет он. Не хочет», — ответил Рыжик, явно симпатизируя этому живому танку.

— Гоша! — крикнул я строго. — Беги скорее наверх — баба Торя зовет!

Дракон плевать хотел на мою строгость. Весело выкапывая вкусные черные куски угля из известняка, и хитро скашивая на меня огромный глаз, покрытый прозрачной пленкой второго века, дракон олицетворял собой памятник, посвященный беззаботному времяпровождению. Мне на его деревенской завалинке места не было. Я обошел зверя, схватился за его хвост и стал тянуть к выходу. Шкура у дракона была горячая (градусов пятьдесят по Цельсию) и очень шершавая.

— Гооошаааа! Пойдеееемм! — надрывался я изо всех сил в попытках сдвинуть зверюгу хоть на миллиметр. Эти попытки напоминали старания муравья убрать со своего пути междугородний автобус. Под конец Гоша шевельнул хвостом, и я плавно отлетел метра на три, покатившись по полу пещеры. Вскочив на ноги и обойдя животное, я стал толкать его в грудь, мешая копать уголь. Шкура на груди дракона была такая же горячая, как и на хвосте. Скоро дракону это надоело, и он нежно мотнул головой, после чего я снова плавно улетел в сторону. Зверь просто отгонял меня как ворона отгоняет от добычи нахальных воробьев. Я человек упорный, поэтому возился с драконом полчаса, периодически отлетая в сторону, вскакивая на

ноги и снова бросаясь к ленивому зверю. Наконец мне все это надоело и я сел на пол пещеры рядом с довольной драконьей мордой. Зверь косил на меня хитрым глазом с вертикальным зрачком, не прерывая своего увлекательного времяпрепровождения. Рядом сидел Рыжик, и потешался над моими нелепыми попытками сдвинуть дракона.

«Помог бы лучше», — обиженно сказал я рыжему зрителю, и заслужил картинку зеленого клыкастого муравья, тащащего в гору огромное бронированное чудище. Вид у муравья был очень озадаченный.

— Ладно, ты доигрался, глупый дракон, — рассерженно сказал я. — Сейчас пойду и бабе Торе нажалуюсь!

Дракон Гоша хитро на меня покосился, но серьезно мое заявление не воспринял. Если совсем уж честно, то я боялся идти к бабуле-хорошуле без дракона. Если то, что я залез на гору не с той стороны (ну мало ли — может я альпинист!) вызвало такую реакцию у старушки, то уж за бесполезность в качестве драконьего проводника она меня просто сравняет с землей. Но деваться было некуда — я встал на ноги и, пригрозив ленивой зверюге кулаком, пошел в сторону выхода. Рыжик радостно побежал впереди.

Поднявшись к избушке бабы Тори, я встал перед ней с видом, выражающим сакраментальное: «Ну, не смог я!»

— А хде Гошка-та? — удивленно спросила меня бабушка.

— Не хочет он сюда идти, — буркнул я.

— И чаво, он сам тябе сказал об ентом? — ехидно поинтересовалась бабуля-хорошуля.

— Я догадался.

— Вот догада-то кака ко мне пожаловала! Радость-то кака! Могет мине встать и в пояс тебе кланяться надоть? Не, ты намякни, мола баба Торя, ты мине поклонися, а то давненько ты дурням не кланалася, — стала изгаляться бабка. — Ето-ж надоть так ляпнуть-та? Дагадалси он!

— А что мне делать-то?! Ну не идет дракон сюда — хоть ты тресни, — не выдержал я.

— Трещишь как дятел, а толку никакова, дурень — есть дурень, — вынесла свой вердикт вредная старушка, посмотрела на меня, сжалилась и дала наставление: — За шары его бяри и тащи сюды.

— Не понял, — протянул я удивленно.

— Чавой засмущалси? — притворно удивилась бабуля-хорошуля. — У самого нету чтоль? Ну что тебе молвить на то — не удивительна ето мине. Зачем такому дурню шары-та? Таких же

дурней плодить?

— Как это — за шары? — хлопая глазами, спросил я.

— За яйцы (я не виноват — так вредная бабка сказала!) его бяри — да сюды тащи! — крикнула баба Тря, окончательно рассерженная моей тупостью. — С виду деревенский дурень, а штисняется как городской болван!

Полностью обалдевший от открывшихся перспектив, я развернулся и снова начал спускаться к подножью холма. Вслед летело сердитое бормотание бабульки-хорошульки: «За шары его хвать — и сюды тащи, дурень! За яйцы драконьи, а не за свои бярись! А свои шары — беряги! Пригодятся еще, дураку, хотя…». Рыжик шел рядом, довольный донельзя, и, по-моему, полностью солидарный с болтливой старушкой.

Спустившись с холма, я зашел в пещеру и через десять минут снова стоял рядом с драконом. Кот отошел в сторонку, и с интересом стал ждать предстоящего циркового представления. И надо сказать — я его не разочаровал.

— Гоша, в последний раз добром прошу — пойдем со мной к бабушке! — строго сказал я, настраивая себя на предстоящее решительное действо.

Дракон не обращал на меня никакого внимания, продолжая с аппетитом уплетать антрацит.

— Ну ладно, ты сам напросился! — сказал я грозным голосом и подошел к Гоше с тыла. Я постоял в нерешительности минуту, потом плюнул на пол с расстройства, разбежался и пнул дракона меж задних ног. Обиженный рев зверюги чуть меня не оглушил. Дракон резко повернул шею, и его голова стала смотреть назад. В воздухе запахло ацетоном.

«А теперь беги», — посоветовал мне Рыжик, и первый рванулся в сторону выхода. Я послушался совета, развернулся и быстро побежал за котом. Воздух затрещал, и, повернув на бегу голову, я увидел, как дракон пустил струю огня (сильно напомнив мне в этот момент огнемет из одной компьютерной игры) прямо себе на хвост. Потом массивная туша зверя развернулась и дракон Гоша с жутким топотом, от которого затряслись стены пещеры, побежал за мной.

Я бежал по ровному полу туннеля, глядя на рыжий хвост, мелькающий впереди, и с ужасом слушал мерный топот за спиной, сопровождающийся ревом. Ревел Гоша низко и однотонно, этот звук мало напоминал яростный вопль зверя и был чем-то похож на приглушенный рев мощного автомобильного мотора.

Выбежав из пещеры, я увидел впереди огромный ствол

лесного гигантского дерева и побежал к нему. Дракон не отставал, преследуя меня с кряхтением обиженного деревенского силача. Обогнув ствол дерева, я побежал в обратном направлении и вскоре несся по каменной дороге к бабе Торе, на которую я в тот момент очень рассчитывал, как чуть позже оказалось — зря. Дракон бежал за мной.

— Я те чо сказала? — закричала старушка, когда увидела меня, бегущего со всех ног. — Хватай и вяди, сказала! А ты почто животинку-то мучаишь? Тябе бы так самому по шарам дать!

На скамейке перед домом сидела вредная бабуля, которая не сделала ни одного движения, чтобы мне помочь. Рыжик примостился рядом с моими вещами, улегся и начал с интересом наблюдать за гонкой. Кот настроился на длительное шоу. Я пробежал мимо них и стал оббегать избушку. Дракон, как привязанный, бежал следом.

— Да ты не пережувай, бягун! — крикнула бабка, когда я начал поворот за избушку и уже не прекращала меня напутствовать до тех пор, пока я не скрылся с ее глаз. — Гошка — зверюга незлобливая. Часок тя погоняет и остынет. Только быстра бяги — Гошка на бягу огнем пляваться не могет. Остановишься — он тя быстра поджарит.

«Мне с тобой весело», — радостно поставил меня в известность Рыжик, и я побежал по удобной каменной дороге вниз. Ответить я им не мог, так как берег дыхание — дракон топотал за мной почти с такой же скоростью.

Трасса забега проходила между покосившейся бревенчатой избушкой на вершине холма и огромным стволом дерева у его подножья. Лидером гонки был джисталкер, который несся, нарезая круги, каждый раз ловко огибая избушку в верхней точке трассы и ствол дерева на нижнем повороте. За ним, как тяжелый паровоз, пыхтя, бежал огромный дракон, размером с африканского носорога. На ровных участках трассы дракон сокращал отрыв от лидера гонки, и порой его огромная голова находилась буквально в метре от джисталкерского затылка. Но на поворотах зверюгу подводила инерция движения — дракону приходилось тормозить свою огромную массу и тогда разрыв увеличивался.

За всем этим с интересом наблюдала зрительская аудитория, состоящая из рыжего лесного кота и маленькой сморщенной старушки, удобно устроившаяся на скамейке (которая в этот момент заменяла трибуны стадиона) перед домом на верхнем участке трассы. Кот смотрел молча, являясь болельщиком джисталкера, и изредка давал ему бесценные советы, а

старушенция не умолкала ни на минуту, описывая все перипетии гонки как профессиональный комментатор, при этом явно болея за дракона. Остальных обитателей леса острая и напряженная гонка преследования абсолютно не интересовала.

Работа 5. Полетная

Птички вольные летят –
Пока им не запретят.

(бюрократическая
частушка)

Пробежав очередной круг, точно уже не помню какой по счету, я забежал на вершину холма (примерно через полчаса увлекательной гонки) и Рыжик меня обрадовал:

«Дракон уже не так сердится на тебя, остыл».

— Набегался бягун? В следраз умнее будешь, — вторила коту бабуля-хорошуля. — А чичас в дом забегай, а то уйдет Гошка и те его сызнова тащить сюды придетси.

Снова заманивать дракона на гору мне как-то не улыбалось, и я не стал оббегать избушку, а забежал в дверь, предусмотрительно открытую сердобольной старушкой, которая уже к тому времени стояла на ногах. Забежав в комнату, я закрыл за собой дверь, и почему-то стал ее удерживать за огромную ветку, прибитую изнутри в качестве дверной ручки. Так я постоял немного в позе бурлака, упираясь изо всех сил, потом нелепость этого занятия дошла до моей дурной головы (чем больше тебе талдычат, что ты дурак — тем быстрее ты сам в это начинаешь верить). Я отпустил бедную дверь и подошел к окну.

За окном царила идиллическая картина. Дракон Гоша стоял, понурив голову, и с виноватым видом выслушивал бормотание бабы Тори. Бабулька-хорошулька схватила Гошу за ухо и тихонько говорила ему что-то явно нелестное. Рыжик лежал рядом со скамейкой и с довольным видом за всем этим наблюдал.

— Эй, дурень! — крикнула баба Торя повернув голову к избушке. Внимание вредной старушки было обращено явно на меня. — Сядло тама хватай да тащи сюды. Токма сядло, а не шкап и не подуху, а то знаю я тя ужо!

Я взял огромное седло, открыл дверь и с большим трудом протиснул его в узенький дверной проем. Выйдя на улицу, я застыл в нерешительности. Подходить к дракону мне, почему-то, не хотелось.

— Да не боись, пока я рядушком Гошка смирный будет, — попробовала успокоить меня ехидная старушка, но я ей не поверил. Деваться было некуда (лететь как-то было надо) и я подошел с огромным седлом в руках к странно поглядывающему на меня Гоше. Зверюга явно задумала какую-то пакость.

— Сядло пристегни к Гошке, умеешь хоть, дурень? — поинтересовалась вредная бабулька, после чего я занялся драконьей сбруей. Надо сказать, что оседлывать дракона было не сложнее, чем коня Выхря, так что через пять минут седло оказалось водружено на драконью спину, недалеко от основания шеи.

«Мы на нем поедем, как на лошади?», — поинтересовался Рыжик.

«Полетим вроде бы, я сам первый раз», — честно ответил я рыжему путешественнику, и он заинтересованно посмотрел на дракона.

— А с котом как быть? — спросил я бабу Торю.

— Перед собой посадишь и делов-та, — ответила старушка, но потом нахмурилась, и ее лицо стало похоже на печеное яблоко. — Он же все сядло оцарапаит, ща кожи кусок дам, сядло обернуть.

После чего бабуля-хорошуля отпустила дракона и зашла в дом. Я опасливо взглянул на зверюгу и тут меня отвлек Рыжик.

«А мы не упадем с него?» — спросил он меня, недоверчиво глядя на дракона.

«С коня же не падали», — стал успокаивать я Кота.

Я продолжал объяснять Коту безопасность полетов на драконах (в чем сам был не до конца уверен), и потерял бдительность, за что мгновенно поплатился. Свет померк в глазах, и когда я смог снова взглянуть на этот мир, то обнаружил себя лежащим в позе эмбриона на камнях. Если какой-нибудь умник спросит меня: «Почему?», — я тут же задам встречный вопрос: «А вы когда-нибудь получали драконьим хвостом промеж ног?». Бабка, вышедшая из своей избушки, смеялась, дребезжа как медный тазик, Кот прыгал рядом, довольный драконьей шуткой, а сам Гоша миролюбиво переступал с ноги на ногу, в полной гармонии с жизнью и природой, дружески похлопывая меня хвостом по ноге.

«Ну ладно, чего уж тут, заслужил», — подумал я, кряхтя поднимаясь на ноги.

«Ага», — радостно прокомментировал Рыжик мою мысль.

— Точна, дурень! Гошка зверюга добрючая, но справедливая! — вслух согласилась баба Торя с моими тяжкими думами.

После достижения мира между мной и драконом дело стало продвигаться значительно быстрее. Обмотав выступ седла куском кожи, который принесла баба Торя, я стал сдавать практическую работу по седланию драконов строгому экзаменатору. Бабуля-

хорошуля придирчиво осмотрела мой труд, и я получил зачет.

— Хорошо оседлал-та, не совсем уж круглый дурак, — вынесла свой вердикт хитрая старушка. — Ну чаво, полятишь ты когда-нибудь, аль нет?

— А Гоша нас до острова довезет? — спросил я бабушку.

— Нет, ты все-таки круглый дурень, — сразу рассердилась старушка. — Гошка — животинка магическая, огненная. А ты его хочешь над озером гонять. Драконам рядом с большой водой находиться категорически не рекомендовано.

Я ошарашено уставился на бабушку. Последняя фраза была бы уместна в устах ученого профессора Апика. Произнесенное неграмотной лесной жительницей высоконаучное высказывание произвело на меня серьезное впечатление. Баба Торя явно была очень непростой старушкой.

— Ладно те, дурень. Хватит умничать-та, — сразу засмущалась вредная бабулька, и стала технично уводить разговор в сторону. — Оставит он тя на полянке, недалече. Там близко топать, дойдешь какнить.

— А не подскажешь дурню, бабулечка-хорошулечка, как через озеро переправиться? — решился я.

— Ладна, скажу, токма не болтай больна нигде, — сказала баба Торя. — Тама недалече гоблин Трошка живеть, маг водяной. Тоже старик — один отшельничает. Скажи, мол баба Торя дурня прислала, чтоб спомог те. Трошка придумает чтонить.

— Так ты с Той Стороной дружишь, — удивился я.

— А чаво нам делить-та? Это молодежь пусть глотку друг дружке рвет, а мы отвоевались ужо, — ответила бабушка устало, и на меня пахнула вековая старина. Бабуля-хорошуля объяснила мне, как найти гоблина после полета на драконе, и после этого тяжело вздохнула.

— Извини баба Торя, если обидел чем случайно.

— Да не, повеселил ты меня, дурень. Ляти ужо давай — чета подустала я, пойду, прилягу.

Я подошел к дракону, весело косящему на меня глазом с вертикальным зрачком, и через секунду уже устроился в огромном седле. На сбруе имелись вставки, напоминающие ручки заднего сидения мотоцикла, упоры для ног, похожие на стремена, и сидеть было очень удобно. Рыжик подбежал и ловко взлетел на переднюю часть седла, обмотанную куском кожи. Крепко вцепившись когтями в кожу, кот застыл, в радостном предвкушении новых впечатлений, немного нервничая. Я тоже слегка побаивался предстоящего полета. Баба Торя подошла к морде дракона и что-то ему стала бормотать, по-видимому, давая координаты конечного пункта. После этого бабуля-хорошуля

отошла от зверя и махнула рукой. Было очень похоже на отмашку судьи «на старт». Гоша развернул огромные крылья, которые я до этого момента принимал за костяные пластины на боках, и несколько раз махнул ими для разогрева. Меня обдала волна горячего воздуха, чем-то напоминающая воздушную волну от крыльев саламандры, но гораздо более прохладную. После этого дракон разбежался в сторону пропасти, по которой я карабкался на эту гору в первый раз. Над краем пропасти он подпрыгнул, сложил крылья под углом (став чем-то похож на дельтаплан) и уже через секунду мы полетели, быстро набирая скорость. Оглянувшись я увидел как баба Торя махнула нам рукой, потом сгорбилась и медленно пошла в свою избушку.

Дракон сделал плавный разворот в воздухе, взмахнул крыльями и стал набирать высоту. Полет на драконах не похож ни на что другое. Крыльями зверь машет очень редко и как он набирает при этом высоту — непонятно, не иначе использует магию Огня, насквозь пропитавшую его тело. Но если на саламандре могут летать только огненные маги, то на драконе есть возможность покататься всем желающим. Полет напоминает быструю езду по горной дороге. Сначала дракон резко набирает высоту (примерно метров сто над деревьями), а потом скользит по воздуху, постепенно снижаясь, и перед новым набором высоты его брюхо почти задевает ветви верхушек лесных гигантов. Ощущения седока сравнимы с тем, что испытывают любители американских горок. Мы с огромной скоростью неслись по воздушным волнам, периодически взмывая на стометровую высоту над зеленым ковром леса и снова спускаясь почти к самым кронам деревьев. Сначала я ужасно нервничал, в упор глядя на проносящиеся под ногами могучие ветви (находясь в нижней точке траектории полета), мысленно представляя себе последствия столкновения, но потом привык. Вот к постоянной качке привыкнуть было труднее, и примерно через час полета у меня началась морская болезнь, с которой я мужественно боролся. Рыжик никакого дискомфорта не испытывал и весело вертел головой, радуясь новым впечатлениям. Иногда мне очень хотелось сойти с летательного средства и идти пешком, наплевав на потерю времени, но пару раз мы пролетали над большими полянами — и дурные мысли мгновенно покидали мою глупую голову. Лес под нами кишел жизнью и, по-моему, — жизнью совсем не дружелюбной. Вернее, обитатели леса были бы мне конечно рады — но эта радость имела скорее гастрономический характер. На полянах бродили настоящие динозавры, некоторые из которых обладали зубами, которые я увидел, проносясь над

ними с огромной скоростью. Самих-то зверей толком не разглядел — а вот их зубы очень даже успел рассмотреть. Имея такие челюсти, есть траву — просто кощунство.

Один раз наш дракон что-то почуял и начал набирать высоту гораздо раньше, чем обычно. Через некоторое время мы неслись уже очень высоко — и тут из леса вылетела туча каких-то тварей и устремилась к нам. Туча быстро догоняла дракона, и через минуту я уже видел наших преследователей. Нас догоняли маленькие дракончики, каждый размером не больше земной кошки, вот только их пастям с жуткими зубами мог бы позавидовать любой земной аллигатор. Первый дракончик в стае догнал Гошу и мгновенно вцепился в его хвост. Наш дракон издал от боли жуткий рев и прибавил скорость. Преследователи не отставали, а мелкий зубастик висел на драконьем хвосте, болтаясь как прищепка на бельевой веревке. Гоша бил хвостом, как пастух кнутом, но зубастая тварь держалась крепко, и нас уже стали настигать друзья зубастика. Я снял с плеча арбалет, перегнулся в седле и почти в упор всадил болт в голову дракончика. Тварь завизжала как бензопила, отпустила Гошин хвост и полетела вниз, похожая на кусок тряпки. Долго падать ей не дали — часть стаи прямо в воздухе набросилась на жертву и через долю секунды на ветру кружили только кожистые крылышки. Я, как стрелок-радист истребителя, сбил еще пару тварей, которых постигла та же участь от своих собратьев. Когда я сбил третьего дракончика, стая его быстренько растерзала и отстала от нас. Гоша скосил на меня глаз с вертикальным зрачком, рыкнул что-то вроде «спасибо» и мы полетели дальше.

Больше ничего интересного не происходило, и я задремал в седле, летя над лесом, хотя еще час назад мне казалось, что спать так невозможно. Человек — зверек неприхотливый, ко всему быстро привыкает. Проснулся я, когда Гоша начал торможение. Поинтересовавшись временем на табло трикета, я с удивлением понял — мы провели в полете около шести часов. Еще через десять минут дракон шумно захлопал крыльями, почти оглушив меня и Рыжика, и мы приземлились на большой поляне. Я неловко сполз со спины дракона на землю и стал разминаться — от неудобного сидения затекло все тело. Чувствовал я себя неважно — как после долгого аэровоздушного перелета. Кот весело прыгал рядом не испытывая ни малейшего дискомфорта.

— Спасибо тебе, Гоша, — сказал я, подошел к дракону и хлопнул его по боку, чем заслужил веселый взгляд могучего летуна.

«Дракон просит тебя снять седло. Спина у него чешется», —

сказал мне рыжий переводчик.

Я обошел дракона и быстро отстегнул огромное седло, которое свалилось на траву. С участка драконьей шкуры, который был прикрыт седлом, пошел легкий пар, как от кружки горячего чая, и Гоша блаженно прикрыл глаза. Потом дракон лег на траву, перевернулся на спину, и стал чесаться, катаясь по земле и порыкивая от удовольствия. Рыжик убежал куда-то изучать окрестности, я тоже быстро привел себя в порядок и стал с удовольствием наблюдать за катающимся по траве драконом, который рычал все громче и громче, вовсе не собираясь прекращать свое приятное занятие. Дракон, по-моему, был еще очень молод. Больше всего он мне в тот момент напоминал веселого беспородного щенка, валяющегося в пыли.

Тут кусты затрещали и на поляну, скорее всего привлеченный драконьим рыком, вышел огромный зверь, ненамного меньше нашего дракона. Гоша сразу вскочил на ноги, с видом собаки на прогулке, неожиданно встретившую другую собаку, и с интересом уставился на зверя. Теперь на поляне находилось два дракона. Драконы одновременно встрепенулись и побежали друг к другу, подпрыгнули и сшиблись в воздухе. Через секунду посреди поляны катался шар, состоящий из двух драконов.

«Они убьют друг друга, а потом меня убьет баба Торя», — мелькнула в голове странная мысль. К бабуле-хорошуле я не собирался возвращаться, по идее-то.

Приглядевшись, я понял — драконы вовсе не дрались. Они играли, и второй зверь был явно драконицей. Шар из драконов распался, драконица лизнула Гошу в ухо, развернулась и побежала в лес. Гоша, больше не обращая ни на кого вокруг внимания, побежал за ней. Я постоял секунду, потом схватил седло и побежал за ними.

— Гоша стой! Бабкино седло забери! — орал я на бегу. Драконы полностью игнорировали мою персону и бежали впереди. Рядом весело скакал Рыжик.

«Он тебя слышит, но не слушает», — сказал догадливый Кот. Как будто я сам этого не понимал.

— Гоша стой! Баба Торя тебя убьет! Она и меня убьет! Стой, я сказал! — орал я, таща неудобное седло, в безнадежной погоне за все отрывающимися драконами. Потом драконы одновременно взмахнули огромными крыльями и взлетели. Я остановился, безнадежно глядя им вслед. Через десять секунд в синем небе на горизонте можно было с трудом разглядеть две точки, а потом и они скрылись с глаз.

На лесной поляне стоял ошарашенный джисталкер с большим седлом в руках. Он посмотрел на пустое небо, бросил свою неудобную ношу на траву, сплюнул в расстройстве, после чего с ненавистью уставился на седло. Рыжий Кот хитро смотрел на джисталкера, изредка передавая всему лесу образ зеленого оленя с седлом на голове. Одно радовало джисталкера — из-за огромного седла были не видны оленьи ветвистые рога.

Работа 6. Береговая

Переправа — не отрава.

(поговорка паромщика)

Внимательно осмотрев седло, я пришел к неутешительным выводам. Вещь была старая, я бы даже сказал — раритетная. На потертой коже можно было с трудом разглядеть рисунок дракона в полете, медные вставки позеленели, а в углу стояло клеймо мастера-изготовителя. Бросать ценный предмет в лесу не стоило, и я поднял седло с травы. До чего же оно было неудобным! Вернее, ехать в седле, когда оно было пристегнуто к драконьей спине, было очень удобно, а вот нести его в руках совсем даже наоборот. Во-первых, седло было большое, размером с домашнее кресло. Во-вторых, если нести его за ручки, то оно волочилось по земле, а если держать за ручку, взвалив на плечо — начинало больно бить по ногам при ходьбе. Возился я с седлом минут десять, пытаясь удобнее его перехватить, под конец мне все надоело, я водрузил седло на голову и, поддерживая его одной рукой, отправился искать гоблина. Рыжику оседланный джисталкер очень понравился, и он шел рядом, с удовольствием комментируя мой внешний вид. Я тоже в долгу не оставался, обещая надеть седло на пушистого умника, чтобы наконец-то, хоть один кот на свете понял, что означает служение высшему существу — человеку! Так, весело пикируясь, мы и дошли до жилища гоблина.

Хижина гоблина, стоящая прямо на брегу озера Глуб, напоминала индейский вигвам, вокруг которого был сооружен невысокий (примерно мне по пояс) забор из острых кольев. На заборе сушились шкуры и одежда, а сам гоблин, одетый в чистенький балахон мага Холода, ходил с двумя маленькими ведерками между озером и огромной бочкой, стоящей рядом с хижиной. От бочки к его вигваму вела большая медная труба. Увидев меня, гоблин остановился, поставил ведерки на пол и всплеснул ручками в воздухе.

— По лесу идет оседланный орк! — гоблин схватился руками за голову, потряс себя немного, успокоился и добавил: — Это невозможно — не смешите меня!

Говорил Трошка быстро и отчетливо, как опытный базарный торговец. Голос его, высокий и глухой одновременно, казалось, звучал около самого уха. После этой фразы гоблин поднял

ведерки полные воды и спокойно прошествовал мимо, не обращая на меня никакого внимания. Мы с Рыжиком стояли и смотрели, ничего не понимая. Гоблин с ведерками поднялся по небольшой приставной лестнице к краю огромной бочки, выплеснул туда воду, аккуратненько спустился и прошел в шаге от нас, снова направляясь к воде. Своего водоносного занятия он прерывать не собирался.

— Извините, вы гоблин Трошка? Маг Воды? — спросил я, откашлявшись, когда гоблин с невозмутимым видом прошествовал мимо. Гоблин остановился рядом, повернулся ко мне и с интересом уставился на седло.

— Галлюцинация разговаривает. Интересно-интересно, — сказал задумчиво старичек-гоблин (при этом он ужасно грассировал, и последняя фраза звучала как «интегесно-интегесно»), и вдруг неожиданно кинул в меня пустое ведерко. Ведро попало в седло, и я потерял равновесие. Назад я его не уронил (удержал с большим трудом) но, возвращаясь в исходное положение как маятник, не рассчитал, и седло стало съезжать с головы вперед. Я растерялся и отпустил неудобную вещь. Через секунду на земле лежал кряхтящий оседланный гоблин.

— Извините, неловко получилось, — пробормотал я смущенно, освобождая гоблина из-под седла.

— Да, ты не галлюцинация, — деловито вынес свой вердикт гоблин, поднимаясь на ноги. — И кто же ты тогда?

— Мне баба Торя посоветовала к вам обратиться, — ответил я. — Нам надо на Остров.

— И после того как Торька тебе помогла, ты спер у нее седло? — восхищенно поинтересовался гоблин Трошка, растягивая свою сморщенную рожицу в радостной ухмылке.

— Эээээ… — протянул я. Такая постановка вопроса мне в голову почему-то не приходила. — Понимаете, это получилось совершенно случайно.

— Понимаю, — радостно кивнул головой гоблин. — Многие великие кражи, о которых потом слагали легенды, были сделаны совершенно случайно.

— Вы не правильно поняли… — совсем смутившись, промямлил я.

— Да ты не стесняйся, юноша! Сначала седло Торькино, потом меня обворуешь, а там глядишь — и прославишься на весь Ворк! — радостно закричал Трошка.

— Дело было так, — решительно начал я, и быстро рассказал историю с драконом и драконицей.

— Ну, это же совсем другое дело! — обрадовался гоблин. — Я думал простой вор пришел, а у меня в гостях, оказывается,

драконий сводник! Ты попробуй поставить разведение драконов на коммерческую основу. Мысль дарю бесплатно.

Объяснять что-либо вредному старикашке, как я понял, было занятием безнадежным. Такие люди понимают только конкретные предложения, и если начинать с ними ни к чему не обязывающий разговор, то можно часами трепаться ни о чем, а мне надо на Остров.

— Трошка, а вы бы могли передать бабе Торе седло? — задал я первый конкретный вопрос.

— А зачем это мне? А вдруг ты его спер, и тогда Торька точно скажет — Трошка с ума сошел, послал орка седло у меня спереть, — не согласился гоблин. — Нет уж, сам спер — сам и возвращай, если хочешь. Меня в свой криминал не вмешивай.

— Да не крал я седло!

— А я разве говорю, что крал? Лежало седло никому не нужное, да я бы сам подобрал! Тебе просто повезло!

Спорить было бесполезно, и я решил сменить тему.

— Давайте забудем про седло.

— Да не видел я никакого седла! Что ты заладил, седло-седло, — сразу согласился улыбчивый гоблин. — Я сёдел не видел ни разу в жизни. Даже не представляю, как сёдла выглядят!

Мы посмотрели на друга пару секунд, и я продолжил:

— Мне баба Торя говорила…

— Ну, раз Торька сказала, значит, так оно и есть, ты не сомневайся, юноша. Торька лишний раз не соврет. Вот кто бы другой сказал — верить бы не посоветовал. А вот бабе Торе — доверие полное.

— …что вы можете…

— О, я многое могу, юноша. Но многое — это не значит что все. Все, мой друг, не может никто на свете. И старый гоблин все не может. Немногое могу, но что конкретно — сам, знаешь ли, часто забываю. Старость не в радость, мой юный друг.

— …помочь…

— Помогать — дело хорошее. Без помощи нет общества, а без общества — нет нас. Что мы без общества, так — букашки. А букашки никому не нужны, даже обществу, правильно я думаю?

— …переправиться на Остров! — с трудом закончил я, и перевел дух. Разговаривать со старым гоблином оказалось просто невыносимым занятием.

— А что ж ты не поплывешь? Плыть — это целое удовольствие. Плавание, знаешь ли, юноша, здорово развивает духовно и физически. Плавать…

— Акулы.

— А что акулы? Так — рыбки. Ты что, рыбу никогда не ел? А

хотя понимаю — в тебе с детства развились комплексы, мания преследования, рыбофобия…

— Да, — не стал я вдаваться в подробности, тем более что «гыбофобия» у меня действительно имелась, когда дело касалось акул.

— Ну, тогда можно доплыть, предположим, на седле, — после этих слов мы пару секунд поиграли в гляделки. — Ах да, склероз замучил, известная гоблинская болезнь. Нет же у тебя седла, я помню, помню.

После этого гоблин сделал вид, что мучительно задумался. Я ему не мешал — наступившая тишина после гоблинской трескотни меня очень радовала, даже больше скажу — ласкала слух. Впрочем, это блаженство продлилось не долго.

— Конечно, уважаемой бабе Торе я отказать никак не могу, тем более помогать друг другу — долг разумных существ, ты согласен? — гоблин невинно взглянул на меня.

— Конечно, — сказал я с умным видом.

— Поэтому, как только я доделаю свою работу (наполнить бочку надо), я сразу же займусь твоим вопросом, — сказал разговорчивый Трошка, поднял ведерко, развернулся и с деловым видом пошел к воде.

Я удивленно посмотрел на спину деловитого гоблина. Трошка неспешно шел к озеру, помахивая в воздухе крохотными ведерками (каждое размером примерно с пивную кружку). После этого я подошел к огромной бочке, в которую при желании мог бы поместиться дракон (если его немного утрамбовать) и, поднявшись по приставной лестнице, заглянул за край. Вода в бочке едва покрывала дно. Такими темпами можно было наполнять бочку водой пару месяцев. Я спустился с лестницы и стал задумчиво чесать затылок. Тем временем гоблин вернулся и начал громко кряхтя (мне показалось — излишне громко) подниматься по ступенькам, останавливаясь на каждой и переводя дух. Поднявшись на последнюю, он поставил ведра на широкой ступеньке, поднял одно, делая вид, что сейчас надорвется, и выплеснул воду в бочку. После этого так же неспешно опорожнил второе ведерко. Пожалуй, со сроком в два месяца я погорячился — минимум полгода. После этого гоблин неспешно спустился на землю и присел на той же лестнице, якобы устав.

— Старость, юноша, куда от нее деваться. Когда я был так же молод как ты, эту пустяковую работу я бы сделал очень быстро, — сказал гоблин, и горестно всплеснул ручками. После чего встал, взял пустые ведерки и снова неспешно двинулся к озеру.

— Погодите, давайте я помогу, — сказал я, гоблин тут же развернулся ко мне и с готовностью протянул пустые ведерки.

— Я так и знал, что ты очень добрый орк, хоть и грымский, — радостно сказал Трошка после того, как я взял ведерки и бегом рванул к воде.

Гоблин сел на стульчик рядом со своим вигвамом и стал с удовольствием наблюдать за моей работой. Я бегал с ведерками от озера к бочке, а гоблин с довольной улыбкой следил за мной, вертя головой, напоминая зрителей на теннисном матче, провожающий взглядами и поворотами голов летящий теннисный мячик. Мне же моя работа напоминала попытку наполнить при помощи наперстка ванну. В очередной раз выплеснув воду, я посмотрел на результат своего труда. Уровень воды в бочке поднялся максимум на палец — таким темпом я закончу работу через пару дней.

— А нет у вас более емкой посуды? — спросил я с надеждой, на что гоблин виновато развел руками.

— Вот чего нет — того нет, — улыбаясь, сказал гоблин, потом подумал и предложил: — А может, седлом попробуешь?

Я сердито посмотрел на Трошку, и тот виновато опустил глаза.

— Ах, да. Седлом не получится, — сказал гоблин, потом подумал и добавил: — Да и нет же никакого седла, совсем забыл!

— Кстати, а что это за водная магия? — спросил я, воспользовавшись случаем для передышки. — Я слышал только о четырех видах магии.

— Да это Торька так говорит, — радостно ответил Трошка. — Обычная магия Холода, работаю при средних температурах с жидким льдом — водой.

После этих слов гоблин выжидающе взглянул на меня, требуя продолжения водоносной работы. Надо было что-то срочно предпринимать — переправа через озеро грозила затянуться на неопределенный срок. Я внимательно посмотрел на Трошку и встретил оценивающий взгляд прожженного хитреца.

— А если я как-то компенсирую ваше время, потраченное на меня в ущерб наполнению емкости? — витиевато выразился я, с намеком глядя в бегающие глазки гоблина.

— Ну, не знаю… — неуверенно протянул гоблин. — Уважаемая баба Торя просила помочь бесплатно…

— Насчет «бесплатно» не было упомянуто, — быстро сказал я.

— А что, сразу сказать трудно было? — тут же спросил Трошка, уставившись на меня с обвиняющим видом. — Слово «помощь», юноша, в наше время каждый вертит, как ему

вздумается.

— Виноват, — не стал вступать я в философский диспут, тем более что шансов переспорить Трошку у меня не было.

— Все в лучшем виде исполним за ваши сбережения! — мгновенно повеселел гоблин. — Пара золотых — и ты уже считай на Острове!

— Ого! — возмутился я. Шестичасовой полет на драконе стоил меньше. Мы минут десять поторговались и сошлись на одной золотой монете. Я расплатился с Трошкой и гоблин буквально засветился от нежности к моей скромной персоне.

— Вот это я понимаю! Уважаемый клиент! А то бегают разные голодранцы, требуют финансово необеспеченной помощи. У меня что — на лбу написано «Трошка всем помогает»? — радостно верещал старичок-гоблин.

— А как же с бочкой? — спросил я, чтобы прервать словесный поток.

— А, да это минутное дело, — отмахнулся гоблин, и щелкнул пальцами в воздухе, что-то быстренько пропев.

В озерной воде недалеко от берега появилась небольшая воронка, которая стала подниматься в воздух, превращаясь в тоненький водный смерч. Водный столб поднялся ввысь на десятиметровую высоту, потом изогнулся и уперся концом в бочку. Буквально через минуту бочка была наполнена до краев и змея, состоящая из воды, обрушилась на траву, брызнув каплями во все стороны. В воздухе запахло озоном как после грозы. Я и Рыжик с удивлением уставились на гоблина.

— А зачем же вы воду таскали? — спросил я удивленно.

— Физическая нагрузка необходима в моем возрасте.

— А зачем меня заставили бегать?

— А что, тебе таки хотелось бесплатной помощи? — хитро спросил Трошка. Ну да — сам виноват в принципе.

— Да нет, — смущенно сказал я.

— Ну, тогда в чем дело — вопрос?

— Да нет, все нормально, — пролепетал я.

— Сейчас пойдешь на Остров — вот тогда все будет нормально. Сделаю в лучшем виде! — весело сказал гоблин, взял одно ведерко и пошел к озеру.

Трошка набрал полное ведерко воды, поднес к своему носу и что-то прошептал над ним (мне даже показалось, что этот мелкий пакостник туда плюнул!). Потом он вернулся к бочке и протянул мне ведерко.

— На, пей, — велел мне гоблин.

Я с сомнением взял ведерко, полное воды (оно еще больше

стало напоминать мне пивную кружку), с недоверием взглянул на Трошку (он мне хитро подмигнул) и, зажмурившись, залпом выпил всю воду.

— Да мог бы сделать один глоток, — весело сказал хитрый старичок, заслужив мой недовольный взгляд.

— А что теперь? — спросил я у довольного гоблина.

— А теперь — все! — радостно заявил водяной маг.

— Не понял?

— Вон озеро, а вон Остров, — начал объяснять гоблин мне, как полному идиоту. — Послушай, тебе туда надо? Вот и иди. У тебя есть примерно час.

Я неуверенно подошел к озеру и наступил на воду. Водная поверхность меня держала. Я сделал еще несколько шагов, и недоверчиво рассмеялся. Если вы ходили когда-нибудь по водному матрасу, то хорошо поймете мои ощущения. Вода немного прогибалась под моими ногами (при каждом шаге сантиметров на десять-пятнадцать) и я мог «идти по морю яко по суху».

— Кота не забудь, — сказал гоблин, и я вернулся на грешную землю. Взвалив на шею Рыжика (он удобно свесил лапы мне на грудь и стал похож на модный меховой воротник), я вернулся к озеру и сделал пару неуверенных шагов по воде. Глубже проваливаться в воду, имея четырехпудового кота на шее, я не стал. Движение по воде почему-то не зависело от моего веса.

— Седло не забудь, — снова сказал гоблин, после чего мне пришлось снова вернуться на берег и водрузить себе на голову ненавистное драконье седло.

— Ну, вроде все. Ты поспеши, а то пройдет действие эликсира — мигом на дно пойдешь — даже Торькино седло тебе не поможет. Акулы опять же… — напутствовал меня гоблин Трошка, и я пошел по воде к Острову.

По водной ряби озера неловко топал джисталкер, основное внимание которого уходило на удерживание равновесия. На шее джисталкера висел довольный рыжий кот, радостно глядящий вниз на снующих под ногами полутораметровых акул. Акулы плавали под водой, не обращая на непривычную дичь над своей головой никакого внимания. Джисталкер брел по воде, энергично дергая в воздухе левой рукой для равновесия, а правой судорожно вцепился в огромное седло, водруженное на его голову. С берега за этим наблюдал довольный гоблин, в одеяниях мага Холода. Гоблин периодически сгибался и начинал судорожно хихикать, держась при этом за живот.

Работа 7. Конечная

И если ты не паразит —
добро пожаловать в «Транзит»!

(рекламный слоган компании дирижабельных перевозок)

Поначалу идти было очень неудобно, и я пару раз чуть не упал. Ладно, хоть поверхность озера не скользила. Потом приспособился и пошел немного быстрее. Примерно на полпути до остова я начал уставать. Рыжик становился все тяжелее, да и седло на голове совсем не способствовало быстрой ходьбе. Пот заливал глаза, а ноги начали предательски подрагивать, но я упорно двигался вперед — мысль об акулах под ногами придавала сил. Но все равно скорость передвижения оставляла желать лучшего, так что три километра, отделяющие берег озера от Острова, я преодолевал час. Когда до берега острова оставалось метров сто я начал проваливаться в воду. Передвижение стало еще медленнее. Теперь я шел как по глубокому снегу, вытаскивая ноги из воды (ладно хоть акул не было поблизости). Когда до берега оставалось метров двадцать, я провалился в воду полностью. Меня выручило седло — оно плавало. Рыжик спрыгнул с моего плеча на него, и я поплыл, толкая перед собой импровизированное плавсредство. Рядом проплыла акула, но пока она думала, как ей поступить с неожиданно свалившейся на голову добычей, я достиг берега и выскочил из воды как ошпаренный, таща за собой седло. Кот успел ловко спрыгнуть на берег (рыжий негодяй при переправе даже лап не намочил). Устал я жутко, присел на седло, чтобы перевести дух, и стал осматривать Остров (пока я переправлялся через озеро, мне было совсем не до того).

Остров был большой и почти круглый — примерно километр в диаметре. Скорее всего, он являлся вершиной подводной горы и выглядел как большой каменный холм без следов какой-либо растительности. На его вершине стояла крепость-аэропорт Той Стороны. Двадцатиметровая стена из огромных плотно подогнанных друг к другу деревянных бревен (каждый ствол был заострен на конце, смотрящем в небо), окружала бастион. Стена соединяла высокие каменные башни, похожие на шахматную фигуру ладья. Над всем этим возвышалась огромная башня (высотой метров пятьдесят), которая находилась в самом центре

крепости. На вершине этой башни ждала прибытия плавучего судна в данный момент пустовавшая открытая дирижабельная площадка. На стене, обращенной в мою сторону, имелись большие ворота (высотой тоже около двадцати метров и почти такой же ширины) окованные железом. В огромные ворота была врезана небольшая дверь.

Передохнув немного, я встал, поднял седло и начал подниматься по ровной дороге, ведущей от берега к бастиону и упирающейся прямо в калитку. Через пять минут я стоял напротив небольшого закрытого окошка в окованной железом двери и стучал в нее небольшим молоточком, подвешенным рядом на медную цепочку. Стучал я довольно долго. Наконец окошко открылось, и я увидел жуткую рожу орка (как будто в зеркало поглядел). Орк окинул меня насмешливым взглядом и скривил рожу, как будто увидел что-то не совсем приличное.

— О, грымский пришел. Вход в цитадель одна серебряная монета, знаешь? — процедил орк.

— Выход, надеюсь, бесплатный? — пошутил я в ответ.

— Ты войди сначала, потом узнаешь, — лениво ответил стражник и стал закрывать окошко.

— Подожди, плачу уже, грабитель, — заторопился я, положил на землю седло и полез в кошелек. Орк остановил руку, закрывающую окошко и стал ждать с таким видом, как будто ему все на свете ужасно надоело. Я достал серебро и протянул его в оконный проем. Серебряная монета исчезла, и стражник закрыл окошко. Я остался стоять снаружи. Ничего не происходило. Постояв минут пять я снова начал стучать. Через пару минут настойчивого стука окошко открылось снова. На этот раз увидел рожу тролля в стальном шлеме.

— О, грымский приперся. Вход двадцать меди, знаешь? — спросил тролль.

— Вы что, озверели тут от скуки! — заорал я в негодовании. — Только что орк с меня серебро содрал!

— А билет дал? — лениво поинтересовался тролль.

— Нет, — удивленно сказал я.

— Тогда чего орешь? Сам денег дал — сам и разбирайся. У нас тут учет строгий. Будешь платить или снаружи останешься?

— Буду, — буркнул я и снова заплатил за вход, правда, на этот раз получил билет. Когда окошко закрылось, я не на шутку разозлился, но тут же заскрипел засов, и дверь открылась. Сутулый тролль посторонился, и я вошел на территорию бастиона-аэропорта. Рыжик просочился следом и тут же убежал исследовать новую территорию.

Внутри крепости находился целый поселок. У стен приткнулись большие (иногда трехэтажные) дома, над входами которых висели цветастые вывески. Тут имелись магазинчики, гостиницы, административные здания, таверны и кабачки. Народу во дворе крепости было много. В центре возвышалась грандиозная центральная башня, на вершине которой, как я уже говорил, находилась площадка для приема дирижаблей. Основание башни состояло из военных казарм и штабных комнат крепостного гарнизона.

Тролль, впустивший меня в крепость, запер калитку, отошел от ворот и скрылся в небольшой двери стоящего рядом здания, на котором красовалась вывеска с надписью «охрана». Внимательно оглядев двор, я нигде не заметил орка, который содрал с меня серебряную монету, хотя двор был полон. Около казарм стояла парочка огромных огров, закованных в тяжелые доспехи, и лениво беседовала. Рядом с таверной кучка троллей и орков о чем-то громко спорили. Пробежал гоблин, спешащий по своим неотложным делам. Аэропорт жил своей жизнью.

Маленький гоблин, одетый в богатые доспехи, остановился напротив меня и радостно улыбнулся.

— Грымский! Только что из воды вылез! Тоже, наверняка, рыболов, — окинув меня насмешливым взглядом, громко провозгласил гоблин, развернулся и убежал. Высказывание «вылез из воды» является аналогом нашего выражения «слез с пальмы», так что я был ненадолго окружен нездоровым интересом всех, находящихся поблизости. Впрочем, немного пошушукавшись между собой, на меня перестали обращать внимание, и я пошел вдоль зданий искать место, где можно было бы приобрести билет на дирижабль. Одно из зданий находилось недалеко от ворот и являлось аналогом нашей кассы. Над входом висела вывеска, гласящая: «Дирижабли „Транзит“». Я вошел в здание, с трудом протащив седло в дверной проем. Рыжик тем временем вернулся и пролез в дверь прямо под седлом, даже не попробовав мне помочь, а впрочем, я этого от кота и не ждал.

В комнате находился высокий стол, напоминающий обычную барную стойку, и за ним сидел гоблин — маг Тверди, который чего-то писал в толстой книжке с кожаным переплетом. Я подошел к стойке напротив него, положил на пол седло и замер в ожидании. Через пару минут гоблин, наконец, обратил на меня внимание.

— Тебе что надо, орк? — деловито спросил гоблин.

— В Огрбург когда дирижабль будет? — поинтересовался я.

— Завтра ранним утром.

— А места есть?

— Сейчас гляну, — сказал гоблин и начал листать свою книгу, а я с интересом наблюдал за его занятием. Это была так называемая книга-копия. Я много о них слышал, а вот увидел первый раз.

Книга-копия является примитивным аналогом Интернета в мире Ворк. Изготовлением их занимаются маги Тверди. Книга делается из очень редкого сорта бумаги, оплетается в кожу каменного хамелеона (что это за зверь я точно не знаю, но для изготовления книг-копий шкура его нужна обязательно) и подвергается сложному магическому воздействию. Чернила, которыми пишется все в этой книге, изготовляется с использованием крови все того же каменного хамелеона. Делается одновременно четыре книги-копии. После этого если писарь (обязательно маг Тверди) пишет в одной книге, одновременно занимаясь плетением несложного магического заклинания, то в остальных трех книгах тоже появляются эта запись.

Книгу обычно делят на четыре раздела, и каждый магический писарь заполняет только свой раздел. Если надо узнать, что написано в другом месте, то книга перелистывается в нужный раздел и на огромном расстоянии практически мгновенно узнается нужная информация. Книги стоят немало, но полеты на дирижаблях значительно более дорогое удовольствие и поэтому для обслуживания полетов они используются.

— Полный дирижабль вылетел, — сказал писарь радостно.

— Мест не будет? — уныло спросил я, уже ни на что не надеясь.

— Да ты что, пустой отсюда улетит, — успокоил меня гоблин.

— Что — все тут останутся? — я очень удивился. Что можно делать в таком глухом местечке — я представлял плохо.

— Конечно! Сезон ловли магнитной рыбы наступил, — гордо ответил гоблин.

— А зачем ты тогда в книжке рылся, раз и так знаешь, что пустой дирижабль в Огрбург полетит? — поинтересовался я.

— Да так, — засмущался гоблин. — Посмотреть, кто из известных рыбаков сюда летит.

— Это что за зверь такой — магнитная рыба? — спросил я, с улыбкой глядя на смущенного продавца билетов.

— Ты не знаешь?!! Вот грымские дают! — широко раскрыв глаза от удивления выпалил писарь и стал вводить меня в курс дела. Проделывал гоблин этот процесс, прямо-таки светясь от удовольствия. Видно и сам он был большим любителем рыбалки.

Стрелки компасов, изготовленные из намагниченного железа, в мире Ворк работают плохо, постоянно реагируя на любое проявление магической активности. А так как магия используется повсеместно, то это становится большой проблемой для морских и сухопутных путешественников. Скелетики магнитных рыб обладают всеми необходимыми свойствами и при этом на магические поля никак не реагируют, поэтому в качестве стрелок для компаса используются только они. Водятся магнитные рыбы исключительно в глубоководных озерах, таких как Глуб. На территории Этой Стороны два таких озера расположены гораздо ближе к удобным и многонаселенным местам, а вот на территории Той Стороны таких озер нет.

Магнитные рыбы обычно живут на огромной глубине и их поймать невозможно. Один раз в году примерно на пару недель они всплывают на поверхность для брачных игр, вот тогда обычно их и ловят. Помимо так необходимого жителям мира Ворк скелета, магнитные рыбы еще и необыкновенно вкусны, а мясо магнитной рыбы обладает огромным количеством полезных свойств. По словам подмигнувшего мне гоблина, у съевшего магнитную рыбу парня значительно увеличивается мужская сила.

Вот только ловить магнитных рыб — целое искусство, да еще и перевозить их нельзя, так как они очень быстро портятся, а при ловле погибают почти мгновенно. Готовить их надо в течение часа после поимки. Ловить магнитную рыбу на Остров в это время съезжаются все профессиональные рыбаки Той Стороны, так что сейчас в цитадели-аэропорте все разговоры велись исключительно о рыбалке. Из-за сезонного всплытия магнитной рыбы на Острове скопилось огромное количество народа, все остальное время здесь кроме гарнизона и транзитных пассажиров никого не было.

Просветивший меня гоблин, которого звали Хоб, обычно нес тут службу в течение месяца, а потом почти месяц отдыхал (служба в такой глуши хорошо оплачивалась). При этом Хоб увлекался рыбалкой, о чем он меня и проинформировал, как только закончил ликвидацию рыболовной неграмотности у отдельно взятого джисталкера. Путем интриг и подкупов начальства в сезон всплытия магнитной рыбы гоблин всегда находился тут.

Как я уже упоминал, ловля магнитных рыб — очень непростое занятие, да еще и сильно ограниченное по времени. Эти существа в обычных условиях живут под километровой толщей воды, где царит вечная темнота, поэтому для брачных игрищ рыбы всплывают только тогда, когда солнце садится за горизонт. Все озеро тут же заполняется лодками и корабликами,

все остальное время мирно стоящими у причала (поэтому, когда шел по воде, я ни одной лодки и не видел). Примерно через пару часов акулы засыпают и еще через два часа в озере царят подводные динозавры, которые могут перевернуть даже огромный корабль. Естественно, продолжать ночную рыбалку в таких условиях — форменное самоубийство, так что на ловлю магнитных рыб отводится три-четыре часа в день и не больше. Поймать пару рыб за день считается неплохим уловом. Сетью ловить магнитную рыбу тоже нельзя (в воде водятся огромные твари, которые с легкостью порвут мелкую сетку), так что рыбаки ее только удят, экспериментируя с наживками.

Хоб вытащил откуда-то книгу по рыболовству и с гордостью продемонстрировал мне последние модели в наживочном ремесле и лучшие экземпляры удочек. До земных разработок в области рыболовства миру Ворк предстояло еще очень долго развивать данную отрасль (тут еще даже спиннинги не изобрели). Естественно, говорить это гоблину я не стал, а только восхищенно цокал языком, делая удивленное лицо. Затем Хоб начал мне долго рассказывал, каких огромных магнитных рыб ему удавалось поймать (самая большая была чуть меньше мужской ладони) и сколько он выручает денег за неделю лова (а вот это оказалось серьезно — один скелетик стоит десять золотых). Хоб продемонстрировал мне рисунок, и я с удивлением обнаружил сходство магической магнитной рыбы с обычным земным окунем.

После этого мы вернулись к его непосредственным обязанностям. Гоблин продал мне билеты на завтрашний утренний дирижабль в Огрбург. Действительно — перелет на дирижаблях было дорогим удовольствием, один билет стоил десять золотых, десять с меня взяли за Кота, и еще пять я заплатил за багаж (проклятое седло!).

— А где тут можно остановиться до утра? — спросил я, когда с делами было покончено.

— Да, скорее всего ты не найдешь место в гостиницах, грымский, — ответил гоблин. — Сейчас все тут занято — сезон!

Я озадаченно почесал в затылке. После сегодняшних приключений все тело побаливало, и спать на холодной земле мне совсем не хотелось. Гоблин тем временем глянул в окно и быстро засобирался. Солнце уже клонилось к горизонту, и Хоб стремился на свою рыбалку.

— Меня Тим зовут, кстати, — представился я. — Хоб, посоветуй, что мне делать-то?

Гоблин внимательно посмотрел на меня, что-то про себя прикидывая, потом почесал свой длинный нос и, наконец, сказал:

— Место ты не найдешь — это точно, — Хоб сделал паузу и продолжил: — У меня к тебе есть один вопрос. Ты умеешь управлять парусной двухместной лодкой?

— Немного умею, — нерешительно сказал я. В парусном спорте я не очень силен — катался несколько раз на яхтах с инструктором и не более того.

— Тогда у меня есть к тебе деловое предложение, — с сомнением начал гоблин, потом окинул меня взглядом и решился: — Мне на сегодня нужен напарник для рыбной ловли. Готов?

— Да, — не стал ломаться я.

— Вот и хорошо! — обрадовался гоблин и снова засобирался.

В небольшой комнате суетился деловитый гоблин в одежде мага Тверди, заканчивая рабочий день, а у двери стоял джисталкер и терпеливо ждал. У ног джисталкера сидел рыжий Кот, который требовал еды и грозился откусить кусок от огромного седла, лежащего рядом.

Работа 8. Традиционная

Встречают — по одежке.
Провожают — по голове!

(пословица гопников)

Когда мы вышли из здания кассы, Хоб запер за нами дверь, и начал разъяснять ситуацию. Брачные игры магнитной рыбы в этом году начались немного раньше обычного, и первый улов у предусмотрительных рыбаков, приехавших заранее, был уже вчера. Напарник Хоба, некий тролль Васиз, должен прилететь на завтрашнем утреннем дирижабле, и получается, что они теряют целых два дня. По этому поводу Хоб ужасно расстраивался и даже пробовал вчера выйти на рыбалку в одиночку. Получилось это у него не очень удачно — мало того, что не поймал ни одной магнитной рыбы, так еще и едва успел пришвартоваться до закрытия крепостных ворот. А найти нормального партнера в сезон, к которому готовятся все рыбаки целый год, было занятием практически невыполнимым. Все сюда приехали готовыми командами. Имелась парочка претендентов, но таких партнеров — врагу не пожелаешь, как сказал Хоб.

Предложения гоблина Хоба состояло в следующем: он селит меня в номер гостиницы, забронированном на его напарника, мы ловим рыбу и завтра я улетаю, а тролль Васиз меня сменяет. Улов гоблин согласился поделить пополам, с условием, что он только ловит рыбу, а я помимо ловли еще и управляюсь с парусами, так как при рыбалке необходимо периодически менять места лова.

— Пойдем быстрее, — поторопил меня гоблин. — Надо еще тебя поселить и успеть на «рыбную кружку».

— Что еще за «рыбная кружка»? — спросил я, прибавив шаг. Хоб почти бежал, и я неловко ковылял за ним, таща неудобное седло.

— Традиция! — важно крикнул гоблин на бегу. — Перед ловлей все рыбаки собираются в таверне и пьют эль.

Мы забежали в широкую дверь большой таверны, которая была забита народом. Гоблин, не говоря ни слова, пронесся к лестнице, ведущей на второй этаж, и я сопровождаемый скептическими взглядами рыбаков проследовал за ним. Впрочем, по сторонам я не особо смотрел, так как все внимание ушло на то, чтобы никого по пути не сбить седлом. Лестница была узкая, и мне пришлось поднять тяжелый предмет над головой и в таком неудобном положении подниматься на второй этаж. Наш номер

находился сразу у входа.

Номер оказался далеко не роскошным, но при этом достаточно большим. В одном углу стояла маленькая кроватка, похожая на детскую люльку. Это явно было место гоблина, хотя и кот смог бы при желании там поместится. В другом углу находилась большая кровать, на которой свободно смог бы расположится огр. Рядом с каждой кроватью стоял большой шкаф, вот и вся обстановка. Хоб мотнул головой в сторону огромной кровати и полез в шкаф, где находились его удочки. Я бросил седло рядом с кроватью, снял с плеча арбалет и мешок, выпрямился и с удовольствием похрустел суставами. Жить сразу стало значительно легче. Гоблин тем временем расположился на кровати, положив рядом с собой большой кусок кожи с кармашками, в каждом из которых находился рыболовный крючок, и стал что-то бормотать задумчиво, перебирая крючки. Я подошел к нему и начал рассматривать средневековые принадлежности для рыболовства.

— Ловить на мотыля или на червя, а хотя… — тихонько бормотал гоблин, мучительно задумавшись. — Мошкара низко летает, ветер западный вроде бы, икра лягушачья всплыла…

Один крючок меня заинтересовал. Стержень тройного крючка был длинный (сантиметра четыре) и заканчивался шляпкой как у гвоздя. Продет был стержень в колечко, к которому с двух сторон было припаяно полукольцо. Если взять за колечко, которое крепится к леске (в мире Ворк вместо лески использовали что-то вроде тонких и крепких жил каких-то животных), то крючок свободно вертелся вокруг своей оси. Интересная мысль пришла мне в голову, и я решительно взял этот крючок.

— Оставь его, деревня, — добродушно улыбнулся гоблин. — Этот крючок не подойдет для ловли магнитной рыбы.

— Ну, это мы поглядим, — вернув улыбку, ответил я. — Только надо будет ненадолго в кузницу забежать. Есть тут?

— Есть, — ответил Хоб, заинтересовавшись. — А какой наживкой будешь ловить?

— Без наживки обойдусь, — гордо сказал я и заслужил недоуменный взгляд гоблина.

— Вот деревня, — хихикнул Хоб и снова ушел в свои мысли.

Наконец гоблин пришел к какому-то решению, окончательно выбрал крючок, достал банку с наживкой и две удочки. Прицепив свой крючок на конец лески, он, посмеиваясь, хотел помочь мне, но я попросил проделать это после кузницы. После этого мы вышли из комнаты и спустились в огромный зал таверны.

Столик у гоблина был забронирован, мы там удобно

расположились и заказали перекусить, впрочем, совсем немного — удача голодных любит. Рыжик слегка повозмущался, но я его уговорил, пообещав в скором времени много рыбы. Узнав о рыбке, кот сразу успокоился.

Договорившись с рыжим шантажистом, я расслабился и стал осматривать таверну. На нас уже не обращали внимания, и поклонники рыболовного спорта увлеченно беседовали, иногда поглядывая на огромного огра в шляпе, который восседал рядом с барной стойкой с важным видом. По-видимому, этот огр был местным рыболовным авторитетом. В основном тут собрались мужчины, но в дальнем углу я заметил пару гоблинок, рядом с огром в шляпе сидела симпатичная троллька и о чем-то увлеченно ему рассказывала. Напротив нашего столика сидели две оркитянки и одна гоблинка, увлеченно споря о рыбалке. Гоблинка была хорошенькая, как куколка-вампирчик, а у одной из оркитянок были чересчур большие клыки (на мой взгляд). Вторая сидела к нам спиной, и толком я ее поначалу не рассмотрел. Потом девушки склонили головы и зашушукались, поглядывая на меня, после чего та, что сидела ко мне спиной, оглянулась, взглянула на меня с интересом, и я уставился на нее, открыв рот. Таких красавиц я не видел никогда в жизни! Эльфийки говорите красивые? Ну-ну. Вы просто не видели некоторых оркитянок.

Может быть, для кого-то метр восемьдесят пять чересчур высокий рост для девушки, а по мне так в самый раз (при моих метр девяносто). Может быть, кому-то не понравиться нежная зеленая кожа цвета свежей травы, я же был просто в восхищении (особенно от сочетания с огромными сиреневыми глазами). Может быть, вы считаете, что 90-60-90 это идеал, но я то ничего не имею против других пропорций (например, 110-55-100). Может, кого и оттолкнут маленькие клыки, чуть выступающие из под пухлой верхней губы цвета спелой малины (нижняя еще более аппетитная). Да и сильные мышцы всего тела не всем понравятся. А может просто у меня не совсем обычный вкус? Спорить не буду.

Легкие кожаные доспехи ладно сидели на сильном теле, а ручки двух полуметровых узких клинков, торчащих над каждым плечом, дополняли общую прекрасную картину. Ах да, чуть не забыл — роскошная грива черно-синих волос была искусно заплетена в четыре толстые косицы, которые образовывали на голове красавицы эффектный клубок, похожий на переплетенных змей, хвосты которых ложились на открытые ключицы.

Я пялился на оркитянку, забыв обо всем на свете. Интерес упорхнул с ее личика, и девушка грозно сдвинула густые черно-синие бровки, став еще красивее.

— И чего вылупился? — раздался низкий чувственный голос через секунду.

— А нельзя? — неожиданно для себя поинтересовался я.

— Почему же, можно, — ответила мне оркитянка, и ее голос не предвещал ничего хорошего. — Грымским многое можно, чего нельзя всем остальным.

— ?

— Сейчас узнаешь, — решительно сказала красавица, тягучим неуловимым движением (сильно напомнив мне в этот момент сэнсэя) вскочила на ноги, подскочила ко мне, и по всей таверне раздался звон оплеухи. Рука у красавицы оказалась по-мужски тяжелой и голова тут же загудела как колокол.

— Тут женщины не забитая собственность, как у вас в глуши, — грозно сказала оркитянка, стоя над нашим столиком и сверкая сиреневыми глазищами. — Ты меня понял, грымский?

— Уху, — испуганно промямлил я, глядя на грозную красавицу снизу вверх.

После этого оркитянка, с удовлетворением от хорошо проделанной работы, развернулась, грациозно подошла к своему столику, села и снова повернулась ко мне, взглянув выжидающе. Я, наученный горьким опытом, сразу опустил глаза в пол, после чего оркитянка повернулась ко мне спиной и с довольным видом продолжила разговор с подругами.

Вся таверна радостно глядела на меня, а я сидел красный как рак, радуясь в душе, что под коллоидной маской ничего не видно. Впрочем, интерес к моей персоне быстро угас и все продолжили прерванные разговоры.

— Даже и не надейся, — наклонившись к моему больному уху, тихонько сказал гоблин. — Джина — борец за женское равноправие. Уже многим нахалам руки переломала. Тебя она сейчас нежно погладила, можно сказать.

— Понятненько, — смущенно прошептал я, глядя в стол и потирая горящее ухо. Вон не везет, так не везет — попал на разгул женской эмансипации. Рыжик вылез из-под стола и с довольным видом на меня взглянул.

«Она как моя Халва, терпи», — посочувствовал мне Кот, и снова залез под стол.

Тем временем за наш столик принесли вяленую рыбу и воду в кувшине. Я безрадостно взглянул на угощение и начал грызть спинку подлещика, не забыв сунуть одну рыбку под стол. Рыжик тоже не очень обрадовался скудной пище.

— Перед рыбалкой только такая еда, иначе удачи не будет, — сказал Хоб, взглянув на мою кислую физиономию. — Потом

хорошо поедим.

Я уныло кивнул и продолжил грызть вяленую рыбу, которая оказалась на удивление вкусной. Съев все, я почувствовал себя значительно веселее. И тут от стола с эмансипированными особами послышался легкий свист. Я несмело взглянул туда (получить снова по роже мне, почему-то, не хотелось) и увидел хитро улыбающуюся красавицу, сидящую ко мне вполоборота. Девушка манила меня к себе длинным изящным пальчиком, заканчивающимся черным коготком, очень похожим на точенные накладные ногти московских модниц. Я встал и бочком подошел к девушкам, готовый при первой опасности сразу бежать как зайчик, спасая жалкие остатки мужской гордости.

— А ты молодец, — улыбнулась оркитянка. — Сразу в драку не полез, не совсем деревенщина. Какие планы у вас с Хобом на вечер?

— Да не знаем пока еще… — неловко промямлил я.

— Мы с девочками предлагаем вам пари, — сказала оркитянка и с вызовом посмотрела мне в глаза. — Мы после рыбалки будем пить! Вы присоединяетесь к нам.

— Ну, можно… — мне было немного не по себе, хоть я и млел от одного вида красавицы.

— Ты не дослушал, грымский, — грозно сверкнула прекрасными очами девушка. — Я тебе пари предлагаю, а не вечерние забавы!

— Уху, слушаю…

— Кто наловит больше магнитной рыбы — тот победитель. Проигравший за все платит. Согласен? — Сказала оркитянка, и насмешливо окинула меня взглядом с ног до головы. — Но если ты посчитаешь, после того как расплатишься, что я тебе что-то еще должна — руку сломаю.

— Идет. Ну что, я пошел? — несмело выдавил я. Что-то в присутствии Джины я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Иди, грымский, — посмеиваясь, сказала оркитянка, я развернулся и пошел к своему столику, провожаемый хихиканьем ее подруг.

— О чем говорили? — заинтересованно спросил Хоб, когда я плюхнулся на стул.

— Пари предложили, кто поймает больше рыбы, тот выиграл. Тот, кто проиграл — оплачивает совместную вечернюю пьянку, — ответил я задумчиво. Провести вечер за одним столом с Джиной, любуясь красавицей, было для меня одновременно и испытанием и удовольствием.

— Вот хитрые, заразы! — радостно пискнул гоблин. — Не на того напали! Ты, надеюсь, отказался?

— Да нет, согласился, — задумчиво сказал я, искоса поглядывая на красавицу.

Гоблин посмотрел на меня круглыми глазами, и вдруг стал надуваться. Его коричневая физиономия потемнела (хотя казалось — куда уж темнее) и мне на секунду показалось, что он сейчас взорвется. Потом Хоб с трудом выдохнул, схватил со стола стакан с водой и быстро начал пить маленькими глотками. Допив воду, он еще раз взглянул на меня красными от злости глазами, еще раз выдохнул сквозь плотно сжатые зубы и, наконец, выдавил из себя:

— Тим, ты кретин.

— А в чем дело?

— Ты хоть договорился, где будем праздновать? — спросил гоблин, чуть успокоившись.

— Нет, — удивленно сказал я.

Сцена с накаляющимся до красной отметки гоблином повторилась. Клапаном опять послужил стакан воды, который я быстро налил из кувшина и протянул Хобу, в этот момент невероятно похожему на небольшой паровой котел с ножками.

— Сто золотых монет, — горестно сказал гоблин, как только смог говорить.

— Ничего себе, — вырвалось у меня.

— Это еще если повезет, — чуть не плача сказал Хоб.

— Как это?

— Рядом с Джиной сидит оркитянка Лина, та, что поменьше, — расстроено сказал гоблин. — Она чемпион по рыбной ловле уже лет пять.

Я посмотрел на столик девушек, и встретил три довольных взгляда. Феминистки заранее праздновали победу. Лина, оркитянка с большими клыками, подмигнула мне (явно заметив мой разговор с Хобом) и послала воздушный поцелуй.

— Так они нас потащат в «Золотого Окуня», — горестно продолжил Хоб. — Там есть вина по десять золотых за бутылку. А пьют они больше чем ездовые волки.

«Да, похоже, я попал — как рыбка в котел», — пронеслось в моей голове первая умная мысль за весь вечер. Ну, вот почему, как только мне понравится какая-нибудь девушка — я сразу влипаю в крупные неприятности? Это что, такой закон природы?

— Я в это дело влез — я все и оплачу в случае проигрыша, — угрюмо сказал я гоблину.

— Грымские все такие дураки? — обиделся на меня Хоб. — Нас двоих вызвали, а гоблины моего рода никогда не прятались за чьей-то спиной! Я тебя сам в компаньоны пригласил.

Мы с Хобом пригорюнились, жуя кусочки вяленой рыбы. Может быть, гоблин просто жадничал (не осуждаю, кстати — я и сам домовитый), а вот мне для детективного расследования, заказанного зулусским бароном, необходимы были деньги, и большая часть взятого с собой золота сейчас грозила уплыть из рук, ни на шаг не приблизив меня к цели. Я взял примерно двести золотых, из которых двадцать пять уже ушло на билеты.

От тяжелых дум нас отвлек удар гонга, звонко прозвучавший на всю таверну. Огромный огр в шляпе, положив на стойку бара молоток рядом с подрагивающим медным колоколом, оглядел притихшую таверну и растянул свой жуткий рот в клыкастой улыбке.

— Время «рыбной кружки»! — проревел огр, и в зале появились четыре ловких тролля в кожаных передниках, каждый из них нес на огромных подносах просто невероятное количество кружек с темным элем.

Буквально через пару минут все посетители таверны сжимали в руках полулитровые кружки с душистым напитком, и ждали команды от огра.

— Пусть повезет сильнейшим! За удачу! — провозгласил тост авторитетный огр-рыболов, и опрокинул кружку (в его огромной трехпалой руке похожую на пластиковый стаканчик) в рот. Все вскочили на ноги и стали пить темный эль. Напиток был очень ароматный, и я забыл обо всем, пропуская через свою сухую глотку живительную влагу. Те, кто допивал кружку, ставили ее на стол с громким стуком и сразу выходили из таверны. Я и оркитянки допили одновременно, мы обменялись взглядами и они заторопились к выходу. Гоблинка за их столиком пила эль не спеша, хитро поглядывая на Хоба. Мой гоблин-компаньон пил, восторженно прикрыв глаза, и два тоненьких ручейка струились от краев кружки по его щекам.

— Мы будем бороться! — гордо сказал гоблин, громко стукнув дном кружки об стол, допив эль, и посмотрел мне в глаза.

— Уж точно сдаваться не будем! — сказал я и подмигнул своему компаньону. После этого Хоб пошел к выходу, я и Рыжик двинулись следом.

По залу таверны, полному спешащих к выходу клыкастых рыболовов, шел гордый маленький гоблин, высоко поднимая ноги и печатая шаг. За ним решительно шагал джисталкер с двумя удочками в руках, а замыкал шествие рыжий кот, с интересом поглядывая по сторонам. За одним из столиков стояла хорошенькая гоблинка, похожая на куколку-вампирчика, и неспешно попивала эль, ехидно глядя вслед этой процессии.

Работа 9. Рыболовная

Ловля рыбы в мутной воде — это
искусство плюс информированность.

(высказывание биржевого игрока)

Покинув здание таверны, гоблин решительно пошел в противоположную от больших ворот сторону и мы с Рыжиком двинулись за ним. Все в крепости спешили к небольшой трехметровой двери в западной стене, являющей собой явный контраст с помпезным восточным входом, через который я попал в крепость. Гоблин тоже направился в западную сторону.

— Хоб, мне в кузницу надо, ты не забыл? — сказал я своему компаньону по рыболовству.

— А, точно! — остановил свой порыв к воде гоблин и свернул к небольшому домику, в котором не составляло никакого труда опознать кузню.

Войдя в дверь вслед за моим проводником, я обнаружил в небольшой комнатке довольно серьезную мастерскую. В углу стояла наковальня с прислоненным к ней огромным молотом, поднять который смог бы разве что огр или светлокожий варвар. Угольная печь пыхала жаром и механические кузнечные меха, сделанные по передовым местным технологиям, меня даже удивили. На верстаке лежали самые разнообразные кузнечные приспособления, а у печи шеренгой стояли молоты ручками вверх, как солдаты по росту. По всей стене тянулись полки, заполненные всякими железками, а у печки стоял огромный табурет, на котором сидел грустный огр.

— Привет, Клирка! — весело поздоровался с огром Хоб. — Опять отец тебя оставил в кузне, а сам на рыбалку убежал?

— Привет Хоб, точно-так, — расстроенно сказал огр и повернул к нам грустную клыкастую физиономию (во сне приснится — есть шанс не проснуться) с огромными жалобными глазищами полными слез.

Огр, при росте под три метра и весе за триста килограммов (без единой капли жира), был подросток, почти мальчишка. Огромного живота, гордости всех настоящих огров и предмета насмешек Этой Стороны, у него еще не было, и фигуре мальчишки, сплошь состоящей из огромных бугрящихся мышц и

перевитых как канаты сухожилий, позавидовал бы земной чемпион мира по культуризму. Тяжелая нижняя челюсть, с выступающими жуткими клыками, вполне соответствовала могучему телу, и тем неестественнее смотрелись огромные обиженные голубые глаза, полные с трудом сдерживаемых слез.

— Да не переживай, вон гляжу — у тебя животик начал расти, — попробовал успокоить мальчишку гоблин.

Клир сразу вскочил на ноги, подперев головой потолок, и с надеждой посмотрел на свой пресс, квадраты которого были как форточки в стандартных окнах. Попробовав немного надуть свой живот, паренек опять расстроился и с ненавистью взглянул на плоскую поверхность, покрытую броней могучих мышц.

— Чуть выпирает животик, и не спорь! — строго сказал гоблин мальчишке, и тот растянул в доверчивой улыбке свою клыкастую рожу. — Мы по делу пришли, подмастерье Клир.

— Хоб, да я тебе всегда помочь рад, точно-так! — ответил немного повеселевший паренек.

— Вот Тим, уважаемый грымский орк, сегодня моим напарником будет, — представил меня Хоб, и при слове «грымский» огр еще сильнее растянул в улыбке свою жуткую рожу. — Ему надо что-то там с крючком помудрить.

— Привет Клир. Да я сам смогу, мне бы только серебро разогреть да щипцы небольшие, — влез я.

— Да конечно помогу, точно-так!

После этого огр мне начал помогать, а гоблин забрался на огромную табуретку и принялся наблюдать за нашей работой, нетерпеливо болтая ногами. Гоблину хотелось рыбачить, но он терпел и под руку не лез.

Для начала я достал крючок, и еще раз внимательно его осмотрел. После этого порылся в кошельке и вытащил подходящую серебряную монету. Мы с Клиром разогрели серебро и немного сплющили металл, использую небольшие молоточки, щипцы и наковальню. Минут через пять монета приобрела достаточно плоскую и овальную форму. После этого при помощи щипцов и верстака я загнул ее по длинной стороне овала, мы снова нагрели серебро, и я зажал стержень крючка согнутой пополам перекованной монетой. После этого я при помощи небольших молоточков сплющил серебро и немного загнул поверхность монеты, обернутой вдоль стержня крючка, в форме винта вентилятора. В результате совместных трудов получилась неплохая блесна.

Гоблин недоверчиво поглядывал на наши манипуляции, но советами не мешал, и это радовало. Хоб оказался действительно неплохим компаньоном. Когда я охладил получившуюся блесну в

бочке с водой (чуть не уронив ценный предмет), гоблин помог прицепить ее к леске (хитрым узелком и магическим плетением), удивленно разглядывая необычную для него рыболовную снасть.

— И на эту железку что-то может клюнуть? — нахмурившись, поинтересовался гоблин.

— Посмотрим, — ответил я с умным видом, хотя сам при этом не испытывал ни малейшей уверенности в успехе.

— Ну-ну, — скептически протянул Хоб, потом повернулся к Клиру и многозначительно взглянул парню в глаза: — Спасибо, подмастерье. Надеюсь, ты понимаешь — это очень серьезный секрет. Никому ни слова, даже отцу. Будешь молчать — будешь вознагражден.

— Конечно Хоб, точно-так! — серьезно ответил огр, после чего мы попрощались, и вышли из кузницы.

— Ты ж не веришь в мою затею, зачем парня молчать попросил? — улыбнувшись, спросил я Хоба.

— А ты хочешь, чтобы все тут надо мной потешались потом? — ответил вопросом на вопрос хмурый гоблин. — Меня же шутками заклюют — мол, Хоб с ума сошел, грымскому поверил, взял в компаньоны и деревенское колдовство использует.

— Да не колдовство это! — возмутился я, но гоблин меня уже не слушал и несся к воротам. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним, таща наши удочки. Рыжик бежал рядом и облизывался на мою блесну.

Выйдя из крепости с противоположной стороны от огромных ворот, я сразу видел длинный причал, у которого сиротливо пришвартовалась парусная лодочка. Все озеро было заполнено самыми разнообразными плавсредствами, от малюсенькой весельной посудины (похожей на надувную лодку) до двухмачтового огромного судна, почти морского фрегата. Спустились сумерки, и над некоторыми парусами горели белые магические фонарики, а на одной лодке я заметил целых два огонька. Мой гоблин-компаньон не выдержал и побежал от ворот к причалу, я рысцой потрусил за ним. Рыжик обогнал меня и пристроился за Хобом. Через две минуты мы были на борту лодки и Хоб начал возиться с парусом. Я ему помогал по мере сил, а кот как всегда бездельничал. Гоблин изредка меня корректировал, но на его лице по-прежнему цвела недоверчивая ухмылка — как уже упоминалось, в парусном спорте я не силен.

Через пять минут лодка была готова к отплытию, и ветер начал наполнять небольшой парус. Я отшвартовался, и лодка аккуратно отчалила от причала. Хоб закрепил парусную снасть и

начал управлять движением, используя небольшое рулевое весло на корме, расстроено глядя на кораблики конкурентов.

— Пока мы в кузне возились, все рыбные места поблизости заняли, — расстроено сказал гоблин. — Вон команда Лины уже двух магнитных рыб поймала.

— А как ты это определил? — удивленно спросил я.

— Видишь огоньки? Каждая удачная поклевка — один огонек, — объяснил мне Хоб.

В это время на одной из мачт зажегся второй фонарик, и гоблин сердито поджал губы. Мы плыли мимо лодок, на которых суетились рыбаки, совершенно не обращая внимания ни на что вокруг.

— Знаю я одно местечко, — задумчиво сказал гоблин. — но туда плыть полчаса, так что отдыхай пока.

— Может, я на ходу порыбачу? — предложил я.

— Бесполезно, — отрезал гоблин.

— Все же попробую, — решился я, и стал разматывать удочку под скептическим взглядом Хоба, правящего лодкой.

Размотав леску на удочке, я размахнулся и сделал первый заброс. Лодка плыла не очень быстро, и ход блесны шел примерно со скоростью наматывающегося спиннинга. Через тридцать секунд случилась первая поклевка, да так удачно, что даже не пришлось подсекать. Небольшая хищная рыба не ударила блесну, а жадно заглотила хвост серебряной рыбки-приманки вместе с тройным крючком. Аккуратно вытащив рыбу на борт, я освободил блесну и представил улов под удивленные очи моего компаньона. Рыбка билась в моей руке, и я почувствовал ни с чем не сравнимый азарт рыбака. Хотя это была явно не магнитная рыба (скорее небольшой щуренок), но блесна работала — и это меня порадовало.

— Эта магия такая? — удивленно выдавил Хоб.

— Никакой магии, простой обман доверчивой рыбки, — объяснил я гоблину. — Рыба принимает сверкающий металл за мелкую рыбешку и бросается на нее.

Гоблин недоверчиво покачал головой, и я сделал второй заброс. Щуренка уже с аппетитом поедал Рыжик. Через двадцать секунд я вытащил вторую добычу. Озеро просто кишело рыбой. В моей руке бился маленький окунек, странного сероватого цвета, и я чуть не выбросил его за борт. Потом передумал и показал гоблину.

— Это что за чудо? — спросил я моего компаньона.

— Аааа! — заорал вдруг гоблин, и бросил руль. После этого подбежал к мачте и быстро прицепил к ней на уровне свой

вытянутой руки камешек. Что-то пропел — и камешек засветился в темноте. После этого подошел ко мне, аккуратно взял окунька из моей руки и пошел к своим вещам. Вытащил откуда-то большую корзину, заполненную льдом и аккуратно, как хрупкую драгоценность, положил в нее окунька. Я начал догадываться, что я поймал.

— Новичкам везет, — недоверчиво пробормотал гоблин и вернулся к рулевому веслу. Лодка за это время прияла чуть правее, и Хоб выровнял ход.

— Это и была драгоценная магнитная рыба? — недоверчиво спросил я, на что гоблин только кивнул головой, посмотрев на меня как на полного идиота. — Невзрачная какая-то…

Гоблин еще раз уничижающе на меня взглянул, и снова сосредоточился на управлении плавсредством. Я не стал заострять на этом внимания, и снова закинул блесну в воду. Следующая поклевка случилась через тридцать секунд.

Пока мы доплыли до рыбного места, которое наметил гоблин, Рыжик начал уже не так жадно бросаться на очередную вкусную рыбку, а Хоб четыре раза бросал руль и зажигал на мачте новые огоньки. После третьей магнитной рыбы недоверие исчезло с его лица, и вся маленькая фигурка Хоба выражала собой исключительно любопытство.

Когда мы доплыли до рыбного места, гоблин спустил парус, бросил якорь и занялся рыболовной снастью. Спиннинга тут пока не изобрели, и я задумался, как создать движение блесны. Ничего особо умного мне в голову не пришло, и я стал ходить по палубе вдоль борта, ведя удочкой над водой. Пока гоблин готовился, я успел поймать еще одну магнитную рыбу. Потом компаньон закинул удочку и приготовился ждать. Я продолжал ходить по палубе кораблика, громко топая. Хоб недовольно посматривал на меня — ему не везло, а я продолжал вытаскивать из воды добычу, в среднем раз в пару минут.

— Ты ужасно шумишь, — недовольно пробурчал гоблин, в этот момент у меня случилась поклевка, и я вытащил из воды очередную магнитную рыбу, которую с улыбочкой протянул Хобу. Гоблин взял добычу из моей руки спрятал ее в корзину и достал очередной камешек-фонарик.

Вспомнив рассказы знакомого спортсмена-рыболова, я занялся так называемым «вертикальным блеснением», чтобы не мешать своему компаньону топотом по палубе. Блесна опускается на определенную глубину (метра три), и через равные промежутки времени резко выдергивается примерно на метр вверх. Удочка сразу резко опускается вниз, и блесна снова тонет, вертясь в воде как маленькая рыбка. Эта уловка тоже сработала. Я

продолжал в полной тишине таскать из воды добычу, а гоблин сидел и хмуро смотрел на свой неподвижный поплавок. Через некоторое время он перестал пялиться на неподвижную пробку с перышком и начал улыбаться, восхищенно наблюдая за моими действиями.

— Фонариков больше нет, — радостно провозгласил гоблин, взяв очередную магнитную рыбку из моей руки, и прицепил последний сияющий камень к мачте.

Куча фонариков напоминала светящуюся виноградную гроздь, и к нашему месту потянулись лодочки других рыбаков. Через несколько минут рядом бросила якорь быстроходная лодка первых конкурентов, и еще десяток суденышек на полных парусах спешили к рыбному местечку. О том, что дело тут вовсе не в месте, никому и в голову не пришло.

— Уходим? — предложил я компаньону.

— Да надо бы, — согласился Хоб, и отложил удочку.

Мы подняли якорь, и гоблин занялся парусной снастью. Лодка двинулась по ветру, плавно набирая ход, я встал ненадолго к веслу, пока гоблин занимался парусом. Закрепив в нужном положении все веревочки, Хоб снова встал за руль, а я приготовился к блеснению.

— Это точно не колдовство какое? — спросил гоблин, на этот раз серьезно.

— Да нет, я же тебе говорил, — ответил я терпеливо. — Эта рыболовная снасть называется «блесна», она блестит и бьется об воду. Хищная рыба ее видит и слышит, принимая за мелкую рыбешку, потому и клюет. Уловка.

— Блесна, — задумчиво повторил гоблин, начиная понимать принцип действия приманки.

Я примостился на корме суденышка, и продолжил блеснение на ходу. Рыжик уже воротил нос от рыбы и мне пришлось выбрасывать обратно в воду большую часть улова. Гоблин на это не возражал, интересуясь исключительно магнитной рыбой. Фонарики закончились, корзину с добычей он поставил у ног и теперь принимал у меня из рук рыбешек, не отбегая от рулевого весла.

— Пора домой, — сказал гоблин спустя некоторое время. — Скоро проснутся ящеры.

— Всю рыбу в озере все-равно не поймаем, — согласился я, на что гоблин только усмехнулся. — Хоб, а из чего делается леска? Вроде бы жилы, но очень длинные, таких зверей-то не бывает.

— Магически укрепленная паутина лесных пауков, — ответил

гоблин, взглянув на меня удивленно. — Ты такой знаток рыболовных хитростей, а простых вещей не знаешь. Как так?

— Да у меня друг рыбак, он мне все рассказал. Сам я не очень в рыбной ловле силен, просто новичкам везет, — выкрутился я, при этом не погрешив против истины. Мой хороший приятель в Москве действительно мастер-рыболов.

— А, ну тогда понятно, — сразу успокоился гоблин, потом подумал и предложил: — Ты оставайся с нами, завтра тролль прилетит — мы тут такого втроем натворим!

— Не могу, — вынужден был отказаться я. — У меня в Огрбурге много дел.

— Жалко, — расстроился гоблин.

Мы неспешно плыли по ровной поверхности озера, и я продолжал таскать рыбу. Периодически попадались экземпляры, которых я не смог бы отнести ни к одному известному подвиду рыб. Некоторые рыбки обладали несколькими рядами зубов, которым могла бы позавидовать земная акула. Обычная синтетическая леска была бы перекушена местной рыбой мгновенно, а укрепленной магической паутине все было нипочем. Гоблин правил к берегу, и задумчиво поглядывал на мои действия.

— А паутина всегда такая крепкая после магического воздействия? — спросил я компаньона.

— Обновлять раз в день плетение надо, сама паутина от несильного рывка порвется, — отмахнулся от вопроса гоблин, и сказал: — Тим, у меня к тебе есть предложение.

— Слушаю.

— Наш сегодняшний улов мы должны были с тобой делить пополам, — начал гоблин.

— Конечно, так и поделим… — непонимающе уставился я на него, прекратив удить.

— Я не об этом, — прервал мою возмущенную речь компаньон. — Я хочу, чтобы ты забрал весь сегодняшний улов, в обмен на твою блесну.

— А куда мне его девать-то, улов этот? — удивился я.

— Куда девать, я тебе потом расскажу. Каждая рыбка — десять золотых, — сказал гоблин. — Ну что, согласен?

— Договорились, — ответил я, после чего гоблин радостно улыбнулся и продолжил рулить к берегу.

Огромное озеро освещалось лунным светом, под которым белые паруса лодок выглядели как плавники огромных летучих рыб. Некоторые кораблики уже плыли к берегу. К мосткам причалило первое суденышко, из которого ловко выскочил

гоблин и быстро пришвартовал лодку. Потом на мостки сошел джисталкер с большой корзиной и двумя удочками и следом тяжело спрыгнул рыжий кот с надутым животом. Гоблин забежал обратно на лодку и снял с мачты гроздь светящихся фонариков. После этого гоблин спрыгнул на мостки, поднял руку со светящейся гроздью надо головой и с видом победителя направился к крепости. За ним шел довольный джисталкер с добычей, а следом плелся обожравшийся рыбой рыжий котяра.

Работа 10. Праздничная

Ну, что я могу сказать, в этот праздничный и ответственный момент…

(тост, полный текст)

Бастион встретил нас с гоблином-компаньоном полной тишиной. У дирижабельной башни стоял большой стол и за ним скучал тот самый огр в шляпе, который провозгласил «рыбную кружку». Рядом с ним стоял тролль в одеянии служителя Некро — больше во дворе никого не было. Хоб быстро пересек площадь и подошел к рыболовному авторитету. Я поспешил за ним.

— Привет, Сиган, — весело поздоровался мой компаньон с огром, который в этот момент удивленно уставился на гроздь фонариков в руке гоблина.

— Здорова, Хоб, — поздоровался огр. — Неужто столько наловил?

— Это еще не все! — гордо заявил гоблин. — Фонарики кончились.

— Обалдеть… — ошарашено выдавил огр. — Это что — новый рекорд?

— Похоже на то, — не стал спорить радостный гоблин. — Я пока за фонариками сбегаю, а ты принимай улов у Тима.

Хоб отобрал у меня удочки, невзначай прикрыв ладонью блесну, и убежал по направлению к гостинице-таверне, а я под недоверчивым взглядом Сигана поставил на стол корзину с добычей. Огр взял своими огромными ладонями корзину (она в его ручищах как-то даже потерялась в объеме) и начал доставать оттуда рыбок, аккуратно выкладывая их на стол. С каждой новой рыбешкой его глаза становились все больше и больше, и под конец мне показалось, что вся огромная физиономия огра состоит в основном из глаз, как у девочки из анимэ-мультика. Вернув мне корзину, Сиган пересчитал выложенных аккуратным рядком магнитных рыбок. Их оказалось двадцать две штучки.

— Точно рекорд… — не веря факту, пробормотал огр, и достал из-за пояса небольшой ножик.

Сиган начал ловко потрошить рыбешек и когда он закончил, вернулся Хоб. Гоблин встал рядом со мной, и мы начали с интересом наблюдать за манипуляциями огра. Руки гиганта мелькали с поразительной быстротой, напоминая лопасти вентилятора. Когда Сиган выпотрошил рыбок, он начал ловко

срезать мясо с боков, оставляя практически голый скелет с головой и хвостом, кидая мясо в небольшую корзину, стоящую у его ног. Через несколько минут все рыбки были разделаны, и огр аккуратно подвинул скелетики рыбок, с кусками мяса на них, к троллю. Тролль взял один рыбий скелет и провел над ним ладонью. Потом отложил скелет в сторонку и взял новый. Когда он провел рукой над последним тот, что он обработал первым, был чист и сух, как будто пролежал под палящим солнцем целую вечность. Через три минуты на столе лежали чистые рыбьи селетики, как будто их тщательно обглодали, не повредив хрупкие косточки.

— Ну что, Сиган, побит твой рекорд семилетней давности? — растянув жуткую синюю рожу в довольной ухмылке, сказал тролль, когда закончил очищать рыбьи скелеты.

— Да, точно побит, — ошарашено ответил огр и тщательно вытер руки тряпкой. После этого рыболовный авторитет достал из-за пояса огромный охотничий рог, набрал полную грудь воздуха и сильно дунул в него. Над всей крепостью раздался тонкий и чистый звук. После этого огр взял палку, прислоненную к столику, прицепил на нее пополненную гроздь фонариков, которую протянул ему довольный гоблин, и вставил ее в отверстие в столе. Хоб стоял рядом с таким видом, будто он находился на сцене минимум перед вручением голливудского Оскара.

После звука горна многие двери в окружающих зданиях открылись, и во дворе начали появляться любопытствующие. Огр повесил горн обратно на пояс, достал из-под стола стопку небольших тряпочных мешочков (как раз под размер рыбьего скелетика), отсчитал двадцать две штуки и протянул гоблину, который радостно схватил их и начал аккуратно запаковывать нашу добычу. Каждый скелетик гоблин клал в отдельный мешочек.

— Рекорд, установленный семь лет назад Сиганом и Торхом, и составлявший пятнадцать магнитных рыб за вечер, сегодня побит Хобом и… — на этих словах могучий голос огра прервался и он недоуменно уставился на меня.

— Тим, — подсказал довольный гоблин.

— Тимом, — громко подхватил огр и добавил громкости в свой голос, хоть я и не представлял до этого момента, что огры могут так реветь: — И теперь рекорд крепости составляет двадцать две магнитные рыбы за вечер!

Собравшиеся во дворе любопытные удивленно выдохнули. Тем временем в западные ворота зашли следующие рыбаки, которые тоже сразу потянулись к столу Сигана. Через десять

секунд вошли следующие, потом еще одни и через пару минут у стола огра образовалась очередь. Все рыбаки в очереди удивленно глядели на гроздь наших фонариков, весящих над столом огра, и потом начинали любопытно вертеть головами, разыскивая виновников того, что горн, не звучавший над крепостью семь лет, снова пропел песню победы. Сдавшие свой улов рыбаки подходили к Хобу, поздравляя и выражая свое восхищение, и через десять минут мы стали центром толпы восторженных поклонников рыбной ловли. Мой гоблин-компаньон прямо-таки лучился от удовольствия, а мне было немного неудобно, так как я считал эту ситуацию не совсем честной. Разве должен гордиться гонщик на мотоцикле тем, что он обогнал велосипедистов?

Впрочем, праздник я своему компаньону портить не хотел, и поэтому улыбался всем, кто хлопал меня по плечам, поздравляя с победой. Кстати, пара огров хлопнули меня очень аккуратно, я даже не почувствовал ничего, а вот орки и тролли били довольно прилично. Но больнее всего лупили своими ручонками гоблины, радостно подпрыгивая как мартышки. Через десять минут таких поздравлений меня уже ничего не радовало, а через двадцать захотелось спрятаться куда-нибудь или улететь в такие места, где никто не знает слова «рыба». Впрочем, вскоре поток рыбаков пошел на убыль, и я смог отдышаться, с кислой физиономией потирая ушибленные плечи. Моему компаньону досталось не меньше, но ему все было нипочем, и с коричневого лица не сходило довольное выражение.

Последними в крепость вошли наши соперницы. Первой забежала веселая гоблинка, следом чинно вошли обе оркитянки. Лина несла приличную гроздь фонариков, а Джина тащила большую корзину. Увидев количество наших фонариков, девушки заметно помрачнели, и победное выражение быстренько покинуло их лица. Подойдя к огру в шляпе, рыбачки отдали свой улов, и о чем-то с ним негромко переговорили. После этого девушки подошли к нам с Хобом, сдержанно поздравили и отошли в сторонку. Мой компаньон посматривал на них с ехидной улыбочкой, а я старался не пялиться на Джину. Переговорив между собой, от компании отделилась Джина и широкой походкой направилась к нам. На меня она не смотрела и говорила только с Хобом.

— Еще раз поздравляю с победой, — кисло выдавила оркитянка.

— Спасибо, — радостно улыбнулся Хоб.

— После завершающей ухи ждем вас в «Золотом Окуне», — резко сказала Джина и, не дождавшись ответа, развернулась и

ушла к подругам.

— Надо же, честные какие, — удивленно сказал мне Хоб. — Если бы не твоя блесна — точно потащили бы нас в «Окуня». Проиграв, туда же пригласили.

— Наверно много перед этим говорили о том, что потащат нас в дорогой кабак, — предположил я. — А теперь стало неудобно. Вот и решили «держать лицо».

— Ну да, — согласился гоблин. — Для Джины нет ничего хуже, чем признать, что она хоть в чем-то уступает мужчинам.

«Прямо-таки местная Клара Цеткин и Роза Люксембург в одном флаконе. Рьяный разгул феминизма», — улыбнувшись, подумал я.

Тем временем рядом со столом организаторы праздника развели костер, и на нем уже булькал огромный котел. Орк под радостные возгласы опрокинул корзину с мясом магнитной рыбы в булькающий бульон и начал помешивать котел огромной поварешкой. Я было подумал, что это затянется надолго (мой приятель-рыболов рассказывал о длительном процессе приготовления ухи), но буквально через три минуты авторитетный повар зачерпнул половником жидкость, поднес к носу, понюхал и громко провозгласил:

— Готово! Первые миски — победителям!

Гоблин сунул мне в руку небольшую миску, и мы поспешили к котлу, у которого стоял огр с полной поварешкой как судья с кубком перед поздравлением чемпионов. Первым протянул миску Хоб, и Сиган плюхнул ему ухи, после чего процедура награждения повторилась уже со мной. Мы отошли от котла, и я тихонько спросил у компаньона:

— И что теперь?

— Теперь к котлу будут подходить те, кто наловил меньше, — прошептал мне гоблин. — Сначала второе место, потом третье ну и так далее. Ешь давай, это вкусно и полезно.

После этого гоблин протянул мне небольшую ложку. Я попробовал уху, и мне она понравилась. Напоминало чем-то японский суп миссо. Я ел наваристый бульон и наблюдал за чествованием победителей. Вторыми к котлу подошли два огромных огра. Миски в их трехпалых ручищах смотрелись как наперстки.

— Это кузнец, отец Клира. Двенадцать рыб поймал, — прошептал мне гоблин. — Надо бы не забыть напомнить Клирке — о его обещании помолчать.

— Не засмеют за деревенское колдовство теперь? — не удержался я от дружеской подначки, на что Хоб только радостно хмыкнул.

После кузнеца к котлу подошла компания девушек — наших спорщиц-соперниц. Особого удовольствия я на их лицах не заметил, хотя они и расточали натянутые улыбочки. Их улов составлял одиннадцать рыб. Потом потянулись остальные рыбаки, и мы с компаньоном незаметно покинули празднование окончания очередного рыбного дня.

Зайдя в номер, Хоб достал небольшой мешок, и аккуратно упаковал в него маленькие мешочки со скелетами магнитных рыбок. Я сел на свою огромную кровать и начал наблюдать за его действиями. Рыжик еще не отошел от обжорства и поэтому, как только вошел в номер сразу плюхнулся рядом с окном.

«Пойдешь в таверну? Там много еды», — предложил я коту.

«Нет, полежу тут, отдохну. Открой окно, если надоест лежать — я тебя найду», — ответил рыжий лентяй.

«Только на кровати не валяйся», — предупредил я Рыжика, но тот тут же закрыл глаза и прижал уши, сделав вид, что спит. Я встал с кровати, открыл окно и, вернувшись, плюхнулся в одежде на покрывало. День прошел насыщенно и я немного подустал. А еще предстояла вечерняя пьянка.

Говорят, что на Той Стороне лучше всего работают русские джисталкеры. Объясняется это очень просто — хищники много пьют горячительные напитки, а наши люди обычно хорошо натренированы в этом непростом занятии. При этом надо пить и оставаться с ясной головой — препараты для отрезвления, конечно, существуют, но злоупотреблять ими не рекомендуется (могут оказать ненужное влияние на химию для запаха).

Хоб подошел к моей кровати, ловко запрыгнул на край и уселся, свесив ноги. После этого положил рядом со мной мешок с добычей и начал инструктаж.

— Стрелки для компасов можно сдать тут, но не стоит, — сказал гоблин. — Тут дадут в сезон максимум пять золотых за штуку, а в Огрбурге за десять с руками оторвут.

— А где их в Огрбурге продавать? — поинтересовался я.

— Спросишь таверну «Пьяный гоблин-толмач», — начал объяснять мой компаньон. — Владелец мой дядя. Он у тебя и заберет все. Да, кстати, там можешь и остановиться.

— Понял, спасибо.

— Да не за что. Даже если бы ты пришел сюда пустой, то теперь — ты солидный клиент. Дядя будет рад.

— Отлично.

— Теперь о предстоящей пьянке, — многозначительно сказал гоблин, и посмотрел на меня, проверяя мою серьезность. Я уже сидел на кровати и внимательно на него смотрел. Второй раз

получить прилюдно по уху мне не хотелось. — Вижу что ты на Джину запал.

— Есть немного, — не стал спорить я.

— Лучше всего — забудь, — посоветовал Хоб. — От нее одни неприятности. Уж на долгие отношения точно можешь не рассчитывать — она не поедет с тобой жить в деревню.

— Как-то не думал об этом, — смутился я. Я и дома-то шарахаюсь от женитьбы, не говоря уж о работе.

— Уже проще, — немного успокоился Хоб. — А то тут ходил один, все руку и сердце предлагал. Била она его каждый день — а тому все нипочем.

— Нет, этот вариант исключен, — поспешил успокоить я гоблина, с трудом удерживаясь от смеха. Перетащить оркитянку на Землю невозможно (да и как смотрелась бы в Москве нецивилизованная хищница, среди огромных стад вкусных людей — я не представлял), да и мне постоянно находиться тут нельзя. Дима и Саня меня просто не поймут.

— Ну и мужчин она выбирает сама. Если ты ей не понравишься — ничего тебе не светит, — продолжил Хоб. — И даже если она тебя выберет — это очень ненадолго. Понял?

— Понял.

— Ну, раз понял тогда пойдем, — завершил гоблин инструктаж и спрыгнул с кровати.

Спустившись с лестницы, мы оказались в главном зале таверны, который уже начал наполняться народом. Гоблин шел впереди, принимая поздравления, а я пристроился за его спиной, и мне досталось значительно меньше внимания. Хоб просто излучал волны удовольствия. Выйдя из таверны во двор, мы двинулись в сторону кузницы. По пути получили еще порцию поздравлений.

Зайдя в кузню, мы успели застать Клира, который готовился к завершению рабочего дня. Очаг был погашен, молоты убраны и молодой огр складывал инструменты.

— О, Хоб, поздравляю! — закричал Клирка. — И тебя Тим. Значит, помогла та штучка? Ты ее потом магией подправил?

— Тихо, — мой компаньон сделал страшные глаза, а потом добавил укоризненно: — Клирка, ты же обещал.

— Ой, точно-так, — испуганно сказал огр и прикрыл рот рукой.

— Что, уже рассказал? — нахмурился мой компаньон.

— Уху, — виновато буркнул огр. — Папе, точно-так.

— И что папа? — поинтересовался Хоб.

— Да я ничего не понял толком, — смущенно сказал Клир. —

Чего-то там с серебром делали, сказал и все. Он отругал меня за невнимательность, точно-так.

— Эх ты, — укоризненно произнес гоблин.

После этого мы вышли из кузни. Хоб сильно расстроился.

— Да не переживай ты так, — начал я его успокаивать. — Парень не понял толком ничего.

— Кузнец все поймет, — разочарованно сказал компаньон.

— Нет, не поймет, — сказал я. — Он первым делом подумает, что это магия. Ты же мне сначала сам не поверил.

— Точно, — повеселел гоблин, и мы двинулись к «Золотому Окуню».

Дорогой кабак олицетворял своей обстановкой богатство и ее верную спутницу — солидность. Здесь было значительно тише и спокойнее, чем в большой таверне. Под потолком висело чучело здоровой морской твари (что-то среднее между акулой и динозавром), и повсюду находились огромные окуни, то ли из гипса, то ли высушенные. В одном углу сидела компания в роскошных по местным меркам одеждах, а остальной небольшой зальчик был пуст. К нам сразу подскочил тролль в кожаном переднике.

— Поздравляю победителей, давно вас ждем, — сказал тролль, и провел нас к столу, на котором стояла бутылка вина, явно очень старого. — Бутылка от заведения. В честь нового рекорда.

— Спасибо, — к Хобу снова вернулось отличное настроение. — Как придут наши девушки, проводи их сюда.

— Всенепременно, — откликнулся тролль, и оставил нас.

Как только мы уселись, дверь в заведение снова открылась, и на пороге появились две оркитянки и гоблинка. Тролль в кожаном переднике сразу подскочил к ним, и провел за наш столик. Девушки сели напротив нас и над столом повисла тишина.

В напряженной тишине за большим дубовым столом, на котором стояла одинокая бутылка дорогого выдержанного вина, сидел смущенный джисталкер. Рядом с ним пристроился гоблин и с довольным видом смотрел на хорошенькую гоблинку, сидящую напротив. Гоблинка, похожая на куколку-вампирчика, переводила глаза с гоблина на джисталкера, и с трудом сдерживала улыбку. Рядом с гоблинкой молча сидели две оркитянки. Оркитянка с длинными клыками поглядывала выжидающе на свою подругу, которая смотрела на джисталкера, ища к чему придраться. Рядом стоял тролль в кожаном переднике и терпеливо ждал заказа.

Работа 11. Банкетная

Лучший способ борьбы с пьянством —
уничтожение спиртного путем приема вовнутрь.

(народная медицинская мудрость)

— Бутылочку дорогую уже успели заказать? — ехидно поинтересовалась Джина у меня.

Я заерзал на стуле. Начать праздник с оправданий мне не хотелось (как вы лошадь запряжете — так она и повезет). Джина переводила взгляд с бутылки вина, покрытого сургучными печатями, на меня и обратно на бутылку, и в ее сиреневых глазах плескалось презрение, смешанное с недовольством.

— О нет, — пришел на выручку гостеприимно улыбающийся тролль-официант. — Это подарок от заведения, в честь нового рекорда!

Джина чуть подобрела, но все равно продолжала придирчиво поглядывать на меня. Вторая оркитянка тоже не спешила начинать веселье — чувствовалось, что она полностью находится под влиянием своей эмансипированной подруги.

— Ну что, Хоб, сбылась твоя мечта? — хитро сказала гоблинка, прервав затянувшееся молчание.

— Лия, я тебя люблю! — тут же растянулся в улыбке мой гоблин-компаньон, и все за столом немного расслабились. — Хоть ты и хитренькая вредина!

— Да ты все только говоришь о любви, — кокетливо закапризничала Лия. — А как до дела доходит — сразу в кусты!

— Перед Тимом меня не позорь, — весело вступил в полемику Хоб. — А то подумает невесть что.

— И правильно подумает! — обвинила моего компаньона хорошенькая гоблинка, но с таким видом, что сразу становилось понятно — это их давняя приятельская пикировка. — Соседушка…

Как вскоре выяснилось из шутливой перебранки гоблинов, ребята выросли вместе, и даже когда-то не просто дружили. Но потом судьба-злодейка раскидала их по всему свету, и только раз в год они пересекались на празднике рыболовства. При этом Хоб был фанатиком рыбалки, а Лия приезжала сюда на денек развеяться. В этой женской компании оркитянка Лина была

знатным рыболовом, Джина рыбачила исключительно для поддержания имиджа, а Лия просто развлекалась. Орки (я в том числе) напряженно молчали, а гоблины развели бурную деятельность. Хоб и Лия шутили и между делом завалили тролля-официанта заказами. Тролль запомнил все и убежал, а гоблины продолжали веселый разговор, и вскоре Джина расслабилась, и периодически стала вставлять ехидные замечания в диалог Хоба и Лии. После этого Лина тоже подобрела, и через пять минут мы уже непринужденно болтали обо всем на свете.

Джина нападала на мужское население в моем лице (впрочем, уже не так агрессивно как поначалу), а я шутливо отстаивал права мужчин. Лина увлеклась разговором с Хобом о рыбалке, а веселушка Лия успевала вставлять ехидные замечания, как в тему рыболовства, так и в полемику об эмансипации. Пока приносили еду, мы успели приговорить первую бутылку. Вино оказалось отменным, и мы заказали вторую. Стол ломился от яств, вторая бутылка улетела быстрее, чем первая и пришел черед третьей. Ну и так далее…

В разгар веселья я встал из-за стола и, выйдя в коридор, поймал нашего официанта. Мы с ним немного пошептались, он хитро подмигнул и сделал такое выражение своей жуткой синей физиономии, что я лишний раз убедился — хороший официант это призвание, и такого рода профессионалы везде одинаковы. После этого в карман тролля перекочевала приличная сумма в золотых монетах, и я пошел обратно с чувством выполненного долга.

Я вернулся за столик в отличном расположении духа (до этого момента ситуация мне не нравилась) и включился в общее веселье. Компания разогрелась до нужного градуса, и в ход пошли веселые истории и анекдоты. Сначала блистал Хоб, рассказывая рыболовные байки, в которые периодически вставляла веские замечания Лина. Потом Лия начала увлекательное повествование об интригах высшего света Огрбурга и своем в нем непосредственном живом участии. Гоблинка оказалась знатной проказницей и интриганкой, и я бы не хотел попасть в круг ее противников. Затем Джина начала свой веселый и ужасный рассказ о том, как она учила неотесанных чурбанов мужского рода (иногда предупреждающе поглядывая в мою сторону) относится уважительно к женскому населению. Компания немного заскучала, и тут пришла моя очередь.

Рассказав для затравки пару веселых бородатых анекдотов (хорошо, что для мира Ворк они новые и интересные), я заставил нашу компанию плакать от смеха. Мой компаньон издавал звуки,

чем-то напоминающие кваканье целого болота жаб в осенний дождь, хорошенькая гоблинка-вампирчик шипела как веселая змеюка, оркитянка с большими клыками гоготала как породистая кобылица и даже борец за женское равноправия звенела на всю таверну хорошо поставленным смехом прирожденного оратора. Ощутив всеобщее внимание, я разошелся не на шутку, почувствовав себя эдаким орлом вдохновения, парящим над вершиной утеса счастья, готовый в любой момент броситься как чайка в огнедышащую магму любви… Что-то меня опять понесло. Одним словом — я много шутил.

Все хорошее рано или поздно заканчивается — закончилось и наше веселое застолье. Хоб попытался поучаствовать в оплате банкета, но девушки скорчили такие физиономии, что он тут же испуганно замолчал. Подозвав официанта, наши собутыльницы (было выпито не меньше десяти бутылок вина — как их назвать-то иначе?) попросили озвучить сумму счета.

— С вас пять серебра, — невинно произнес официант, вызвав у всех за столом (кроме меня) шоковое состояние.

— Сколько?!! — хором поинтересовались девушки и гоблин.

— Пять серебра, — терпеливо произнес тролль, потом хитро прищурился и добавил: — А впрочем, если эта сумма чересчур велика, то можно поговорить о еще большей скидке, в честь рыболовного рекорда.

— Да каждая бутылка вина стоит пять золотых! — возмущенно сказала Джина, напряженно выискивая в ситуации ущемление женского равноправия.

— Скидки от заведения в честь рекорда, — непринужденно выдал официант заготовленную фразочку, поглядев на феминистку честнейшими глазами прожженного плута.

Признаюсь — это было моих рук дело. Ну не могу я позволить девушкам платить за меня, где бы то ни было — чувствую ужасный дискомфорт. А собственное спокойствие дорогого стоит, да и не в деньгах счастье, в конце-то концов. Впрочем, кроме Джины никто особо долго не возмущался, а Лия так быстренько достала золотой и, положив на стол, обворожительно улыбнулась и сказала:

— Сдачи не надо.

— Заведению тоже, — не растерялся тролль и положил на стол сдачу, смахнув в свой передник золотой.

Возмущалась феминистка в гордом одиночестве, а это скучно, так что ее недовольство было недолгим. Вскоре наша компания вышла из ресторана в отличном настроении. На дворе стояла тихая безветренная ночь, и гадкая луна в безоблачном черном

небе просто звала к тихой прогулке, навевая неуместное лирическое настроение. Вино шумело в ушах, и мою дурную голову посетила поэтическая муза.

Я вдруг ни с того ни с сего решился и прочитал сонет Шекспира, в переводе на оркский. Как я сейчас понимаю — получилось что-то жуткое, но нельзя забывать о том, сколько было за вечер выпито — моя зрительская аудитория была в нужной кондиции. Девушки задумались о высоком и даже мой гоблин-компаньон чуть не расплакался от полноты чувств. Точно, язык мой — враг мой.

— Не такие уж грымские и бесчувственные колоды, — задумчиво сказала гоблинка, послушав тот поэтический ужастик, что я вывалил на бедные головы моих собутыльников.

— Ты милый, — сказала Джина, и мне показалось, что я начал тонуть в ее сиреневых глазах. — Хорошо, что я тебя не побила при первой встрече.

— Не получилось бы, — нежно сказал я, и тут до меня дошло, какую чушь ляпнул, но было поздно. В глазах Джины начали разгораться непримиримые костры феминизма. Я было подумал о бегстве, но сиреневые глаза меня не отпускали, обещая погоню до победного конца.

— Шоу продолжается! — весело сказала Лия, глядя на меня. — Зря ты это сказал.

— Понимаю, — покаялся я под обвиняющими взглядами. Потом малодушно предложил: — А может, вам послышалось? Я же молчал, да?

— Нет, — спокойно сказала Джина, и ее ледяной голос резко контрастировал с огнем в глазах.

— А давай дадим ему последний шанс, он же стихи знает, — предложила моя заступница гоблинка. — Пойдем в зал, если Грю трезвый. Пусть он его проучит для начала?

— Нет, — твердо сказала Джина.

— Да ладно, пусть попробует, — неожиданно заступилась за меня Лина. — Грю где-то сегодня деньги достал, и напиться успел. Сейчас как раз протрезвел, злой наверно как дракон.

За меня продолжала заступаться вся наша компания, а я стоял с виноватым видом, не пытаясь бежать — и прекрасная оркитянка уступила. Джина развернулась и резко пошла куда-то в сторону восточного входа, все мы потянулись за ней.

«Интересно, почему злой как дракон? Гоша мне показался незлобивым», — думал я, идя в хвосте колонны. Потом вспомнил стаю зубастых дракончиков и согласился с тем, что некоторые драконы весьма злобные твари.

Мы подошли к одноэтажному зданию и вошли в большой зал.

Хоб подбежал к магическим лампам в углах, и зал вскоре осветился, превратившись в некое подобие спортзала. Обстановка была знакомая — сэнсэй смотрелся бы тут очень органично. Джина подошла к двери в углу зала и без стука вошла в нее. Мы встали рядом с земляной площадкой, огороженной столбами и застыли в ожидании.

— А кто такой этот Грю? — шепотом спросил я Хоба, когда он вернулся к нам.

— Бывший чемпион по оркской северной борьбе. Вот только пьет много, — тихонько ответил мне гоблин. Потом посмотрел на меня скептически и сказал: — Учил Джину биться без оружия. Сейчас он тебя будет бить.

— Уф, это хорошо, — успокоился я, готовый к чему угодно — кроме драки с оркитянкой. Хоб посмотрел на меня как на умалишенного, тут дверь открылась и появилась Джина сопровождаемая огромным орком. Выражение зеленой рожи орка было просто зверское.

— О, грымский, опять ты! — радостно заорал орк, увидев меня. — Снова денег мне принес?

— Ты ему серебра дал? — обвиняющее посмотрела на меня гоблинка. — Зачем?

— Так получилось, — сердито ответил я, узнав орка. Это был тот самый урод, что обманом содрал с меня серебряную монету за вход в бастион.

— Зачем ты дал ему деньги! — обвиняющее спросила Джина, взглянув на меня с ненавистью.

— Как это на одну серебряную монету можно так нажрался? — проигнорировав всех поинтересовался я у орка почти цитатой. — И с каких это пор привратники пропивают деньги за вход в крепость?

Орк зразу замялся, и внимание девушек переключилось на Грю. Орк заскрипел зубами от злости, и обратился к Джине:

— Кого надо проучить? Надеюсь этого грымского?

— Грю! Тебя за это могут посадить в темную, ты понимаешь? — сердито спросила оркитянка своего учителя.

— Если этот грымский коменданту крепости напишет жалобу, — парировал орк. — Но он не напишет — я ему сейчас руки обломаю.

— Я не напишу, конечно, — влез я. — Но кое-кому тут клыки мешают. Надо бы укоротить…

Орк только зарычал в ответ и решительно вышел на середину земляной арены. В меня вцепились гоблин и оркитянка Лина, пытаясь увести из зала, но я уперся (а может быть, это вино уперлось во мне, пьянство — зло). Джина нерешительно

посмотрела на меня, и только Лия наблюдала за всем этим с азартом светской львицы, наткнувшейся на неожиданное шоу.

— Отпустите меня, — попросил я ребят. — Обещаю — я его не убью. И даже не покалечу. Проучу немного.

— Ты точно грымский дурачок, — обреченно сказал Хоб, и ребята меня отпустили.

Пока меня держали, я внимательно наблюдал за движениями орка. Повадки выдавали опытного борца. Грю сделал пару разминочных движений плечами, помассировал шею и застыл в ожидании, снисходительно глядя на меня.

— Правила есть? — хмуро спросил я у орка.

— Без оружия, — ухмыльнулся Грю. — И пока не вынесут из моего зала.

— Устраивает, — просиял я и решительно вступил в круг поединка.

Как только я вошел в круг окр решительно направился ко мне, презрев все меры предосторожности. А может быть, они тут только боролись, а о боксе даже не знали — тем более грех было упускать такой шанс. Шел орк как на параде — руки чуть впереди, челюсть обгоняет все остальное, как зомби, честное слово. Даже как-то неудобно такого бить. Ну, он сам напросился, да еще и поиздевался надо мной, когда я в крепость с таким трудом дотащился. Налетев на левый джеб в челюсть орк остановился, и в его глазах на секунду появилось недоуменное выражение. Этой секунды мне хватило на резкий выдох и классическую двойку в ту же многострадальную челюсть, после чего орк пустым мешком сложился у моих ног.

Наша компания застыла в ужасе. Тут же Джина бросилась к Грю, потом сидя повернула голову ко мне и прошептала:

— Тебе конец.

Потом опять повернулась к орку и заплакала над его телом.

— Брат, как же ты так, — причитала оркитянка над орком.

Я стоял и с недоумением смотрел на мгновенно посерьезневшую нашу компанию. Этот орк оказался братом Джины, вот незадача-то.

— Надо бы вызвать коменданта, — тихо сказал Хоб.

— Зачем? — спросил я, проникшись всеобщим напряжением.

— А зачем ты его убил? — спросил в ответ Хоб.

— Кого убил? — не понял я.

— Ну не меня же, — ответил гоблин и опасливо отодвинулся от меня.

— Да живой он, сейчас очухается, — успокоил я нашу

компанию. На меня посмотрели недоверчиво, но я уже увидел в уголочке ведро. Я подошел к нему, взял, потом встал над валяющимся орком и вылил тому на голову полведра холодной воды. Орк фыркнул и сел. В его глазах застыло недоумение. Все в комнате с облегчением вздохнули и заулыбались.

— Да всем показалось, что ты его магией шарахнул, — раздался в тишине извиняющийся голосок гоблинки.

— Да какая магия, я не умею ничего магического, — смущенно пробубнил я. Видимо, звук выдоха все приняли за магическое плетение. — Так — пару оплеух отвесил. Дружеские подзатыльники…

После этих слов грянул смех. Смеялся даже орк, потирая челюсть и затылок.

— Хороший подзатыльник, как будто кистенем приголубил, — сказал Грю когда все немного успокоились, и смех грянул с новой силой. Смеялась даже Джина. Гоблинка Лия присела над Грю и провела руками над его головой, что-то пропев. Орк сразу пришел в себя, его кожа приобрела нормальный зеленоватый оттенок (а то он сидел почти белый, как человек). Наша светская львица оказалась лекарем, причем неплохим.

— Вот так, брат. Надо относиться к любому противнику серьезно, — сказала Джина, когда веселье поутихло.

— Да уж, — согласился Грю, опасливо поглядывая на меня. — Слышал я, что среди грымских бывают великолепные бойцы постой рукой — но не верил. Теперь сам убедился.

Похоже, джисталкеры Земли создают клану Грым славу великих бойцов. Надо бы не забыть сообщить об этом в комитет, когда вернусь.

— Ну, ты сам сказал «без правил», — начал оправдываться я.

— Уху, зазнался и расслабился, — согласился орк, встав на ноги. Потом улыбнулся и добавил: — Ну и к лучшему, а то пришлось бы выносить тебя. А ты парень неплохой.

— Это вряд ли, — не подумав, ляпнул я (нельзя мне пить). Грю и Джина с интересом на меня уставились. — Я ничего не говорил только что. Молчал, да?

— Сказал, — многозначительно заявила оркитянка, и показала пальчиком на круг. Я тяжело вздохнул и пошел в центр зала. За мной двигался сосредоточенный и серьезный орк.

Грю оказался неплохим борцом. Поначалу я даже попался на одну его уловку, что-то среднее между подножкой и подсечкой — оказался на земле, хотя через долю секунды кувырком ушел от пытавшегося поймать меня орка и уже стоял на ногах. Но потом дала знать о себе школа сэнсэя Андрея. Грю летал и падал. Потом

вставал и снова пускался в недолгий полет. Надо отдать ему должное — падать орк умел очень неплохо. После очередного падения орк встал, сложил руки на груди и поклонился мне. Я поклонился ему в ответ.

— Не надо бороться с ним, сестренка, — улыбнулся Грю, когда вышел из круга.

— Это мы поглядим, — сжав губы, заявила Джина, посмотрела на меня и показала пальчиком на арену.

— Аккуратнее с ней, пожалуйста, — шепнул мне Грю, когда я понуро проходил мимо него. Я кивнул головой и встал в центр.

Дина встала напротив меня, потом резко схватила за руку и попыталась провести бросок через бедро. Вас когда-нибудь пробовала бросать через бедро красивая девушка? Скажу вам по секрету — ощущения неописуемые…

Впрочем, я что-то опять отвлекся. Бросить я себя, естественно, не дал, но и контрприем проводить не стал, просто обойдя препятствие. Так я и бегал по всему кругу от оркитянки, которая сначала думала об обороне, а потом плюнула на все и просто гонялась за мной по всей арене, в надежде поймать меня и что-нибудь сделать. За нашими маневрами все наблюдали поначалу с искренним интересом. Первым не выдержал Грю.

— Вы когда набегаетесь, меня не будите, — сказал орк, зевнул и ушел в свою комнату.

Мы с Джиной продолжали носиться по арене. Следующими не выдержали гоблины. Они переглянулись и тихонько покинули спортзал. Дольше всех держалась оркитянка Лина. Но и ей это под конец надоело, она зевнула, потом посмотрела на наши маневры, и тихонько (по стеночке) прокралась в сторону двери, за которой совсем недавно скрылся брат Джины. Моя оркитянка запыхалась, но не сдавалась. Всю ночь скакать по арене мне не хотелось, поэтому я поймал ее за руку и аккуратной подсечкой уложил на пол, придержав девушку, чтобы не ушиблась. Джина оказалась цепкой (как обезьянка) и вцепилась в рукав, так что я был вынужден упасть рядом, чтобы не порвать одежду. Девушка ловко перевернулась и залезла на меня. Сев мне на живот, Джина схватила мои руки своими пальчиками и прижала к земле над головой. Ее губы оказались в трех сантиметрах от моих глаз.

— Ты проиграл, — тяжело дыша, сказала прекрасная оркитянка.

— Сдаюсь, — прошептал я, после чего ее губы впились в мои.

На земляном полу (который явно был обработан магией Тверди, так как он совершенно не пачкался) в центре спортзала

лежал джисталкер. На нем сидела верхом прекрасная оркитянка и целовала его. Джисталкер млел от наслаждения, и при этом чувствовал себя ужасно неловко — очень мешали клыки.

Работа 12. Прощальная

Полный улет!

(девиз работников аэропорта)

Проснулся я один в своем номере. Небо за окном начинало светлеть, и подушка пахла Джиной. Рядом пристроился нахальный Рыжик, упираясь мягкими лапами мне в спину. Улыбнувшись, я вспомнил, как мы с прекрасной оркитянкой тихонько вошли в номер и обнаружили на единственной большой кровати вольготно развалившегося котяру. Сразу за этим последовало шоу под названием «Изгнание Кота». Я носился по всему номеру, кидаясь в Рыжика подушкой, ловкая рыжая бестия дразнила меня, уворачиваясь от мягкого метательного снаряда и прыгая по стенам, а Джина смеялась над нами, вытирая слезы. Под конец Рыжик сжалился, пожелал мне удачи (вот негодяй) и выпрыгнул в окно. После этого на меня прыгнула оркитянка. О, Джина! Руки твои, бедра твои… Что-то я не о том опять.

Резко вскочив с кровати, я почувствовал, как зашумело в голове. Выпито вчера было немало, так что неудивительно. Пришлось выполнить полный разминочный комплекс, после этого выпить около литра воды. Стало немного легче. В углу стояла небольшая бадья с холодной водой, и я помылся, после чего вытерся небольшим полотенцем, висевшем рядом. Одевшись и взяв мешок с вещами, я пошел к выходу из номера. Рыжик до последнего момента валялся на кровати, но как только я подошел к двери, невероятным образом оказался рядом и тут же потребовал его покормить. Есть мне тоже почему-то хотелось жутко, так что мы с Котом спустились в зал таверны в полной гармонии.

Как только мы сели за столик к нам тут же подскочил хозяин заведения (тролль в кожаном переднике, ужасно похожий на вчерашнего ушлого официанта) с кружкой пива в руке.

— Угощение от заведения, в честь вчерашнего рыболовного рекорда! — провозгласил тролль на всю таверну.

В огромном зале таверны народа почти не было, и я приветливо махнул рукой всего двум компаниям, поздравившим меня подъемом кружек с янтарным пивом. После этого заказал завтрак и через пару минут вгрызался в аппетитный бифштекс с кровью. Рыжик в это время под столом уплетал огромную рыбину. После завтрака самочувствие стало просто великолепным, я

вышел из таверны и отправился на поиски моего гоблина-компаньона.

Хоб находился в том же здании-кассе, где я вчера с ним познакомился. Когда я вошел гоблин оторвался от писанины, подмигнул мне и сказал:

— Неплохо вчера повеселились!

— Точно, — согласился я. — А вы куда пропали?

— Еще скажи, что вы без нас скучали, — съехидничал гоблин.

— Главное — что вы там с Лией не скучали, — парировал я, и мы с Хобом обменялись ехидными улыбочками.

— Видел, как дирижабли садятся? — ловко сменил гоблин тему разговора.

— Нет, не доводилось, — признался я.

— Через десять-пятнадцать минут прибытие. Сходи, посмотри, — предложил гоблин. — Я как раз к тому времени все тут допишу и провожу тебя.

— Договорились, — согласился я, и оставил гоблина в одиночку заниматься служебными обязанностями.

Выйдя из здания-кассы, я направился к дирижабельной башне. Подойдя к ней, я обнаружил с западной стороны башни вход, у которого лениво дежурил стражник-огр. Предъявив билеты, я вошел в большую дверь и увидел витую лестницу, идущую вдоль стены башни. Задрав голову, я посмотрел вверх. Длинна лестницы произвела на меня впечатление, я тяжело вздохнул и начал подъем. Рыжик пошел рядом со мной, и через минуту стал недоверчиво жаться к стене. Я шел по ступенькам, делая виток за витком, а лестница никак не кончалась. Когда я поднялся на ровную площадку, предназначенную для посадки дирижаблей, у меня немного кружилась голова, и вернулось состояние легкого похмелья. Впрочем, когда я оказался на обдуваемой всеми ветрами вершине башни, похмелье мгновенно выветрилось. Залюбовавшись прекрасным видом на озеро, открывающимся с высоты, я застыл в восхищении, забыв обо всем на свете.

— Эй, рекордсмен, — отвлек меня от созерцания природных красот резкий голос. — Иди сюда, правила безопасности нарушаешь. Там сейчас дирижабль садиться будет.

Я оглянулся и увидел огромного огра, стоящего на небольшом возвышении с другой стороны от выхода на дирижабельную площадку. Он махнул рукой, подзывая меня к себе, и я быстро поднялся на возвышение, похожее на большой балкон и огороженное с трех сторон невысокими бортиками. Там же стояли два гоблина, похожие на братьев-близнецов.

Отличались они только одеждами (на одном был надет балахон мага Стихий, а другой щеголял в мифриловой кольчуге и являлся магом Огня). Огр ткнул пальцем в небо, я задрал голову и увидел прямо над нами небольшую точку. Точка стала увеличиваться в размерах, и вскоре превратилась в корабельное дно, снабженное двумя полозьями, как зимние сани. Казалось, что летучий корабль опускается прямо на наши головы, и мне захотелось присесть на каменный пол балкона.

С борта дирижабля сбросили три каната, и огр вставил их концы в большие лебедки, расположенные по краям дирижабельной площадки. После этого кондуктор поднялся обратно на балкон и начал крутить большое колесо. Лебедки заработали, и вскоре веревки, сброшенные с борта летучего судна, натянулись и стали медленно опускать дирижабль на площадку. Через пять минут полозья аккуратно коснулись камненной поверхности, и палуба корабля оказалась на одном уровне с балконом, где мы находились. Завершив швартовку, огр ловко перекинул небольшой мостик, соединивший балкон и палубу дирижабля.

Первыми с борта дирижабля сошли два уставших мага (опять же Огня и Стихий). Вяло махнув рукой на приветствие огра, маг Огня спустился с балкона и скрылся в дверном проеме, ведущим к башенной лестнице. Маг Стихий о чем-то быстро переговорил со сменщиком, и вдруг прыгнул за бортик, огораживающий балкон.

«Он разобьется», — промелькнула в голове мысль, и я заглянул за борт, ожидая увидеть у подножья башни труп сумасшедшего мага. Маг медленно планировал, вертясь в воздухе как перышко, и вскоре аккуратно коснулся ногами земли, после чего быстро скрылся в дверях таверны.

— Только ты так не пробуй, грымский, — с улыбкой сказал огр, который, оказывается, наблюдал за моей реакцией.

— Не дождетесь, — испуганно сказал я, покачивая головой и глядя вниз.

Огр удовлетворенно хмыкнул и вернулся своим обязанностям. Тем временем с борта дирижабля стали сходить пассажиры. Никто не обращал на меня внимания, и я снова вернулся к созерцанию красот природы. Вскоре все пассажиры скрылись в дверном проеме (никто больше не повторил подвиг мага Стихий), после чего огр взял у меня билет и разорвал его на две половинки. Вернув корешок билета, огромный кондуктор потерял ко мне интерес.

Тем временем на дирижабельную площадку поднялись две

оркитянки и гоблинка, весело щебеча между собой. Джина увидела меня, и на ее лице отразилась легкая досада. Оставив своих подруг, она шустро взбежала на балкон и остановилась напротив меня.

— Ты меня преследуешь? То, что вчера случилось, ничего не значит, — сказала прекрасная окритянка, ткнув пальчиком с черным изящным коготком мне в грудь. — Ты понял?

— Да, да, конечно, — я поднял руки ладонями вперед, хотя мне безумно хотелось схватить Джину в охапку и поцеловать в малиновые губы. — Я улетаю — ты остаешься.

— Хорошо, — немного растерялась оркитянка. Она явно не ожидала от меня такого поведения и была, похоже, даже немного разочарована. — Люблю понятливых.

— О, Тим! — радостно воскликнула подошедшая к нам Лия. — Ты тоже летишь? Я думала ты рыбачить останешься.

— Не могу остаться, красавица, — улыбаясь, ответил я куколке-вампирчику. — Дела у меня в Огрбурге.

— Это хорошо, лететь не скучно будет, — оживилась гоблинка. — А где Хоб?

— Обещал меня проводить, — ответил я, и Лия радостно заулыбалась.

После этого разговор вошел в мирное русло, и мы стали весело вспоминать перипетии вчерашнего праздника. Потом разговор зашел не туда — девушки насели на меня, требуя повторить сонет Шекспира, а я со страхом в глазах отбивался от назойливых просьб. В трезвом виде меня на этот поэтический ужас не тянуло, и даже совсем наоборот — просто мысль о рифме вгоняла в такую тоску, что я чуть не решился броситься вслед за магом Стихий без парашюта.

— Тим, я тебя ненавижу! — спас меня Хоб, появившийся в дверном проеме прямо под нами.

Маленький гоблин недовольно бурчал на меня, протискивая в дверной проем какой-то предмет. Мы с девушками перегнулись через перила и заинтересованно смотрели на него с балкона — что же он такое тащит? Наконец, старания гоблина увенчались успехом, и на дирижабельной площадке появилось драконье седло.

— Помог бы хоть… — сердито буркнул Хоб. — Чуть не помер, пока сюда его дотащил.

— Сейчас, — смущенно пробормотал я и быстро спустился к гоблину. Девушки и Кот ехидно поглядывали на нас сверху.

— Семейная реликвия? — ехидно поинтересовалась маленькая светская львица.

— Талисман для рыбной ловли? — предложила свою версию Лина.

— Мужская гордость? — выдала красавица оркитянка, и после этого всю нашу компанию согнуло от смеха. Я смущенно поглядел на них, а потом меня разобрало, и я присоединился к всеобщему веселью. Огр контролер тоже похихикивал, стоя на балконе, и вся команда дирижабля покатывалась со смеха по палубе в свое удовольствие.

Отсмеявшись, мы с гоблином поднялись на балкон, и почти сразу огр-контролер громко объявил:

— Старт дирижабля на третьей склянке! — и тут же дернул за язык небольшого колокола, рядом с которым он стоял.

Колокол загудел, и мы стали прощаться. Лина корректно отошла в сторону, Лия и Хоб принялись негромко ворковать, а ко мне подошла Джина.

— Ты забавный, в тебе нет этой… — оркитянка замерла на секунду и пару раз щелкнула пальцами, подбирая слова. — Мужской тупой самоуверенности.

— А ты умница и красавица, — с глупой улыбкой ответил я, не погрешив против истины, при этом подумав: — «Долго еще местные мужчины будут учиться общаться с эмансипированными особами».

— Да ладно тебе… — засмущалась вдруг Джина, потом схватила меня за ворот, подтянула к себе и поцеловала. После ночной тренировки целоваться с клыками я немного научился. Прервал это приятное занятие двойной удар колокола.

— Встретимся в Огрбурге после рыбного сезона, — сказала Джина отстранившись и, не удержавшись, предупредила: — Но ты ни на что не рассчитывай!

— Вряд ли получится, красавица, — расстроено сказал я. — К тому времени я уже вернусь домой.

— Ты долго будешь в Огрбурге? — тихонько спросила оркитянка.

— День, может два, — честно ответил я. — Как дела сделаю — сразу уеду.

— Ладно, поглядим, — решительно сказала Джина. — Иди уже.

С борта дирижабля нетерпеливо махала рукой гоблинка, а рядом с ней стоял ехидный Рыжик и смотрел на меня опытными кошачьими глазами. Я поднял драконье седло (все провожающие заулыбались) и шагнул на борт, после чего сразу ударила третья склянка.

Огр-кондуктор начал отшвартовку летучего корабля, а капитан (невысокий орк в синем форменном кителе) строго

взглянул на меня и указал пальцем на скамейку, тянущуюся вдоль борта судна. На скамейке уже сидела Лия, а у ее ног растянулся Рыжик. Я подошел к ним, затолкал в уголок седло и сел рядом. Мы помахали провожающим, и огр-кондуктор крутанул большое колесо. Дирижабль начал медленный подъем.

Невозможность использования дирижаблей на Земле в средние века обуславливалось отсутствием технологий. В тринадцатом веке в Китае запускали небольшие воздушные шары, и в четырнадцатом веке в Британии были попытки запустить в воздух шар из тонких шкур, наполненный дымом, а в основе идеи воздухоплавания лежит закон Архимеда, открытый еще в трехсотом году до нашей эры. Но все упиралось в создание газонепроницаемой оболочки. В мире Ворк таких проблем не было — магия Тверди великолепно справлялась с этой задачей, а для мага Стихий работа с газами не составляла особого труда.

Над нашей головой находился огромный продолговатый баллон, размером с десяток (а то и поболее) корабликов, на борту которого мы находились. Баллон был явно полужесткой конструкции, и от него к бортам тянулись тонкие канаты, некоторые из которых управляли рулями высоты, идущими вдоль хвостовой части баллона. Сам баллон был соединен с палубой тремя невысокими мачтами. Каждая мачта заканчивалась огромным кругом, в который был продет дирижабельный баллон. Когда баллон окончательно надулся, он стал сильно напоминать колбасу, перевязанную веревочками. Капитан встал на носу корабля у небольшого рулевого колеса, а три матроса забегали по палубе, совершая необходимые приготовления к взлету. Потом матросы одновременно подбежали каждый к своей лебедке и втянули веревки, которыми был пришвартован дирижабль. Подъем сразу же ускорился.

Тем временем маги подошли к огромному медному котлу, расположенному на корме судна. От котла шло множество труб, некоторые из которых уходили в палубу, а некоторые вели к баллону над нашей головой. Подойдя к агрегату, маги взялись двумя руками за натертые до блеска поручни, выходящие откуда-то из глубины магического устройства, и одновременно запели. Вокруг кораблика сразу же образовался воздушный магический кокон, который немного искрился, а огромная медная труба, выходящая из кормы наподобие сопла ракеты, выплюнула струю огня как реактивный двигатель.

Капитан занялся манипуляциями с рулевым колесом и рычагами управления, дирижабли задрал нос и с все возрастающей скоростью начал подъем. Два матроса сели на

скамейки рядом с магами, а один (видимо лоцман) встал рядом с капитаном и периодически что-то ему говорил, сверяясь с картой, прикрепленной к доске рядом с ним.

Дирижабль быстро набирал высоту, и у меня заложило уши. Я сглотнул и посмотрел на гоблинку. Бедная малышка прижала ладошки к ушам, и казалось, готова была расплакаться.

— Третий раз лечу и никак привыкнуть не могу, — пожаловалась Лия. — Уши сильно болят.

— Ты глотай чаще, — посоветовал я.

Гоблинка удивленно на меня посмотрела, потом достала бутылочку из сумочки и сделала небольшой глоток.

— Спасибо! — радостно сказала Лия.

— Через минуту снова уши заложит, — усмехнулся я. — Надо что-нибудь пожевать долгоиграющее.

— Есть такое! — радостно сказала куколка-вампирчик и, порывшись в сумке, достала тонкую полоску сушеного мяса. Отрезав кусок, дала мне и стала грызть остаток. Я к ней присоединился. Сушеное мясо оказалось отличным заменителем сосательных конфеток, подающихся в самолетах.

Летучий кораблик, с огромной колбасой вместо паруса, уверенно набирал высоту. На носу кораблика стоял орк в синей форме капитана и уверенно управлял летучей посудиной. На корме рядом с огромным медным котлом пели маги. За кораблем тянулся шлейф от сопла, как за реактивным самолетом. Дирижабль вез всего трех пассажиров. Джисталкер увлеченно жевал тоненький кусок сушеного мяса и с любопытством глазел по сторонам. Маленькая хорошенькая гоблинка сидела рядом с ним и посматривала на седло, раздумывая, как бы удобнее устроится для длительного перелета. Третьим пассажиром был рыжий Кот, который, конечно же, думал только о еде.

Работа 13. Перелетная

Долгий и здоровый сон —
лучший друг путешественника.

(Х.Колумб, со слов В.Булкина)

Полет проходил нормально. Маги гудели как авиационные двигатели, капитан рулил, а мы с гоблинкой болтали. После набора высоты, когда дирижабль взлетел над облаками, уши закладывать перестало, и жизнерадостность, ненадолго покинувшая Лию, вернулась в полном объеме. Я сидел на неудобной скамейке, а гоблинка оккупировала мое седло и расположилась на нем со всеми удобствами.

— А что у тебя за дела в Огрбурге? — спросила Лия.

— Понимаешь, — замялся я. Потом подумал, что при помощи этой маленькой светской львицы можно многое узнать, и решился: — У нас, у грымских, многие коллекционируют оружие.

— Ну, это не только у вас, — подмигнула мне гоблинка.

— Уху, — согласился я. — Ну, так вот — одному уважаемому орку-кузнецу достался арбалет, и знатный орк из родственного тейпа тоже захотел такой же.

— Ну, так пусть кузнец сделает ему вещицу, если хватит денег у знатного орка, — недоуменно взглянув на меня, сказала гоблинка.

Да, в мире Ворк не дошли еще до понимания слова «раритетный». Вещь ценилась исключительно или из-за ее достоинства, или из-за стоимости полуфабрикатов, ушедших на изготовление предмета. Существовали еще так называемые «семейные реликвии», но они либо сами по себе были очень ценны, либо никому кроме самого семейства особо не требовались. Я тяжело вздохнул, и пустился в пространные объяснения.

— Есть отличие между шкурой лесного динозавра, продающейся в лавке и точно такой же шкурой, добытой собственными руками? — спросил я Лию.

— В принципе никакой разницы, — улыбнувшись, ответила гоблинка. — Разве что есть о чем поболтать.

— Ну вот, в этом все дело, — улыбнулся я в ответ. — Нет никакого интереса — сделать арбалет. А вот добыть такой же — это подвиг.

— Странные вы ребята, грымские, — задумчиво сказала гоблинка. — А в чем секрет нужного тебе арбалета?

— Он очень древний. В нем нет магических усовершенствований. Сейчас такие не делают, — попытался объяснить я вещи, которые являются аксиомой для любого коллекционера.

— Так сделайте по старым технологиям, — предложила умная девушка. — В Огрбурге полно умельцев — все сделают так, что не отличишь.

— Мы с тобой не отличим, — согласился я. Хитрая гоблинка моментально изобрела то, что коллекционеры называют словом «новодел». — А вот тот, для кого я ищу арбалет — очень даже отличит. И потом — это будет обман. А я честный.

«Особенно с зулусским бароном», — подумал я. Впрочем, озвучивать эту мысль почему-то не стал.

— Расскажи подробнее, полет долгий — а делать все равно нечего, — попросила маленькая светская львица.

Помявшись немного, я сдался. Рассказать о том что работая на Этой Стороне под легендой горского воина-человека я победил в поединке тролля Кепеба, и в качестве трофея взял арбалет, по понятным соображениям было бы не очень умно. Поэтому пришлось на ходу выдумывать историю. По моей версии дело было так:

Отряд грымских орков под моим руководством повстречался с отрядом Этой Стороны на Ничейной Территории, недалеко от муравьиных Пустошей. Мы искали яйцо муравьиной царицы. У враждебного отряда был толмач, да и я немного говорю на языке Этой Стороны (после этих слов у Лии округлились глаза). Договорились о дуэли с командиром (могучим горцем с раскрашенной физиономией), в которой я победил. В качестве трофея мной был взят арбалет, который со слов побежденного воина-горца он тоже взял как трофей у тролля Кепеба. Потом этим арбалетом заинтересовался орк-кузнец, а вслед за ним и знатный орк из соседнего тейпа. И вот я лечу в Огрбург, чтобы узнать — откуда у некоего тролля Кепеба появилось это древнее оружие.

— Ты знаешь язык гнумов? — неожиданно спросила меня Лия на языке народов Срединных Пиков, главном языке международного общения Этой Стороны.

— С какой образованной девушкой мне довелось повстречаться, — галантно ответил я ей на том же языке, и вежливо склонил голову.

— Я плохо знаю этот язык, — перешла гоблинка снова на оркский и многозначительно улыбнулась.

— Ну, вот и вся история, — закончил я тоже на орксском. — Где найти этого Кепеба — я не знаю.

— Это не беда, — успокоила меня Лея. — Сегодня вечером, если темные боги помогут, мы прилетим в Огрбург. Мне предстоит сделать много визитов, не только вежливости.

— Мне тоже надо поселиться и обустроиться.

— Заодно я узнаю, кому известно о Кепебе, — сказала кукока-вампирчик и на секунду замерла в задумчивости. — Да и мне кажется, что я слышала где-то это имя.

— Говорят, он знатный поединщик, — сказал я.

— О, точно! — обрадовано сказала гоблинка. — Может быть Хельна его родственница. Она говорила как-то о своем непутевом братце-бойце.

— Это было бы очень неплохо, — сказал я, с благодарностью взглянув на маленькую светскую львицу. — Я остановлюсь…

— Знаю, — прервала меня Лия. — Хоб мне сказал, что ты остановишься у его дяди, в «Пьяном гоблине-толмаче». Завтра найду тебя там.

— Договорились, — обрадовался я.

Если сбором информации будет заниматься интриганка Лия, то шансы на удачу у меня резко повысятся. Конечно, сидеть на месте и ждать у моря погоды я не собирался, но все равно — получить в качестве информатора гоблинку, вхожую в высший свет Огрбурга, являлось редкостной удачей.

Через минуту Лия, удобно устроившаяся на драконьем седле, уже спала. По-видимому, вчера ночью ей выспаться почему-то не удалось. Я, поглядев на сладко сопящую куколку-вампирчика, зевнул и начал устраиваться поудобнее, так как прошлой ночью меня тоже замучила бессонница, посетившая меня в обличии прекрасной оркитянки. Но поспать мне не дали.

«А тут дают рыбку?» — поинтересовался Рыжик.

«Мы же летим», — удивившись, ответил я Коту.

«Это же корабль?» — спросил меня рыжий обжора.

«Ну да», — согласился я.

«На корабле нас всегда кормили», — твердо заявил Рыжик, и стал ждать от меня немедленного решения поставленной задачи.

Пришлось решать вопрос с кормлением ненасытного рыжего чудовища. Я оглядел команду. Капитан вел дирижабль, лоцман ему помогал. К ним подходить с обеденным вопросом мне показалось неуместным. К гудящим магам на корме тоже лезть не хотелось. Оставались два матроса, сидящих на скамейке недалеко от нас. Я передвинулся к ним поближе и начал махать рукой, привлекая к себе внимание.

— Чего тебе, грымский? — заметив меня, спросил маленький гоблин, одетый в белую форму дирижабельного матроса.

— Кормить когда будут? — спросил я его, хотя был совсем неуверен в том, что на воздушном судне пассажирам положен завтрак.

— Только взлетели, — лениво ответил матрос. — На полпути накормим, пока спи.

— Понятно.

Я повернулся к Коту и объяснил, что кормить будут позже. Рыжик согласился подождать, после чего я снова начал устраиваться поудобнее, чтобы вздремнуть. Только я задремал, меня опять разбудил Кот. Вопрос был тот же самый — когда будут кормить.

«Как только — так сразу», — спросонья ответил я и снова попытался уснуть.

Легко отделаться мне не удалось. Рыжик не впал в ступор от сложного выражения, на что я втайне рассчитывал, а начал вполне логично интересоваться, когда наступит «только», и какое время занимает это «сразу». Пришлось вступить в полемику, в которой я запутался раньше, чем мне удалось убедить рыжего лакомку, что необходимо потерпеть. Пришлось сесть (я уже успел прилечь на скамеечку вдоль бортика) и снова обратиться к матросу с вопросом кормления. Матрос отделался от меня обещаниями, после чего я отделался обещаниями от Кота. Как только я снова вздремнул, Рыжик опять меня разбудил. Пришлось опять лезть с вопросами к матросу. Одним словом, со стороны выглядело так, как будто я самый капризный пассажир на свете. У матроса не было закалки современных земных стюардесс, и вскоре по его лицу стало видно — еще один вопрос и он лично займется ссаживанием меня с дирижабля. Парашют тут пока не изобрели, а парить в воздухе как маг Стихий я не умел, поэтому пришлось заткнуться и телепатически наорать на Кота. Рыжик обиделся и залез под лавку, после чего я с чувством глубокого удовлетворения растянулся на скамейке и уснул. Мне приснилась Джина.

Проснулся я от невежливого тычка. Надо мной стоял матрос, которого я до этого мучил, и держал в руках корзину. Из корзины доносились умопомрачительно вкусные запахи.

— Еда, — хмуро объявил матрос и сунул мне в руки корзину. После чего еще раз критически меня осмотрел и отправился к своему месту.

«Будешь есть?» — спросил я Рыжика. Кот меня проигнорировал. Тонкая кошачья натура не выдержала грубого

отношения, и оскорбленный Рыжик лежал под скамейкой, не обращая на меня ни малейшего внимания. Порывшись в корзине, я обнаружил большой кусок копченого мяса. Взяв пищу, я полез под скамейку мириться с Котом. Процесс этот занял много времени, но под конец мне удалось уговорить рыжего лакомку принять угощение, и я был прощен. Выбравшись из-под скамейки под ехидными взглядами матросов, я снова порылся в корзине и нашел там вяленое мясо. Лия спала на драконьем кресле, и я не решился ее разбудить. Жуя, я начал глазеть по сторонам. За бортом дирижабля ничего интересного не происходило. Далеко внизу сплошным слоем лежали белые облака, а над головой заслонял солнце дирижабельный баллон. Обстановка напоминала обычный авиа-перелет на большое расстояние. Скучно.

«Мне надо в туалет», — заявил непоседливый Кот.

«Потерпеть никак?» — вяло поинтересовался я.

«Нет», — последовал ожидаемый ответ.

Пришлось встать и снова идти мучить матроса. Проблема оказалась решаемая, и вскоре Рыжик был сопровожден в небольшую комнатку, неподалеку от магического двигателя. Когда мы вернулись — гоблинка уже проснулась.

— Уже кормили? — потянувшись, поинтересовалась Лия.

— Вот, — я протянул ей корзину, после чего наступила тишина. Маленькая светская львица стала с увлечением уничтожать съестные припасы.

Поев, гоблинка свернулась калачиком на седле и снова уснула. Рыжик затих под лавкой, и я прилег на скамейку, хоть было и не очень удобно. Покрутившись в поисках несуществующих удобств, я все-таки нашел приемлемую позу и тоже провалился в сон. Проснулся я, когда начало темнеть. Лия сидела рядом со мной на скамейке. Тональность пения магов сменилась, и по моим ощущениям дирижабль начал снижение. Мы нырнули в облачный покров, и через пару минут я увидел под нами дирижабельную башню. Наш летучий корабль, опустив нос, спускался прямо на нее как санки с горки. Матросы развели бурную деятельность, маги гудели, капитан правил судном, а пассажиры (я в том числе) вцепились в скамейки и боялись. Ощущения были как при катании на американской горке. Впрочем, вскоре движение дирижабля замедлилось, и судно выровнялось, застыв прямо над башней. Маги прекратили петь, и летучий корабль начал медленно спускаться. Матросы сбросили тросы, и через пять минут летучее судно было надежно пришвартовано на дирижабельной площадке, на вершине башни.

— С прибытием, — радостно сказала мне Лия.

— С прибытием, — вторил ей могучий голос капитана

дирижабля.

Я глянул на часы в уголке экранов-линз и с удивлением констатировал факт — мы находились в полете больше девяти часов. Путешествие на дирижабле прошло значительно комфортнее, чем полет на земном авиалайнере, несмотря на неудобство сидений.

Тем временем на наше судно были переброшен мостик, и борт корабля первыми покинули маги. Маг Стихий сразу прыгнул с башни (я уже не удивился) а маг Огня спустился с балкона и исчез в двери, ведущей на лестницу. Я тяжко вздохнул, представив себе процедуру спуска с башни с драконьим седлом в руках. Не думаю, чтобы мне позволили забыть сей громоздкий предмет на борту дирижабля.

— Завтра я тебя найду, — попрощалась со мной гоблинка и быстренько перебежала по мостику, после чего тоже скрылась в дверном проеме.

Я поднялся со скамейки взял свои вещи и, подняв седло, неловко перебрался на площадку приема пассажиров, огороженную высокими поручнями. Мне вслед ехидно глядела вся команда дирижабля.

— Экипаж дирижабля прощается с тобой, орк, с твоим зверьком и с твоим седлом, — усмехнувшись, сказал мне в спину давешний матрос, и я махнул рукой в ответ. Встав у борта дирижабельной площадки, я посмотрел вниз и застыл, пораженный красотой открывшейся картины.

Дирижабельная башня стояла на небольшом холме, и высота ее немного превышала пятьдесят метров. От башни протянулась ровная дорога из желтого кирпича, протяженностью метров пятьсот, которая упиралась в огромные открытые ворота. Ворота высотой и шириной примерно метров двадцать находились в огромной стене, состоящей из грубо вытесанных каменных блоков. Стена тянулась в обе стороны и окружала большой город с названием Огрбург, в котором кипела чуждая человеку жизнь. На вершине башни находилась открытая всем ветрам дирижабельная площадка. На самом краю площадки стоял джисталкер, держась за поручень и положив у своих ног огромное седло. Джисталкер любовался чуждой человеческому взгляду архитектурой города хищников, а рядом с ним стоял рыжий Кот и недоуменно поглядывал на джисталкера, гадая — чего он тут наверху забыл?

Работа 14. Прибывальная

Если зеленый змий сразу не сдается — надо поднажать…

(продолжение народной медицинской пословицы)

Любуясь Огрбургом с высоты дирижабельной башни, я забыл обо всем на свете. Город расположился на большом каменистом холме, окруженном огромной стеной из каменных блоков, и показался мне маленьким, гораздо меньше Вихрь-города (и как тут умещалось больше двухсот тысяч жителей — непонятно). В наступающих сумерках Огрбург горел магическими огоньками, навевая сакраментальное: «Огни большого города…».

«Ну, городок вроде небольшой. Сориентируюсь как-нибудь», — подумал я, оглядывая стену, окружающую Огрбург. Высота стены колебалась от двадцати до сорока метров. Местами холм, на котором расположился город, упирался в стену, и в этих местах стена внутри города составляла максимум метров пять, а снаружи возвышалась на сорокаметровую высоту.

— Грымский, ты тут будешь вечно стоять? — скрипучий голос оторвал меня от созерцания красот, лежащих у меня под ногами.

Маленький гоблин в форме дирижабельной службы с неудовольствием смотрел на меня. Я тяжело вздохнул, поднял седло и вошел в дверной проем, ведущий к лестнице. Встав на площадку перед витой лестницей, я посмотрел вниз. Похоже, все дирижабельные башни строились по одному проекту и я, тяжело вздохнув, начал спуск. Рыжик спускался следом за мной. Я шел вниз, делая виток за витком, а лестница никак не кончалась, при этом мне очень мешало седло. Когда я вышел из башни, голова немного кружилась. Перехватив поудобнее седло я направился по желтой брусчатке к воротам Огрбурга. Через пять минут я оказался в городской черте.

От городских ворот шли три широкие улицы. Левая улица изгибалась вдоль стены явно под уклон, правая шла вдоль другой стены и была похожа на серпантин, поднимающийся в гору. Улица, ведущая прямо, была ровная. Огрбург оказался многоуровневым городом. Я тяжело вздохнул и пошел прямо. Вдоль улицы стояли большие дома, между которыми находились небольшие промежутки. Каждый промежуток являлся переулком. Вскоре улица ушла в арку, и над моей головой оказался потолок,

украшенный магическими огоньками. Стало светло, как днем. Переулки стали начинаться ступеньками, ведущими как вниз, так и вверх. Под конец улица уперлась в стену башни, в которой был трехметровый дверной проем (как раз под рост огра). Войдя туда, я обнаружил знакомую мне по дирижабельной башне витую лестницу. Не придумав ничего более умного, я пошел вверх. Через пару минут я вышел на другую улицу, копию той по которой дошел до башни. Джисталкеры — народ упорный (правда, говорят — не очень умный, но врут). Я снова перехватил седло удобнее и пошел по улице вперед с упорством древнего танка. Вскоре уперся в стену. Дверного проема не было. Пришлось вернуться и свернуть в переулок, на этот раз я выбрал ведущий вниз (надоело идти вверх). Через минуту я оказался на улице — копии той, что покинул не так давно. Решил свернуть направо. Решил — сделал. Пошел под уклон, явно с небольшим поворотом влево. Уперся в башню с дверным проемом. Спустился по витой лестнице вниз и вышел на смутно знакомую улицу. Пошел по ней вверх и снова уперся в стену. Вернулся и нашел переулок ведущий вниз. Спустился прямо к башне, в которой был дверной проем. Вошел в него и поднялся на один этаж вверх. Вышел на улицу, на которой похоже был не так давно. Положил на брусчатку седло сел на него и заплакал.

Если честно то я, конечно же, не плакал, но заплакать очень хотелось. А еще больше хотелось стать огромным кротом с алмазными лапами и вгрызться прямо в стену. Я заблудился. По широкой улице ехали экипажи, по тротуарам неслись куда-то по своим делам горожане, а я сидел на седле в прострации и не представлял, что мне делать. Над головой метрах в десяти находился потолок украшенный магическими огоньками, а я даже не знал — нахожусь ли я глубоко под землей или наоборот, ближе к вершине огрбуржского холма.

Потом (уже в Москве) я долго изучал на виртуальных объемных картах устройство Огрбурга. Больше всего это напоминает развязку транспортных лент на пересечении оживленных магистралей прошлого где-нибудь в многомиллионном городе (вроде Москвы или Нью-Йорка). Если каждую дорогу в этой развязке заключить в туннель, между ними построить башни для пешеходных переходов и соединить части трасс, проходящих рядом, лестницами. Еще надо вдоль каждой транспортной ленты понастроить домов и все это засунуть в недра небольшой горы. Так что мое первоначальное решение самостоятельно найти дорогу в Огрбурге являлось, мягко говоря, немного самонадеянным. Это если употреблять цензурные

выражения.

«Не знаешь что делать — попроси совета», — всплыла в голове очередная мудрость сэнсэя. Я встал и начал приставать к прохожим. Это оказалось неожиданно непростым занятием. Меня игнорировали. Разодетые жители Огрбурга с глумливыми улыбочками смотрели на грымскую деревенщину и спешили пройти мимо. Под конец мне повезло — я поймал мальчишку-орка и он за серебряную монету (попросил бы золотую — дал не раздумывая) согласился провести меня до таверны «Пьяный гоблин-толмач». Мы нырнули в переулочек, неотличимый от остальных, потом перешли улицу и забежали в другой переулок (копия первого). Потом поднялись на один пролет по витой лестнице в башне, и вышли прямо к вывеске, гласящей, что именно тут находится нужная мне таверна. Наше путешествие заняло пять минут (до этого я почти час блуждал по Огрбургу). Я расплатился с ухмыляющимся сорванцом и гордо выпрямившись (с седлом в руках это было непросто) вошел в дверь таверны.

В зале было пусто. За барной стойкой стоял гоблин, похожий на немного постаревшего Хоба, и лениво протирал бронзовый бокал. Вдоль стен стояли дубовые столы с приставленными к ним стульями. Набор стульев просто поражал воображение. Половина из представленных мест для сидения напоминала обычные стулья в земных ресторанчиках, которые специализируются под старину. Четверть я бы сравнил с детскими приставными стульчиками для младенцев (скорее всего они предназначались для гоблинов). Оставшиеся огромные табуретки выдержали бы присевшего на них белого медведя. В таверне на Острове стулья были немного великоваты, но одинаковые. Тут явно боролись за удобства для клиента — в большом городе и конкуренция соответствующая. Гоблин с интересом уставился на меня, и я решительными шагами пересек зал и остановился напротив. Опустив на пол надоевшее мне седло, я с удовольствием выпрямился и выдохнул с облегчением.

— Приветствую хозяина, — начал я заготовленную речь. — Хоб мне сказал, что я могу на вас полностью положиться. Вы его дядя?

— Есть у меня такой племянник, — хитро прищурившись, ответил гоблин. — А тебе что за дело?

— Дел много, — сказал я. — Первое это поселиться.

— Почему бы не поселить, — степенно сказал гоблин, и поинтересовался: — Деньги-то есть?

— И деньги есть и еще кое-что.

— И что?

Я положил на стойку свой мешок, порылся в нем и вытащил пакет со скелетами магнитных рыбок. Положив пакет перед гоблином я намекающее взглянул ему в глаза. Гоблин недоверчиво подтянул мешок, заглянул в него и его как будто сразу подменили.

— Ай молодец какой Хобка! — радостно воскликнул хозяин. — Не забыл старичка-дядюшку.

— Продать поможете? — спросил я гоблина, и смущенно добавил: — Мне бы поселиться быстрее и вещи сложить, — после чего с ненавистью взглянул на драконье седло.

— Конечно-конечно! — радостно заверещал гоблин. — И называй меня дядя Моб. Друг моего Хоба — мой друг! Вырос племянничек, дядюшке на радость! И друзья у него солидные, и сам удался! Вот родителям радость-то…

— Селиться когда будем? — прервал я словесный поток, после чего гоблин оббежал стойку и, ловко ухватив седло, побежал к двустворчатой двери в стене. Я последовал за ним.

От двери ступеньки неожиданно повели вниз и вывели в небольшой коридор. По стенам коридора я насчитал шесть закрытых дверей. Моб открыл ближайшую к выходу комнату и, чертыхаясь, затащил в номер седло. Я вошел за ним. Обстановка была, прямо скажем, спартанская. Кровать, небольшой шкаф и занавеска, загораживающая маленький закуток. При этом очень странно было видеть гордого за номер хозяина.

— Вы, небось, там у себя и не представляли, что можно так жить, — надменно провозгласил Моб, поглядывая на меня снизу вверх свысока.

— И что же тут такого? — удивленно спросил я.

— Загляни за занавеску! — после этих слов мне показалось, что хозяин прямо сейчас лопнет от гордости.

Я подошел и отодвинул занавеску. Перед моими глазами предстал небольшой бронзовый умывальник, прикрепленный к стене. Рядом находилась дырка в полу, чем-то напоминающая толчок, который я видел в фильмах о заключенных конца двадцатого века. И тут до меня дошло — канализация и водопровод! В мире Ворк! Надо было срочно удивляться, а еще лучше — разыграть маленькое шоу. Чем я и занялся.

— И что тут такого? — недовольно пробурчал я.

— Вот деревня, — удовлетворенно выдохнул Моб, и начал с гордостью объяснять мне устройство примитивного водопровода и канализации.

Устроено все было и вправду неплохо. Канализационные трубы охватывали все дома, правда, подключение к ним стоило денег. То же самое было и с водопроводом. Под горой, на которой

был расположен город Огрбург, проходила подземная река. Водозабор происходил оттуда при помощи магических приспособлений. Канализационные стоки сбрасывались в ту же многострадальную реку ниже по течению. Экологические службы Земли за подобную, мягко скажем, выдумку оштрафовали бы строителей на такую сумму, что те моментально стали бы соображать как академики. Впрочем, тут и отбросы города в основном были естественного происхождения, хотя в этой речке после стоков из Огрбурга я бы купаться отказался. Думая об этом, мне пришлось изображать удивление и восхищение деревенского жителя, так что я считаю, шоу удалось. Правда, я на всякий случай решил из крана воды не пить — мало ли что. Вода чуть попахивала, но для умывания вполне годилась. Кстати — Рыжик пить ее тоже отказался.

Моб оставил нас обустраиваться, и убежал наверх в таверну. Я пристроил ненавистное седло в угол, разложил вещи, после чего умылся и, заперев дверь, направился в зал таверны. Кот шел рядом, и требовал его покормить. Когда я поднялся, то понял — Моб времени даром не терял. Ближайший к барной стойке стол был заставлен яствами, а украшением стола служил кувшин янтарного эля. Мы с Рыжиком отдали должное огрбуржксой кухне, после чего я подозвал хозяина заведения за наш столик и приступил к аккуратному допросу.

— Моб, чего я хотел у тебя спросить, — сказал я и сыто икнул. Хозяин заведения тут же подлил мне эля, и допрос пришлось отложить. Таверна пустовала, и поэтому Моб налил эля себе тоже.

— Спрашивай, — сказал Моб, когда мы опорожнили кружки и немного отдышались.

— А я разве хотел что-то спросить? — поинтересовался я.

— Да, но сначала выпьем, — ответил хозяин уже налив две полные кружки.

— Так вот, — сказал я, когда кружки были выпиты. — Что спросить то хотел…

— Может, выпьем? — предложил Моб.

— Не откажусь, — согласился я, и допрос снова пришлось отложить.

— Мне надо кое-что узнать, — умудрился я вставить фразу между очередными кружками.

— Никаких проблем, — согласился гоблин, покачиваясь на стуле. — Но теперь наливаешь ты, так как я устал.

— Уже налито, — бодро ответил я, хотя пролил немного эля на стол. — Ща выпью и спрошу…

— А я те отвееечу, — поддержал меня гостеприимный хозяин. — Только сначала выпьем!

— Да! — согласился я.

За стойкой уже бегала маленькая сердитая гоблинка (видимо жена хозяина), а эль нам периодически подносил ловкий тролль в кожаном переднике, который он успел снять с хозяина и нацепить на себя (по-моему, наизнанку). Я как-то умудрился рассказать гоблину, что ищу древний арбалет, а он мне клялся, что завтра сам лично перевернет весь Огрбург, но вытащит мне необходимую информацию. Потом за нашим столом стало почему-то тесно. Появились какие-то орки, каждый из которых считал своим долгом выпить именно со мной. Моба уже унесли из-за стола, и его место занял огромный огр, который громко ревел на всю таверну:

— Тим, да за-ради тебя мы тут все арбалетами завалим!

Таверна (которая почему-то оказалась полностью заполненной) радостно взревела, и ко мне полез целоваться жуткий тролль, чем-то похожий на официанта. Я начал неловко отбрыкиваться и опрокинул на стол кувшин. Тут же принесли три полных, и веселье покатилось по колее, как санки под горку. Появился хмурый Моб, и я тут же всунул в его руку кружку с элем. Он попытался возразить.

— Ты меня уважаешь? — строго спросил я его.

— Конешшшна! — ответил мне Моб, и залпом опорожнил кружку.

— Йох!!! — взревела таверна в знак поддержки хозяина, и все стали сдвигать столы.

— А теперь я буду петь! — зачем-то решил я, и запел:

— Ой, мороз-моро-оз, не морозь меня! Не морозь меня-ааа, моего волкааа!!!

За большим столом все прослезились, потом выпили в честь песни эля, и тут такое началось…

Смутно помню, что уговаривал выпить строгую гоблинку. Она сначала отказывалась, а потом сдалась. Почему-то вскоре хозяйка оказалась во главе стола, и начала произносить тосты как заправский тамада. Каждый ее тост заканчивался одобрительным ревом (я ревел громче всех) и конечно обильно смачивался все тем же элем. Потом мы зачем-то начали бороться на руках с огром. Рука огра была как моя талия, и он, естественно, победил.

— Ты самый сильный орк, из всех кого я знаю! — провозгласил огр, который за секунду до этого чуть не сломал мне руку, после чего мы с ним выпили на брудершафт. Целоваться я отказался, и пришлось вместо этого выпить еще эля.

— Ты хотел меня что-то спросить, — сказал мне Моб, и я

честно попытался вспомнить, о чем это он.

— Ах, да. Мне надо узнать про арбалеты, — осенило меня.

— Так об этом уже все знают, — прервал меня гоблин. — Ты что-то другое хотел.

— Не помню, — покаялся я, и предложил: — Может, накатим?

— Наливай, — согласился Моб.

Дальше помню урывками. Вот огр пьет эль прямо из бочки. Вот бочка почему-то у меня в руках и я пью из нее. Потом мы достаем из бочки упавшего туда Моба. Потом народу становиться меньше, и мы поем хором «Ой мороз-мороз». Потом за столом остаемся я, огр и гоблин, и Моб рассказывает как он любит Хоба. Потом огр почему-то плачет и покидает нас. Потом тролль-официант в надетом наизнанку переднике снова уносит Моба, а я сижу в обнимку с Рыжиком и рассказываю ему, какая Джина красавица. Последнюю картину помню отчетливо, но почему-то со стороны:

В большом зале таверны все столы были составлены вместе. Таверна выглядела, как лесная поляна после брачных игр десятитонных динозавров. Во главе стола сидел одинокий джисталкер и смотрел на полную кружку эля. «Велик Огрбург — а пить не с кем», — горестно сказал джисталкер, встал и, пошатываясь, пошел в свой номер. За джисталкером как привязанный шел рыжий Кот с набитым брюхом и в восхищении поглядывал по сторонам. Джисталкер вошел в дверь, ведущую к номерам, поскользнулся и скатился по лестнице, издав жуткий грохот. Встав на ноги, он произнес: «Вот так надо падать!», после чего зашел в свой номер и плюхнулся в одежде на кровать. Ровно через секунду джисталкер негромко захрапел. Рыжий Кот подошел к кровати, запрыгнул на нее и удобно устроился на постели, упершись мягкими лапами в спину джисталкера. В таверне наступила благословенная тишина, нарушаемая лишь нежным храпом уставшего человека.

Работа 15. Приемная

Если есть о чем тереть –
Становися в очерЕдь!

(бюрократическая
считалочка)

Алкоголика сон — тревожен и краток, и не думаю, что сообщу новость, сказав, что каждое последующее похмелье тяжелее предыдущего. Когда я встал, мне показалось, что деятельный похмельный гном (какая-то новая раса — жутко вредная) забрался в бедную голову и теперь пытается выбраться наружу, используя, по меньшей мере, отбойный молоток. Я вспомнил еще парочку народных мудростей — но легче почему-то не стало.

«Надо меньше пить», — к месту вспомнилось великое новогоднее изречение.

«Надо больше есть», — не к месту встрял Рыжик.

«Замолчи чудовище!», — взмолился я.

«На себя посмотри», — парировал кот, и передал мне мыслеобраз зеленого динозавра, бьющегося головой о скалу. От этого стало еще хуже, и я пошел к умывальнику. Решение не употреблять вовнутрь воду из местного водопровода было позабыто, и я стал жадно глотать живительную влагу, благодатно попахивающую тиной. Когда я, наконец, напился — мне тут же пригодилась канализация. Придя в себя, я обнаружил свое лицо в непосредственной близости от дырки, заменяющей тут благословенное изобретение человечества — унитаз. Потом я умылся, но пить воду из местного водопровода второй раз не рискнул и решил подняться в таверну. Кот пошел со мной, постоянно передавая образы различной еды, что в моем состоянии никак не служило улучшению самочувствия.

Таверна сияла чистотой. За стойкой стоял довольный Моб и протирал свою любимую бронзовую кружку. Увидев меня, гоблин радостно улыбнулся и без слов водрузил на стойку емкость с элем.

«Подобное лечится подобным», — подумал я и протянул руку к запотевшему бокалу. Тут Рыжик передал мне образ огромного куска мяса, истекающего жиром, и я остановил страждущую руку.

— Доброе утро, хозяин, — просипел я, потом прокашлялся и продолжил речь: — Кусок мяса жизненно необходим.

— Уверен? — удивился Моб, на что я только кивнул головой.

После энергичного кивка притихший ненадолго гном в моей голове очнулся и снова взялся за свой отбойный молоточек. Моб быстро поставил на барную стойку тарелку с бифштексом, я дал мясо коту, после чего рыжий мучитель от меня ненадолго отстал. Дрожащая рука снова потянулась к заветному бокалу, и на этот раз никто не помешал этому робкому движению. Первый глоток дался с трудом, потом янтарный напиток смочил воспаленное горло, и прохладная струя потекла по иссушенной поверхности прямо в раскаленные пучины моего желудка. Когда я поставил на стойку пустую кружку, самочувствие решило сделать мне подарок — оно вдруг улучшилось. И даже похмельный гном (видимо пробив дырку в голове) ушел.

— Глазки заблестели, — прокомментировал Моб улучшение моего общего состояния, потом пригляделся и добавил: — Но пить дальше я бы не рекомендовал.

— Нет, с пьянством покончено, — твердо заявил я. — Неосторожный опохмел ведет к продолжительному запою.

— Ух ты! — восхитился гоблин. — Как грамотно сформулировано! Надо бы записать!

Мне стало на секунду неловко. Я и забыл, что любая земная банальность в мире Ворк может быть воспринята как философское откровение. Смутившись, я попробовал перевести разговор на другую тему.

— Неплохо вчера погуляли, — ничего другого в голову просто не пришло.

— Это точно, — просиял Моб.

— Делу время — потехе час. Придется сегодня побегать, — пригорюнился я. — Надо бы хоть что-то узнать об этом проклятом арбалете.

— Хорошо сказано, — снова восхитился гоблин. Тьфу ты, опять пословицами сыплю. Надо бы за языком последить. — А бегать-то зачем?

— В смысле? — не понял я последнюю фразу Моба. — Никто же сюда не придет, чтобы дать мне информацию.

— Ты что — не помнишь из вчерашнего ничего? — удивленно протянул гоблин.

— Помню, — твердо сказал я, потом смутился: — Почти все…

— Ну, так если помнишь, то приготовься, — улыбнулся Моб, и указал взглядом на стол, стоящий в уголке таверны.

Я оглянулся и увидел, что на указанном столе находится большая бочка (очень похожая на ту, из которой мы вчера вытаскивали гостеприимного хозяина) и рядом с ней стоит пустая бронзовая кружка. Я недоуменно поглядел на это безобразие и обернулся к гоблину, ожидая пояснений. Моб недоверчиво

посмотрел на меня, и поинтересовался:

— Не помнишь все-таки?

— Нет, — вынужден был признаться я.

— Ты вчера пообещал каждому, кто тебе сообщит что-либо о старинных арбалетах, бесплатно кружку эля, — сочувственно произнес Моб. — А если скажут что-то действительно интересное — то монету в придачу.

— Ааа… — начал вспоминать я. Что-то подобное действительно имело место быть.

— Ну, так садись за стол и принимай посетителей, — с улыбкой сказал гоблин. — Вон трое уже с утра ждут. Все просили тебя разбудить. Но я не решился…

Я оглядел таверну и увидел двух смутно знакомых орков и гнусную рожу тролля (по-моему, мы вчера с ним чуть не поцеловались — вот стыдоба-то). Ребята с жуткими улыбочками помахали мне, и я вынужден был приветливо махнуть рукой в ответ. После чего я повернулся обратно к гостеприимному хозяину.

— Надо меньше пить, — философски заметил я.

«И больше есть», — дополнил мою мысль Рыжик и потребовал добавки.

Пришлось попросить Моба достать еще мяса. Впрочем, ко мне вернулся здоровый аппетит (удачно заменив покинувшего голову похмельного гнома), и я разделил с рыжим обжорой большой кусок слегка поджаренного бифштекса. После завтрака, употребленного прямо за барной стойкой, общефизическое состояние пришло в норму (ну почти), я решительно пересек таверну и уселся за столом, на котором расположилась большая бочка с элем.

Честно признаюсь, в госслужбах я никогда не работал и как грамотно производить прием посетителей — представлял плохо. Сам я, конечно же, провел определенный отрезок жизни в очередях (в том же джисталкерском комитете, например), но там пришлось находиться, так скажем, по другую сторону баррикад. Впечатления остались пренеприятнейшие. Ругать бюрократов легко — а вот побыть в их шкуре, как выяснилось, не очень. Впрочем, я опять забегаю вперед.

Усевшись за стол, я налил в кружку эль из небольшого краника, вбитого в бочку у самого дна, и начал прием посетителей. Первым за стол присел давешний тролль.

— Неплохо вчера погуляли, — начал тролль и растянул свою жуткую синюю рожу в заискивающей улыбочке (с похмелья, я вам скажу, такое зрелище выдержит не каждый).

— Это точно, — согласился я. — Ну, так что там насчет арбалетов?

— Сей секунд, господин, — сказал тролль и схватил кружку с элем. — Только здоровье подправлю.

Тролль присосался к кружке как пиявка к телу, и его кожа вскоре приобрела здоровый цвет морской волны. Залпом опорожнив бокал, тролль поставил с громким стуком кружку на стол и победно взглянул на меня.

— Вот теперь совсем другое дело! — радостно сказал тролль, потом развалился на стуле и разрешил: — Можешь спрашивать.

После этого мы с полминуты изучали друг друга. Тролль сидел напротив меня с блаженной улыбочкой и не собирался ничего мне сообщать.

— Так я думал, что ты мне что-нибудь расскажешь! — возмутился я, когда понял, что тролль так и будет молчать.

— Так я ж готов, — не стал спорить тролль. — Спрашивай — ничего не утаю!

— Ну, давай попробуем, — нерешительно протянул я. — Что тебе известно об арбалетах?

Вопрос оказался сформулирован неверно. Тролль радостно ухмыльнулся, открыл свой клыкастый рот и начал рассказ. Энциклопедически его знания уступали знаниям моего тренера Вилки, но зато практических тонкостей арбалетной стрельбы тролль вывалил на меня целый пуд. Говорил тролль ужасно долго и нудно. Под конец я стал позевывать, а мой собеседник с намеком поглядывать на бочку с элем.

— … а впрочем, дерьмо эти арбалеты. Старый добрый топор ничего не заменит! — закончил тролль и выжидающе уставился на меня.

— Мне нужны сведения о том, где можно достать древний арбалет, — сформулировал я свою мысль во второй попытке.

— Неплохо бы поправить здоровьечко, — резонно возразил тролль и поглядел на пустую кружку.

Я тяжело вздохнул и наполнил бокал элем. Процедура употребления напитка повторилась. Тролль стукнул дном пустой кружки об стол, отдышался и продолжил свой бесконечный рассказ, теперь о старинных арбалетах. Естественно, ничего нового он мне не сообщил, а только вывалил на меня ненужную информацию, теперь о стрельбе из древних арбалетов.

— … а впрочем, дерьмо эти древние арбалеты, новые и то получше будут. А вот старый добрый топор… — тут мое терпение лопнуло, я вскочил из-за стола, схватил болтуна за шиворот и вытолкал за дверь таверны. Тролль, впрочем, особо не сопротивлялся и его рожа при этом выглядела весьма довольной.

— А чего пинка ему не дал? — поинтересовался Моб от барной стойки, когда я тяжело дыша сел обратно за стол с бочкой. Я сердито взглянул на хозяина таверны, потом поглядел на собравшихся посетителей. Пока я принимал тролля, народу в таверне стало заметно больше.

— Следующий! — громко сказал я и за мой столик присел смутно знакомый орк.

— Орк Кален, знаешь такого? — агрессивно начал следующий посетитель и требовательно посмотрел на меня.

— Нет, — неловко промямлил я.

— Как же так! — возмутился мой собеседник. — Он тоже грымский! Мой друг!

Я застыл, мучительно вспоминая всех значительных вождей тейпа Грым, которые были загружены в мою бедную память трикетом из джисталкерского комитета. Ни о каком Калене не было упомянуто ни разу.

— Не знаю такого, — отрезал я после минутного раздумья. — Есть что-нибудь по арбалетам?

— Ну не знаешь — так не знаешь, — покладисто согласился орк (оказывается — что только посетители не придумают, чтобы подружиться с бюрократами). — Сейчас, одну минуту… — после чего посетитель нырнул под стол.

Я тоже заглянул под стол и увидел, как орк роется в большом мешке, лежащем у его ног. Покряхтев, парень выудил оттуда какую-то тряпочку, после чего его довольная физиономия снова оказалась над столом.

— Наливай, — потребовал посетитель, и мне пришлось нацедить полную кружку янтарного напитка (своими действиями орк меня заинтриговал).

— Вот! — провозгласил орк и расстелил на столе грязную тряпочку (естественно, после того как кружка опустела).

— И что это? — поинтересовался я, недоверчиво взирая на непритязательный кусок материи.

— Как что? — недоуменно вопросил посетитель. — Арбалет конечно!

После этого орк начал объяснять. Эта тряпочка оказалась чертежом (наспех выполненным — не иначе как сегодня с похмелья самим посетителем) новейшего арбалета собственного изобретения. Орк с увлечением описывал преимущества новой модели, а я безуспешно пытался прервать его пламенную речь своими нелепыми возражениями.

— Мне нужны сведения о старых арбалетах, — умудрился сказать я, когда орк наконец-то прервался.

— Да зачем тебе старьё! — как опытный коммивояжер воодушевленно воскликнул изобретатель. — Эта выдумка перевернет нынешнее арбалетостроение!

— Мне это не подходит! — твердо ответил я, после чего мы начали спорить. Потом дело дошло до упреков, взаимных оскорблений — словом дело закончилось тем, что я взял орка за шиворот и выставил из таверны. Он сопротивлялся, выкрикивая лозунги о непризнанных гениях, так что мне пришлось изрядно повозится.

— Этого точно надо было пнуть, — прокомментировал хозяин таверны, когда я тяжело дыша сел обратно за свое рабочее место. Я снова сердито взглянул на гоблина, который удобно устроился за барной стойкой и с удовольствием смотрел на развернувшееся представление. Посетителей в таверне заметно прибавилось.

Следующим к столу подошел огромный огр (вы правильно поняли — этот экземпляр был огромен даже для огра!). Он пододвинул низенькую табуретку и уселся передо мной. Я взглянул на громилу и почувствовал некоторый дискомфорт.

«И как, в случае чего, мне его выводить?», — подумал я с ужасом, глядя на исполинскую фигуру огра.

— Такого и не пнешь, — прокомментировал мои мысли Моб, с интересом наблюдая из-за безопасной стойки за развернувшимся шоу.

— Мне бы эля для начала, — скромно пробубнил огр.

Я грозно нахмурился (хотя уверенности совершенно не ощущал), нацедил эля из бочки, повертел кружку в руках и под конец этого небольшого представления поставил перед огром. Громила взглянул на меня с благодарностью, взял кружку, в два глотка опорожнил ее, поставил на стол и после чего заговорил:

— Значиться так, чего я предложить хочу. Вот ты, знатный грымский, не делом тут занимаешься.

— Это почему? — удивился я.

— Вот зачем ты сам олухов выводишь? Тех, что время у тебя нужное отнимают, — степенно спросил огромный огр.

Намек был мной мгновенно понят и воспринят на ура. Я еще разок оглядел громилу, потом сказал:

— Я Тим. Какие предложения есть у тебя, огр?

— Я Дехор, — степенно представился огр. — Да мы с тобой вчера знакомились и даже на брудершафт пили.

— Вспомнил. Ну, так что? Нанимаю тебя на работу?

— Отчего же не поработать на солидного орка? — степенно ответил огр. — Один золотой в день — и я всегда рядом.

— Принимаю, — облегченно выдохнув, сказал я.

После этого огр встал со своего места, взял табуретку и, обойдя стол, уселся за моей спиной. Я сразу же почувствовал себя значительно увереннее и продолжил прием посетителей.

— Привет, — сказал следующий, взобравшись на стул. На этот раз меня посетил гоблин.

— Привет, слушаю, — солидно ответил я.

— Я коротко, не переживай, — сказал гоблин и с опаской взглянул на огра за моим плечом.

— Это радует, — скептически отозвался я.

— Я не только об арбалетах, — начал гоблин. — Я — в общем о старье.

— Интересно, продолжай.

— Сейчас старые ненужные вещи и оружие можно найти, я думаю, только в проклятых поселениях, — весело начал гоблин. — Но насчет твоего арбалета я не знаю ничего — сразу говорю.

— Уже интересно, — сказал я и протянул гоблину кружку полную эля.

Гоблин не стал отказываться и, шумно сопя, быстро выдул кружку, которая в его ручках больше напоминала небольшое ведро. Отдышавшись, он продолжил:

— Дело вот в чем. Никто не хранит старье. Поэтому найти в лавках нужную тебе вещь невозможно, — гоблин на секунду задумался, а потом продолжил: — Старые вещи и оружие есть там, где нет нас. А это проклятые места. Только в одном из таких мест может валяться твой арбалет.

— А ты знаешь, где они находятся? — я с интересом уставился на полезного посетителя.

— Нет, к сожалению, — гоблин виновато развел руками. — Я из Огрбурга редко выхожу. Истинный городской житель.

— Понятно, — немного расстроено сказал я.

— Ну что, помог тебе хоть? — спросил гоблин и хитро на меня взглянул.

— Помог, — согласился я и, порывшись в кошельке, достал оттуда серебряную монету. — Вот, заслужил.

Я положил монету на стол, посетитель довольно улыбнулся, шустро смахнул монетку со стола, спрыгнул со стула и направился к двери с видом победителя. Вся таверна смотрела ему вслед.

— И этого не пнули, — прокомментировал Моб из-за барной стойки.

— Следующий! — громко сказал я.

В таверне под названием «Пьяный гоблин-толмач» некий джисталкер устроил развлечение для всех желающих. Шоу носило название «Прием посетителей». От дверей таверны до стола, за которым гордо восседал главный участник представления, образовалась очередь. Очередной посетитель устраивался на стуле, выпивал кружку эля и пытался заинтересовать джисталкера. Если ему это удавалось, джисталкер рылся в кошельке и удостаивал посетителя медной монетой, а изредка и серебряной. Но такие счастливчики попадались редко. Гораздо чаще из-за спины джисталкера вставал огромный огр и аккуратно выносил из таверны очередного неудачника. Если тот сопротивлялся, огр мог угостить недовольного посетителя напоследок хорошим пинком пониже спины.

Остальная таверна была заполнена благодарными зрителями, которые комментировали шоу одобряющими выкриками. Наиболее удачливые соискатели получали заслуженное одобрение зрительской аудитории, а неудачливые удостаивались освистания. Больше всего зрителей радовали пинки огра. Самым рьяным (и самым довольным) зрителем был хозяин таверны, которому это шоу (помимо собственного удовольствия) обеспечило небывалый приток посетителей.

Работа 16. Снова приемная

Лучшая часть рабочего дня — это окончание.

(из пособия для начинающего мелкого руководителя)

Несчастные бюрократы! В особенности если все посетители тролли и гоблины (хотя думаю, люди в такой роли отличаются далеко не в лучшую сторону). Теперь, стоя в очередях, я буду гораздо терпеливее. В моем случае имелся хотя бы огромный огр за спиной, и уже через час я без зазрения совести начал пользоваться его услугами. А у бедных бюрократических работников с Земли под рукой нет даже дубинки, чтобы иногда дать по голове очередному просителю-посетителю. Хотя, я теперь считаю, что каждому бюрократу на рабочем месте просто жизненно необходим как минимум пулемет.

Прием посетителей — дело ужасное! Поначалу я увлекся, но через четыре часа приема понял — нервы начинают сдавать. Единственное что меня изредка радовало — работа моего помощника. Уж больно потешно вылетали из таверны некоторые особо надоедливые посетители (после могучего пинка). Потом я вспомнил благословенное словосочетание — обеденный перерыв! За это изобретение я бы, ни секунды не колеблясь, выдал изобретателю Нобелевскую премию Мира. Ведь обеденный перерыв за все время существования спас миллионы жизней — как принимающих, так и принимаемых.

Во время перерыва Моб отвел меня с Дехором в отдельный кабинет и там накормил до отвала. Впрочем, с удовольствием отобедал один Рыжик — мы с огром обсуждали во время обеда исключительно нахальство некоторых посетителей.

— За счет заведения, — подобострастно выдал хозяин таверны.

— Спасибо хозяин, — величественно поблагодарил я. Бюрократическая работа уже начала накладывать характерный отпечаток на все мое поведение.

Вернувшись в таверну, я сел за столик и продолжил прием. Дехор расположился за моей спиной и приготовился к напряженной вспомогательно-бюрократической работе. Кот сидел под столом и бездельничал. Впрочем, вся эта работа была проделана не зря. Если отмыть пустую породу ненужных слухов,

сплетней и мнений, то золотых песчинок нужных сведений за это время я намыл немало.

Древних вещей жители мира Ворк не хранили. Соответственно все старое оружие и снаряжение шло либо на переделку, либо на помойку. Науку археологию в мире Ворк пока не придумали. Самому заняться археологическими раскопками — не лучшая идея по причине отсутствия времени и необходимого снаряжения. И потом, где конкретно копать — тоже неизвестно. В принципе, достать арбалет — это хоть и высокооплачиваемое задание, но все же второстепенное. Я взял у зулусского барона деньги только за то, чтобы узнать — откуда у тролля Кепеба появился древний арбалет, и это сейчас было самое главное. Пока четко вырисовывалось две версии. Первая — этот арбалет хранился у Кепеба с незапамятных времен, вторая — тролль его где-то нашел.

Против первой версии играло то, с какой легкостью Кепеб отдал арбалет в качестве трофея. За семейную реликвию знатный тролль сразу бы предложил мне хороший выкуп. Значит, скорее всего, арбалет боец добыл сам. Археологических раскопок Кепеб, скорее всего, не проводил. Как я уже говорил — древних вещей местные жители не хранили. Вывод напрашивался один — тролль нашел арбалет в «проклятом» месте.

Проклятые места возникали, чаще всего, в результате неудачных магических экспериментов. Основное количество проклятых мест лежало на Ничейных территориях. Оно и понятно — на своих территориях маги искали способы очистить опасные зоны, и чаще всего находили — путем все тех же длительных магических экспериментов. Да и мало кто из правителей согласится иметь на своих землях опасные участки — поэтому усилия магов в этом направлении хорошо оплачивались. Совсем другое дело — нейтральная зона между Этой и Той Сторонами. На протяжении многих столетий Ничейная территория не менялась и то, что там находиться опасно, играло на руку как Этой так и Той Сторонам. Характерный пример — Муравьиные пустоши. Каменные муравьи — тоже магические создания, в незапамятные времена выведенные каким-то могучим магом Тверди. Везде они истреблены — а на Ничейной территории процветают.

Значит, скорее всего, Кепеб добыл свой арбалет в каком-то проклятом месте. Проклятых мест на Ничейных территориях неподалеку от Огрбурга (неподалеку — это в неделе конной езды) оказалось достаточно приличное количество. Помимо вышеупомянутых Муравьиных пустошей имелась зона летучих

Горгулий, крепости Мертвых воинов, город песочных Големов, холмы Огненных демонов, поселки кислотных Термитов и много других территорий, испорченных неосторожными магическими экспериментами. И каждое из таких мест было спешно покинуто многие сотни лет назад. Соответственно — там вполне могла сохраниться древняя утварь, снаряжение и оружие.

В военное время находиться на Ничейной территории вольным охотникам — просто изысканным способом самоубийства, да и в мирное время это является совсем непростой задачей. Договора между Сторонами определяли возможность нахождения на Ничейной территории отрядам, состоящим максимум из пяти бойцов (иначе это являлось поводом для войны). Впятером исследование проклятого места было уже само по себе очень непростой работой, плюс к этому всегда оставалась возможность встречи с пятеркой бойцов противоположной фракции. Впрочем, авантюристы этими исследованиями занимались — в целях поиска различных сокровищ (к моему счастью древние раритеты тут сокровищами не считались). Еще по Ничейным территориям сновали пятерки бойцов как Этой так и Той стороны исключительно из-за возможности подраться (из мести либо просто в поисках славы и приключений). Так что вещь из проклятого места тролль Кепеб мог носить как показатель своей доблести.

Эти сведения (как и список находящихся поблизости проклятых мест) я вытащил из жителей Огрбурга ценой напряженной бюрократической работы в течение почти целого дня, трех бочек эля (благо в качестве оплаты шоу хозяин выставил их за счет заведения) и целой кучи медных и серебряных монет (несколько раз Моб менял для меня золото на серебро и медь). Хотя самую большую роль в получении ценных сведений, я считаю, сыграло бесчисленное количество пинков, которыми мой огр-помошник награждал ребят, просто отнимающих время в целях получения бесплатной выпивки.

Впрочем, надежных сведений именно об интересующем меня арбалете добыть не удалось. Я ужасно устал, и начал было терять надежду, когда дверь таверны распахнулась, и в зал решительной походкой вошла хорошенькая гоблинка, похожая на куколку-вампирчика.

— Ну конечно, это мог быть только ты, Тим, — весело прокричала Лия, увидев меня, сидящего за столом, и хвост очереди, протянувшийся к столику.

— Привет, красавица! — радостно воскликнул я, вскочив с места. Потом взглянул на очередь и громко провозгласил: —

Приемный день окончен!

Естественно, недовольных оказалось много. Бюрократическая работа отпускать меня не хотела. Но воля бюрократа была тверда, решимость окончить рабочий день переполняла меня, да и огромный огр за спиной не очень располагал спорщиков к скандалу. Плюс ко всему третья бочка эля как раз опустела, так что гоблинка пришла очень удачно.

— Ты тут заканчивай свои дела, а я пока с Мобом поболтаю, — разрешила Лия и подошла к барной стойке.

— Давненько ты у меня не была, — радостно поприветствовал маленькую светскую львицу хозяин таверны и протянул ей свою любимую кружку, наполненную ароматной жидкостью.

— Привет Моб, — весело сказала Лея, взяв кружку в обе руки. — Я так люблю твой глинтвейн!

— Не балуешь ты старика визитами, — ласково пожурил красотку старый гоблин, после чего они стали увлеченно болтать о своих гоблинских делишках.

Отметив мельком, что хозяин таверны впервые использовал свою любимую кружку по назначению (до этого он ее только протирал), я начал подводить итоги бюрократической работы. Первым делом рассчитался с Дехором и попросил его помочь Мобу очистить таверну от нахальных посетителей. Огр с довольным видом принял золотой и сдержанно поблагодарил, после чего занялся выдворением из таверны нежелательного контингента. Потом я систематизировал полученную информацию, тихими командами занося в трикет самые интересные сведения. Со стороны это выглядело так, как будто я сидел в уголочке и тихонько шептал что-то, уставившись на пустую кружку. Впрочем, это не вызвало лишнего интереса, так как внимание гостей за столами таверны делилось между недовольными посетителями, которых успешно (по одному) выставлял наружу Дехор, и аристократкой-гоблинкой, занятой разговором с Мобом. Потом я попросил у тролля в кожаном переднике еды для Кота (Рыжик постоянно меня отвлекал, требуя его покормить). Когда ненасытная рыжая прорва была обеспечена едой, я поднялся со стула и подошел к стойке.

— Вроде все закончил, — прервал я оживленную беседу гоблинов. — К твоим услугам, красавица!

— Мне сказали, что в таверне у дядюшки Моба творится веселое безобразие, — переключила внимание на меня Лия. — И я сразу догадалась — тут замешан мой грымский приятель.

— О да, устроил он тут, — радостно подхватил Моб. — Давненько моя старая таверна такого веселья не видала!

— А что он сотворил на Острове! — весело подхватила гоблинка.

— Представляю, — хмыкнул гоблин. — Кстати — вечером принесут деньги за магнитных рыб, там и сочтемся. Согласен?

— Конечно, — не стал спорить я и обратился к Лие: — Не забыла мою просьбу, красавица?

— Это по поводу Хельны? — уточнила Лия, и я согласительно кивнул. — Вечером нас ждут, тролька в том числе. Я с ней предварительно перекинулась парой слов, но она очень занята Соревнованиями. Позже поговорим.

— Ясно, — сказал я, хоть и не понял что это за «Соревнования» такие.

— Всех выгнал, хозяин, — обратился в тот момент ко мне мой огр-помошник, закончивший к этому времени очистку зала таверны от нежелательного контингента.

— Молодец, — похвалил я Дехора и обратился к Мобу: — Хозяин, нацеди большую кружку эля.

— Одно мгновение! — воскликнул гоблин, и через пять секунд на барной стойке уже находилась огромная кружка, полная душистым напитком.

— Благодарствую, хозяин, — степенно проговорил огр и в три глотка осушил кружку. — Если нужен буду — всегда к твоим услугам.

— Спасибо, Дехор. На сегодня все, — сказал я своему бюрократическому помощнику, после чего огр с нами вежливо попрощался и покинул таверну.

— Кстати, нам надо поспешить, — сказала гоблинка после того как проводила уважительным взглядом могучую фигуру моего помошника. Дехор выделялся размерами даже среди огромных огров. — Я пришла за тобой, и времени у нас в обрез.

— Что такое? — обеспокоенным голосом спросил я.

— Сюрприз, — отрезала Лия и хитро улыбнулась.

— Ну ладно, молодежь, — ухмыльнулся Моб. — Идите, развлекайтесь, я делами займусь.

После этого гоблинка попрощалась с хозяином таверны, развернулась и быстро засеменила к выходу. Я махнул рукой Мобу и пошел за куколкой-вампирчиком. Из-под стола вылез довольно облизывающийся Рыжик и поспешил следом.

Мы вышли из таверны, и я взмолился:

— Лия, умоляю, быстро не беги. Если ты уйдешь — я в жизни не найду тут дорогу!

— Вот деревня, в город тебя пускать нельзя, — уколола меня девушка. — Грымский, что сказать…

— Все что хочешь говори — но меня не бросай.

— Ладно уж, не брошу, — улыбнулась Лия, после чего мы не спеша пошли по огрбуржским улицам, переулкам и лесенкам. И как только тут можно дорогу находить — не представляю.

Я пытал девушку, куда мы идем, но она либо молчала, либо ловко уводила разговор в сторону. Между делом я ей выболтал историю своего пьяно-похмельного пребывания в Огрбурге. Лия слушала и посмеивалась, изредка вставляя едкие комментарии. Как мы подошли к воротам, выходящим из города, я так и не понял.

— А что за Соревнования-то? — остановившись перед огромными воротами, спросил я.

— Придем — увидишь, — Лия, как всегда, не удовлетворила моего любопытства. — Но сейчас мы идеи не на состязания.

— А куда?

— Придем — увидишь, — стандартно-уклончиво ответила куколка-вампирчик и устремилась к дирижабельной башне.

Я, кряхтя, последовал за ней. После дня, проведенного в душной таверне на сидячей работе, выход на свежий воздух порадовал, хоть голова и закружилась. Потом мы подошли к башне, и далее последовал привычный мучительный подъем по длинной винтовой лестнице, снова сопровождаемый, естественно, головокружением.

«Как специально — по лестницам дирижабельных башен я хожу исключительно с похмелья», — звенела в голове мысль на протяжении всего подъема, совсем не облегчая этот альпинистский труд. Наконец мы поднялись на вершину башни и встали на балкончике. Когда я остановился на площадке — сознание прояснилась и даже легкая головная боль, мучающая меня весь день, совсем прошла. Я стоял и любовался с высоты видом вечернего Огрбурга, напоминающего отсюда огромную новогоднюю елку.

— Приготовься, Тим, — отвлек меня голос Лии. — Сейчас дирижабль прибудет.

— Мы встречаем кого-то? — поинтересовался я.

— Не спеши, скоро сам увидишь, — улыбнулась гоблинка.

Я задрал голову и увидел прямо над нами приземляющийся дирижабль. Как всегда, казалось, что летучий корабль опускается прямо на наши головы, но я уже привык, поэтому стоял и спокойно смотрел на дирижабельное дно, снабженное полозьями. Встречал дирижабль огр в форме (прямо-таки копия огра-кондуктора с Острова), который к этому времени находился уже на площадке под балконом.

Ловко закрепив канаты, сброшенные с летучего судна, огр

поднялся на балкон и начал медленно опускать дирижабль при помощи огромного колеса, соединенного с лебедкой. Вскоре летучее судно коснулось полозьями площадки — дирижабль пришвартовался.

Как всегда первыми сошли маги, и я (естественно, только теперь) обратил внимание на единственного пассажира. Это была очень красивая оркитянка.

Я застыл на вершине дирижабельной площадки и во все глаза пялился на прекрасную оркитянку, которая стояла на борту дирижабля и с усмешкой смотрела на меня. Оркитянка грациозно перешла по шаткому мостику на балкон, остановилась напротив и, посмотрев прямо в глаза, ткнула изящным пальчиком мне в грудь.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я в Огрбург прилетела ради тебя? — строго спросила оркитянка.

— Нет, Джина, ты что, — промямлил я, окончательно стушевавшись.

— А зря, — сердито сказала Джина и подтянула меня за шиворот к себе.

На вершине дирижабельной башни стоял ошарашенный джисталкер и, не веря своим глазам, держал за талию самую красивую на свете оркитянку. Девушка притянула голову джисталкера к себе и, не стесняясь любопытных взглядов команды, поцеловала его. Рядом с довольным видом стояла гоблинка, похожая на куколку-вампирчика, и с удовольствием наблюдала за этой картиной. Команда дирижабля тоже смотрела на эту пару и после поцелуя одобрительно засвистела, выражая мужскую солидарность. Эту идиллическую картину портил только огромный рыжий Кот, который смотрел на джисталкера с явным неодобрением, постоянно передавая ему образ скучающей Халвы и всего одну фразу: «Я хочу домой!»

Работа 17. Предпраздничная

— Мой культурный муж снова тащит меня на концерт! — гордо сказала жена подруге и дала отбой.

Я в это время с ненавистью надевал костюм — и все это только ради того, чтобы весь вечер смотреть на каких-то новомодных геев!

(из воспоминаний о семейной жизни)

— Сюрпризик понравился? — с улыбочкой поинтересовалась Лия, и я поспешно оторвал руки от талии Джины.

— Ты ему разве не сказала, что приеду именно я? — сдвинула бровки прекрасная оркитянка, взглянув на ехидную куколку-вампирчика.

— Конечно нет, дорогая моя, — ответила гоблинка, сверкая глазками. — Надо же и мне иногда получать удовольствие. А тут есть возможность устроить неожиданную встречу — как такое упустить?

— Интриганка, — фыркнула Джина, впрочем, довольно беззлобно. По-видимому, она давно привыкла к шуткам своей взбалмошной подружки. Хотя, если честно, на Лию обижаться было просто невозможно.

— Да ладно… — неуверенно протянул я, и обе красотки сразу сердито уставились на меня, после чего пришлось благоразумно заткнуться.

— Вот уж кого точно никто не спрашивал, — отрезала гоблинка. — Хватит тут нежности разводить — на Соревнования опоздаем.

— Ух ты! — сразу же оживилась оркитянка. — А места хорошие?

— Хельна в свою ложу пригласила, — гордо сказала Лия, вызвав этим сообщением просто вихрь восторга у Джины. — Пойдемте скорее — уже опаздываем.

После чего подруги, совершенно забыв про меня, устремились к выходу с дирижабельной площадки. Я поспешил за ними.

«Девушки везде одинаковые», — подумал я улыбаясь. Если на горизонте замаячит возможность веселого и интересного

времяпрепровождения — для красавиц все остальное сразу же отступает на второй план. А уж такая мелочь как мужчина (при возможности сходить, к примеру, на какое-нибудь шоу), вообще не заслуживает даже мимолетного упоминания в разговоре. Подружки шли впереди, оживленно обмениваясь новостями (как же — целые сутки не виделись!), а мы с Рыжиком спешили за ними, в надежде не отстать. Заблудиться еще раз в Огрбурге мне ужасно не хотелось.

— Так что там за Соревнования-то? — разок попытался я привлечь к себе внимание.

— Увидишь… — хором отмахнулись от меня Лия и Джина, и продолжили на бегу свой интересный разговор, из которого я понимал примерно одно слово из трех. Вернее все слова были понятны — а вот их сочетания частенько ставили меня в тупик. Наверное, магия какая-нибудь — не иначе.

Спустившись с дирижабельной башни, мы забежали в ворота Огрбурга. Пройдя несколько метров, нырнули в ближайший переулок, спустились по лесенке, прошли вдоль по улице, снова нырнули в переулок — и я благополучно потерял ориентацию. Далее все мое внимание было направлено только на то, чтобы не потерять девушек. Надо сказать — это было не так просто проделать. Девчонки неслись по Огрбургу как болиды по Москве, а я пару раз прилично отстал, и чуть было не потерял их в толпе. Естественно, на меня они внимания совершенно не обращали.

Забежав за девушками в очередной переулок, я обнаружил, что он заканчивается тупиком. В стене находился большой дверной проем, рядом с которым скучали два охранника-огра в форме городской стражи. Лия что-то им быстро проговорила, и могучие воины расступились. Гоблинка пропустила нас с оркитянкой вперед и прошла следом. Войдя в дверь, я замер в восхищении.

Я находился в огромной, ярко освещенной пещере. Размеры пещеры внушали уважение — в ней поместился бы римский Колизей. Обустроена огромная пещера была тоже как римский амфитеатр. Войдя, мы сразу оказались в нижней зоне сидений, разбитой на отдельные ложи, по-видимому, предназначенные для знатных горожан. Ложи отделялись от самой арены, где и должны были начаться соревнования, парапетами. Сама арена эллипсовидной формы (размером почти с футбольное поле) находилась как бы в яме, и парапеты, со стороны лож имеющие высоту не более полуметра, со дна арены выглядели десятиметровыми неприступными стенами. Над ложами следовали места для простой публики, и они разделялись на два

яруса. Первый ярус составлял примерно двадцать рядов скамеек, и был заполнен богато одетыми горожанами и воинами в сверкающих доспехах. Между первым ярусом и ложами стояла цепочка городской стражи по всему периметру амфитеатра. Над ярусом для богатых горожан находился второй ярус, тоже состоящий примерно из двадцати рядов. Между первыми и вторым ярусом находилась трехметровая разделяющая стена, и скамьи второго яруса были расположены на гораздо более крутой наклонной поверхности стен пещеры. По моим прикидкам огрбужский амфитеатр вмещал до тридцати тысяч зрителей, и сейчас свободных мест не было — весь местный свет и простой народ пришел посмотреть на состязания. Соревнования пока не начались, и местный Колизей напоминал футбольный стадион перед началом матча. Между рядов верхних ярусов бегали торговцы штучным товаром с огромными подносами, стражники в оцеплении громко переговаривались, и весь амфитеатр гулко гудел, как исполинский пчелиный улей.

— Тим, не зевай, грымский ты наш, — дернула меня Лия за рукав, оторвав от восхищенного созерцания необычного зрелища. — Успеешь еще насмотреться — надо места занять, Хельна рассердится, если опоздаем.

— Уху, иду, — ответил я, продолжая вертеть головой по сторонам, и пошел за гоблинкой.

В вип-зоне дорожка вела вдоль метрового парапета, огораживающего ложи от первого яруса (прямо на парапете спиной к ложам и лицом к ярусу стояло оцепление) и от нее спускались каменные ступени к отдельным ложам. Быстро пройдя мимо нескольких огороженных бортиками рядов зрительских скамеек (в отличие от обычных мест, снабженных подушками и удобными сидениями), где расположились компании богато разодетых гоблинов, огров, орков и троллей, мы стали спускаться по лестнице к отдельной ложе, из которой нам махнула рукой дородная тролька в золотой короне и ярко-красной мантии. Как только мы зашли в ложу, тролька снова помахала нам и мы подошли к ней сквозь толпу могучих троллей в доспехах, окружающих свою госпожу.

— Привет маленькая проказница, — улыбнулась хозяйка ложи.

— Привет Хельна, — поздоровалась Лея, и я впервые увидел, как наша интриганка с кем-то почтительно разговаривает.

— Это тот самый орк, который веселил Огрбург в таверне Моба? — спросила Хельна, с интересом глядя на меня.

— Тот самый, госпожа, — ответила Лия.

— Рада тебя видеть, — обратилась ко мне Хельна.

— Я тоже эээ… — замялся я, так как совершенно не знал местного этикета, и как обращаться к Хельне просто не представлял. — Очень рад!

— Он у нас грымский, — извиняющимся тоном сказала гоблинка.

— Вижу уже, — засмеялась тролька, чем окончательно повергла меня в смущение. — Лия посади орков и возвращайся ко мне — надо кое-что обсудить.

После этого Хельна махнула рукой в уголок своей ложи и потеряла к нам интерес. Ложа представляла собой пять рядов лавок десятиметровой длинны и полуметровой ширины огороженные с боков и со спины двухметровыми стенами. Между стенами и скамейками оставался полутораметровый проход с лестницами, и все сидения были снабжены кожаными подушками. У самого парапета, отделяющего ложу от арены, находилось единственное каменное кресло, напоминающее миниатюрный трон, и его естественно занимала Хельна. Нам с Джиной достались, конечно же, самые последние места в ложе (на пятом ряду), да еще и с краю. Впрочем, моя прекрасная оркитянка была очень довольна и этим. Лия провела нас к местам и упорхнула обратно к хозяйке ложи, где обе аристократки склонились друг к другу и начали шептаться с видом опытных заговорщиц. Меня наши не престижные места (по меркам данной ложи) ничуть не расстроили, и я продолжил в восхищении вертеть головой по сторонам, полностью оправдывая свое деревенское происхождение. Джина ехидно поглядывала на меня, тихонько хихикая над моей восторженной реакцией на огрбуржское чудо света, и только Рыжик улегся у моих ног с невозмутимостью прирожденного аристократа. Уши Кот плотно прижал, и общаться телепатически полностью отказался — очень много вокруг было неприятных для него мыслей. Впрочем, в случае надобности я его всегда мог позвать при помощи кольца-когтя.

В стене, окружающей центральную арену амфитеатра, напротив друг друга (по большой оси эллипса), находились ворота, через которые, скорее всего, выходили участники состязаний и представлений. Большая ось аренного эллипса составляла метров сто двадцать, малая ось была примерно сто метров. Окружность арены имела длину метров триста пятьдесят. Вип-зона, состоящая из пяти рядов, разделялась на двадцать лож и в центре каждой стояло большое каменное кресло. Ложа Хельны находилась почти на малой оси эллипса арены, что было серьезным показателем высокого положения хозяйки этого места в табели о рангах огрбуржской аристократии. Более авторитетная ложа, имеющая целых три каменных трона (в центре большой, а с

краев два поменьше), была всего одна, превосходила по размеру остальных ложи в два раза и находилась прямо напротив нас.

— А кто такая Хельна? — тихо спросил я у Джины.

— Тихо, — прошипела оркитянка и испуганно оглянулась. Потом посмотрела на меня укоризненно, наклонилась к моему уху и так же тихонько сказала: — Милый, я понимаю, что ты грымский, но всему же есть пределы. Неприлично не знать ничего о хозяйке ложи, в которой мы сидим.

— А меня кто-то о чем-то спрашивал? — так же тихонько прошипел я. — Или кто-то меня просвещал? Используете как мебель…

Джина отстранилась и посмотрела на меня с сомнением. Потом, видимо согласившись, что определенный резон в моих словах имеется, опять наклонилась к моему уху и зашептала, из чего я узнал следующее:

Хельна — глава огрбуржкой диаспоры троллей. Что-то вроде великой княжны. Номинально главой должен был быть ее старший брат, Кепеб, но тот ненавидит светскую жизнь, предпочитая богатому наряду простые воинские доспехи. Все свои обязанности он с радостью свалил на сестру. В принципе то, что глава — женщина (этот момент Джина прошептала с огромным удовольствием), в свое время вызывало много недовольства у трольской диаспоры. Но против слова Кепеба тролли идти не посмели (да, Кепеб авторитетный командир — в этом я убедился в свое время), а со временем Хельна и сама доказала что лучше нее для этого места никого нет. Тролли самое многочисленное, после орков, население Той Стороны, так что фактически Хельна по положению была третьей а Огрбурге, после Правителя орков (он был главой Той стороны в этой части света) и губернатора Огрбурга (который был, естественно, огром). Поэтому ее ложа находилась рядом с губернаторской (от нее нас отделяла стена) и прямо напротив ложи Великого Правителя Орков.

— Когда в ложу войдет Правитель — встань на ноги, возьми в руку колотушку и постучи ей об скамейку, — закончила оркитянка свой тихий инструктаж.

Я осмотрел на свое сидение и увидел в маленьком углублении небольшую деревянную дубинку. Рядом с ней имелась полированная каменная площадка, вся в царапинах и легких сколах. По-видимому, стук палкой об камень было местной разновидностью аплодисментов. Я встал на ноги, посмотрел назад и увидел, что все зрители верхних ярусов сжимали в руках разнообразные колотушки, всех видов и форм. Скорее всего, простым зрителям штатные колотушки не

полагались и они должны были приносить устройство для аплодирования с собой.

— Расскажи, что тут будет за представление, — попросил я Джину, усевшись рядом.

— Сначала выступят жонглеры, — стала рассказывать девушка. — Это лучшие комедианты этой части света. Чтобы выступить на огрбуржской арене они должны победить в отборочном конкурсе. Для любого артиста выступление тут — большая честь.

— Понятно, а потом?

— Потом будут шутейные бои. Бои каждый раз разные. Это сюрприз для всех. Какие именно будут бои — является самой охраняемой тайной Амфитеатра, — гордо сказала Джина.

— Жаль что тебя Тим, не было тут в прошлом месяце, — восторженно влилась в разговор подошедшая к нам гоблинка. — Месяц назад арена была заполнена водой, и давали морское сражение! Два потопленных корабля, четыре сожженных маленьких судна!

— Двадцать магов Стихий обеспечивали ураганы и ветры на самой арене, — вторила ей Джина.

Я слушал широко раскрыв глаза. Да, представляю себе — зрелище наверняка было просто феерическое! Девушки сидели довольные произведенным на меня впечатлением, и обменивались многозначительными взглядами.

— На этом все заканчивается? — не стал я их разочаровывать и продолжил игру в деревенского увальня.

— Нет! — гордо сказала Лия. — Потом наступает время самого главного представления. Гонка!

— Сначала верховая гонка, — весело продолжила Джина. — Верховые животные — ездовые волки! Но бои между всадниками запрещены.

— И под самый занавес главное — гонка на рапторных колесницах! — сияя, провозгласила Лия и в этот момент все начали вставать. Девушки прервали свой рассказ и тоже вскочили со своих мест, взяв в руки колотушки. Я тоже встал на ноги.

В большой и пустой ложе напротив нас произошло некоторое шевеление. Через мгновение в ложе оказались два огромных орка из личной гвардии Правителя и статуями встали за большим троном. До этого момента я и не представлял, что орки могут быть такими огромными — они были размерами почти с огров. Потом в ложе появился подтянутый пожилой орк в пурпурном плаще и золотой короне, блистающей драгоценными камнями, сопровождаемый величественной оркитянкой с левой стороны и

молоденьким орком (почти мальчишкой) с правой.

— Правитель с правительницей и наследник, — наклонившись ко мне, шепнула Джина (после этих слов я понял, почему в большой ложе было три каменных трона).

Весь амфитеатр начал стучать колотушками о каменную поверхность. Сначала звуки ударов дерева о камень слились в мощный гул, и у меня сразу заложило уши. Потом Амфитеатр поймал ритм (примерно два удара в секунду) и над ареной загремело могучее: «Та-та-та-та!». Казалось, что ритм выбивает какой-то всесильный бог Той Стороны, специально ради Соревнований посетивший огрбуржский амфитеатр.

Тем временем Правитель с Правительницей и их наследник заняли каменные кресла. Правитель, естественно, сел на центральный большой трон, его супруга расположилась слева, а мальчик-орк занял место справа от отца. К двум гвардейцам, стоящим за троном Правителя, присоединилось еще два, вставших по краям. Теперь на тронах сидели царственные орки, а за их спинами между кресел стояли орки-гвардейцы, возвышаясь над остальными на голову. Скамейки рядом с тронами тем временем начали заполняться придворной аристократией, и через минуту в ложе напротив не было ни одного свободного места. Впрочем, никто не толкался и не спорил — сразу было видно, что все места рядом с Правителем заранее расписаны по знатности и приближенности. Все происходило, так скажем, согласно этикета.

Когда движение за спиной Правителя прекратилось, тот встал со своего места и поднял правую руку. Над Амфитеатром мгновенно воцарилась тишина, и джисталкер услышал, как бьется его сердце. Царственный орк что-то негромко произнес, и тут из-за его спины одним огромным шагом вышел гвардеец. Воин набрал полные легкие воздуха, и над всем амфитеатром раздался рев:

— Начинаем!!!

Воин отступил назад, а Правитель размахнулся и что-то бросил на арену. В воздухе как желтый дождь засверкали маленькие золотые монеты. Амфитеатр снова взорвался аплодисментами, и под звуки десятков тысяч ударов дерева о камень Правитель еще три раза бросил на арену горсти золотых монет. Потом царственный орк сел на трон, и гомон стадиона утих. Представление началось.

Работа 18. Театральная

Представьте себе, представьте себе –
Зелененький он был!

(древняя детская песенка про орков)

Сначала, как и было обещано, на арену вышли жонглеры. Ничего особо нового я не увидел, да и если честно — сам бы наверно смог выступить не хуже. Все-таки гимнастика у нас на Земле ушла довольно далеко вперед по сравнению со средневековьем. А уж то, что мог сотворить со своим телом сэнсэй Андрей, для местных ребят было вообще за пределами воображения. Так что я смотрел на все эти сальто, жонглирование горящими факелами и прыжки с переворотами украдкой позевывая. И еще — чего-то явно не хватало. Вскоре я понял — не хватало цирковой музыки. Все представление шло в полной тишине, нарушаемое хриплыми стонами и натужными выкриками напряженных артистов, что тоже не способствовало зрелищности представления. Но остальные зрители огрбуржской арены глядели на выступление жонглеров, затаив дыхание (Лия и Джина тоже), так что я старался никому не мешать, хотя когда гимнастическое шоу закончилось не смог сдержать удовлетворенный выдох.

Потом последовали показательные бои. Сначала вышли три пары бойцов, равномерно разошлись по аренному эллипсу и начали имитировать бои на мечах, топорах и копьях. Это тоже не произвело на меня впечатления — по сравнению с земными любителями исторического фехтования местные бойцы смотрелись бледновато. Потом пришел черед магических поединков — и вот тут происходящее в амфитеатре меня заинтересовало всерьез.

Три пары магов вышли на арену и встали друг напротив друга. Первая пара находилась справа от нас и состояла из магов Холода и Тверди. Прямо напротив нас встали маг Стихий и маг Огня. Справа находилась пара — маг Тверди против мага Стихий. Два боковых поединка я не рассмотрел, так как увлекся происходящим прямо перед нами.

Маг Стихий (маленький юркий гоблин) начал показательный бой, соорудив вокруг себя воздушный вихрь. Было забавно наблюдать за небольшим смерчем, который как привязанный

повторял все маневры гоблина, и когда тот останавливался, обволакивал его кругами пыли. Огненный маг (тролль) запел песню-заклинание и с его пальцев сорвался шар огня, который плавно полетел к противнику. Недолетая примерно пять метров до гоблина, огнешар отклонился в сторону и распался тысячью искр. Гоблин в ответ замахал в воздухе ручками и над головой противника начала сгущаться малюсенькая темная тучка. Тролль вынужден был прервать плетение и сместиться в сторону, но это ему не помогло — тучка как привязанная последовала за ним. Тролль нахмурился и запустил еще один огнешар прямо в тучку и, когда магия двух школ соприкоснулась, я услышал негромкий хлопок, после чего тучка пролилась на поле арены безобидным дождиком, а шар огня просто пропал. Маг Огня, наконец, сотворил следующее заклинание, и в сторону гоблина понеслась по земле невысокая огненная волна, через которую маг Стихий просто перепрыгнул, резко взлетев метра на четыре в воздух, после чего плавно опустился на землю. Огненная волна прокатилась еще метра три за его спиной и тоже рассыпалась в воздухе тысячью искр, как разбитая головешка от костра. Пока гоблин парил в воздухе, тролль не предпринимал никаких действий, что было явным показателем несерьезности боя. Хотя, признаюсь, для землянина магический поединок выглядел очень эффектно.

После этого тролль и гоблин обменялись еще несколькими магическими атаками, но ничего нового не продемонстрировали (по-видимому, каждый умел сражаться ограниченным количеством заклинаний). Когда показательный магический поединок закончился, я с воодушевлением постучал колотушкой о камень весьма довольный представлением. Девушки приняли этот бой со спокойным удовольствием. Для них магический поединок ничем не отличался по зрелищности от шоу жонглеров и показательного боя на топорах и мечах.

После этого объявили поединок воина против мага. Это так меня заинтересовало, что я забыл обо всем на свете. Воин (огромный огр в доспехах) вышел из одних ворот, а маг (тролль в одежде магов Холода), появился на арене с другой стороны. Огр взревел и бросился к троллю. Тролль напротив, не поспешил сокращать дистанцию и начал петь, сооружая вокруг себя прозрачный ледяной купол. Воин бегом сокращал дистанцию, а маг начал швырять в него ледяные стрелы, большую часть из которых огр отбивал щитом. Подбежав к противнику, воин ударил топором ледяной купол, но тот устоял. Маг тем временем что-то пропел и спокойно стал отходить от воина. Огр начал размахивать руками в воздухе, как будто он находился на

скользком льду, а потом и вовсе шлепнулся на арену с жутким грохотом, после чего стены огромной пещеры затряслись от смеха десятков тысяч зрителей. Отойдя на безопасное расстояние, маг снова начал обстрел воина ледяными стрелами, но огр уже стоял на ногах и опять побежал к троллю. Два раза ударив топором по ледяному куполу, воин снова оказался на скользкой поверхности, и маг снова отбежал в сторону. Так продолжалось минут пять, под конец огру удалось разбить ледяной купол и ударить беззащитного тролля топором, после чего тот, обливаясь кровью, упал на арену. Огр поднял над головой огромный топор и издал победный рев, который подхватили зрители, впрочем, без особого воодушевления.

Немного полежав на арене в луже крови, тролль вскочил на ноги (кровь явно была сделана из вишневого сиропа), взял огра за руку и они раскланялись под восторженные аплодисменты зрительской аудитории (лично я стучал колотушкой об камень от всей души). Этот показательный бой ужасно меня захватил и по окончании представления я поймал себя на том, что смотрю на арену, открыв рот.

— Понравилось? — с улыбкой спросила Лия.

— Уху, — восторженно ответил я и поинтересовался: — Что там дальше будет?

— Сейчас состоится самое интересное представление, — с довольным видом начала рассказывать гоблинка. — Боевые маневры хирда огров с магической поддержкой.

— А ты откуда знаешь? — поинтересовалась Джина.

— Секрет, — с многозначительным видом сказала маленькая светская львица.

— Все темнишь, — усмехнулась оркитянка. — Хельна рассказала?

— Обо всем-то ты догадываешься, — в ответ улыбнулась гоблинка. — Ну а после маневров будут собственно Соревнования.

— А подробнее про Соревнования можно? — влез я с вопросом. — Так и не договорили…

— Долго рассказывать, сам все увидишь, — снова попыталась отмахнуться от меня Лия, но на этот раз я был настойчив.

Пока на арене амфитеатра происходило предварительное построение воинского подразделения, я вытянул из девушек информацию о том, что же такое загадочные Соревнования. Оказывается, владение ложей было не только почетным правом, но и накладывало на себя определенные обязанности

Первый этап Соревнований — гонка на ездовых волках, при

этом каждый владелец ложи выставляет своего всадника. Чистопородные ездовые волки являются предметом гордости каждого владельца, и знатные жители Огрбурга стараются перещеголять друг друга, выставляя зверей, выращенных и привезенных сюда со всего света. Говорят, что Правитель орков своего волка вообще привез на дирижабле. Впрочем, заезды на волках проводятся в амфитеатре каждый день и не являются для жителей Огрбурга выдающимся событием. Сегодняшняя скачка являлась каким-то там промежуточным финалом в местном спортивном календаре. Главным же зрелищем нынешнего представления будет гонка колесниц.

Единственное правило гонки легких колесниц, запряженных рапторами, — это отсутствие всяких правил. Гоночные рапторы — небольшие хищные динозавры, бегающие на задних лапах. Они обладают склочным характером и всегда готовы к драке, как задиристые деревенские петухи. Поэтому часто вместо того, чтобы бегать по кругу, звери могут сцепиться между собой и, забыв обо всем на свете, устроить грандиозную потасовку. Плюс к этому водители колесниц маневрами часто опрокидывают чужую колесницу (правилами это разрешено), а так же используют кнут не только для того, чтобы хлестать хищных скакунов. Цена победы в этом состязании для владельцев лож очень высока, и приравнивается к месяцам непрерывных удач в обычных волчьих скачках. Даже просто добраться до финиша в рапторных гонках достаточно почетно, и может вывести явного аутсайдера в календаре Состязаний Огрбурга на высокое место.

Тем временем ударили барабаны, и войска на арене пришли в движение. Могучие огры, вооруженные осадными щитами и огромными палицами, образовали замысловатое воинское построение. Это было что-то среднее между строем римских легионеров и карэ средневековых мушкетеров. По углам каре сверкали танкообразные магические связки, а между ними протянулась сплошная стена осадных щитов. Всю арену успели заставить стенами, рвами с водой и горящими баррикадами, и хирд огров как одна многорукая неудержимая боевая машина преодолевал препятствия, не замечая ничего на своем пути. Все это происходило под ритмичный бой барабанов, и зрелище завораживало. Под жуткий ритм несокрушимая стена из стали и плоти промаршировала по арене форсируя преграды, ни на секунду не задерживаясь около стен, баррикад и ям. Потом прозвучали четкие команды, хирд закрылся со всех сторон щитами, образовав огромную черепаху. В этот момент боковые ворота открылись, и на арену вылетела огромная толпа.

— Сейчас будут разыгрывать великую битву на Малиновом перевале, — наклонившись к моему уху, перекричала Джина грохот, доносившийся с арены. — Тогда четыреста огров опрокинули пятитысячную армию Великого Хана.

Волны бойцов, загримированных под людей, гномов и эльфов, накатывались на хирд огров и разбивались об него как морские волны об несокрушимую скалу. Постояв минут десять, огры сделали шаг, потом второй, а затем боевая черепаха двинулась сквозь противника как раскаленный нож сквозь масло. После прохождения хирда на арене оставались лежать только тела. Проутюжив врагов, построение развернулось и снова прошло через неорганизованную толпу, почти не встречая сопротивления.

«Как же с ними воевать-то?» — с ужасом подумал я, еще раз восхитившись воинами Этой Стороны, которые были способны на равных биться с такой жуткой силой.

Закончив представление хирд застыл перед ложей Правителя, и амфитеатр вздрогнул от приветственного рева сотен огрских глоток. Царственный орк встал с трона и взмахом руки поприветствовал бойцов, после чего огры еще раз промаршировали по периметру арены и скрылись в воротах. Когда хирд покинул стадион, лежащие на каменной поверхности тела зашевелились, под смех и улюлюкание всего амфитеатра начали подниматься на ноги и со стонами ковылять к воротам. Некоторых пришлось выносить — показательные маневры хирда проходили почти всерьез.

Арена очистилась от бойцов, на сцене появились работники амфитеатра (маги Тверди) и довольно быстро разобрали и засыпали все баррикады, стены и ямы. Через десять минут все было подготовлено к волчьим гонкам.

Когда на арене появились первые гоночные волки я замер в восхищении. Эти звери отличались от боевых варгов, которых я уже неоднократно видел, как тонконогий арабский жеребец отличается от першеронских тяжеловозов. Скаковые волки — изящные огромные звери (размером чуть больше земного дога). Жокеи все, естественно, гоблины. Меня удивило то, что волки друг на друга совершенно не реагировали. Никакой грызни — благородные звери вели себя соответственно. Волки встали у флажка стройными рядами и замерли в ожидании старта. Когда все наездники окончательно приготовились, судья дал отмашку, и стая понеслась по кругу, низко стелясь над землей. Больше всего эта гонка мне напомнила собачьи бега, столь любимые в Великобритании (хотя волки неслись быстрее самых лучших

земных гончих пород собак).

— Хельнин наездник третий идет, — прокомментировала Лия гонку. — Но главное будет в гонке колесниц.

— Здорово бегут, — не смог удержаться я от восхищенного восклицания, любуясь летящими над ареной серыми тенями.

— У нашей хозяйки большие проблемы, — не поддержала моей радости гоблинка, равнодушно взирая на гонку.

— А что там? — поинтересовалась Джина.

— Ее главный колесничий разбился на тренировках позавчера, — сказала Лия. — А второй неопытный.

— А что — сложно найти другого? — удивился я. — На таком-то уровне…

— Рапторы очень капризны, — просветила меня куколка-вампирчик. — Они чужого к себе просто не подпустят. А заявлен у Хельны именно Коготок.

— Коготоком зовут раптора хозяйки, — добавила Джина. — На прошлых Соревнованиях они победили.

— И теперь велик шанс, что экипаж Хельны не сможет закончить гонку, — продолжила Лия. — А это очень серьезный удар по ее репутации.

— Понятно, — протянул я.

— И из-за этого Хельна не в духе, — гоблинка нахмурилась. — Поэтому я не могу к ней с твоим вопросом подойти. Она может даже вечерний прием отменить с расстройства, если ее экипаж выбьют с гонки. Так что остается надеяться только на удачу.

— Понятно, — ничего нового я сказать не сумел.

— Словом, надейся, — завершила разговор Лия.

После ее слов я перестал смотреть за волчьей гонкой и обратил больше внимания на хозяйку ложи. Хельна действительно постоянно хмурилась, и по виду ее приближенных, которые хранили скорбные мины, находясь рядом с тролькой, я понял — дела идут неважно. Ситуация складывалась не совсем удачная. Оставалось только надеяться на хорошее выступление новичка рапторно-колесничной гонки.

Волчья гонка тем временем закончилась. Насколько я понял — наездник Хельны вырвал в последний момент второе место, и это был очень неплохим результатом. Все в ложе бросились поздравлять хозяйку, но Хельна гнев на милость не сменила и, приняв с недовольным лицом поздравления, снова хмуро уставилась на арену.

— Гонки на рапторных колесницах! — объявил глашатай, и над амфитеатром прокатился рокот.

В ложе на каменном кресле сидела дородная тролька в тоненькой золотой короне и зябко куталась в красную мантию. За ее спиной стояли два могучих тролля в доспехах, и их сутулые тела, казалось, сплошь состояли из перевитых мышц и сухожилий. Рядом на скамейках сидели богато одетые тролли и испуганно поглядывали на свою госпожу. На синем лице знатной хозяйки ложи застыло недовольное выражение, и никто не решался подойти к ней поближе. На последнем ряду ложи сидела задумчивая гоблинка, похожая на куколку-вампирчика, и о чем-то шепталась с прекрасной оркитянкой, которая сочувственно поглядывала на трольку. С самого краю примостился джисталкер и нерешительно поглядывал на хозяйку ложи, занятый своими невеселыми мыслями. И только огромный рыжий Кот блаженно жмурился у его ног, прижав уши. Кот точно знал, что скоро все закончится и его, наконец, покормят чем-нибудь вкусненьким.

Работа 19. Зрительская

Финиш придумали трусы!

(лозунг гонок на выживание)

Огромные ворота, выходящие на арену справа от нас, открылись и оттуда медленно начали выводиться рапторные колесницы. Рапторы шли семенящими шажками, ведомые под уздцы наездниками в разноцветных накидках. Колесничие были либо орки, либо тролли. Рапторы шли очень медленно, таща за собой легкие повозки, и вовсе не произвели на меня впечатления агрессивных животных.

— Что-то они не очень-то и драчливые, — тихонько пробормотал я.

— Приглядись повнимательнее, — прошептала гоблинка, потом взглянула на меня и, разуверившись в моей внимательности, добавила: — У них маски на глазах.

Я присмотрелся к рапторной сбруе и заметил, что на голове у каждого хищника имелась кожаная маска без прорезей для глаз. Еще у зверей были спутаны ноги, как у стреноженных коней (вернее ноги были в кандалах как у древних галерных рабов), и поэтому они передвигались так медленно и неуклюже. На передние лапы этих небольших хищных динозавров были надеты что-то вроде варежек, тоже закрепленных между собой, и поэтому звери выглядели как преступники, зафиксированные наручниками. Впрочем, небольшими они были по сравнению с огромными тираннозаврами, а так размеры этих хищников вызывали уважение. Опорные лапы имели размер задних ног (вместе с крупом) першеронских тяжеловозов (только вместо безобидного копыта заканчивались жуткой лапой с десятисантиметровыми когтями). Вес животных, думаю, переваливал за полтонны. Морды зверюг состояли, казалось, из одной вытянутой пасти, в которой, при желании, поместилось бы половина моего тела. Огромные челюсти ящеров были заключены в железные намордники, от них тянулись узда, за которую и вели этих опасных животных. Такие меры предосторожности еще более увеличили мое уважение к хищникам, и тем больше я восхитился смелости колесничих (самое серьезное оружие динозавров — задние лапы — во время гонок будут свободны).

Работники арены тем временем закончили свои приготовления. Если во время волчих гонок беговой участок

изнутри был огорожен только столбиками с флажками, то теперь место, где будет происходить гонка, с внешней стороны по-прежнему окружала десятиметровая стенка арены, а с внутренней стороны огораживала спешно возведенная четырехметровая сплошная стена. Между стенами оставалась дорога, шириной метров двадцать, на которой сейчас в шахматном порядке начали выстраивать рапторные экипажи. В первом ряду выстроили семь колесниц, во втором (отстоящем на пять метров) выстроили шесть, в третьем, снова через пять метров, семь.

— Цвет Хельны — красный, — шепнула мне Джина, и я обратил внимание на колесничих. — Одноцветная накидка считается очень почетной для экипажа.

— И если сегодня колесница нашей хозяйки не дойдет до финиша, то на следующих Соревнованиях ее представитель будет в черно-красной накидке, — добавила Лия.

После этого я присмотрелся к одежде гонщиков. В принципе, экипировка их оставляла желать лучшего. Для таких опасных мероприятий я бы посоветовал им одеться в скафандр высшей защиты, впрочем, этого они бы сделать не смогли из-за отсутствия в мире Ворк скафандров. Но даже если учесть это отсутствие, то все равно — защищены гонщики были весьма слабо даже по местным понятиям. Вся их экипировка состояла из огромного кнута, легких штанов, кожаных сапог, холщевой рубахи серого цвета и цветной накидки (показывающей принадлежность к конкретной ложе), похожей на коротенький плащ мушкетеров времен д'Артаньяна, затянутый на поясе. Рукава рубашек были короткие, и мощные руки возниц, состоящие казалось только из мышц и сухожилий, находились на виду. Накидки, как я уже говорил, были самых разнообразных цветов — большинство двухцветные (чем-то напоминающие одежду древних паяцев — только колпачков с бубенчиками не хватало), но среди них имелись несколько одноцветных. Красная была надета на крепком молодом орке.

— А разве колесничий Хельны не тролль? — удивленно спросил я девушек.

— Грымский… — улыбнувшись, протянула Джина.

— Колесничие для Соревнований — гильдейская профессия, — просветила меня Лия. — Они заключают годовой контракт и работают по найму.

— Ясно, — ответил я и снова вернулся к изучению экипажей.

Помимо средств безопасности, на каждом рапторе было надето что-то типа седла, только вместо сидения эта сбруя оборудована коротеньким шестом (около метра высотой), к нему тремя звеньями цепи крепилась оглобля (продетая сквозь кольцо

на сбруе, находящееся прямо над хвостом зверя), на другом конце которой и находилась легкая колесница. Оглобля крепилась к колеснице чем-то вроде карабина, похожего на обычную вагонную сцепку. Колесница представляла собой деревянную коробку с полуметровыми бортиками, в центре которой торчал двухметровый шест, на вершине шеста трепыхался маленький флажок (одноцветный или двухцветный), такой же расцветки, как и накидка на вознице. От вершины шеста к углам коробки были натянуты четыре цепи. Колеса крепились к бортам повозки у самого дна и осью соединены не были (скорее всего, это сделано для более уверенного прохождения поворотов).

Тем временем экипажи заняли свои места. Возничие запрыгнули в свои повозки и крепко уцепились согнутой правой рукой с зажатым кнутом за шест, а в левой держа подрагивающие удила, ведущие к оскаленным пастям рапторов. Хищные звери начали возмущенно щебетать, издавая звуки похожие на куриное кудахтанье, только гораздо более громкое, высокое по тональности и вызывающее неприятную дрожь.

— А как будет производиться старт гонки? — спросил я у замершей в нетерпении Лии.

— Маски на голове и кандалы на ногах у рапторов — магические приспособления, — быстро проговорила гоблинка, не отрывая возбужденного взгляда от застывших в напряжении экипажей. — Будет магическая команда, синхронно у всех зверей откинутся наверх маски и разомкнутся оковы — это и будет стартом Соревнований.

— Это произойдет одновременно с громким гонгом — не пропустишь, — дополнила подругу оркитянка, тоже выжидающе глядя на готовые к старту колесницы.

В это время над притихшим амфитеатром раздался громкий звон гонга, казалось проникший прямо в головной мозг, кандалы на рапторах распались ровно посередине, и теперь к каждой ноге ящера оказалась прикована короткая цепь, напоминающая издали шпору. Кожаные маски, прикрывающие голову и половину морды зверюг, откинулись назад (они оказались закреплены верхней частью на ошейнике, находящемся между затылком и шеей животного) и легли на толстые и длинные шеи. Рапторы завертели головами, и над амфитеатром раздался их жуткий визг, чем-то похожий на птичий гомон, от которого заложило уши и побежали неприятные мурашки по телу. Гонка началась.

Возницы почти одновременно изо всех сил хлестнули кнутами рапторов по бокам, и колесницы рванули с места. Но некоторых колесничих подвело это «почти». Из первого ряда все

семь экипажей стартовали, а вот из второго с места сорвалось только четыре колесницы. С третьим рядом дело обстояло еще хуже — из семи экипажей смогло стартовать только три. Через пять секунд с момента старта по аренному эллипсу ехало четырнадцать колесниц, а на месте старта сцепились между собой шесть небольших динозавров.

Картина была презабавная. Рапторы пытались быть друг друга мягкими рукавицами, надетыми на их передние лапы, и кусать врагов закованными в железные намордники пастями. Естественно, драться у них получалось из рук вон плохо, но это ничуть не умаляло желания глупых тварей расправиться с сородичами. Еще драчливым созданиям сильно мешали повозки, жестко прикрепленные к их спинам, и звери образовали конструкцию, чем-то напоминающую цветок ромашки. Серединой цветка служили скакуны, безуспешно пытающиеся загрызть друг друга, а лепестками — оглобли с повозками на концах. Колесницы обладали завидной крепостью конструкции — разъяренные рапторы невзначай лупили мощными ногами и по оглоблям, и по повозкам — при этом ни одна оглобля не обломилась, да и все повозки оставались целы.

— Сейчас разнимать будут, — объявила гоблинка, не отрываясь от зрелища сцепившихся зверей.

— А можно под уздцы колесницу к финишу привезти? — поинтересовался я.

— Нет, везти разрешено только вбок и назад, вперед можно только ехать, — пояснила Лия, продолжая с интересом наблюдать за представлением.

«Как в регби с мячом», — почему-то подумал я, и тоже направил свой интерес на арену.

Неудачливые возницы уже спрыгнули с повозок и стояли рядом с местом свары наготове, щелкая в воздухе кнутами. Впрочем, в гущу никто не лез, резонно опасаясь получить случайно могучий пинок. Потом один возница улучил момент, сильно огрел своего скакуна кнутом вдоль спины, одновременно резко дернув за удила. Раптор попятился и через пять секунд выбрался из заварушки. Ловкий возница сразу же вскочил в повозку, и освободившийся экипаж помчался догонять основную группу.

Надо признаться в том, что скорость у колесниц была невысока. Догнать земного спринтера-стометровщика на этих экипажах скорее всего бы удалось, но не более того. Я отвлекся от стартовой свары и начал наблюдать за основной гонкой. Надо сказать, зрелище, в самом деле, оказалось интереснейшим.

Колесничие очень много маневрировали, стараясь прижать

соперников к стене, и если им это удавалось в ход шли кнуты, руки и ноги. Возницы били своих и чужих скакунов, других возниц и толкали вражеские экипажи ногами при каждом удобном случае. При этом сами колесничие искусно использовали натянутые от центрального шеста цепи, чтобы прятаться за ними от ударов кнутов и вовремя наклонять повозку. Два экипажа уже сцепились и на полном скаку ударились об внешнюю стену арены. Сцепившиеся экипажи не прекращали драку, при этом колесничие не покидали своих повозок. Я присмотрелся и понял — один хочет освободиться и продолжить гонку, а второй просто пытается ему помешать. Наконец у первого гонщика (тролля) получилось вырваться, и он бросился догонять проехавшего мимо соперника, только что выбравшегося из стартовой неразберихи. Посмотрев на второго, я понял — парень из гонки выбыл. У повозки не было обоих колес, которые остались лежать на месте столкновения со стеной, и ящер рывками некоторое время пытался тащить экипаж днищем по арене. Через полминуты раптор отказался продолжать это бесполезное занятие и пронзительно заверещал. Возница в желто-красной накидке выругался и поднял вверх правую руку. Еще через полминуты из угловой ложи вылетела палка с двумя привязанными лентами желтого и красного цветов. Палочка красиво летела над ареной, и за ней вились две метровые ленты, как узенькие знамена, означающие — для команды этих цветов гонка закончилась. Палка с лентами, заменяющая тут белое полотенце, упала на арену, и проигравший гонщик начал надевать на своего раптора маску. Потом стреножил зверя и побрел за палочкой.

Тем временем возница-тролль в зеленом, тот, что только что выбил желто-красного, догнал следующую жертву (сине-черного гонщика-тролля) и между ними завязалась борьба на выбывание. Основная масса участников уже к этому времени сделала почти полный круг, и я увидел жуткую картину:

Колесницы шли по всей двадцатиметровой зоне и те, кто явно проходил мимо, всеми силами пытались загнать трех соперников на стартовую кучу-малу. Один из неудачников вдруг стал нахлестывать своего раптора, и зверюга резко прибавила ход. На огромной скорости экипаж врезался в кучу, и каким-то невероятным образом (по спинам, головам и повозкам) переехал ее. Возница не удержался и вылетел из колесницы, прокатившись шаром по полу арены и крепко приложившись об стену. Раптор сразу замедлил ход и лениво потрусил за оторвавшейся к тому времени основной группой, объехавшей кучу с двух сторон. Колесничий вскочил на ноги, слегка пошатнулся и бросился

догонять уехавшую повозку. Догнал он ее быстро, потому что раптор встал и попытался развернуться к куче, желая принять участие в драке. Вскочив в колесницу, ловкий гонщик быстро приструнил взбунтовавшегося зверя и продолжил свое участие в состязании.

— А его не дисквалифицируют? — поинтересовался я.

— Нет, все по правилам, — откликнулась гоблинка. — Когда происходило движение вперед, раптор находился впереди него, а он не держал поводья.

— Но бегать за повозкой очень опасно, ему сейчас просто повезло, — включилась в разговор оркитянка, и начала объяснять почему: — Сзади никого не было. Если бы в этот момент кто-нибудь находился за его спиной — точно бы задавили. Это считается особым шиком — задавить бегущего возницу без колесницы, а для задавленного — ужасным позором. И конкуренты такой момент ни за что не упустят.

Двум другим, налетевшим на стартовую кучу, повезло меньше. Они врезались в кучу, и раздался жуткий треск. После этого из ворот выбежали четыре огромных огра и на арену полетели еще две палочки с ленточками. Как с лож смогли что-то разглядеть в этой мешанине орков, троллей, рапторов и дерева — я не понимаю.

Первый из выбывших к этому времени уже подобрал упавшую палку с ленточками и понуро вел стреноженного и зашоренного зверя к выходу, предварительно отцепив от оглобли повозку, которая так и осталась лежать на арене, являясь памятником, поставленным тут в честь всех когда-либо проигравших состязания спортсменов. Оглобля, кстати, так и не сломалась и сейчас торчала над хвостом динозавра назад метра на три, забавно дергаясь в стороны при каждом шаге зверя.

Тем временем стартовая куча распалась, и четыре колесницы продолжили свой жуткий бег по кругу. На месте кучи остались три выбывших экипажа. У одного оказалась полностью разбита повозка — оба колеса отлетели, и обломился центральный шест с флажком. Возница понуро стреножил раптора, накинул на него маску и пошел за своим «белым полотенцем». У второго экипажа повозка оказалось цела, а вот раптор валялся на каменном полу арены, неестественно вывернув правую заднюю лапу, и натужно верещал. Три огра подошли к поверженному зверю (уже стреноженному и в маске), профессионально освободили его от сбруи, ловко подняли и потащили к входным воротам. Возница шел рядом, сокрушенно махая палкой с лентами, которую разъяренный знатный орк из ложи, под которой все и

происходило, швырнул прямо в него.

Третьему гонщику крупно не повезло — он был вторым из врезавшихся на полном скаку в стартовую кучу колесниц, его выбило из повозки прямо под ноги рапторам и освободившиеся звери пробежали прямо по нему. Тролль в оранжево-зеленой накидке лежал, закрыв глаза, и стонал. К нему подбежал огр, забросил его на плечо и быстро унес с арены. Из ворот тут же выбежал другой тролль в точно такой же оранжево-зеленой накидке, как на выбывшем вознице, вскочил в колесницу и экипаж устремился вдогонку за остальными. Видимо это был запасной возница.

«Отряд не заметил потери бойца…», — грустно подумал я. Чувствуется, что спортсмены тут ценятся значительно меньше, чем скакуны и спортинвентарь.

— Зверя, скорее всего, забьют. Он уже не жилец, я думаю, — прокомментировала происшествие Лия, и ее глаза при этом горели.

— Тролль выживет, но боюсь, уже в гонках участвовать не сможет, — с не меньшим удовольствием вторила ей Джина.

— Какие вы злые, девушки, — грустно сказал я.

Девчонки недоуменно переглянулись и скептически посмотрели на меня.

— Грымский… — протянули они хором, сморщили свои симпатичные мордашки в презрительных гримасках, и снова вернулись к аренному зрелищу.

«В самом деле, чего это я?» — промелькнула в голове удивленная мысль, и я тоже с интересом уставился на арену.

Весь амфитеатр, полный возбужденных зрителей, низко гудел. На арене бились за жизнь и победу воины и звери, а с трибун на них смотрел, вопя от восторга и плача от разочарования, весь Огрбург. Когда очередной гонщик по той или иной причине покидал аренный эллипс, трибуны ревели от радости и горя, сопровождая полет палки с лентами взрывом эмоций. Расположившись в роскошной ложе, гоблинка и оркитянка вторили амфитеатру с яростью и азартом диких и свободных зверей. И вскоре цивилизованный человек, сидящий рядом, поневоле начал вникать во все перипетии гонки. Через некоторое время джисталкер почувствовал ни с чем не сравнимый азарт, начал болеть за своих и восторженно орать, иногда умудряясь перекрикивать весь стадион. И только рыжий кот у его ног флегматично поглядывал на всех вокруг, про себя удивляясь — и чего все так кричат?

Работа 20. Гоночная

Догоним и перегоним!
А если нет — сами виноваты!

(социалистический лозунг)

Соревнования подходили к середине, когда я начал уже неплохо разбираться в гонках на рапторных упряжках. Наш колесничий в красной накидке, несмотря на объявленную молодость и неопытность, держался молодцом. Он ловко уводил своего скакуна от опасных мест, красиво проходил повороты и, в принципе, полностью контролировал ситуацию. Наш экипаж уверенно держался на втором месте, и колесница с красным флажком проходила круг за кругом без особого напряжения. Нет, конечно, он иногда сцеплялся с соперниками, раздавал и получал удары кнутом и даже разок перевернул вражескую колесницу, но по сравнению с другими участниками состязаний это нельзя было назвать чем-то из ряда вон выходящим.

— А сколько кругов продолжается гонка? — поинтересовался я у девушек.

— Или двадцать кругов, или пока не останется один участник, — не отрываясь от зрелища, ответила Лия. — В угол посмотри.

Я взглянул в нижний правый угол нашей ложи и обнаружил стоящие на парапете большие фигурки огров, троллей и гоблинов. Статуя огра была полутораметрового размера, тролля — метр, а фигурка гоблина примерно полметра. Ничего толком не поняв, я с недоумением уставился на Джину.

— Один круг — один гоблин, — устало начала объяснять мне оркитянка. — Пять кругов — тролль. Десять кругов — огр. Понял?

— Ааа, ясно, — наконец-то дошло до меня.

Каждый круг экипажа учитывался в ложе специальным работником амфитеатра. Когда колесница заканчивала очередной круг, он выставлял на край парапета фигурку гоблина. Когда их набиралось пять, менял на фигурку тролля. А две фигурки тролля менял на одну огровскую. Такие фигурки стояли на каждой ложе, под которой прямо на стене амфитеатра висел флаг с цветами команды, и было предельно ясно, сколько кругов прошла та или иная колесница. В данный момент работник убрал с парапета двух троллей и выставил одного огра, соответственно наш экипаж преодолел десять кругов. Еще я заметил, что рядом с флагом

ложи висели длинные ленты тех же цветов. Не став ничего спрашивать, я внимательнее осмотрел парапет, и увидел палку на специальной подставке, к которой была привязана красная лента (местная разновидность «белого полотенца»), свисавшая вниз. Все очень информативно — при взгляде на каждую ложу понятно, продолжает ли ее экипаж гонку, и если продолжает — сколько кругов уже прошел.

— А из какого дерева сделаны повозки? — не мог я никак успокоиться. — Очень уж крепкие.

— Гигантский самшит — самое твердое в мире дерево, при этом необычайно легкое. Каждая повозка стоит состояние, причем самая дорогая часть — оглобля, сделанная из составных частей, — ответила Лия. — Склеена повозка лучшим акульим клеем, еще и укреплена магией Тверди.

— И все равно ломают их постоянно, часто одна оглобля остается, — не удержалась от ехидного уточнения Джина. — Металлические повозки крепче, но тут запрещены. В диких уголках катаются на железных колесницах — и там смертность на порядок выше.

— Понятно, — сказал я свое любимое слово, и снова вернулся к аренному зрелищу.

Наш гонщик в красной накидке тем временем преодолел уже пятнадцать кругов, и вышел на первое место. Ехал он аккуратно, стараясь не ввязываться в бой, умело управлял колесницей, при этом ловко и быстро проходил повороты.

— Хорошо идет, — прошептала Лия, и, конечно же, сглазила.

Возница-тролль в зеленой накидке не спешил гнать свою колесницу по кругу. За это время он выбил из борьбы пять экипажей, и теперь искал новую жертву. Тролль неторопливо ехал вдоль внутренней стены по маленькому кругу и терпеливо ждал, когда его кто-нибудь обгонит. На наше несчастье этим неудачником оказался именно возница в красной накидке. Парень по большому кругу начал обходить «зеленого», и когда полностью обогнал (довольно быстро) противник ловко взмахнул кнутом, и хлыст обернулся вокруг шеи неопытного гонщика. Это было проделано виртуозно — «красный» прикрывался цепями и шестом — и все равно это ему не помогло. «Зеленый» резко дернул за рукоять кнута, наш возничий вылетел из повозки и покатился по полю. На этом дело не закончилось — тролль немного повернул колесницу и его экипаж проехал по орку в красной накидке. Раздался жуткий треск, наш возница дико закричал, а потом начал отползать к краю арены, волоча за собой ногу, загнувшуюся под неестественным углом.

— Все, приехали, — расстроено выдохнула Лия.

— Вот гад, — сердито и разочарованно сказала Джина, глядя на спокойно удаляющуюся колесницу с зеленым флажком.

— Да уж… — протянул я и украдкой посмотрел на хозяйку ложи.

На Хельне, фигурально выражаясь, лица не было. Хмурая тролька застывшим взглядом недолго смотрела на арену, потом встряхнула головой и щелкнула пальцами. Тролль-воин вышел из-за трона, подошел к пристегнутой палке и начал с ней возиться.

Я угрюмо смотрел на эту картину. Находился я тут уже почти три дня, сроки поджимали — а для зулусского барона еще ничего толком не выяснено. Вся надежда была на сестру Кепеба, а она в этот момент явно не горела желанием со мной говорить, хотя, впрочем, не только со мной. Я быстро стукнул на кольце-когте команду «открыть уши».

«Что случилось?» — поинтересовался скучающий Кот.

«Рыжик, сможешь с раптором договориться?» — спросил я.

«Нет, не смогу. Очень глупые звери, и злые — не испугаются меня», — лениво ответил Кот.

«Понятно», — расстроено сказал я. Без помощи Кота с незнакомым ящером мне было не справиться, так что смысла ввязываться в гонку не имело — только опозорюсь.

«Могу тебе сообщать, что он хочет сделать», — предложил альтернативный вариант Рыжик.

Так, это уже кое-что. Единения со скакуном добиться все равно не удастся — а так хоть будут высокоточные приборы на этом капризном болиде. Вернее один прибор — котообразный датчик рапторного настроения.

«А сможешь сделать так, чтобы тебя никто не видел на арене? Глаза отвести», — задал я последний вопрос Коту.

«Сверху меня увидят, а те, кто на самой арене — нет», — отчитался Рыжик.

Я бросил взгляд в угол ложи. На парапете стояли три статуи: полутораметровый огр с большим пузом держал руки по швам, метровый тролль ссутулился и прижал ладони к лицу, а полуметровый гоблин улыбался, раскинув руки ладонями вперед. Шестнадцать кругов пройдено — оставалось всего четыре. Тролль-воин тем временем отстегнул непослушную палку и начал медленно вытягивать ленту, надеясь на чудо. И чудо не заставило себя долго ждать (времени у чуда не было).

— Я могу колесницу довести, — громко сказал я, встав с места.

Вся ложа обернулась в мою сторону, и я оказался под перекрестным огнем пятидесяти пар недоверчивых, оценивающий и насмешливых глаз.

— Ты сумасшедший, — восторженно прошептала Джина, обжигая меня восхищенными глазами. Только за один такой взгляд стоило рискнуть — я сразу почувствовал за спиной что-то вроде могучих крыльев. Даже пришлось оглянуться — нет, крыльев, к сожалению, не было.

— Спасибо, воин, но нет, — секунду поглядев на меня, сказала знатная тролька. — И так ужасно не повезло. А если еще новичка выставлю, да плюс к этому ты не дойдешь до финиша — весь Огрбург надо мной потешаться будет.

— Да что ты говоришь такое, Хельна? — неожиданно защебетала гоблинка, хитро мне подмигнув. — Тим знает толк во всяких динозавриках. Он даже седло драконье постоянно с собой носит, сама же знаешь!

— Слышала про седло, — удивленно протянула тролька. — Даже посмеялась. Но не подумала о том, что это профессиональный шик.

— Вот и я о том же, — защебетала Лия, развивая внезапно полученное преимущество: — Подумай сама — если уж свое любимое седло таскает с собой постоянно, то какая-то незначительная местная гонка — ему просто как орешек расколоть!

— Да! — зачем-то брякнул я, и застыл с глупым видом. Логики в высказывании гоблинки я не углядел, но это не означает, что ее (логики) там не было. И еще я почему-то подумал, что про седло Хельне рассказала именно Лия.

— Ну не знаю… — еще раз неуверенно протянула Хельна, потом еще раз все быстро просчитала в уме и решилась: — А, ладно, рискнем! Давай быстрее на арену!

Потом все замелькало у меня перед глазами. Вот я мгновенно скинул с себя доспехи, оставшись в сапогах, холщевых штанах и легкой рубашке. Следующая картинка — мы с Рыжиком уже бежим к выходу, чернеющему рядом с ложей, вслед за каким-то шустрым гоблином (по пути я надеваю красную командную накидку и вожусь с подвязками и застежками). Затем головокружительный бег по каким-то темным коридорам (скорее всего — служебным) вслед за тем же гоблином. И вот гоблин останавливается и указывает рукой на ворота. Я забегаю в них и оказываюсь прямо на арене амфитеатра.

Сначала я окинул взглядом дорогу, как при переходе трассы

— попадать под вражескую колесницу мне не хотелось. Не обнаружив опасности, я побежал по кругу у внешней стены против движения, чтобы внезапно не ощутить за спиной дыхание чужого раптора. Рыжик несся следом. Подбежав к одиноко стоящему экипажу с красным флажком (травмированного возницу уже к этому времени унесли), я подобрал кнут и начал аккуратно подходить к динозавру. Коготок стоял и бездельничал. Увидев меня, он наклонил голову и повернулся ко мне левым глазом. Я его не впечатлил — повернув ко мне голову другой стороной, он окинул меня правым глазом с вертикальным зрачком, мигнул и отвернулся.

«Он тебя не воспринимает как своего наездника», — просветил меня Кот.

«Почему? На накидку не реагирует?» — поинтересовался я.

«Реагирует, но считает чем-то вроде обслуги. Не уважает», — вынес вердикт рыжий рапторный психоаналитик.

— Не уважаешь, говоришь… — стоя напротив раптора грозно прошипел я прямо в его морду. Коготок зашипел в ответ и издал душераздирающий визг, сделав шаг ко мне.

— Ну, ты сам напросился, — честно предупредил я глупую скотину. Раптор не внял предупреждению и замахнулся на меня скованными передними лапами в кожаных варежках. Надо сказать — это только издали передние лапы у него выглядели недоразвитыми. В упор они больше напоминали могучие ручищи светлокожих варваров.

Сэнсэй Андрей в свое время, когда ставил мне удар, заставлял бить в кожаную накладку на стене, соединенную с датчиками давления. Поначалу было жутко больно лупить по твердой поверхности, потом я набил кулаки, и мучения отступили. С годами костяшки пальцев вернулись в нормальное состояние (спасибо медицинскому регенерационному креслу), но бить в твердую поверхность я не разучился (кстати, мой поставленный удар весит почти тонну). Сам Андрей при мне ударил по этой конструкции всего один раз (после двух лет уговоров), благополучно сломал прибор — и я от него отстал.

Резко переступив ногами, я довернул тазобедренный сустав, поймал волну и, раскрутив поворот плеч вокруг оси позвоночника, послал кинетическую энергию тела в правую руку и выстрелил ей в наглую морду с вертикальным зрачком — кулак с резким треском впечатался в лоб раптора. Если выражаться попроще — как дал промеж глаз!

Древнейшая методика уговоров подействовала. Коготок обиженно взвизгнул и присел на опорных лапах. Потом выпрямился и начал потряхивать головой, приходя в себя.

«Как теперь?» — поинтересовался я у Кота.

«Теперь нормально все. Уважает», — поставил психологический диагноз Рыжик.

«Отлично. Я пока с управлением освоюсь. Ты насчет его настроения предупреждай и следи, чтобы ко мне сзади не подобрались», — проинструктировал я Кота, получил мыслеобраз Рыжика, охраняющего зеленого котенка на повозке, обошел Коготка и запрыгнул в колесницу.

«Хлестнуть надо, иначе не повезет», — дал мне наставление Рыжик и на всякий случай отбежал в сторонку.

Стоять на шаткой повозке было непросто. Благо я в детстве любил гонять по улицам Москвы на гравскейтборде, так что ничего особо нового не увидел. И еще — с тех беззаботных детских лет я многое узнал про баланс и равновесие, благодаря все тому же сэнсэю.

Размахнувшись, я стегнул хлыстом по спине Коготка, и он рванул с места. У этого средневекового болида оказался очень приемистый рапторный двигатель. Даже чересчур приемистый — повозка ушла у меня из-под ног, и я примитивно навернулся с колесницы назад (ладно хоть поводья не упустил). Трибуны задрожали от хохота, что прибавило мне злости.

«Убью гада», — подумал я о Коготке, вскочив на ноги. Раптор стоял и косил на меня недоуменным взглядом.

«Сам виноват», — осадил меня Рыжик, не удержался и передал мыслеобраз зеленого котенка с кнутом в руке, брякнувшегося с повозки.

Я глубоко вздохнул, выдохнул и немного успокоился. После этого повторил попытку старта, в этот раз обняв центральный шест повозки. С места тронуться удалось. Колесница рванула и поехала. До чего же она оказалась тряской! Никаких рессор, пружин и прочих приспособлений для мягкости хода предусмотрено не было. Каждая неровность отдавалась в моем многострадальном позвоночнике. Коготок при этом застоялся, и начал набирать скорость без понуканий с моей стороны. Мы ехали прямо посередине дороги (на всякий случай вырулил туда — стен опасался), постепенно ускоряя движение. Решив сбросить скорость, я натянул поводья. Тормоза у раптора оказались на высоте — эта зверюга остановилась как вкопанная! Естественно, я вылетел из повозки — на этот раз вперед. Как грохотали трибуны — это было не передать. Весь Огрбург плакал от смеха в этом проклятом амфитеатре.

«Сейчас он специально так остановился. Проверяет тебя», — доложил мне рыжий ябеда.

— Значит ты так со мной, да? — прошипел я, подходя к

Коготку, и повторил процедуру уговоров при помощи кулака. Раптор присел на опорных ногах, потряс головой и через десять секунд снова был готов к гонке.

«Уважает, больше не будет», — получил я информацию от кото-датчика, и снова запрыгнул в колесницу.

В этот момент мимо нас проехали две сцепившиеся между собой колесницы. Один из экипажей был, естественно, с зеленым флажком. Тролль-возница в зеленой накидке на секунду отвлекся от очередной жертвы, посмотрел на меня, гнусно ухмыльнулся и провел рукояткой кнута себе по горлу. В ответ я показал ему конфигурацию из пальцев, именуемую в народе «дуля», и снова сосредоточился на освоении спортивного гоночного средства.

В поворот я завел колесницу на самой медленной скорости. Раптор при этом не бежал, а шагал и недоуменно косился на меня. Потом я немного прибавил и перед следующим поворотом не стал сбрасывать скорость до черепашьего хода. Поворот повозка прошла отлично, что меня очень порадовало. Соперников рядом не наблюдалось, а я уже прошел целый круг — оставалось всего три. Рыжик бежал рядом и корректировал меня, подсказывая, когда Коготок хочет рвануть (я его осаживал при помощи удил), и когда он начинал лениться (тут в ход шел кнут). На третьем повороте я расслабился — за что был моментально наказан. Решив не сбрасывать скорость, я начал вписываться в поворот, и на выходе повозку занесло как автомобиль на резком витке дороги. Повозка стала догонять раптора по большому кругу, когда оказалась на уровне с ним — перевернулась, и я покатился по арене (опять спасибо сэнсэю — за то, что падать умею). Трибуны уже даже не гудели, а выли от смеха.

Деловито приведя древний гоночный болид в порядок, я снова запрыгнул в повозку и нежно повел спортивный снаряд вперед. Следующий поворот я прошел даже с некоторым шиком — смех на трибунах подутих. Естественно, если бы мне доверили вести колесницу с самого начала гонки — шансов у меня просто не было. А тут арена была пуста, так как очень много экипажей выбыло, и мне дали возможность немного освоиться. Следующий круг я прошел без происшествий, разве что пришлось разок слезть с колесницы и привычно врезать Коготку промеж глаз. До финиша оставался всего один круг, и я начал надеяться на удачное завершение рискованного эксперимента.

«Сзади догоняют. Зеленый», — разбил мои надежды Рыжик. Вести в плавном режиме экипаж я еще мог, а вот по настоящему гнать повозку на большой скорости (чтобы уйти от погони) с моим опытом вождения колесницы было бы просто изощренным способом самоубийства.

Тролль в зеленой накидке догнал меня, виртуозно притормозил свою колесницу и поехал рядом, с ухмылкой глядя на мои неловкие потуги. Мы встретились взглядами, тролль жутко оскалился и медленно провел рукояткой кнута себе по горлу. Я был полностью в его власти, и он играл со мной как кошка с пойманной мышью. В этой ситуации тролля подвела банальная самоуверенность. Если бы он напал сразу — на этом бы моя карьера колесничного гонщика и закончилась.

«Нападение — лучший способ защиты», — вспомнил я древнюю поговорку, и начал действовать.

Улучшив момент, я бросил управление своего малопослушнного экипажа, ухватился обеими руками за центральный шест, оттолкнулся от бортика своей повозки, на долю секунды повис на колесничной мачте, напоминая флаг, развивающийся по ветру. Потом я провел захват ногой шеи противника, при этом вторая нога тоже не бездельничала — бить мерзкого тролля (разрушителя чужих колесниц) по всем болевым точкам оказалось не только полезно для успешного прохождения трассы, но и очень приятно для моего ущемленного самолюбия. Надо сказать, что этот акробатический трюк явился полной неожиданностью для соперника. Тролль вцепился в шест своей повозки (от которого я его усиленно отдирал) и, вытаращив глаза, пытался вдохнуть воздух, совершенно забыв об управлении раптором. Краем глаза заметив приближающуюся стену, я резко дернул тролля, упершись свободной ногой в бортик его повозки. Это явилось последней каплей — мой соперник вылетел из колесницы, и тут я его отпустил (не забыв хорошенечко пнуть напоследок по голове на лету). Тролль врезался в стену у самого основания, на него обрушилась моя шедшая юзом повозка (я успел вовремя соскочить), а повозку припечатал сверху раптор с зеленым флажком.

После этого Коготок и чужой раптор мгновенно сцепились в драке, тролль зеленым мешком валялся у стены, хрипло дыша (вот ведь живучий, гад!), а я подобрал выпавший хлыст и встал рядом, с расстройством глядя на свою повозку, которая лишилась правого колеса. До финиша оставалось меньше чем полкруга. Мимо на большой скорости проехали две сцепившиеся колесницы, возницы которых стегали друг друга и обоих рапторов кнутами. Амфитеатр гудел, скорее всего — понравился мой трюк. Без колеса до финиша было не добраться, и я на мгновение застыл в расстройстве. Потом в голове щелкнуло (мозг включился), и я начал действовать.

«Рыжик, сможешь отвлечь чужого раптора?» — спросил я у

кота.

«Сейчас», — ответил котообразный датчик и превратился в отвлекающий маневр.

Я дернул Коготка за поводья, в этот момент чужой раптор обнаружил рыжего нахала, который его усиленно оскорблял, при этом размахивая прямо перед носом пушистым хвостом… Не стерпев такой наглости от мелкой зверушки, раптор с зеленым флажком развернулся и побежал за рванувшим против движения Рыжиком. Коготок дернулся было преследовать соперника, но я его быстро утихомирил.

Экипажи с черным и синим флажками одновременно пересекли финишную черту, а раптор «зеленых» неожиданно перестал преследовать рыжего кота, и в удивлении завертел головой. Кот спокойно оббежал раптора и вскоре оказался рядом с «красной» колесницей. Все внимание трибун оказалось приковано к повозке с красным флажком без правого колеса, рядом с которой стоял расстроенный джисталкер. Вдруг джисталкер стегнул хищного скакуна и одновременно запрыгнул на повозку, ухватился за шест и наклонил одноколесную конструкцию влево. Повозка встала на левое колесо и под таким наклоном поехала за набирающим скорость раптором, а джисталкер стоял, ухватившись правой рукой за шест, а в левой держа кнут и поводья, упершись одной ногой в бортик, а другой в дно повозки, балансируя резкими рывками центрального шеста и наклонами тела. Рядом несся рыжий кот и давал джисталкеру бесценные советы. Трибуны вскочили на ноги и над амфитеатром раздались могучие удары дерева о камень, которые вскоре слились в четкий ритм, и казалось, что это стучит могучее сердце стадиона. Под этот ритм одноколесная повозка с красным флажком пересекла финишную черту, после чего весь амфитеатр взорвался восторженным ревом.

Работа 21. Завершающая праздничная

— А теперь — дискотека! — сказала Анка-пулеметчица и достала новый диск.

(из списка анекдотов, не рекомендованных в мире Ворк)

Поврежденный экипаж пересек финишную черту, я аккуратно опустил повозку на дно, притормозив Коготка, и довольно ловко соскочил на землю. Амфитеатр гремел от восторга, и мне даже на секунду захотелось раскланяться. Но я этого делать не стал, сомкнул руки над головой и потряс ими в воздухе, как звезда рок-н-ролла. Кстати, финишировать оказалось не только почетно, но и очень удобно — раптора сразу стреножил и зашорил подскочивший огр, работник арены, и сделал он это вовремя. Во-первых — я просто не знал, как это делается, во-вторых — не представлял себе, как экипаж вести дальше (очень неудобно ездить без одного колеса), а тут к повозке сразу же подошел второй огр-работник и они завозились над моим экипажем. Пока служители бога спорта занимались древним гоночным болидом, ко мне подскочил тот же шустрый гоблин, что привел меня на арену, и утащил в небольшую дверь, находящуюся рядом с финишем (Рыжик прошмыгнул следом — его никто так и не заметил). Меньше чем через минуту гоблин завел меня в узкую ложу, расположенную рядом с роскошной резиденцией правителя и отделенную от нее стеной, и куда-то убежал.

Размер ложи составлял примерно половину стандартной (в четыре раза меньше правительственной), и еще она оказалась разделена на две части чем-то вроде невысокой решетки. По обеим сторонам от решетки находились гонщики в разноцветных накидках. Когда я зашел в ложу, одна половина радостно замахала руками и до меня донеслись приветствия и поздравления, а другая сторона уставилась на мою скромную персону сердито и оценивающе. Естественно, я выбрал ту часть ложи, где мне были рады, тем более что там находился гонщик в красной накидке (в самом уголке), а с ним мы выступали вроде как за одну команду. Я спустился к нему, по пути получая одобряющие хлопки по плечам, и уселся рядом. Рыжик улегся у меня под ногами, с гордым видом главного участника гонки. Орк в красной накидке неловко держал выпрямленной правую ногу,

которая находилась в деревянных лубках.

— Нормально с ногой? — спросил я у гонщика.

— Мелочи, через месяц как новенький буду, — ухмыльнулся в ответ парень. — В моем контракте предусмотрено дорогостоящее магическое лечение.

— Это хорошо, — улыбнулся я в ответ.

— Вот ты их в начале здорово обманул, с падениями, — восторженно сказал молодой орк. — Все поверили, что ты полный профан в гонках. Экстра класса профессионализм!

— Да ладно тебе, — засмущался я.

— Нет, это было проделано великолепно! — не унимался орк. — Я понял, что за поводьями профи, только когда ты колесницу на колесо поставил! Слышал я, что в столице такое могут — но думал, врут.

— Да ладно… — забеспокоился я всерьез. Привлекать излишнее внимание к себе совсем не хотелось.

— И колесницу Правителя так технично вперед пропустил, что почти никто не заметил подлога! — продолжал радоваться орк.

«И сам я нахожусь в числе незаметивших», — мысленно дополнил я.

— Я знал, что в столице главное — политика, но впервые увидел, как это изящно проделывается! Искренне восхищен! — не унимался парень, продолжая петь мне дифирамбы. — Все так и думают, что ты новичок, которому просто повезло. Но мы-то, профессионалы, все понимаем… — после этих слов возница многозначительно заглянул мне в глаза.

— Меня зовут Тим, — поспешил я увести разговор от скользкой темы.

— Лодик, — представился молодой гонщик.

— Расскажи лучше, Лодик, как у вас тут в гоночной гильдии дела, — продолжил я отвод разговора в сторону.

— Как и везде, — весело ответил орк, и из его рассказа я почерпнул много нового и интересного.

Оказывается, в гильдиях гонщиков существует две соперничающие фракции — так называемые «финишеры» и «выбивальщики». Финишеры пытаются дойти до финишной черты, быстрее пройдя положенное количество кругов, а выбивальщики, соответственно, главной своей задачей считают им в этом помешать. Ложа была разделена как раз из-за этого, и мы, естественно, находились на стороне финишеров. Причем финишеры, как мне сообщил Лодик, внутри лиги считались

элитой, а выбивальщики грязными костоломами. Хотя я предполагаю, что выбивальщики считают финишеров слабаками, а себя решительными бойцами. Местный глава лиги при этом почему-то бывший выбивальщик, а его лучший друг и заместитель — бывший финишер. Я думаю, что руководство гильдии просто поддерживает некий баланс между двумя фракциями, исключительно для зрелищности гонок, и при этом не забывает подогревать соперничество между ними — с той же целью.

Правила местных состязаний имеют пункты, провоцирующие такое разделение. Если хоть одна колесница дошла до финиша, учитываются только финишировавшие экипажи (если много финишировавших — первые семь, если меньше — то столько, сколько пересекло финишную черту), а если гонка завершилась досрочно, и остался всего один экипаж, то следующие семь мест занимают те, кто дольше продержался на трассе.

После этого Лодик сбился на разбор нашей гонки. Он честно признался, что немного увлекся и не удержал дистанцию между собой и «зеленым», хотя мне показалось, что он просто понадеялся на чудо, при этом имело место небольшое «головокружение от успеха». «Зеленый», кстати, оказался местным негласным лидером выбивальщиков. То, что напарник Лодика позавчера разбился и вгонке участвовать не может, выбивальщики знали, и спланировали тактику ведения гонки исходя их этого. Я спутал им все карты, и в результате эту гонку финишеры выиграли. После выбивания из гонки нашего экипажа «зеленый» с напарником должны были на пару заняться «черным» (который пришел первый), а потом решить исход гонки в поединке. У выбивальщиков был свой шик — чем меньше кругов прошел победитель, тем это считалось бОльшим достижением. В этом году рекорд как раз принадлежал «зеленому» — он стал победителем Соревнований, преодолев всего четырнадцать кругов. Впрочем, это было совершенно узкопрофессиональная специфика — большинство зрителей амфитеатра не догадывались, да и не хотели знать, об этих тонкостях.

Кстати, правило под названием: «лишняя информация — вредная информация», действует не только тут. Думаю, что многие футбольные болельщики перестанут любить футбол (кроме отъявленных фанатов), если их сознание грузить схемами построений игроков, тренерскими установками и прочей информацией, которой досконально владеют исключительно профессионалы. Да и не только в зрелищных видах спорта это справедливо — уверен, что большинство любителей быстрой езды не хотят знать ничего про четырехтактную работу системы

впрыска топлива в их обожаемую V-образную восьмерку, и их совершенно не интересует коэффициент устойчивости на срез и разрыв резины любимой фирмы по производству покрышек. Да и вообще, очень многое в нашей жизни имеет огромную разницу между внешним видом и внутренним содержанием. Что-то опять на философию потянуло, не к добру…

Вернусь к нашим гонкам. Первым пришел «черный», это был экипаж Правителя орков. После того, как я это узнал, мне стали понятны слова Лодика о политике. Вторыми (к моему искреннему удивлению) оказались мы. Выбивальщик (оранжево-синий), который в тот момент занимался колесницей Правителя, увидел мой сломанный экипаж и решил, что я выбыл, а потом уже было поздно — я прошел полкруга быстрее, чем он полтора. Поэтому «оранжево-синий» экипаж был третьим (в следующей гонке они наденут одноцветную синюю накидку), а четвертым пришел сменщик «зеленого», которому пришлось под равнодушный гул трибун добираться до финиша, проехав в одиночестве четыре круга. Такая сольная езда считалась ужасным позором у профессионалов.

В нашем случае зачетные очки получили эти четыре команды, которые на следующих соревнованиях наденут одноцветные накидки, остальные будут выступать в двухцветных.

— Так что, нас наградят, — с довольным видом закончил Лодик.

— И когда награждение? — поинтересовался я, искренне надеясь проманкировать эту малоприятную процедуру.

— Не понял? — протянул орк, и недоуменно на меня уставился. — Что за награждение?

— Сам же сказал что наградят, — попытался вывернуться я, понимая, что опять ляпнул что-то не то.

Вывернуться удалось, и доверчивый парень рассказал мне, как тут все происходит. Оказывается, возниц знает довольно узкий круг любителей соревнований. Основные звезды гонок — рапторы, и их клички известны всем. Награждают колесничих владельцы лож, и больше никаких наград не предусмотрено. А вот самих владельцев за высокие места, занятые их экипажами, своим вниманием удостаивает Правитель, под патронажем которого и проходят Соревнования. Мне стало немного обидно за спортсменов, но с другой стороны такая система меня как нельзя более устраивала (из-за конспирации).

В отдельную ложу возниц сразу после гонок заводят с одной целью — проверить на ношение скрытых магических приспособлений (эдакий местный магодопинг-контроль).

Колесницы после гонок проверяются отдельно (разрешенное магическое усиление одно — укрепление конструкции повозок).

Тем временем в ложу вошли два гонщика в зеленых накидках. Мой соперник-тролль уже оклемался, хотя сильно хромал, и правая рука у него была в лубке. Прошли они, естественно, на сторону выбивальщиков. После этого в ложу зашел маг стихий, остановился у входа и начал петь магическое плетение. Потом он расписался в какой-то книге, подсунутой служителем-гоблином, и покинул ложу.

— Все свободны! — провозгласил гоблин и тоже скрылся в дверном проеме.

— Сейчас будет шоу! — наклонившись ко мне, восторженно прошептал Лодик. — Ты удивишься.

Все выбивальщики встали с места, посмотрели на нашу половину и одновременно провели большим пальцам по горлу. В ответ вся наша сторона встала, и вдруг протянула в ту сторону вытянутые руки со знакомой мне конфигурацией пальцев. Финишеры показывали выбивальщикам «дулю»! И все это происходило в полной тишине. После этого финишеры начали покидать ложу, а выбивальщики терпеливо остались ждать своей очереди на выход.

— Понравилось? — спросил Лодик улыбаясь. — Твой жест!

— Когда это вы успели договориться? — глупо ухмыляясь, спросил я.

— Когда ты финиш пересек, тогда все и решили так сделать, — ответил орк, донельзя довольный моей реакцией. — Пойдем, победители выходят первые.

После этого мы встали с мест и покинули ложу. Да уж, я, оказывается, невольно зародил новую традицию. Как сказала бы бывшая жена: «От тебя разве дождешься чего приличного?». В принципе, в данном случае, я бы с ней согласился.

После этого мы по длинным служебным коридорам отправились в свою ложу, которая находилась на другой стороне арены. Лодик уже довольно бойко хромал в своем примитивном гипсе, а Рыжик бежал следом, с интересом поглядывая в ответвляющиеся коридоры. Вскоре мы вышли из дверного проема, в котором я не так давно скрылся, отравляясь на арену. Зайдя в ложу, я увидел интересную картину:

Те места, которые мы занимали перед моим сумасшедшим выступлением, были свободны. А вот сидящие рядом с Хельной знатные тролли потеснились, и теперь по правую руку от дородной тролльки сидели Лия и Джина, а слева зияло пустотой свободное местечко. Изворотливая гоблинка воспользовалась

ситуацией и резко подняла свой (а за одно и наш общий) статус. Увидев меня, Хельна радостно улыбнулась и призывно махнула рукой. От прежней хмурости не осталось и следа.

— Садись сюда, — крикнула глава местной трольской диаспоры и хлопнула ладонью по свободному месту слева от себя. Лодик подмигнул мне и похромал по лестнице наверх, туда, где недавно сидели мы с девушками, а я подошел к дородной тролье и скромно присел на освободившееся место рядом с каменным креслом. Рыжий нахал спокойно улегся рядом с троном (между мной и Хельной), наконец-то получив надлежащее его истинно аристократической натуре место.

— Только о делах потом, ладно? А то знаю вас, грымских… — ехидно улыбнувшись, протянула Хельна, а за ее спиной, сделав страшные глаза, мне подавали какие-то знаки Лия и Джина.

— Да я и не собирался, в общем-то… — промямлил я в ответ.

— Вот и хорошо, — сказала тролька, ехидно глянув на меня. — На приеме поговорим. Кстати, вы все приглашены, — это она уже проговорила, откинувшись в кресле, обращаясь одновременно ко мне и к девушкам.

— Спасибо, госпожа. Для нас это честь, и мы придем, — сразу взяла в свои цепкие лапки нить разговора гоблинка, облегчено выдохнув.

— Смотрим завершение Соревнований, — поставила точку в разговоре Хельна, и мы отдали все свое внимание происходящему на арене действу.

На арене тем временем проделывалась огромная работа. Внутренние стены, огораживающие место рапторной гонки, были уже убраны, и примерно двести магов всех школ постепенно занимали свои места в необычном построении. Трибуны привычно гудели, занятые своими делами, а предстоящим действом руководил здоровенный огр — маг стихий (я первый раз увидел огра-мага). Маги беспорядочно разошлись по всей арене, да и особой разницы, где кто должен стоять, на мой взгляд, не было. Но организатор предстоящего представления явно так не считал, и бегал по всей арене, немного двигая будущих участников магического действия. Минут через пятнадцать беготни огр, наконец-то, добился ведомого только ему одному порядка, забрался на небольшой постамент, установленный прямо посередине аренного эллипса, и замер, вытянув перед собой руку. Амфитеатр постепенно умолк, и под сводами огромной пещеры стало тихо, как будто тут не было ни одного из тридцати тысяч зрителей. Правитель махнул рукой, и церемония завершения Соревнований началась.

В полной тишине огр огляделся, а потом взмахнул руками. Движение оказалось плавным и элегантным, чего я совсем не ожидал, глядя на могучую пузатую фигуру. Огр, больше всего в этот момент похожий на дирижера огромного симфонического оркестра, продолжил делать величественные взмахи рук и все маги, находящиеся на арене, запели, вместе творя грандиозное магическое действо. Постамент, на котором в этот момент находился магический дирижер, начал медленно вращаться вокруг своей оси, и с рук огра сорвался большой искрящийся шар. Шар начал медленно подниматься вверх и застыл в воздухе примерно в тридцати метрах над ареной. С рук остальных магов вылетали маленькие шарики, самых разнообразных цветов, и устремлялись к разрастающемуся искрящемуся шару, начиная вращаться вокруг него как спутники вокруг планеты. Центральный шар рос, и вскоре стал огромной сферой, диаметром метров двадцать. Шары-спутники продолжали свой бег вокруг центрального светила, и вскоре слились в полупрозрачную светящуюся дорожку, на которой стали видны яркие буквы. Буквы приобрели четкость, и я смог прочитать надпись: «Славься Огрбург!». Надпись медленно вращалась вокруг центрального шара, и вскоре от нее начали отделяться копии, которые со свистом стали летать по всему амфитеатру над притихшими трибунами, переливаясь цветами радужного спектра. Центральная сфера начала немного изменять свои формы, и в какой-то момент я вдруг понял, что в самой середине кружащихся надписей во славу города Огрбурга танцует огромная полупрозрачная фигура огра. Огр радостно скалился, весело дрыгал ногами и тряс своим огромным животом, причем проделывал все это невероятно ловко и элегантно. Потом я бросил взгляд на самого огра-мага, и понял — огромная полупрозрачная фигура над ним полностью повторяет все движения своего создателя. Дирижер танцевал на постаменте.

Над трибунами пророкотали барабаны, и все в амфитеатре начали стучать деревянными колотушками об каменные основания скамеек, выбивая быстрый ритм. Огромный полупрозрачный магический огр под потолком пещеры под этот ритм плясал, выделывая замысловатые па и крутясь вокруг оси. В ложе, главное место которой занимала дородная тролька в красной мантии, все весело кричали, стуча деревяшками по камню. Даже огромный рыжий кот вскочил на ноги и весело прыгал на одном месте, иногда громко мяукая. Не кричал только джисталкер. Он открыл от удивления рот и стучал изо всех сил

крепкой деревянной колотушкой по каменному сидению, помогая выбивать ритм вослед все ускоряющимся барабанам. Барабаны били все быстрее и быстрее, и когда на мгновенье показалось что вот уже сейчас четкий ритм перейдет в невнятный гул, огромный полупрозрачный огр над стадионом неожиданно взорвался, и в сторону трибун полетели, свистя в воздухе, миллионы маленьких магических шариков, ярких и по-праздничному разноцветных. Не долетая каких-то десяти метров до зрителей, шары одновременно хлопнули, слегка оглушив всех, и без следа пропали. После этого амфитеатр взорвался ревом и овациями, а маги (устроившее это великолепное магическое представление) во главе с огром-дирижером начали покидать аренный эллипс. Соревнования закончились.

Работа 22. Разведывательная

В траве орк сидел.
Совсем как плод огурца
Был он зеленый…

(хокку-фанфик в стиле Ворк, посвящается Незнайке)

Знатная тролька неспешно поднялась с кресла и вслед за ней встала со своих мест вся ложа. Окинув нас придирчивым взглядом, Хельна улыбнулась и произнесла:

— Сейчас быстренько приведите себя в порядок, и сразу ко мне.

— Да, госпожа, — скромно произнесла хитренькая куколка-вампирчик и опустила взгляд к земле.

Хельна по-доброму на нее взглянула и направилась к выходу. За ней поспешила ее многочисленная свита. Я тоже было сделал шаг вслед, но Лия вцепилась мне в рукав и сделала страшные глаза — пришлось остановиться. Когда в ложе остались только я и девушки, гоблинка сразу оккупировала центральный трон и усадила нас рядом. После этого она закрыла глаза от удовольствия, замерла — и тут я не удержался:

— Что, ложу на себя примеряешь? — подковырнул я маленькую светскую львицу.

— Да, — ответила Лия, не открывая глаза и посидев немного, произнесла: — Все равно у меня будет своя ложа.

— С такими талантами — несомненно, — совершенно серьезно сказал я и вернулся к делам насущным: — Лучше посвяти нас в дальнейшие планы.

— Сейчас, — гоблинка никак не могла оторваться от грез, продолжая сидеть с закрытыми глазами на троне.

— Лия, ну хватит а? — сердито вмешалась Джина, и маленькая светская львица наконец-то открыла глаза.

— Уж и помечтать не дают, — хитро прищурившись, произнесла будущая главная звезда светской жизни Огрбурга. — Сейчас переодеваемся и быстро на прием к Хельне.

— Нет вопросов, — бодро отрапортовала оркитянка и вопросительно взглянула на меня.

Я ошарашено застыл на месте. Лишних шмоток у меня с собой не было, да я в принципе и не планировал заявляться на светские рауты. Идти на прием в одежде, которая уже пережила

две хорошие попойки, одну рыбалку, одну гонку и полный бюрократический рабочий день, было, как сказала бы бывшая жена, не комильфо. Эти мысли, по-видимому, отразились на моем лице, так как девушки одновременно прыснули, взглянув на меня в этот момент, и естественно протянули хором:

— Грымский…

— Мне нужен проводник до таверны и до ближайшей лавки, где можно быстренько купить подобающий наряд, — выкрутился я. — Один я точно никуда не дойду — заблужусь.

— Покупки! — радостно завопила Лия, я испугался и с надеждой уставился на ехидно улыбающуюся Джину. Идти шопаться с маленькой светской львицей — это для меня очередной способ самоубийства.

— Я его свожу, — пришла мне на помощь прекрасная оркитянка. — А сама я всегда только в доспехах, ты же знаешь.

— И это тебя не красит, милочка, — не удержалась гоблинка, после чего девушки затеяли шутливую перепалку, которая для них явно была давним и привычным занятием. Я немного их послушал, потом еще немного послушал, и только потом вмешался:

— Время идет…

По-моему я это сделал очень ненавязчиво, но девушки так, почему-то, не посчитали и окинули меня сердитыми взглядами. Но логика неожиданно одержала победу в прекрасных головках (скорее всего потому, что мы могли опоздать на светский раут), и наша компания быстро засобиралась. Вернее засобирался я один — побежал к нашим прежним сидениям наверх ложи, чтобы забрать снятые в спешки вещи. Конечно же, именно я оказался виноват в задержке, девушки на меня быстро навесили все смертные грехи, после чего с довольным видом устремились в сторону выхода. Я рванулся следом, неловко прижимая к себе меч и доспехи (надеть на себя мне ничего не позволили, из-за отсутствия времени). И только Рыжик вел себя как истинный аристократ — бежал следом и молчал.

Тот момент, когда от нас отделилась гоблинка, я не уловил. Только что была рядом — и вот уже мы продолжаем бег по головокружительным улочкам, лесенкам и башенкам Огрбурга втроем (я, Джина и Рыжик).

— Лавка или таверна? — на бегу поинтересовалась оркитянка.

— Сначала таверна, нет, давай лавку, — заметался я.

Джина ехидно глянула, и через минуту мы вошли в двери роскошного (по местным меркам) бутика. К нам тут же подскочил вертлявый гоблин и рассыпался рекламными слоганами-

объявлениями. Особенно меня поразил следующий перл:

Хочешь ты как эльф быть страшен?
Зря зашел ты в дверцу нашу!

Я растерялся и застыл, открыв рот. Все грозило затянуться — ну не умею я разговаривать с представителями модных профессий! Спасла меня Джина. Она строго взглянула на разошедшегося гоблина — и дело тут же пошло на лад. Буквально через десять минут (это по местным меркам просто молниеносно) мы покинули лавку, при этом оркитянка тащила парадный мундир колесничного гонщика (тут оказывается и такие есть), который был мне почти в пору. Еще через пять минут мы забежали в таверну «Пьяный гоблин-толмач», я хотел сразу лететь в свой номер, но тут взбунтовался Рыжик. Бунт был обоснован — за трудную работу в качестве котообразного датчика его следовало покормить.

— Видел, что ты на арене учудил! — восторженно поприветствовал меня Моб, когда я подошел к барной стойке, и закатился в приступе смеха.

— Да ладно тебе, — засмущался я. — Мне бы курицу для кота.

— Я думал, что ты у меня в таверне высший класс показал, — не унимался старый гоблин, между делом на пальцах показав какой-то знак своей жене. — А ты, оказывается, тут только разминался!

— Моб, у нас времени нет! — взмолился я.

— Да ты иди, переодевайся пока, — выдавил гоблин сквозь слезы. — Кота твоего тут покормят, не волнуйся.

— Вот спасибо, — сказал я, и устремился в свою комнату, оставив рыжего обжору у барной стойки. Впрочем, Рыжик отнюдь не возражал, даже более того — полностью потерял ко мне интерес.

— Кстати, у меня твои деньги за магнитных рыб! — крикнул вслед Моб. — Заберешь?

— Потом, — отмахнулся я, уже спускаясь вниз по ступенькам, ведущим к номерам.

Зайдя в номер, я бросил в уголке доспехи и меч, отобрал у вошедшей следом Джины новый костюмчик и быстро скинул рубашку. Сбросив сапоги, я занялся штанами и с удивлением заметил, как Джина заперла дверь изнутри.

— Что это ты делаешь? — удивленно спросил я.

— Сейчас увидишь, — зловеще прошипела прекрасная

оркитянка и вдруг бросилась на меня, по пути сбросив с себя легкие доспехи. Последовавшие вслед за этим двадцать минут пролетели незаметно.

— А мы не опаздываем? — лениво поинтересовался я, валяясь в кровати и обнимая красавицу.

— Ой, — пискнула Джина, вскочила и стала быстро облачаться.

Я тоже встал с кровати, и начал примерять костюмчик. Немного помучавшись и надев, наконец, этот ненавистный парадный мундир я ощутил себя манекеном, который непонятным образом оказался в лавке старья, посреди горного аула. Одежда висела на мне, как на вешалке, при этом еще и умудрялась топорщиться в самых неожиданных местах. Джина искоса поглядывала на меня, с трудом сдерживая смех и ехидные замечания (думаю, что если бы я сам одежду выбрал — точно не удержалась).

— Я в этом не пойду, — твердо сказал я.

— Давай попробуем совместить с этим парадным мундиром твои вещи? — предложила девушка.

— Думаешь, поможет? — удалось выдавить мне с сомнением в голосе.

— Попробуем, — пресекла мою нерешительность Джина и основательно занялась мужским гардеробом.

Все-таки в природе женщин есть что-то такое, чего у основного большинства мужчин просто отсутствует, и это что-то называется — вкус. Я остался в своих штанах и сапогах, а из новых вещей надел только тонкую белую рубашку и кожаный жилет без рукавов. Широкий вышитый пояс, двубортная куртка из синего сукна, синие панталоны с белыми лампасами, высокие сапоги и шапка-двухуголка остались большой кучей валяться на полу номера.

— Сойдет, — решила девушка, скептически оглядев меня с ног до головы.

— Сойдет, — согласился я, безуспешно пытаясь рассмотреть свое отражение в небольшом зеркальце, висевшем на голой стене.

После этого мы на огромной скорости покинули номер. Пробегая через полупустой зал таверны, я заметил сытого Рыжика, лениво развалившегося в уголке.

«Пойдешь с нами?», — предложил я.

«Нет, устал. Останусь. Только дверь в номер не закрывай», — лениво ответил кот, дернув ухом.

— Моб, дверь не закрывай в номер, — остановившись у выхода, крикнул я трактирщику. — Для кота. И покорми его,

пожалуйста, если вдруг захочет.

— Не беспокойся, Тим. Все сделаю в лучшем виде, — с улыбкой успокоил меня хозяин, и мы с Джиной вышли из таверны.

Через десять минут головокружительного бега по улицам, лесенкам и башням мы оказались у огромного фасада здания, выходящего прямо из стены туннеля. Все-таки есть в этом гигантском муравейнике, который по какому-то недоразумению называют городом Огрбургом, одно неоспоримое преимущество. Все тут расположено недалеко друг от друга, и движение в городской черте по скорости достижения конечных пунктов чем-то напоминает Москву, с ее сетью Телеполитена. Передвигаясь по тому же Вихрь-городу (самому большому населенному пункту противника в этой части света), приходится тратить значительно больше времени.

Неподалеку от дверей резиденции Хельны стояло небольшое чудо. Лия выглядела сногсшибательно — увидев ее в этом платье, моя дочь потеряла бы сон и покой, пока не заполучила бы в свое полное пользование такую нарядную куколку. Увидев нас, это чудо сдвинуло узкие бровки и возмущенно закричало:

— Что вы так долго!

— Ну, пока купили, потом наряжались… — начал оправдываться я, заметив, что Джина почему-то засмущалась и промолчала (что было на нее совсем не похоже).

— Быстрее, неудобно опаздывать, — немного успокоилась гоблинка. Я знал что говорить — в такой момент модница примет в качестве оправдания только задержку из-за шопа. Опыт — великая вещь!

Гоблинка тем временем развернулась и решительно побежала к роскошной входной двери, мы последовали за ней. Тролль-привратник посторонился, и мы вошли в резиденцию Хельны. Войдя в здание, я увидел монументальную парадную лестницу, ведущую на второй этаж. Мы поднялись по ней, и на мгновение замерли у высоченной двухстворчатой двери. Лия бросила на меня предупреждающий взгляд, и я кивнул в ответ, после чего мы вошли в залу, где и происходил светский прием Хельны.

Нашего появления никто особо не заметил. В огромном пространстве залы, освещенной сотней магических ламп, было шумно и многолюдно. Больше всего мне все это напомнило бал-маскарад, который дал на своей свадьбе Роман Гель-младший, разве что людей и их союзников нигде не наблюдалось. Повсюду стояли шумные компании, состоящие в основном из троллей, но

орки, гоблины и огры тоже присутствовали в достаточном количестве. В дальнем углу огромной залы дергались три тролля в колоритных набедренных повязках, танцуя какой-то дикий национальный танец, при этом ловко лупя в небольшие барабаны. Ритм был сложный, при этом ненавязчиво негромкий, и совершенно не мешал разговорам.

— Ищем Хельну, — постановила Лия, и мы медленно двинулись по залу.

Я и Джина шли не спеша, периодически останавливаясь неподалеку от шумных групп, к каждой из которых Лия считала своим долгом подойти и перекинуться парой слов. Наконец в центре залы я заметил дородную трольку в красной мантии и тонкой золотой короне, и тут же тихонько привлек к ней внимание нашей маленькой светской львицы. Лия сделала стойку, как охотничья собака на дичь, поставила нас с Джиной в удобном (с ее точки зрения) месте, и шепнув: «Стойте тут, никуда не уходите», ввинтилась в толпу, окружающую хозяйку праздника.

Буквально через минуту толпа троллей, окружающих главу своей диаспоры, расступилась и Хельна сопровождаемая Лией величественно подошла к нам.

— Приветствую моих дорогих гостей, — улыбнувшись, произнесла дородная тролька.

— Мы тоже очень рады, — приветливо скорчив рожу, выдал я, чем заслужил добрые снисходительные улыбки окружающих. Во всех взглядах читалось: «Грымский…». Когда я посещу в следующий раз джисталкерский комитет, то обязательно устрою грандиозный скандал, за то что не получил хотя бы минимальных сведений о местных правилах приличного поведения.

— Тим с тобой хотел поговорить, — вежливо напомнила улыбающейся Хельне Лия. Она (в отличие от остальных) уже привыкла к полному отсутствию этикета при общении с определенным джисталкером.

— Идем за мной, орк, — по-прежнему улыбаясь, сказала Хельна и направилась прямо к барабанам. Я последовал за ней.

Группы гостей расступались на нашем пути, вежливо кланяясь хозяйке, а я с интересом наблюдал за барабанщиками. Одетые только в набедренные повязки мускулистые синекожие артисты двигались в странном танце, умудряясь при этом бить ладонями в бубны и высокие там-тамы, окружающие площадку для выступлений сплошным невысоким заборчиком. Три тролля крутясь медленно вокруг своей оси, при этом еще и шли по кругу, выделывая странные движения, чем-то напоминающие пляски

чукотских шаманов. Казалось, таким образом невозможно нормально держать ритм, но музыка барабанов опровергала это, плетя сложные построения и чередования гулких ударов и сухих щелчков, завораживая слушателя.

Обойдя артистов, мы с Хельной уселись на два кресла за их спинами. Хозяйка села в кресло повыше, мне же досталось маленькое, больше похожее на стул. Между креслами находился небольшой столик, в данный момент пустовавший.

— А барабанщики — это чтобы никто ничего лишнего не услышал? — спросил я, про себя дивясь тому, что в двух шагах от нас гудящие там-тамы и бубны совершенно не мешали разговору.

— Догадливый, — снова улыбнулась тролька. — Давай свою просьбу, а то скоро Правитель должен пожаловать.

Естественно, рассказывать Хельне о том, что победил в поединке ее брата, я не стал и выдал уже опробованную на Лие легенду. Якобы грымские орки под моим руководством встретились с отрядом Этой Стороны на Ничейной Территории. У них был переводчик, да и я тоже толмач (Хельна после этого уважительно на меня взглянула). Победив в дуэли командира (сильного цветнолицего горца), в качестве трофея я взял арбалет, и горец в обмен на свою жизнь рассказал мне, откуда он у него. Потом этим арбалетом заинтересовался орк-кузнец, а вслед за ним и знатный орк из соседнего тейпа. И вот я уже тут, с единственной целью — узнать, откуда у Кепеба появился тот арбалет.

— Примерно так мне Лия и рассказала. Да и брат про горца что-то там говорил, — задумчиво произнесла Хельна, когда я закончил. Потом взглянула на меня с интересом и добавила: — А ты очень удачлив. Кепеб тому горцу просто дифирамбы пел. Да еще и мою гонку смог закончить.

— Просто повезло, — смутился я, и постарался не дать разговору соскользнуть с нужной темы: — Известно что-нибудь о том арбалете? Или есть возможность с самим Кепебом поговорить?

— С братом поговорить не получится, он после того случая увлекся ножевым боем, и сейчас находится где-то на другом конце континента, за Этой Стороной. Изучает в каком-то порту ножевые приемчики.

— Ясно, — немного расстроился я.

— Но где арбалет он достал, мне известно.

— И где же?

После этого Хельна посмотрела на своих приближенных, нашла кого-то в толпе и сделала знак подойти. От толпы отделился невысокий тролль в балахоне холодного мага, и

быстро подошел к нам. Этот маг показался мне смутно знакомым, где-то я его явно уже видел.

— Рапет, принеси карту, — сказала тролька, и ее помощник быстро удалился.

— Тоже боец из отрядов моего непутевого братишки, — улыбнувшись, сказала Хельна. — Не забывает он сестру, вся моя охрана его выученики.

— Видно их сразу, — подтвердил я, глядя на толпу приближенных. Воины охраны смотрелись среди разнеженной огрбуржской публики как могучие волки в стаде овец — не перепутаешь.

— Кепеб ежемесячно новый десяток присылает на смену, — поделилась Хельна. — Хотя его бойцы не любят спокойную жизнь.

Оказывается, воин не забывал о сестре, и глава местной трольской диаспоры имела серьезную опору на мечи отрядов своего брата. Тут подошел Рапет, неся под мышкой свернутую рулоном карту, отдал хозяйке и корректно отошел в сторонку. Тролька завозилась, разворачивая карту на столике, и я ей помог, придержав рулон за уголки с моей стороны.

— Вот тут Огрбург, вот тут крепости Мертвых, а вот в этой крепости он и нашел арбалет свой года два назад, — сказала Хельна, указав место на карте. — Первое время носился с ним, восхищаясь искусством древних, которые без магических приспособлений воевали. Говорил, что сейчас никто уже не способен стрелять из такой древности, кроме него самого.

— Могучий боец твой брат, — уважительно отозвался я. Сознательно отказаться от усилений — это серьезно.

— А горец его победил, — съехидничала тролька. — А потом ты горца.

— Повезло просто, — тут же стушевался я, и снова перевел разговор в нужное русло: — А далеко до крепости Мертвых воинов?

— Неделя волчьей езды примерно.

— Далеко и долго, — расстроено пробормотал я, задумавшись о своем задании.

В принципе, основную работу для зулусского барона я сделал. Теперь я точно знал, где можно добыть подобное оружие. Конечно, хотелось бы притащить ему новый арбалет, но на неделю, а то и больше, продлевать свое тут присутствие я не мог — не было разрешения от комитета (потом такие штрафы выкатят — мама не горюй!). Да и Саня с Димой замучаются сидеть в офисе, обеспечивая мое тут пребывание. Опять же — любая проверка документов, и меня сразу отсюда выдернут принудительно. Еще и Рыжика надо домой доставить, об этом

тоже надо подумать. На день, в крайнем случае, на два я еще мог задержаться, а вот дальше рисковать смысла не имело.

«Эх, сюда бы мой гоночный болид с Земли, да свободную трассу. Часа два, максимум три — и я на месте», — пришла в голову глупая мысль.

— Ты просить о чем-нибудь будешь? — нетерпеливо поинтересовалась Хельна, прервав мои мечтания.

— Спасибо, госпожа. Все что надо я получил, — поблагодарил я хозяйку, и приготовился встать и присоединиться к девушкам. Надо было еще решить вопрос доставки кота домой, так что я думал в тот момент больше об этом.

— Подожди, и это все? — воскликнула хозяйка удивленно.

— Да, ты мне очень помогла, — сказал я с благодарностью. — Очень бы хотелось попасть в крепость Мертвых воинов, но у меня совсем нет времени. Послезавтра меня ждут наши вожди.

— А где тебя ждут, воин?

— Неподалеку от Острова, в глухих лесах.

— И сколько у тебя осталось времени?

— День, может два.

— Не уходи никуда без моего позволения, а то у тебя есть пробелы в знании этикета, — вежливо укорила меня Хельна, поднимаясь с кресла. — Наш род не любит ходить в должниках.

— Нет никакого долга, — ответил я, тоже вставая на ноги. — Все нормально…

— Позволь мне это самой решить, — прервала меня знатная тролька и направилась к приближенным. Я последовал за ней. В этот момент барабаны, ритм которых я уже не замечал как привычное тиканье часов в комнате, неожиданно замолчали, и над замершим залом прокатился гулкий удар гонга.

Все присутствующие в огромной приемной зале замерли на своих местах. У входной двери стоял огромный орк в начищенных доспехах и держал в могучей руке подрагивающий круглый гонг, в который он только что ударил. Орк набрал полные легкие воздуха, и в полной тишине раздался мощный рев:

— Наместник Темных Небес этой части света, Правитель орков!!!

Джисталкер, госпожа троллей, гоблинка и оркитянка, да и все в этот момент находившиеся в зале, устремили свое внимание на входную дверь. Через секунду в дверной проем решительно вошли еще два огромных орка и застыли статуями по обеим сторонам двери. Потом гонг загудел снова, и в залу вошел Правитель.

Работа 23. Не совсем удачная

Не всегда коту творог…

Вот как бывает, где счастья светлый миг…

(две несвязанные между собой цитаты)

Правитель упругими решительными шагами пересек порог и остановился на мгновение, цепким взглядом окинув пространство огромного зала. За его спиной как привязанные следовали два огромных стражника из личной гвардии, возвышаясь над толпой разряженной публики, и их жуткие клыкастые физиономии находились почти на уровне голов немногочисленных огров. Сам правитель оказался невысокого роста, правда, этот недостаток с лихвой компенсировался аристократической статностью его ладной фигуры. Движения уже достаточно немолодого орка были легки как у юноши, и почему-то при взгляде на него у меня возникла ассоциация со спортсменом-фехтовальщиком высочайшего класса.

Весь зал склонился в поклонах, и только одна Хельна, сопровождаемая двумя могучими троллями из отрядов своего брата (которые по боевым умениям ненамного, думаю, отставали от гвардейцев Правителя), шла к двери, всем своим видом выражая радушие и гостеприимство. Подойдя к стоящему у порога Правителю дородная тролька согнулась в поклоне, получила ответный кивок, и что-то негромко произнесла. Правитель улыбнулся, и знатная парочка неторопливо направилась через весь зал, о чем-то негромко переговариваясь. За ними как привязанные шли гвардейцы Правителя, а замыкали шествие тролли-бойцы. Публика в огромном зале раздалась в стороны, и парадный кортеж величаво прошествовал по широкой свободной полосе, моментально возникшей в плотной толпе.

Нам повезло — я, Лия и Джина оказались в первых рядах, прямо перед свободным местом, где должны были пройти местные руководители. Проходя мимо, Хельна встретилась глазами с Лией и незаметно подала ей какой-то знак. Гоблинка все мгновенно поняла и присела в глубоком изящном поклоне. Я засмотрелся на Правителя (он прошел буквально в двух шагах от меня — не часто выдается такой шанс!), в этот момент Лия резко и незаметно дернула меня за рукав, еле слышно что-то прошипев

нелицеприятное в мой адрес. Спохватившись, я согнулся в поклоне, а когда выпрямился, успел заметить, как царственная процессия скрылась в дверном проеме, у которого сразу встали как статуи гвардеец орк и тролль-боец.

— Ждем, — тут же деловито распорядилась гоблинка, не став заострять внимания на моем деревенском поведении.

— А что, нас могут позвать? — удивился я.

— Было бы неплохо, — мечтательно протянула оркитянка. — Может, удастся, наконец…

— Что ты задумала, милочка? — сразу заинтересовалась Лия, видя что продолжать Джина не собирается.

— Ничего особенного, — ушла от ответа оркитянка. — Ты лучше расскажи, с чего ты взяла, что нас позовут.

— Позволь и мне посекретничать, — ехидно улыбнулась маленькая светская львица, но не удержалась и добавила: — С Хельной есть кое-какие договоренности.

— Понятно, — влез в разговор я. — А какой смысл ждать?

— Не умничай, — осадила меня гоблинка. — Хельна тебе сказала что-нибудь на прощанье?

— Да. Сказала, чтобы я без ее позволения не уходил, — тут же вспомнил я.

— Ну вот, — моментально чему-то обрадовалась Лия. — Так что ждем.

— Ждем, — согласился я.

— Конечно ждем, — твердо добавила Джина, явно думая о чем-то своем.

После этого потянулись минуты ожидания. Разговор не клеился — Лия что-то прикидывала, Джина задумалась и ее как будто подменили, а я скучал. Время вообще имеет странные свойства. Если я, к примеру, занят теми же компьютерными играми, то часы летят как сверхзвуковые самолеты. В дороге, когда задумчиво любуешься окружающими красотами, время течет медленнее, но тоже с неплохой скоростью. Зато когда нужно чего-то ждать, эта странная субстанция моментально меняет свойства, и не о каком полете уже речи не ведется. Скорее вспоминается улитка, ползущая по небезызвестному склону, а ты как будто сидишь на дороге, такой же маленький и невзрачный как этот слизнячок, и следишь за его микроскопическим продвижением.

От безделья я принялся разглядывать огрбуржскую знать, но и это занятие мне вскоре наскучило. На нас особого внимания не обращали, хотя неподалеку от двери, за которой скрылись царственные особы, молчаливо стояли еще пять-шесть групп, так

же бесцельно ожидая у моря погоды.

— А что это за комната? В которую вошли Правитель и Хельна, — спросил я у гоблинки.

— Специальный зал для Правителя, — задумчиво ответила Лия, погруженная в свои мысли.

— А когда его тут нет?

— Тогда она пустует.

— То есть?

— Эта комната предназначается специально для посещений Правителя, — терпеливо объяснила мне маленькая светская львица. — Когда его нет — она заперта.

— Расточительно, — пробормотал я, думая о том, что каждый метр жилой площади в этом огромном муравейнике стоит больших денег. После этого мне в голову пришла мысль, что Хельна помимо высокого положения обладает достаточно серьезным финансовым капиталом, раз может позволить себе такую роскошь.

«А впрочем, что я знаю-то о местных товарно-денежных отношениях?» — резонно подумал я, и тут дверь, около которой мы застыли в ожидании, открылась.

На пороге встал тролль в балахоне мага холода, который недавно принес для нас с Хельной карту. Осмотрев замершие в ожидании группы, он взглянул на меня, перекинул взгляд на девушек и после всего этого сделал приглашающий жест.

— Быстренько, давай-давай, — шепнула Лия, и начала толкать меня в спину по направлению к троллю. Я двинулся к двери, а за моей спиной, как телохранители за Правителем, шествовали гоблинка и оркитянка.

Перейдя порог, я огляделся, тут же получил тычок в спину от нетерпеливой гоблинки, посторонился, и девушки вошли следом. Мы оказались в большой комнате, площадью, думаю, около ста квадратных метров. Комната была аскетически пуста, стены завешаны красочными гобеленами с неведомыми для меня сценами древних битв, а под потолком ярко горели пять магических светильников. В противоположном конце комнаты, прямо напротив двери, стояло два трона. На большом троне вольготно расположился Правитель, а справа от него, в кресле поменьше, величаво восседала глава местной трольской диаспоры. Когда мы вошли в приемную комнату, тролька наклонилась к уху царственного орка, и что-то прошептала. Правитель цепко взглянул на меня, и в его глазах застыла усмешка. Мы медленно шли через всю комнату, Правитель на меня смотрел, а тролька продолжала что-то шептать. Остановившись перед тронами, я склонился в поклоне, и за моей

спиной присели в книксене девушки.

— Откуда же ты такой так вовремя появился? — услышал я резкий насмешливый голос и выпрямился.

— Я его привела. Тащила от самого Острова, — влезла довольная Лия, не дав мне раскрыть рта.

— Тебе это зачтется, красавица, — не сдержал добродушную улыбку Правитель, посмотрев на ушлую гоблинку.

— Спасибо, мой Правитель, — довольно промурлыкала Лия, и снова присела в изящном полупоклоне.

— Значит, тебя старшие послали, — перенес свое внимание на меня царственный орк. — А кто из них?

Я быстренько прокрутил в голове имена вождей нашего грымского прикрытия, и бодро ответил:

— Арбалет я разыскиваю для вождя Омпа, а мой старший Костынь, ты его знаешь как Мертвого Пывня, мой Правитель.

— Как он там, кстати? — сразу заинтересовался царственный орк. — В прошлом походе его здорово потрепали людские маги.

— Спасибо Темным Небесам, выздоравливает, — ответил я.

— Ну и хорошо, вернемся к нашим рапторам, — улыбнулся Правитель, и продолжил: — Хельна меня попросила помочь тебе, да и меня ты невзначай сегодня порадовал, так что, почему бы не помочь хорошему орку? Я тебе помогу.

— А это возможно? — не сдержавшись, с сомнением в голосе ляпнул я, и все в комнате испуганно выдохнули, а у Правителя сузились глаза.

Спасла положение Хельна, которая наклонившись к рассерженному орку и что-то ему быстро зашептала, я уловил только: «Грымский…». Правитель чуть смягчил свой гнев и недовольно взглянул на меня. Я тяжело перевел дух и внезапно ощутил, что вспотел с головы до пяток.

— Завтра мой дирижабль с отдохнувшими магами будет ждать тебя на башне перед Огрбургом, — сухо сказал Правитель. — Все, аудиенция закончена.

Я поклонился и уже было собрался пятясь покинуть комнату, но тут из-за плеча раздался звонкий голос Джины:

— Разреши сказать, мой Правитель!

Царственный орк бросил небрежный взгляд на прекрасную оркитянку, и вдруг я увидел, как в его глазах начал разгораться огонек заинтересованности.

— Говори, — приказал главный военный лидер Той Стороны этой части света.

И Джина не подкачала. Она уверенно начала говорить, и я сразу понял, что это давно отрепетированная речь. Суть ее вступления состояла в том, что у Правителя орков (единственного

из руководителей такого высокого уровня) нет собственного женского гвардейского отряда стражи. А на таком уровне зачастую возникает потребность в самых разных исполнителях его воли. И Джина может организовать такой отряд. Строгая феминистка рассыпалась в красочных и велеречивых предложениях, и я с удивлением смотрел на оркитянку, совершенно не ожидая от нее столь цветастых фраз.

— Мечница? — коротко спросил Правитель, когда девушка закончила свою речь.

— Да, мой Правитель, — ответила Джина, и склонилась в изящном поклоне.

Царственный орк сделал движение пальцами, как будто отгонял назойливых мух, и гоблинка тут же схватила меня за рукав рубахи и оттащила к стене.

— Перехват «сокол» из нижней прямой стойки вправо, — резко скомандовал орк.

Оркитянка неуловимым движением вытащила из поясных ножен сверкающий клинок, и воздух запел под резкими взмахами меча. Выполнив сложнейшее упражнение, Джина застыла в немыслимой стойке, изящно подняв свободную руку над головой.

— Неплохо, — удовлетворенно сказал орк, с улыбочкой рассматривая изящную фигурку, замершую в центре комнаты. — Теперь двойной проход назад, через нижний уровень атаки.

И меч в правой руке Джины снова запел и засверкал в воздухе, создавая невероятную по красоте вязь. Я замер открыв рот, любуясь изящными ритмичными движениями танца, и тут меня тихонько дернула за руку Лия. Я посмотрел на гоблинку, а она показала взглядом на дородную тролльку. Хельна в этот момент делала мне знаки, явно означающие — неплохо было бы, если бы некий орк прямо сию минуту куда-нибудь моментально испарился. Я тут же все понял (не дурак!), и по стеночке незаметненько проскользнул к выходу. Когда мы с Лией вышли из приемной комнаты, я с трудом перевел дух, а гоблинка ничего мне не говорила, только осуждающе смотрела. Через пару минут из комнаты выскочила дородная тролька.

— Ты сумасшедший, орк Тим, — сердито сказала мне Хельна. — Как у тебя язык повернулся — сомневаться в словах Правителя?

— Да я не это имел ввиду, — виновато пробормотал я.

— А выглядело именно так, — жестко сказала тролька, но, видя мое искреннее раскаяние, смягчилась: — Хотя я сама виновата, не надо было допускать тебя на аудиенцию.

— Ты тут ни причем, — продолжил сокрушаться я. — Виноват только мой язык, бегущий впереди головы…

— Ладно, что сделано, то сделано, — прервала мое самобичевание Хельна. — Завтра с первым лучом солнца тебя будет ждать дирижабль правителя. Я тебе дам в помощь мага Рапета, он был с братом в крепостях Мертвых, все там знает.

— Спасибо за все, Хельна, — поблагодарил я, искренне расстроенный из-за своего длинного языка.

— Проводи его, Лия, — сказала глава трольской диаспоры, дождалась кивка от гоблинки и снова повернулась ко мне: — Прощай орк Тим. В следующий раз я буду тебе рада только в том случае, если ты будешь хоть немного следить за этикетом.

— Прощай Хельна, я все понял, — понуро попрощался я. — И еще раз благодарю.

Хельна махнула рукой, и снова скрылась в приемной комнате, а мы с Лией под ритм барабанов и там-тамов пошли к выходу из огромного зала.

«Я всех там убью!», — стучала в голове мысль, обращенная к джисталкерскому комитету. Рядом семенила гоблинка, ехидно и свысока глядя на меня снизу вверх.

Когда мы вышли на улицу, злость и расстройство уступили свое место депрессии. Чуткая Лия уловила мое состояние, схватила за руку и потащила в таверну Моба, а я понуро шел за ней, и думал о своей тяжкой доле.

«Надо мной висит проклятие. Как только возникает хоть что-то, похожее на официальную часть — я моментально делаю все не так, как положено. И даже если я все делаю правильно, то все равно все идет не так, как надо. Это карма, фатум, судьба», — вертелись в голове тяжелые мысли.

«Хотя, с дирижаблем получилось удачно!» — попыталась затесаться в этот серый и мутный поток светлая мыслишка, но моментально утонула в общем хмуром фоне.

«Только из-за девушек. А так бы голову отрубили прямо там. И Хельне бы досталось за то, что привела под светлы очи такого увальня. Девчонкам досталось бы еще больше. А Рыжик бы вообще навсегда остался Огрбурге и погиб. А от тоски в лесу зачахла Халва. Словом — все бы умерли», — после этих мыслей мне почему-то захотелось выпить эля. Ладно хоть мы вовремя подошли к таверне. Зайдя вовнутрь, Лия усадила грустного меня за стол у стены.

— Все Тим, я убежала, дел по горло, — внимательно посмотрев на меня, сказала гоблинка. — Выше нос! И завтра не опоздай на дирижабль, пожалуйста.

— Спасибо тебе за все, Лия. Что бы я без тебя делал? — грустно поглядев на гоблинку, сказал я с интонацией побитой

собаки. Лия в ответ хмыкнула, ехидно ухмыльнулась и покинула таверну.

Откуда-то появился Рыжик и начал вертеться под ногами, заглядывая в глаза. Кот моментально уловил мое подавленное настроение, и даже открылся для контакта, хотя это ему было очень неприятно.

«Из-за Джины ты такой грустный?» — сочувственно поинтересовался рыжий психоаналитик.

«Не только. Ладно, все будет хорошо. Есть не хочешь?» — отвлекся я от грустных мыслей.

«Нет, я тут уже три раза поел!» — похвастался кот, и передал мне образ могучего рыжего бойца, всего покрытого красивыми шрамами, рядом с которым лежала гора мясной снеди. Я улыбнулся, и Рыжик закрылся от контакта. Ему действительно было очень трудно разговаривать в городе.

— Эля? — крикнул от барной стойки Моб.

— Давай, — согласился я. — Выпьешь со мной?

— Нет, — твердо ответил хозяин таверны, покосившись на свою жену, которая в этот момент тоже многозначительно взглянула на Моба. — Хватит уже. Вон с Дехором выпей.

Я взглянул в сторону стола, стоящего у другой стены, и увидел приветливо улыбающегося огромного огра, который служил у меня в качестве бюрократического вышибалы. Махнув рукой, я пригласил его за стол, огр встал со своего места с полупустой кружкой и пошел ко мне. Когда он присел напротив, нам тут же поднесли кувшин эля и закуски.

— Завтра работаем? — поинтересовался Дехор после того, как мы опрокинули по кружке.

— Завтра с раннего утра я отправляюсь в крепость Мертвых, — ответил я, и вдруг неожиданно для самого себя предложил: — Давай со мной? Десять золотых.

— Десять золотых это хорошо, конечно, но туда неделя пути, — с сомнением протянул огр. — У меня увольнение кончается через четыре дня. Служба.

— А где служишь?

— На границе, где ж еще. Десятник хирда.

— Так ты сегодня на арене выступал? — удивился я

— Было такое. Так это ты на рапторах ездил?

— Скажешь тоже — ездил. Закончил гонку только…

— Выпьем? — сразу предложил Дехор.

— По-последней, завтра рано вставать, — согласился я, и мы опорожнили кружки. — Ну что, пойдешь в крепости Мертвых?

— Говорю же, четыре дня отпуска осталось.

— Успеем, — хитро прищурившись, сказал я.

— Как это? — удивился огр.

— На дирижабле Правителя. Завтра с первым лучом солнца стартуем.

— Ух ты! — не смог сдержать Дехор удивленный выдох. — Так бы сразу и сказал. Тогда конечно.

— Ну все, я в номер. Завтра не проспи, — сказал я вставая.

— Обижаешь, — оскалился в улыбке огромный огр, наливая себе еще кружку из моего кувшина. — Еще и тебя разбужу. Мой номер находится рядом с твоим.

— Это хорошо, до завтра, — попрощался я с Дехором и пошел к барной стойке.

— Что-то на тебе лица нет, — сочувственно сказал Моб когда я подошел к нему. — Сейчас я тебя немного порадую.

После этих слов хозяин таверны залез под стойку бара и через пару секунд вытащил на свет два больших кожаных мешка, в которых что-то приятно позвякивало.

— Вот, твои деньги за магнитных рыб, — торжественно сказал старый гоблин.

— Спасибо. Приготовь провизии на один день для пятерых, пожалуйста, — попросил я Моба. — Завтра с утра я тебя покину. Вычел там все, что положено?

— А как же, — бодренько отрапортовал гоблин. — Сей момент!

После этого он залез в кошель и вытащил оттуда один золотой, после чего снова пододвинул ко мне мешочки с золотом. Я залез в ближайший кошелек, вытащил оттуда пять золотых, и положил на барную стойку.

— Это тебе за гостеприимство, — улыбнулся я.

— Не откажусь, — с достоинством проговорил Моб и смахнул золото с плоской поверхности стола. — Ты, если что, теперь только у меня останавливайся.

— Это уж обязательно, — ответил я и пошел к лестнице, ведущей вниз к комнатам.

Войдя в свой номер, джисталкер хмуро посмотрел на кучу вещей, лежащих рядом с кроватью. Большинство шмоток, купленных в модном местном магазинчике, так и не понадобилось. Огромный рыжий кот прошмыгнул следом за ним и тут же залез на расправленную постель. Человек посмотрел на кота, тяжело вздохнул, и снова перевел взгляд на кучу вещей.

— Не тащить же все обратно, — пробормотал джисталкер, и начал снимать жилетку.

Стащив сапоги джисталкер плюхнулся на кровать в рубашке и штанах, после чего подвинул рыжего нахала к краю. Кот сопротивлялся, упираясь в человека мягкими лапами, но через пару минут возни нашелся консенсус, и наступила тишина. Джисталкер некоторое время возился, не в силах заснуть. Потом он пробормотал:

— Не очень-то и хотелось…

После чего повернулся на правый бок, сложил руки лодочкой под щекой, закрыл глаза и заснул сном праведника. Рыжий пройдоха тут же отвоевал себе еще немного места на кровати и тоже уснул. Прекрасная оркитянка так и не пришла.

Работа 24. Улетная

Вооруженное бандформирование, имеющее общую цель и владеющее тактикой, называется боевой отряд.

(якобы высказывание Че)

Проснулся я, что удивительно, в отличном настроении. Как говорится — утро вечера значительно мудренее. То, что Джина про меня забыла — вчера казалось ужасным, зато сегодня с утра я был этому только рад. Не оставаться же из-за нее в мире Ворк, в самом-то деле. Следовательно, при другом раскладе у меня бы развился комплекс вины. А в этой ситуации таким дурацким комплексом пускай другие мучаются. От самоуспокоения меня отвлек оглушительный стук.

— Вставать пора! — услышал я рев нанятого мною огра с той стороны двери.

— Дехор, просьба есть! — проорал я в ответ, вскакивая с постели. — Зайди, пожалуйста!

Дверь открылась и в номер, чуть согнувшись, вошел громадный огр. Я в этот момент уже надевал доспехи и бегал по номеру, перебирая взглядом предметы и думая о том, как бы не оставить тут ничего нужного. Возвращаться не хотелось — плохая примета.

— Что случилось, хозяин? — ехидно поинтересовалась эта гора мяса, следя за моими метаниями по комнате.

— Понесешь седло? — скорчив жалостную мину, попросил я. — А то мучаюсь с ним…

— Могу, — согласился Дехор, сделал два больших шага, небрежно схватил одной рукой огромное седло и вышел из комнаты. — Поднимайся наверх, перекусим, — услышал я его могучий рев, доносящийся из коридора.

При слове «перекусим» Рыжик встрепенулся, вскочил с кровати и выбежал из номера. Я оделся, прицепил ножны с мечом и повесил на плечо арбалет. Взял в руки мешок с вещами и напоследок окинул взглядом номер. Рядом с кроватью валялась куча вещей, когда-то бывшая нарядным мундиром — больше ничего моего тут не осталось. Я развернулся и вышел в коридор, поднялся по ступеням вверх и очутился в зале таверны.

За ближним столиком сидел Дехор и уже попивал эль. Моб в этот момент подошел к нему и поставил на пол огромную корзину с провизией. После чего повернулся ко мне, сделал

приглашающий взмах рукой в сторону стола и убежал к двери, которая вела на кухню. У этой двери уже крутился рыжий лакомка.

Когда я выпил полкружки эля, Моб принес завтрак, и мы с Дехором начали набираться сил перед предстоящим трудным днем. Рыжик лежал под столом и хрустел косточками. Жизнь продолжалась.

— Завтрак за счет заведения, и не спорь, — сказал Моб, присев рядом, наблюдая за тем, как мы с аппетитом поглощали нехитрый, но ужасно вкусный завтрак.

— Спасибо, хозяин, — выдавил я с набитым ртом, и снова отдал честь отличной кухне таверны.

— Спасибо за гостеприимство, — сказал я, когда мы позавтракали, вставая из-за стола.

— Всегда рад хорошим гостям, — улыбнулся Моб и махнул на прощание своей сморщенной лапкой.

После этого мы покинули гостеприимное заведение под странным названием «Пьяный гоблин-толмач». Дехор повел меня по перепутанному объемному лабиринту Огрбурга, и я вдруг начал узнавать некоторые улочки, башенки и лесенки. Думаю, поживи я тут недельку-другую — вполне бы освоился и начал ориентироваться почти как местный. Рыжик бежал следом, вертя головой с прижатыми ушами по сторонам, и даже закрывшись от контактов, излучал всем своим видом жизнерадостное настроение.

Когда мы покинули территорию Огрбурга, выйдя в огромные ворота напротив дирижабельной вышки, было еще темно, но небо уже начало светлеть, словом, как пелось в старинной песне: «А рассвет уже все заметнее…». Дехор огромными шагами двигался вперед, легко неся большую корзину с провизией, мешок со своими вещами и огромное драконье седло (в его лапах напоминающее детскую игрушку), и я был вынужден почти бежать, чтобы держаться с ним наравне. Подъем по витой лестнице не вызвал никаких неприятных ощущений (вот что значит умеренность в выпивке!), и вскоре мы очутились на верхней площадке, где уже пришвартовался дирижабль Правителя. На борту летающего судна царила предполетная суета, поэтому я вперед лезть не стал и, облокотившись о перила балкона, начал изучать правительственный дирижабль.

Надо сказать, что особой разницы по устройству между этим чудом технической мысли и обычным рейсовым дирижаблем я не заметил. Зато по красоте и богатству отделки они отличалась примерно так же, как скромный рыбачий баркас отличается от

роскошной яхты из красного дерева какого-нибудь миллиардера. Все детали в дирижабле Правителя дышали роскошью, и даже огромная гондола над палубой отливала чудесным золотистым оттенком. Про одежду команды я упоминать не буду, но скажу только, что на их фоне мы с Дехором смотрелись как прислуга, и только Рыжик как всегда выглядел на все сто.

— Ух, как все солидно! — услышал я знакомый пронзительный голосок, и отвлекся от созерцания чуда инженерно-магической мысли этого мира.

Пока я любовался роскошной летающей посудиной к нам поднялась Лия, и сейчас стояла она рядом со мной, тоже в восхищении пялясь на дирижабль Правителя. Взглянув на гоблинку, я застыл в удивлении. Маленькая светская львица сменила роскошные наряды на неприметные черно-серые одежды служителя Некро. Я даже назвать не могу те вещи, которые были на ней надеты. Что-то среднее между шубкой снегурочки, комбинезоном спецназовца и военно-полевой формой медсестер времен Великой Отечественной. При этом куколка-вампирчик выглядела донельзя органично, и чувствовалось, что носить эту униформу ей не впервой. Заметив краем глаза мое удивление, гоблинка повернулась и ехидно произнесла:

— Что так уставился? Нравлюсь?

— Ты мне всегда нравишься, — отшутился я. — И в нарядах, и в форме.

— Не сомневалась, я всем нравлюсь, — подмигнула мне Лия. — Ну, пойдем на борт.

— Ты со мной полетишь? — удивился я.

— Конечно, не бросать же тебя одного.

— Спасибо, Лия, — растрогался я. — Но там же опасно…

— Во время войны я наравне со всеми бьюсь в четвертой огрбуржской когорте, — строго отрезала гоблинка, и тут же добавила с обычной капризной интонацией: — Так что сомнения твои меня бесят…

— Все, молчу-молчу, — поспешно согласился я. — Идем скорее.

«Если она воюет так же, как все организовывает, то ей просто цены нет», — подумал я, поднимаясь на борт дирижабля.

На борту судна вместо неудобных скамеек имелись отличные кресла, в одном из которых нас уже поджидал тролль Рапет. Маг, выделенный знатной тролькой, коротко кивнул нам, закрыл глаза и снова погрузился в медитацию. Шесть огромных кресел, явно рассчитанных на огров, стояли в два ряда (по три в каждом) и были повернуты друг к другу. Я, Лия и Дехор заняли второй ряд,

усевшись лицом по направлению движения, при этом гоблинка, естественно, заняла центральное место. Ее маленькое тельце полностью потерялось в огромном кресле, но Лия при этом не испытывала ни малейшего неудобства. Потянулись минуты ожидания.

— Кого ждем? — поинтересовался я у капитана судна, в этот момент стоящего у трапа.

— Подтверждения приказа поступить в твое распоряжение, — вежливо ответил пожилой орк в роскошном мундире гвардейского капитана.

После этих слов я встал и вышел на балкон, чтобы полюбоваться напоследок Огрбургом. Огромный муравейник в лучах восходящего солнца с высоты дирижабельной башни выглядел нереально красиво. Словно каменная гора сама вырастила на своей поверхности причудливые строения, украшенные балконами и окнами разнообразных форм. Каменная стена, окружающая город, отсюда выглядела как праздничная лента, оплетающая новогодний подарок. Я вытащил из кошелька серебряную монету, размахнулся и кинул ее вниз, вспомнив земной обычай кидания монеток в фонтан. Чтобы вернуться. Монетка полетела, вертясь в воздухе, иногда сверкая в лучах светила, как фантастическая воздушная рыбка, а я провожал задумчивым взглядом ее полет, предаваясь философским мыслям.

«Я сюда когда-нибудь приеду снова», — подумал я, когда потерял маленький кусочек серебра из виду, и тут услышал стук сапог со стороны лестницы.

На дирижабельную площадку поднялись четыре орка. Впереди шел маг стихий, одетый в походный балахон, указывающий принадлежность к школе. За ним шли два огромных гвардейца, сопровождающие прекрасную оркитянку. Увидев меня, одиноко стоящего у перил, Джина сделала знак сопровождающим ее воинам. Маг без лишних слов поднялся на борт дирижабля и, перекинувшись парой слов с капитаном, занял кресло рядом с троллем. Два гвардейца застыли столбами у входа на площадку, а прекрасная оркитянка подошла и остановилась в двух шагах, серьезно глядя мне в глаза. Постояв так секунд пять, она сказала:

— Тим, ты все понимаешь…

— Конечно, Джина. Все нормально.

— Правитель велел передать, что если ты сейчас уедешь, то он великодушно забудет о неприятном инциденте.

— Спасибо, Джина. Ты постаралась?

Оркитянка мотнула головой и отвела глаза. Потом встряхнулась, и снова серьезно взглянула на меня.

— Прощай, Тим. Я тебя буду помнить.

— Прощай, Джина. Удачи тебе во всем.

После этого прекрасная оркитянка развернулась и решительно пошла к лестнице, ведущей с балкона. Через секунду я услышал утихающий стук каблучков ее сапожек. Оба огромных гвардейца развернулись и тенями последовали за ней. Я перешел по мостикам на борт и, проходя мимо капитана, спросил:

— Отчаливаем?

Капитан кивнул в ответ, и я уселся на свое кресло, рядом с сочувственно глядящей на меня Лией. На дирижабле сразу забегали матросы, капитан и маги встали на свои места и через пять минут мы уже набирали высоту.

Маг, посланный Правителем, оказался хорошим знакомым тролля Рапета, и когда я уселся в кресло, они уже увлеченно о чем-то разговаривали. Рыжик, покинув пределы Огрбурга, открылся для контактов и уже сумел найти себе удобное местечко между моим и Лииным местом. Сочувственно взглянув на меня снизу, рыжий приятель поддержал в трудную минуту:

«Не грусти, все будет хорошо!»

«Спасибо, Рыжик. Пробьемся!», — бодро ответил я и с интересом взглянул на нового члена нашей команды.

Сразу отвлекшись от разговора, орк повернулся ко мне и представился:

— Меня зовут Делер. Правитель, так скажем, решил усилить мною твой отряд, — после этих слов орк добродушно и понимающе усмехнулся.

«Серьезный дядя этот ваш Правитель. Не стал пускать дело на самотек и отправил своего контролера», — с уважением подумал я, глядя на мага.

— А меня Тим звать, — весело сказал я, изо всех сил пытаясь выглядеть простым и бесхитростным парнем, после чего огр и гоблинка тоже назвали свои имена.

— Кто имеет опыт встреч с Мертвыми? — сразу после взаимных представлений спросил Рапет.

Оказалось, что маг-тролль был среди нас единственным опытным бойцом с некронечистью. Оно и понятно — у меня такого опыта в принципе быть не могло, а остальные члены нашего небольшого отряда просто никогда не сталкивались с такой необходимостью. Тролль тяжело вздохнул и принялся за ликвидацию нашей некро-безграмотности. Для начала он прочитал познавательную лекцию о причинах возникновения очагов восстания мертвецов.

В древности служители Некро и лечащие жрецы использовали свои направления магической науки не только в медицинских целях. Боевые служители Некро назывались «некроманты», а лечащих жрецов, использующих свои знания в военных целях, звали «друидами». Сначала от боевых применений магического искусства отказались друиды, полностью переквалифицировавшиеся на медицину и став лечащими жрецами. Боевое применение магии Жизни было абсолютно непредсказуемо. При малейшей ошибке магические растения начинали бурный рост, недоступный обычным сорнякам — как следствие уничтожались огромные поля зерновых культур и целые районы начинали голодать (жуткую мутированную зелень скот, естественно, есть не мог). Вырвавшиеся из лабораторий магические животные нарушали экологический баланс и превращали в зоны бедствия цветущие области. Но самое страшное — магические эпидемии. После очередной вспышки нового штамма «светящейся чумы», уполовинившей население мира Ворк, друидство стало запрещенным знанием.

Некроманты еще довольно долго процветали, но с развитием магии Смерти применение этого направления магического искусства тоже стало практически непредсказуемым. Живые трупы после некоторых неудачных экспериментов начали сами заражать всех вокруг, превращая целые города в полные ужаса поселения ходячих мертвецов. Некромантия тоже вскоре была полностью запрещена, но, несмотря на это, еще сотни лет лучшие магические умы мира боролись с последствиями некромантских магических опытов. В общем, инстинкт самосохранения у жителей мира Ворк оказался на высоте.

Задолго до этого, когда некромантия являлась еще почетным и уважаемым искусством, многие аристократы делали из своих огромных замков магические устройства. Соединив в себе магию тверди и некромантию, крепости превращались в магические артефакты. Это было огромным и кропотливым трудом, но результат себя оправдывал, и высокие траты в свое время являлись вполне обоснованными. Во-первых, такие сооружения обладали лечебным эффектом, и жители гораздо меньше болели. Во-вторых, в подвалах, защищенных некромантией встроенной при помощи магии тверди в стены, продукты не портились и хранились на порядок дольше. Бич средневековья Земли — крысы, а в таких замках-артефактах грызунов не было. Из-за всего этого магические некро-сооружения получили широкое распространение.

С развитием некромантии крепости-артефакты тоже улучшались, но в какой-то момент ситуация вышла из-под

контроля. Все живое в замках стало превращаться в зомби. Процесс не был моментальным, и на перестройку организмов замку-артефакту требовалось около недели. Когда забили тревогу, по всему миру Ворк уже раскинулась сеть крепостей, полных живых мертвецов. Впрочем, ситуация оказалась не настолько опасной, как самые последние разработки в области некромантии, и если зомби покидал пределы крепости, то его жизнедеятельность мгновенно прекращалась. Крепости Мертвых (такое они получили название) начали быстро вычищать от нечисти по всему миру. И тут оказалось, что эта задача имеет второе дно. При помощи магии Тверди замки строили самовосстанавливающиеся, и сочетание этой магии с некромантией дало неприятный эффект. Полностью зачищенная крепость через неделю была снова заселена восставшими мертвецами, даже если сжигать их тела. Единственным выходом было полное разрушение замка-артефакта. Мир Ворк справился с этой задачей, и теперь последним местом, где по-прежнему имелись крепости Мертвых, являлась Ничейная территория. Именно туда мы сейчас и летели.

Пока Рапет читал вводную лекцию, реакция на нее у членов нашего небольшого отряда была непохожая. Я впитывал каждое слово. Лия слушала вполуха и иногда кивала головой, соглашаясь со всем сказанным. Для Делера лекция тоже не являлась откровением, но он слушал внимательно, уважительно относясь к рассказчику. Дехор откровенно скучал — огромного огра-ветерана трудно было испугать возможной дракой, и он был готов к любому повороту событий. Рыжик спал. Закончив предварительный рассказ, Рапет улыбнулся и сказал:

— Ну, перейдем к главному. Классификация нежити, присутствующей в крепости Мертвых. Наиболее оптимальные способы поражения противника. Тактика и построения при бое. Начнем: в крепости встречаются около пятидесяти видов различных зомби, и среди них есть владеющие магией…

Продолжая практическую часть лекции, тролль залез в свой мешок и вытащил карту крепости, огромную книгу-справочник по живым мертвецам и лист с расчерченной схемой движения воинов отряда. Все (кроме Рыжика) встрепенулись и как прилежные студенты стали внимать тактически грамотному боевому магу.

Над пологом туч, сплошной пеленой закрывающих землю, с большой скоростью летел дирижабль, сверкая на солнце золотистым баллоном, формой напоминающим громадный мяч

для регби. Гондолой дирижабля служила красивая яхта, выполненная из ценных пород дерева, окруженная искрящимся магическим защитным куполом. На корме два мага гудели, держась руками за сверкающий механизм, чем-то похожий на паровой двигатель древних паровозов, и за яхтой тянулся хвост инверсионного следа. Седой капитан стоял у руля, навигатор суетился рядом и сверялся с приборами, а на палубе в удобных креслах сидели пассажиры и увлеченно слушали спокойного делового тролля. Тролль манерой повествования чем-то напоминал тренера небольшой спортивной команды, четко ставящий задачи подопечным перед сложным матчем, при этом объясняя сильные и слабые стороны противников. Маленькая гоблинка внимательно слушала и чаще всего задавала вопросы, на которые тролль тут же компетентно отвечал. Орк в балахоне мага стихий тоже изредка интересовался некоторыми мелочами, при этом сразу чувствовался его высокий профессионализм. Тролль часто обращался к огромному огру, явно ставя его в будущем матче на некоторые ключевые точки, и огр кивал, прекрасно понимая, что от него требуется в той или иной ситуации. Джисталкер тоже принимал посильное участие в обсуждении, и порой компетентный тролль с его доводами соглашался. И только большой рыжий кот не участвовал в дискуссии, готовый к любому повороту событий, и, как опытный солдат, спокойно дремал.

Работа 25. Встречная

Лучше ночь сидеть в засаде –
Чем копаться в палисаде.

(стишок опера на дачном участке)

Неразбериха уже давно царила у меня голове, а Рапет все вываливал и вываливал новые сведения. Огромный опыт, наработанный поколениями борцов с последствиями некромантии, необходимо было усвоить за четыре часа полета. Трикет заносил в базу данных сведения, и иногда на прозрачных контактных линзах появлялись вопросы-уточнения (которые, слава темным небесам, никто кроме меня не видел). Я задавал эти вопросы, и тролль тут же компетентно на них отвечал, изредка удивляясь тому, что член его отряда не знает общеизвестных истин. Впрочем, на этот раз «грымская» легенда сработала на все сто, и совсем уж в неловкое положение я не попал ни разу.

— Все понятно? — спросил Рапет, когда закончил объяснения.

— Да, конечно, ясно все, понятно… — нестройным хором ответили мы.

— Ну, вот и хорошо, — выдохнул тролль, уставший от говорильни. Он был все-таки боец, а не профессиональный оратор, хотя к лекторскому занятию отнесся с полной ответственностью.

Рапет снова начал медитировать, Делер, Лия и Дехор вполголоса переговаривались, а я расслабился и закрыл глаза. Трикет начал загружать мне в мозг обработанную для человеческого восприятия информацию, почерпнутую из трехчасовой лекции Рапета, и через десять минут я, как говорится, был готов к «труду и обороне». Конечно, от по-настоящему опытного борца с некронечистью я отличался примерно так же, как выпускник факультета менеджмента отличается от прожженного бизнесмена, но это был максимум, который можно было получить теоретически. Кстати, загрузка напрямую в голову информации при помощи трикета требует определенного привыкания. Помню, лет пятнадцать назад я впервые решил что-то выучить, используя этот прибор. Честно сказать — просто вызубрить информацию было тогда на порядок проще. Голова просто раскалывалась, и валяться в медицинском

регенерационном кресле пришлось почти два дня. Но человек привыкает ко всему. В следующий раз я использовал медицину всего один день, потом полдня. Сейчас чтобы полностью выучить новый язык (а это огромный объем информации), мне и десяти минут восстанавливающих процедур хватит, а то и вообще без них обойдусь. А уж такая мелочь, как трехчасовой рассказик, вообще не стоит того, чтобы вспоминать о восстанавливающих процедурах. Минут пять в голове своеобразно «почесалось» — и всех делов.

«Остальное отшлифую практикой», — подумал я, и почувствовал, что дирижабль начинает снижение.

— Всем приготовиться, ветреная погода, — громко крикнул капитан плавучего судна, и мы вцепились в поручни кресел. Ремни безопасности тут, к моему сожалению, придуманы пока еще не были, а трясло ощутимо.

Через полчаса дирижабль застыл примерно в десяти метрах над землей. Во все стороны тянулись степные просторы. Впрочем, слово «застыл» к нашему случаю совсем неприменимо. Правильнее было бы сказать «болтался». Огромный баллон дирижабля обладал хорошей парусностью, и любой порыв ветра сразу подхватывал наше судно и тащил, куда глаза глядят. Маги с помощью своего «парового котла» пытались бороться с ветром, но получалось это у них не очень удачно. Под конец капитану это шнырянье над степью надоело, и он начал отдавать резкие команды. Матросы забегали по палубе, и вскоре с кормы были спущены веревки с каким-то подобием карабинов на концах. После этого за борт прыгнул маг стихий и плавно спланировал на землю. Ветер его, что удивительно, почти не сносил. Маг приземлился, быстро укрепил что-то наподобие якорей в земле, и когда дирижабль в очередной раз проносился над ним, ловко схватил канат с карабинами и прицепил к этим штукам. Дирижабль довольно резко затормозил (но не совсем уж рывком — канаты были довольно пластичные, как тугие резиновые жгуты) и вскоре застыл на одном месте. С носа судна сбросили еще один канат и якорь, маг собрал еще одну конструкцию-струну, и вскоре наш дирижабль завис на одном месте, совершенно не обращая внимания на порывы ветра.

— Прибыли, — оповестил нас капитан. — Вы высаживаетесь, а мы потом поднимемся за облака, на всякий случай. После полудня ждем вас обратно.

— Хорошо, — ответил за всех Рапет, взяв на себя лидерство в группе. Я был этому только рад.

После чего матросы спустили за борт широкую веревочную лестницу, и мы начали высадку. Орк Делер спустился первый, при

этом чувствовалось, что подобные упражнения ему не в новинку. За ним как гибкая ящерица устремился тролль. Лия тоже спустилась с таким видом, как будто она занималась ползанием по веревочным лестницам всю жизнь. Огромный огр к этому времени облачился в доспехи, прицепил к спине тяжелый осадный щит и взял в правую руку булаву (размером булава была чуть меньше меня). Недоверчиво взглянув на хлипкую лестницу, Дехор вдруг перепрыгнул через фальшборт и повис, уцепившись левой рукою за палубу. После чего огр отпустил палубу (плавучее судно ощутимо дрогнуло), превратился ненадолго в чрезвычайно редкую разновидность огра — летучую, а потом даже я, находящийся в десяти метрах от поверхности, услышал удар могучих ног о землю. При приземлении Дехор присел и ударил по земле своей огромной булавой, погасив инерцию. На поверхности осталась небольшая воронка, как от маленького, но уже вполне артиллерийского снаряда. Про глубокие отпечатки ступней огра в земле я уже говорить не буду. Звук, который огр в этот момент издал, больше всего походил на рык двигателя, а звон доспехов напомнил мне лязг гусениц танка.

«Бронетехника успешно закончила десантирование», — почему-то всплыло у меня в голове.

Дехор в это время задрал голову и махнул мне рукой, крикнув: «Давай сюда!». Его подвиг я повторять не стал и взглянул на Рыжика.

«Спустить тебя?» — спросил я кота.

«Не надо, прыгну», — ответил рыжий акробат, и тут же сиганул за борт. Пластичный и бесшумный прыжок Рыжика после могучего приземления Дехора смотрелся очень контрастно.

После этого я пожелал удачного полета-ожидания капитану и спустился по лестнице к отряду. Маг стихий тут же ловко, как обезьянка, вскарабкался на борт дирижабля, Делер отцепил канаты от якорей, и через десять минут воздушное судно стало едва различимой точкой в небе над головой. Якоря остались в земле, ожидая прибытия дирижабля.

— Двинулись, — скомандовал Рапет и экономной рысью побежал по направлению к Ничейной Территории.

Мы начали стайерский забег. Впереди бежал сутулый тролль своеобразной «волчьей рысью». Его длинные руки болтались вдоль тела, и сам он при этом чем-то неуловимо напоминал жуткую синюю обезьяну без меха. Следом за ним бежал орк. Этот был похож на обычного земного легкоатлета, разве что балахон мага стихий выглядел при беге совершенно неуместно. За ними пристроился я, в стандартной манере марафонца пожирая

километры. За нами быстро шел огр, лишь изредка сбиваясь на легкую трусцу. Темп для громилы был явно прогулочным. Гоблинка, как всегда, оказалась самой хитрой среди нас. Она ловко вскарабкалась на огра, и пристроилась у него на плече. Надо сказать, что огромный воин не возражал послужить скакуном у Лии, и вес малышки на скорость его передвижения не оказывал ни малейшего влияния. Замыкал цепочку рыжий кот. Рыжик периодически бросал нас и отбегал в сторонку, если вдруг находил что-либо для себя интересное, потом легко догонял цепочку бегунов и снова пристраивался в хвост колонны. Бежали мы чуть меньше часа. Физподготовка у всех членов нашего отряда оказалась на высоте, и когда тролль отдал команду перейти на шаг — никто даже не запыхался (особенно гоблинка). Ровная степь к этому времени сменилась овражистым редким подлеском. Колючий кустарник, разбросанный повсюду, чем-то неуловимо напоминал растительность на куцей бороденке азиатских воинов времен Чингисхана.

— Мы сейчас на Ничейной Территории, — сказал тролль, сосредоточенно глядя вперед. — Удвоить внимание. Возможна встреча с отрядом Этой Стороны.

Огр сразу выдвинулся вперед, по правую руку от него пристроился тролль, по левую орк, а гоблинка спрыгнула с могучего плеча и нашла себе место за его спиной, между магами. Я замыкал процессию, сняв с плеча арбалет. Рыжик отбежал от нашего построения немного вправо и шел, опасливо глядя по сторонам. Наш отряд продвигался вперед, иногда прорубаясь сквозь чахлый кустарник. На горизонте уже возвышалась мрачная громада замка Мертвых, когда кот заметил опасность.

«Впереди лощина, там четверо спрятались. Драться хотят», — передал мне Рыжик и я, мысленно чертыхнувшись, быстро настроил сканер трикета на обнаружение враждебных объектов в округе.

— Впереди засада, — тихо сказал я, и наш отряд мгновенно замер на месте метрах в пятидесяти от схоронившейся враждебной группы.

— Приготовиться к бою, — тихо скомандовал тролль.

— Гнумы! Не надо прячьтесь-бойтесь! Мы знаем, что вы там сидеть-плакать! — насмешливо крикнула Лия, выглянув из-за спины Дехора, безбожно коверкая слова языка срединных пиков.

Кусты затряслись, и из них начали выходить бойцы. Первым показался невысокий светлокожий варвар в тяжелых доспехах. По ширине плеч полутораметровый богатырь спокойно мог бы посоревноваться с огромным огром. Следом за ним, сжимая в руках что-то среднее между копьем и алебардой, вышел

двухметровый красавец — темный эльф. Лечащий жрец-человек (пожилой мужчина с холеным лицом), не спеша подошел к своим и встал за спиной варвара, возвышаясь над ним на две головы. Последним из кустов выкатилась малюсенькая гномочка (ростом — копия гоблинки) в струящихся одеждах мага тверди. Впрочем, при взгляде на спокойное и уверенное выражение лица малышки шутить над ней совершенно не хотелось. И вообще — отряд Этой Стороны был отлично экипирован, явно состоял из одних ветеранов и эти бойцы понимали друг друга с полуслова. При схватке с боевой пятеркой такого уровня потери в нашем отряде будут неизбежны, а меня это никак не устраивало (и ребят жалко, да и арбалет в одиночку точно не добыть!).

— Четверо, — пробормотал тролль. — Где-то еще должен быть один.

— Скорее всего, — согласился орк, отодвигаясь от нашего отряда и готовясь к бою.

— Надо бы попробовать договориться. Мы не воевать с ними сюда пришли, — сказал я, снимая с плеча арбалет, мучительно соображая, как бы избежать конфликта.

— Было бы неплохо, — согласился тролль, опасно прищурившись и наблюдая за приготовлениями враждебного отряда, и тут же возразил: — Но они на нас засаду сами устроили. Не отпустят.

— А я бы подрался, — рыкнул огр. — И кстати — как это они догадались, что мы именно тут пройдем?

— Заметили откуда-то, как мы подходили, — отмахнулся Делер.

— Откуда? — не успокаивался огр, вертя в руке огромную булаву.

Я взглянул на небо у нас над головами, и увидел парящую высоко в небе летающую тварь, которая иногда приходила ко мне во сне, в душных ночных кошмарах. Кто-то летал над нами на саламандре.

— Вон откуда, — сказал я, и ткнул пальцем в небо. — Кстати, вот вам и пятый боец этого отряда.

Наши бойцы задрали головы, не забывая краем глаза наблюдать за действиями врага, и летунья (увидев, что ее заметили) начала снижаться, и вскоре приземлилась за спинами своего отряда. На саламандре сидела маленькая рыжая эльфийка (светлая) в мифриловой кольчужке, и ее сердитые глаза казалось прямо сейчас, без всякой магии, прожгут дырку в ком-нибудь из нас. Лицо сердитой дамочки было мне до боли знакомо.

— Все же попробую поговорить, — сказал я и положил арбалет на землю.

— И ты владеешь языком Этой Стороны? — удивился тролль. — У нас в отряде два толмача! Иногда в огромной армии столько не бывает…

— Тим, в отличие от меня, хорошо разговаривает, — сказала гоблинка. — Я ругаюсь по-гнумски отлично, а говорю плохо.

— Давай, попробуй, — согласился Рапет и растянул свою жуткую рожу в ехидной улыбочке. — Если тебя убьют, то к Мертвым лезть не надо будет.

— Не дождетесь, — улыбнулся я в ответ и двинулся в сторону враждебного отряда, не забыв расставить в сторону руки ладонями вперед.

— Мы за тебя отомстим, если что, — дала ехидное напутствие мне в спину Лия, но я оглядываться не стал.

Подойдя к вражеским бойцам метров на двадцать, я остановился и прокричал:

— Воины Этой Стороны! Поговорим?

— С грязным орком нам не о чем разговаривать, — отрезала рыжая дамочка, к этому времени спешившись и встав рядом с темным эльфом.

Я стоял, смотрел на бойцов и в голову лезли мысли, совершенно к делу не относящиеся. Больше всего меня в этот момент почему-то беспокоило то, что они выглядят ужасно непривычно. Я смотрел в бородатое лицо светлокожего варвара, потом переводил взгляд на спокойное мудрое чело пожилого мага, глядел на сосредоточенную симпатичную мордашку гномы и всматривался в прекрасные тонкие черты темного эльфа — при этом чувствовал какой-то дискомфорт, как будто в этих лицах не хватало очень существенной детали.

«У них же нет клыков!» — дошла, наконец, до меня очевидная истина и я сразу успокоился.

— Если уж говорить совсем откровенно, то я бы хотел пообщаться наедине с могучим магом Огня, вспыльчивой и прекрасной Амой! — прервал я затянувшуюся паузу и воины Этой Стороны удивленно загомонили.

— Ама, дорогуша, а ты у нас популярная личность на Той Стороне, — ехидно пискнула гномочка.

— Не ожидал я от тебя, милая Ама, что ты водишь дружбу с орками, — добродушно прогудел светлокожий варвар.

— А еще больше всех кричала о своем нетерпимом отношении к клыкастым, — ехидно поддел огненного мага темный эльф (эти гиганты вообще отличаются склочным характером).

— Чего раскудахтались? — прервал всех человек.

Чувствовалось, что он был лидером отряда, так как все мгновенно замолчали. — Может слава о ее подвигах дошла до Той Стороны? Ама, будешь говорить с орком?

— Не о чем мне с ним разговаривать, — отрезала рыжая дамочка, удивленно и рассержено глядя на меня.

— Ты слышал, орк, — заканчивая разговор, сказал мне лечащий жрец. — Или к своим, мы подло нападать на одного не будем. Пусть все решат заклинания и клинки.

Характер у мага Огня с нашей последней встречи не сильно изменился. Надо было чем-то ее срочно заинтересовать, иначе она со мной просто-напросто откажется говорить.

«Ну что ж, не получилось уговорами — ударим по больному месту», — подумал я, и театр одного актера вновь начал свои гастроли.

— Эх, Ама, Ама… — тяжело вздохнув, хорошо поставленным голосом выдал я реплику в сторону бойцов Этой Стороны. — Опять ты делаешь ошибку, как десять лет назад с профессором Апиком…

Выражение лица у эльфийки моментально поменялось с рассерженного на удивленное. Оранжево-карие глаза распахнулись на пол-лица и уставились на меня.

— Что ты только что сказал? — почти выкрикнула Ама и, растолкав своих друзей, сделала два шага вперед.

— Ама ты куда? — попробовал ее удержать лечащий жрец.

— Подожди, — отмахнулась от него эльфийка.

Остальные бойцы даже не пробовали остановить Аму. Похоже, независимый и взрывоопасный характер мага Огня был хорошо известен ее соратникам. Бойцы отряда Той Стороны удивленно переглянулись, одновременно пожали плечами, после чего человек обреченно махнул рукой, явно пустив дело на самотек.

— Что ты сказал про Апика? — повторила вопрос хмурящаяся рыжая дамочка, сделав еще два шага ко мне.

— Повторяешь ошибку, любезная Ама, — сказал я максимально доброжелательно. — Как десять лет назад в разговоре с профессором…

— И что ты хочешь этим сказать, орк? — сердито спросила Ама, приблизившись еще на два шага.

— То, что ситуация похожая, — уже тише сказал я, надеясь что остальные бойцы Этой Стороны уже не все услышат. — Тогда Апика не стала слушать, теперь меня…

— И в чем же сходство грязного орка и известнейшего ученого мага? — продолжала вопрошать Ама, подходя ко мне все ближе и ближе.

Буквально через пять секунд эльфийка остановилась в пяти метрах и требовательно уставилась мне в глаза.

Недалеко от крепости Мертвых в пятидесяти метрах друг от друга напряженно застыли две группы воинов. Бойцы Этой и Той Сторон недоверчиво поглядывали на врагов, но основное внимание все уделяли стоящей прямо между двумя отрядами колоритной паре. Рыжая эльфийка, одетая в мифриловую кольчужку, требовательно смотрела в глаза замаскированного под орка джисталкера. Джисталкер в этот момент думал о том, как бы поговорить с эльфийкой с глазу на глаз, имея пацифистскую цель — уйти от казавшегося неизбежным вооружено-магического столкновения. Умные мысли голову джисталкера посетить не торопились, поэтому он мялся и всячески оттягивал момент. И только большой рыжий кот, узнавший мага Огня, смотрел на обоих с недоумением, гадая, как можно за столь короткое время забыть то, что совсем недавно стоящие друг напротив друга ребята были хорошими знакомыми и фактически друзьями. Коту и в голову не приходила мысль, что коллоидная маска, прикрывающая лицо джисталкера, может ввести хоть одну разумную тварь в заблуждение.

Работа 26. Ностальгическая

Все ваши знакомства мы будем теперь называть: «связи».

(из пособия «Бизнес для Чайников»)

Эльфийка выжидающе смотрела на меня, опасно прищурив глаза, а я все гадал, каким же образом уговорить ее увести отсюда своих друзей-бойцов (от греха подальше).

— Ну? Чем это вы с Апиком похожи? — требовательно прошипела Ама. — Или это опять подлые оркские штучки…

— Тим передает тебе привет, — решился я начать разговор.

— Как орк может мне передать привет от человека? — недовольно буркнула раздраженная маг Огня. — Врешь, зеленый…

— Ама, дела у меня тут, — тихонько и проникновенно попросил я. — Некогда мне драться, да и незачем.

— А мне-то что до этого? Надоел ты мне, орк, — буркнула недовольная Ама, и уже развернулась, идя к своим. — Хватит трусить, дерись! Ты знал куда шел…

— Ну что ж с тобой делать-то? Характер какой был, такой и остался, — расстроено сказал я в спину волшебнице. — Как после дуэли с Кепебом я тебя уговорил — сам не понимаю…

Ама застыла на месте, снова повернулась ко мне и подошла опять на пять шагов. Внимательно взглянув на мое лицо, боевой маг сморщилась в усмешке.

— Ты, орк, говори, но не заговаривайся. Еще скажи, что ты и есть Тим.

— Говорю — я и есть Тим.

— Я знала, что все орки лгут, но чтобы так бездарно — даже в голову не могло прийти!

«Рыжик, подойди к нам, пожалуйста», — попросил я.

Кот не стал вступать в пререкания и сразу подбежал ко мне. После чего взглянул на Аму хитрейше-честнейшими глазками. Женщины любят кошек, и поэтому Ама сразу немного подобрела, во всяком случае — хмуриться перестала.

— Помнишь Рыжика? — спросил я с усмешкой.

— Ты мне, орчина, зубы не показывай! — сразу снова рассердилась Ама. — Не боюсь я твоих клыков!

Тьфу ты! И улыбнуться нельзя рядом с этими людишками! Всего три дня как орк — а уже людей считаю недоумками. Как

так?

— Ама, я просто улыбнулся, — чуть успокоившись, сказал я. — Узнаешь Рыжика?

— Похож на кота, который был с Тимом. И что?

— Ама! Ну не могу я тебе прямо тут показать свое настоящее лицо! — рассердился я, но громко кричать побоялся, поэтом продолжил обвиняющим шепотом: — Неужели грозный маг Огня, имеющий в близких друзьях лучшего ученого Этой Стороны не может понять такую простую веешь!

— Не ори на меня! — прошипела Ама.

— Теперь мне понятно, как вы десять лет назад с Апиком разодрались! — просипел я в ответ.

— Не твое орчье дело! — не успокаивалась сердитая дамочка.

Я выдохнул, чтобы успокоиться. Ругаться с Амой резону не было — это бы точно привело к драке, которую я всеми средствами пытался избежать. Идея ко мне пришла, как всегда, неожиданно.

— Не будем ругаться без толку, — примирительно сказал я, вытянув руки ладонями вперед. — Выслушаешь мое предложение?

— Давай, орк. Излагай, — немного успокоилась боевая дамочка.

Для нормального разговора мне надо было оказаться с Амой наедине, причем подальше от любопытных глаз и ушей. Поэтому я предложил дамочке следующее:

Дуэль! Естественно — ненастоящую. Оба наших отряда направляется к замку Мертвых, и встают у стены напротив входа. Далее — я обхожу огромный замок справа, а Ама слева. Встречаемся строго на противоположной стороне от ворот. Рыжик следит, чтобы нас не побеспокоили. Я предоставляю дамочке нужные доказательства, а потом пусть сама все решает. Ама начала мяться. В принципе, она уже была на крючке (женское любопытство!), но еще дергалась как непослушная рыбка, пытаясь проявить характер.

— Хорошо, пойдем. Но если хоть что-то будет не так — молись своим темным небесам, орк! — наконец-то решилась Ама, не забыв пригрозить и напугать напоследок.

— Обидны твои слова, любезная Ама, — обрадовано прошептал я. — И какой глупец рискнет обмануть мага, способного участвовать в создании «камня Света»?

— Ты и это знаешь… — задумчиво произнесла маг Огня, после чего решительно развернулась и двинулась к своим друзьям.

Я тоже пошел к своим, и через минуту меня окружили бойцы Той Стороны.

— Ну, что решили? — Лия прямо прыгала от нетерпения.

— Дуэль, — гордо ответил я.

— Кто с кем? — деловито поинтересовался тролль.

— Я с магом Огня.

— Ты что — с ума сошел? — вытаращился на меня Дехор. — Или выступлений в амфитеатре насмотрелся? Ты к ней даже не подойдешь, а болты арбалетные она может сжечь на лету…

— Сильная? — перебил огра Рапет.

— Не знаю, вроде бы да, — ответил я. — Поздно уже все менять. Делаем так…

Под сочувственными взглядами бойцов я изложил свой план, вернее ту часть плана, которую им полагалось знать. Взглянув на отряд Этой Стороны, я понял что Ама тоже справилась со своей ролью. После этого наши отряды не сближаясь, но и не отдаляясь друг от друга, двинулись в сторону крепости Мертвых, темнеющей на горизонте. В тишине и напряжении, внимательно следя за противниками, обходя глубокие овраги и заросшие кустарником лощины, мы продвигались в глубину Ничейной Территории. Вскоре замок Мертвых своей громадой закрыл от меня часть неба. Сооружение чем-то напоминало Огрбург, такое же расположение в скале, такая же стена, окружающая здание. Естественно, замок Мертвых был значительно меньше города-муравейника (минимум на два порядка), но общее впечатление производит похожее.

Наши отряды встали неподалеку от огромных ворот, ведущих во внутренний двор крепости. Расстояние между отрядами составляло уже примерно сто метров, и о чем говорят противники, слышно не было.

— Я пошел, стоим тут — ждем меня с победой! — весело сказал я и под взглядами нашего отряда, полными дружеской поддержки, развернулся и пошел вдоль стены слева от ворот. Оглянувшись, я увидел, что Ама тоже направилась вдоль правой стены прочь от своей группы. Сами отряды остались стоять на месте, внимательно следя за действиями соперника. Такая ситуация меня более чем устраивала.

«Рыжик, следи, чтобы ко мне никто не подошел, когда с Амой говорить буду», — озадачил я кота.

«Иди, разговаривай — все сделаю», — успокоил меня рыжий дозорный и передал образ зоркого огненного воина, обозревающего враждебное окружение, у лап которого спокойно играли зеленый котенок с клыками и маленькая солнечная

кошечка в железной кольчужке.

Я улыбнулся и двинулся дальше, не забыв при этом настроить сканер на максимальный радиус обнаружения враждебных объектов. Мертвые на сканере не отражались, так что я спокойно шел вдоль стены, ни на что лишнее не отвлекаясь. Как я уже успел выяснить у Рапета — стена крепости являлась границей действия заклинаний замка. Выйдя за периметр стены, живой мертвец мгновенно становился быстроразлагающимся трупом — так что неожиданной и ненужной встречи произойти, по-идее, не могло.

До предполагаемого места встречи я добрался первым. Выбрав небольшой пригорок, чтобы меня было видно издалека, я уселся на его вершине и стал поджидать взрывоопасную дамочку. Рыжик вертелся неподалеку и следил за окрестностями, но ко мне не лез. Минуты через три на сканере показалась точка, и тут же из-за стены показалась маленькая фигурка, спешащая сюда. Увидев меня, спокойно сидящего на вершине, Ама замерла на секунду, а потом решительно взбежала на пригорок и встала рядом.

— Ну, орк! Я тебя слушаю, но учти — одна ошибка и будешь гореть синим пламенем, — сказала могучий маг Огня, и это была вовсе не аллегория.

— Опасная ты дама, Ама. Но выглядишь по-прежнему просто великолепно! — сказал я, и на лице мага Огня мелькнуло узнавание, и после этого сразу сомнение.

Деваться было некуда, и я еще разок оглянулся, чтобы удостоверился в том, что никого постороннего рядом нет. После чего отвернулся от Амы (зачем зря женщину нервировать) отстегнул коллоидную маску и вытащил изо рта вставную челюсть. Лицо сразу стало каким-то голым, а во рту явно чего-то не хватало. После этого я повернулся к Аме, и встретился с широко раскрытыми от удивления глазами.

— Зеленая кожа — это краска, — сказал я, поставив последнюю точку. — Вот теперь решай.

Я сидел на земле и смотрел на удивленную светлую эльфийку, которая подошла ко мне, застыла в метре, внимательно всматриваясь в мое лицо, а потом протянула руку и провела ладонью в сантиметре над кожей. Я почувствовал жар, исходящий от ее кожи.

— Ама, ты же как уголек прямо из костра, — пожаловался я. — Горячо!

— Прости, — ошарашено извинилась Ама, по-прежнему плохо веря своим глазам.

— Можно я снова в орка перекинусь? — попросил я. — В целях конспирации. А то столько сил уже потрачено, чтобы сюда добраться. Примерно столько же, как в тот раз.

— Давай, только не отворачивайся — интересно! — улыбнулась маг.

Я вставил в рот челюсть, на что Ама чуть не захлопала в ладоши, и попросила не надевать пока маску. Посмотрев на мою человеческую физиономию с огромными клыками, Ама залилась звонким смехом, как колокольчик, и потом разрешила мне надеть маску. Когда процедура прикрепления к лицу коллоидной маски завершилась, Ама еще раз внимательно меня осмотрела, и снова провела ладонью в сантиметре от моего лица.

— Нет, не вижу разницы, — расстроено сказала эльфийка. — Орк и есть орк, никаких отличий.

— Если бы отличалось — как бы я тогда с ними в одном отряде был? — поинтересовался я.

— Резонно, — согласилась Ама, а потом протянула чуть расстроено: — Только как мне отличать теперь такого духа, как ты, от обычного орка?

— А зачем тебе? — удивился я.

— Прибью вот тебя в следующий раз — узнаешь, — пригрозила маг Огня.

— Ты не волнуйся, таких как я — очень мало, наши в основном одиночки. А в ваши трения с Той Стороной наши вообще никогда не лезут, — успокоил я дамочку, — Будь я один — ты бы меня и не заметила. Мы прятаться умеем лучше вас. Так что шансов почти нет. То, что мы встретились сейчас — это вообще невероятная удача.

— Успокоил, — сказала Ама, а потом с улыбочкой поинтересовалась: — А если бы меня тут не было — ты бы моих друзей помог убивать?

— Ама, ну ты же есть, о чем гадать? — резонно возразил я. — Так можно дойти до предположений: а что было бы, если бы одна знакомая эльфийка, маг Огня, мужчиной родилась?

— Да ну тебя, Тим, спорить с тобой бесполезно, — коротко хихикнула Ама и потом с улыбкой добавила: — Сними еще раз орка с себя, прошу! Так завораживает!

Я не стал спорить, и под восторженным взглядом Амы снял с лица коллоидную маску, потом вытащил изо рта вставную клыкастую челюсть. Подмигнув довольной эльфийке, через минуту я снова стал выглядеть, как обычный орк из тейпа Грым. Это все, конечно, было жутким нарушением профессиональных инструкций и положений о контактах, но, подумав о том, какую собаку мне подсунули в комитете с этикетом (вернее — его

отсутствием), я заглушил попытки сопротивления своей джисталкерской совести воспоминаниями о Джине и Правителе орков. И потом — я вовсе не собирался включать этот случай в свой отчет.

— Что, опять за какими-то сокровищами сюда? — поинтересовалась Ама, когда нагляделась на мою зеленую физиономию.

— Угадала. Ты, как всегда, очень проницательна, — улыбнулся я в ответ. — Сможешь своих увести?

— Уведу уж, куда от тебя деваться, — согласилась эльфийка.

— Спасибо, — поблагодарил я и тут же поинтересовался: — Ама, расскажи, как там наши все? Что делает Апик? Цвета и Гром поженились? Как здоровье тетушки Хтаны? Словом, все рассказывай!

— А я уж думала, что так и не спросишь, — снова улыбнулась Ама и начала рассказывать.

Профессор Апик еще некоторое время покрутился на границе, потом его присутствие снова потребовалось в университете магии, и он вернулся к научно-преподавательской работе. Цвета и Гром, естественно, поженились. Великий Хан присутствовал на свадьбе и подарил молодым табун жеребцов с золотыми уздечками (по слухам — в два раза больше того, что воин в свое время сдал на нужды армии). Вскоре Гром получил звание тысячника, и сейчас он — военный комендант большой крепости на границе Ничейной Территории, как я понял по объяснениям Амы — километрах в пятистах отсюда. Цвета, естественно, сейчас там главный лечащий жрец. Гром Над Головами Врагов — самый молодой тысячник в войске Великого Хана Степи. Лайна по-прежнему работает в храме Некро в Вихрь-городе. Тетушка Хтана все так же глава факультета Тверди в том же Вихрь-городе. Где находится Дельф, Ама не знала.

— Ну, про тебя все ясно, алчный дух, — улыбнулась эльфийка когда закончила свой рассказ. — Опять ищешь что-то, ценимое только у вас?

— Угадала, красавица, — улыбнулся я в ответ. — Вот — в крепость мертвых занесло…

— А зачем ты с Той Стороной? — поинтересовалась Ама. — Что — на нашей стороне нет хороших бойцов?

— Да дело не в этом, — начал я. — В начале я даже не представлял, что дорога меня сюда приведет.

После этого я вкратце рассказал магу Огня про заказ на арбалет Кепеба, и как я дошел до жизни такой, что оказался на Ничейной Территории с отрядом воинов Той Стороны.

— Все, ничего больше знать не хочу, — твердо прервала меня

эльфийка. — Сейчас наговоришь мне — я орков любить начну. Смысл жизни потеряю. Не надо мне лишних знаний!

— Уже молчу, — поспешил успокоить я боевого мага.

— Все, давай иди к своим, — решилась эльфийка. — А они в спину не ударят?

— Не должны, — успокоил я Аму. — Сильные и гордые воины.

— Удачи тебе Тим. Будешь у нас — найди меня, если это возможно. Новый смысл в жизни появляется, если ты рядом, — сказала эльфийка, глядя мне в глаза.

— Хорошо, — ответил я. — И спасибо тебе за все, маг Огня. В прошлый раз так и не смог тебя отблагодарить.

— Тебе спасибо, дух, — улыбнулась в ответ Ама. — За веру в чудеса.

После чего маленькая рыжая дамочка в мифриловой кольчужке резко развернулась и, не оглядываясь, посеменила в сторону своего отряда. Я посмотрел ей вслед, вздохнул и тоже пошел к своим воинам вдоль другой стены.

Воины Этой Стороны заметили Аму одновременно с тем, как Дехор увидел меня и громко оповестил об этом наш отряд. Бойцы в обоих отрядах удивленно загомонили — возвращались оба поединщика без видимых следов тяжелой схватки.

— Ничья, — успел я прервать поток вопросов, подойдя поближе. — Но ничья в нашу пользу, поэтому они уходят.

Члены моего отряда удивленно замерли и, не сговариваясь, повернули головы в сторону врагов. Тот отряд с точно такими же удивленными минами в этот момент уже усаживался на коней. Ама застыла над ними на машущей крыльями саламандре и что-то с сердитым лицом выговаривала изумленному седому мужчине. Потом саламандра взмыла вверх и через секунду уже летела в сторону Этой Стороны. Вражеский отряд в это время уже оседлал своих скакунов, седой предводитель помог устроиться на седле перед собой грозной гномочке, еще раз пораженно взглянул в нашу сторону и все кони поскакали вслед за улетевшей саламандрой. Ама сдержала слово — последнего препятствия перед крепостью Мертвых больше не существовало.

— Я ничего у тебя не буду спрашивать. Но я очень удивлена, — озвучила мысли всех наших бойцов гоблинка, глядя мне в глаза.

— Вот и хорошо, — сразу согласился я с тем, что спрашивать меня никто ни о чем не будет. — Рапет, мы идем в крепость Мертвых, или тут всю жизнь будем стоять?

— А, да, точно, — встряхнулся тролль и снова взял

управление в свои цепкие руки. — Все готовы?

— Да, — стройный хор голосов вспугнул бы птиц с деревьев, если бы птицы жили в этой местности.

— Ну, тогда вперед! — сказал тролль, радостно оскалившись, и двинулся в сторону ворот. Я пошел за ним, стараясь не думать ни о чем, кроме предстоящей схватки. Остальные потянулись следом.

Почти в центре Нейтральной Территории с незапамятных времен возвышалась не разрушенная крепость Мертвых, огороженная со всех сторон пятиметровой стеной. К единственным открытым воротам, ведущим в замок, подошла группа сосредоточенных бойцов. Сутулый синекожий тролль в балахоне мага Холода отдал резкую команду, и отряд мгновенно построился. Огромный огр снял со спины щит и крепко сжал его в левой руке, правой поигрывая огромной булавой. Гоблинка, похожая на куколку-вампирчика, выдвинулась немного вперед и водила в воздухе руками, готовя какое-то заклинание. По бокам от гоблинки стояли оба мага и тоже готовились к бою. Джисталкер и рыжий кот являлись замыкающими в этом боевом построении. Человек сжимал в руке меч, готовый в любой момент сорвать с плеча арбалет, а кот был всегда готов ко всему, как древний земной пионер. Тролль-руководитель последний раз осмотрел всех, и общая картина его устроила. Взмахнув рукой, тролль рыкнул резкую команду, после чего отряд воинов Той Стороны пересек линию ворот и оказался на территории крепости Мертвых.

Работа 27. Боевая

Тяжело в учении –
И в бою тоже тяжело.

(горькая жизненная правда)

Перейдя линию ворот замка Мертвых, мы оказались во дворе, вымощенном каменной брусчаткой. Минуты две ничего не происходило, но Рапет не спешил вести отряд вперед, и мы стояли у ворот в напряженном ожидании. Потом вдруг что-то неуловимо поменялось, и у меня в голове застучало молотом одно слово:

«Началось!»

— Лия «толстого» держит, огр — второго. Я — волну, Делер и Тим ломают, — коротко напомнил Рапет тактику, и мы дружно кивнули в ответ.

Все двери, ведущие из каменного строения замка во двор, одновременно открылись и из них повалили толпы скелетов. Скелеты были в основном мелкие, причем не только прямоходящие. На нас, скрипя костями, неслись скелеты небольших собачек, котов, возможно гоблинов или гномов, но основная масса скелетов явно принадлежала когда-то огромным крысам. Каждый из этих костяков в отдельности ничего кроме смеха вызвать бы не смог, но их было ужасно много. Последними из дальних дверей вышли два огромных скелета, каждый ростом под четыре метра, с остатками плоти на костях. Лава мелких костистых некротварей неслась на нас волной, покрывая всю поверхность брусчатки двора, как взбесившаяся водная стихия, а за ней впечатывали огромные кости в пол два огромных костяка, возвышаясь над шуршащей толпой как утесы над морской гладью. Я в ошеломлении уставился на эту костяную лавину.

Рапет вышел вперед, взмахнул руками, и перед ним понеслась, пахнув во все стороны холодом, магическая волна. Как только магическое холодное поле задело первые ряды скелетов, они вдруг резко замедлили движение. Волна холода прошла через костяную волну, и движения мелких врагов стали напоминать замедленные кадры из фильма. Тролль, не останавливаясь, послал вторую волну. На двух огромных зомби с остатками плоти на костях волны магии Рапета не подействовали, они быстро обогнали резко затормозившую лавину мелочи и громадными шагами начали сокращать расстояние с нашим отрядом.

Первого зомби взял на себя Дехор, ловко приняв на щит удар

костистой руки, размером превосходившую булаву воина. Ответный удар огра зомби на удивление ловко парировал другой рукой, и два гиганта закружились в боевом танце — обмене ударами. В этот момент подтянулся второй «толстый», как его назвал наш лидер-тролль. Лия взмахнула ручками и запустила в зомби обычным лечащим лучом, которым, как я неоднократно видел, лечили тут легкие заразные болезни вроде гриппа или ОРЗ. Эффект был неожиданный — вокруг громадного врага оплелись эфемерные полупрозрачные цепи, зомби застыл не в силах шевельнуться, и только выпученный полусгнивший правый глаз бешено вращался в глазнице. Через пять секунд чудовищное порождение некромантии сделало полшага, цепи распались, но отважная гоблинка в этот момент уже стояла рядом и запустила новый луч, после чего полупрозрачные цепи снова оплели зомби.

— Тим, не спать! — рявкнул Рапет, и я отвлекся от удивленного созерцания чужого ратного труда — мою нудную боевую работу за меня никто делать не собирался.

Два мага занимались толпой небольших тварей, ковром покрывающих брусчатку двора. Рапет замедлил скелетов, и теперь они передвигались как древние неловкие механические игрушки. Делер шептал магические плетения, и с его пальцев срывались смерчи, которые разбрасывали мелких некротварей по всему двору. Часть скелетиков от его смерчей разбивалась об стены и об пол, но другая часть была на диво крепкой и оставалась целой, несмотря на многочисленные удары о камни — вот ими и должны были заниматься я и Рыжик. Бой по напряженности и драматизму я бы сравнил с прополкой грядки от сорняков. Бегаешь по всему двору по щиколотку в мешанине из костей, которые при этом слабо шевелятся и хрустят под подошвами, и бьешь мечом медленно двигающиеся конструкции из тех же костей. Нудно — но нужно. Рыжику, впрочем, это гонянье по двору за медленно ковыляющими ажурными костяными конструкциями нравилось. Так что совместными усилиями мы довольно быстро превратили огромную толпу мелких скелетов в костяную муку и вернулись к огромным зомби.

Лия четко обездвиживала одного «толстого», а вот со вторым у Дехора наметилась некоторая проблема. Громадный зомби уже несколько раз получал страшные удары булавой, но на нем это отражалось слабо. Кости твари оказались на диво крепкие и разве что чуть сместились со своих мест, так что в противостоянии зомби и огра явно наметилась долгая и напряженная ничья. Я подскочил к зомби сзади и рубанул под коленку. Высокотехнологичный меч меня не подвел и чисто разрезал на две части громадный коленный сустав некротвари. Зомби

заскрипел, завалился на бок и через секунду уже скреб руками по булыжной брусчатке в безуспешных попытках подняться на ноги. Дехор не мешкая начал припечатывать голову и другие части тела зомби к полу своей булавой, и я помогал ему, рубя крепкое тело ходячего мертвеца в мелкий винегрет. Рапет и Делер нам помогали, а Рыжик с гордым видом стоял в сторонке. Потом огр взял на себя второго «толстого», освободив гоблинку от парализационной работы, и мы столь же успешно прекратили в этом зомби иллюзорную жизнедеятельность.

— У тебя меч некромантией укреплен? — радостно спросил меня Рапет когда мы расправились со вторым «толстым».

— Эээ… — замялся я на секунду. Ну не рассказывать же про высокотехнологичное железо древнему магу-троллю, поэтому я и сказал: — Да, именно так, как ты и говоришь!

— Отлично! Редкая удача, — обрадовался Рапет. — На следующую волну тактика меняется. Тим — ты в группу к «толстым». Мы с Делером держим волну. После — все на «мелких».

— Да, — хором согласились мы с новой тактикой, и в это время поперла вторая волна мелких тварей, укрепленная огромными крепкими зомби. На этот раз мелочи было немного меньше, зато четырехметровых скелетов с кусками полуразложившейся плоти было целых три.

В этот раз разобрать волну из скелетов на костяные запчасти удалось значительно быстрее. Тролль волнами холодной магии затормозил мелочь. Огр занялся одним «толстым», вторая глупая тварь пыталась поймать шустрого мага-орка, постоянно двигаясь против ураганного ветра, а гоблинка нейтрализовала третьего крепыша эфемерными цепями. Мы с огром буквально за двадцать секунд раскрошили первого, потом так же быстро разобрали на запчасти того, который гонялся за орком, за ним пришел черед и Лииного зомби. А вот потом, в деле уничтожения заторможенной мелочи, Дехору равных не нашлось. Четырехсоткиллограмовый огр с громадной булавой в одной руке и огромным осадным шитом в другой превратился в передвижную кофемолку, которая с невероятной скоростью крутилась вокруг своей оси, только вместо зерен кофе предметом помола служили скелеты мелких тварей. Дехоровы булава и щит, бьющий скелетов ребром, остальным членам нашей группы работы просто не оставили.

— Отлично справились, — похвалил нас тролль, когда прекратилось последнее шевеление костей без мяса во дворе замка. — Сейчас еще две-три волны, и все — продвигаемся дальше.

«Странно Рапет относится к боям. Ни тебе адреналина, ни

восторга от схватки. Не бой, а конвейерная разборка скелетных конструкций», — разочарованно подумал я, следя за действиями нашего лидера. Мне самому все виделось совершенно в другом свете.

«А мне нравятся такие Вожаки. Я тоже буду таким», — неожиданно влез Рыжик.

Я показал ему язык, а он передал мне образ зеленого котенка, гоняющегося за таким же зеленым скелетиком, и тут пошла третья волна (стало не до разговоров). После того, как мы снова разобрали костяные конструкции на запчасти, а запчасти перемолотили в костную муку, последовала небольшая передышка — и навалилась следующая волна. В четвертой волне огромный зомби был один, зато мелочи было жуть как много. Правда, если маленьких тварей в первых волнах я бы назвал отборными мелкими скелетами, то эту волну иначе как «последняя попытка» назвать было нельзя. Костяков крупных крыс, скелетов гоблинов, гномов и собак уже не было. Мыши, крысята, кривобокие кошачьи скелетики, часто без полного набора ног. Замок Мертвых на этот раз плюнул в нас явной некондицией. Единственная опасность — их было ужасно много. Впрочем, для замедляющей магической волны Рапета, а потом для огромной булавы Дехора количество значения не имело, так что мы размолотили эту волну за рекордно короткий срок.

На большом дворе крепости булыжной мостовой видно не было. Весь двор покрывал ровный ковер десятисантиметровой толщины, состоящий из перемолотых костей, остатки которых забавно хрустели под подошвами. Рыжику этот хруст под лапами ужасно не нравился, и он старался передвигаться по краю двора, где иногда встречались участки каменной брусчатки. Остальные бойцы нашего отряда спокойно хрустели по костям, высматривая крупные куски, которые тут же общими усилиями измельчались в муку. Наконец лидер-тролль остался доволен результатами нашего труда, окинул зорким взором замусоренный костями двор крепости, и потом сказал:

— Тут все отлично. Идем в коридоры. Все помнят построение?

— Да, конечно, уху, естественно… — нестройным хором ответили мы.

Тролль подошел к большому дверному проему и застыл, всматриваясь в темноту. Чуть впереди и справа от него глыбой встал огр. За спиной Дехора пристроился я, спрятав меч и достав арбалет. За Рапетом встал Делер, а Лия и Рыжик оказались замыкающими. Тролль махнул рукой, и мы вошли в огромное здание крепости Мертвых.

Мы бесшумно шли по коридору, вслушиваясь в тишину. Напряжение звенело в воздухе. Все ждали следующего врага, но первым его заметил, конечно же, Рыжик.

«Какая гадость», — сказал мне кот, и его аж передернуло. Хвост встал трубой, шерсть вздыбилась, а уши прижались — Рыжик закрылся от контакта.

— Медуза. Дехор давай! — скомандовал тролль, и огр с жутким ревом рванулся вперед по коридору.

И тут я увидел эту мерзость. Некроплазменная медуза. Если взять пятиметрового глубоководного кальмара (бывают ли такие — не знаю) и поставить его носом в землю, а щупальцами в потолок — это будет чем-то напоминать эту тварь. Далее — в щупальцах кальмара должны иногда возникать странные завихрения, которые преобразовывались в кольца, чем-то похожие на дымные. Эти колечки обтекали тело кальмара и уходили в землю. Кстати — плоти как таковой у этой твари нет, одна некроплазма. Касаться ее — все равно, что хватать обычную низкотемпературную плазму (например, пламя свечи или костра) — не смертельно, но очень неприятно. И еще эта тварь нас явно видела, хотя чем она может смотреть — совершенно непонятно. По некро-медузе прошла рябь, как при легком сбое передачи цифрового объемного изображения, и в нашу сторону полетел, искрясь в воздухе, шар некроплазмы. Рапет тут же послал ему навстречу грозовую тучку размером с воздушный шарик. Две магические субстанции столкнулись и с шипением нейтрализовались.

— Все на места, — стегнул как плеткой голос Рапета, и мы развили бурную деятельность.

Дехор подбежал к эфемерному созданию и начал бить ее своей жуткой булавой. Это было так забавно, что я чуть было громко не засмеялся, наплевав на свою работу. Вы пробовали когда-нибудь бить палкой пламя костра? Нет, не дрова под костром, а именно само пламя. Так вот — эффект был примерно такой же. Булава со свистом проходила сквозь тело медузы, не нанося никакого видимого вреда. Тварь пыталась соприкоснуться с огром, но он ловко маневрировал, отступая и прикрываясь щитом, продолжая при каждом удобном случае махать своим оружием сквозь некроплазму. Через некоторое время я заметил эффект от этого вроде бы бестолкового занятия: тварь стала чаще замирать на месте и усиленно пускать через свое тело колечки. В какой-то момент к огру присоединились орк и тролль. Маги подошли почти вплотную к некро-медузе и выпустили из рук магические лучи, которые они направили прямо в куст щупалец.

Гоблинка встала за спиной огра и плела лечебные заклинания, укрепляя нашего могучего танка, отвлекающего на себя все внимание некротвари.

— Тим! Не спать! — рявкнул Рапет свое любимое выражение, я встрепенулся и занялся своей частью работы.

Призрачные щупальца над головой жуткого магического порождения волнообразно колыхались, и к ним из стен коридора начали устремляться маленькие магические шарики. Мертвая некро-медуза окончательно подыхать почему-то не хотела и вытягивала из крепости-артефакта шарики некроплазмы, надеясь ими подкрепиться. В мою задачу входило уничтожение этих летающих объектов посредством стрельбы. Шарики двигались не очень быстро, так что стрелял я весьма комфортно, как в тире. Одного болта на шарик некроплазмы обычно не хватало, но после второго он лопался как мыльный пузырь, в отличие от радужного собрата издавая при этом громкий визг.

— Подходим! — скомандовал наш лидер, и мы подскочили к агонизирующей медузе почти в упор, не переставая заниматься каждый своим занятием.

Тварь мелко задрожала, и вдруг с ее щупалец сорвалось огромное кольцо, которое не пошло вдоль ее тела, а прямо над нашими головами расширилось в стороны, а затем опустилось за нашими спинами, продолжая расширяться все больше и больше, пока не скрылось в стенах коридора.

— Расходимся, — дал команду Рапет, и мы раздались в стороны, пропуская перед своим носом новое призрачное кольцо, на этот раз ушедшее в пол.

Мы повторили такие маневры еще раза три-четыре, и под конец некро-медуза очень неэффектно и обыденно растаяла в воздухе, как привидение в древних мультфильмах. На месте распада некромедузы остался лежать маленький мутный кристалл, который тут же подобрала Лия и засунула в свою сумку.

— Тим, невнимательно работаешь, — сделал мне замечание Рапет после боя.

— Виноват, исправлюсь! — отрапортовал я, тролль кивнул и мы двинулись дальше.

— А что это за штуку ты подобрала? — тихонько спросил я у гоблинки.

— Для алхимии штучка. Один золотой стоит, — прошептала Лия. — В Огрбурге продам.

Через пять минут аккуратного следования по темному коридору замка нам встретилась еще одна некро-медуза. Бой с

этой тварью был точной копией предыдущей схватки, разве что я больше не спал и делал свою часть работы четко и вовремя. Мы двинулись дальше, и буквально через десяток шагов Рапет замер на месте, подняв руку вверх и всматриваясь в коридор перед нами. Потом он оглянулся, поймал мой взгляд и махнул рукой, приглашая меня подойти. Я осторожно подошел к троллю, после чего он указал мне пальцем в конец коридора. Коридор заканчивался дверью, а рядом с ней застыли две колоды. Вернее даже не колоды, а два больших пенька, непонятным образом проросших прямо на каменном полу.

— Левый твой, — прошептал Рапет. — Тащишь его во двор, потом по кругу вдоль стены протащи раза два, а потом снова сюда ведешь. Мы к этому времени разберемся с первым. Словом — все как я объяснял. Вперед.

— Понял, — кивнул я и достал из-за плеча арбалет.

Прицелившись, я всадил болт прямо в ствол левого пенька. Пенек тут же на меня посмотрел. Глаз у монстра не было, и чем он на меня посмотрел — я не понял, но то, что посмотрел — это было абсолютно точно! Это еще что, потом этот пенек вдруг громко и отчетливо сказал:

— Овечка моя пришла! Я так ждал овечку мою! Иду я к овечке!

После этого пенек вдруг резво побежал (при полном отсутствии ног) ко мне, продолжая бормотать про овечку. Второй пенек встрепенулся и рванулся следом за первым. Я всадил второй болт в первого пня, развернулся и побежал по коридору к выходу. За мной, не обращая никакого внимания на других членов нашего отряда, неслись два невысоких пенька, непрерывно бормоча про овечек. Когда второй пень пробегал мимо Дехора, тот размахнулся и врезал по нему булавой. Пенек был размером чуть больше оружия огра, и я подумал, что он отлетит от такого удара на десяток метров. Не тут то было — эта странная тварь совсем не изменила своей траектории движения, либо нарушая все законы физики, либо обладая при небольшом объеме огромной массой. Пробежав еще немного за первым пеньком, второй остановился и, радостно бурча про большую и вкусную овечку, развернулся и двинулся к огру. Что было дальше — не знаю, так как к этому времени я как раз забежал за угол, преследуемый первым пеньком.

Я бежал довольно быстро, а когда пенек отставал, останавливался и всаживал в монстра очередной болт. Единственной реакцией на смертоносные стрелы у пенька были новые вопли про овечек. Я и до этого случая не очень-то любил самок баранов, но после встречи с некро-пнями к этому слову, да

и к мясу «баранина», у меня возникло стойкое отвращение.

— Овечка моя, толстая овечка, пушистая овечка! — приговаривал на все лады пень, продолжая бежать за мной.

— Сам ты овечка глупая, старый пенек… — бормотал я на бегу для самоуспокоения.

Пню на мои слова было наплевать, и он продолжал преследование, бормоча ненавистное словечко. В таком темпе мы выбежали во двор, покрытый ковром из перемолотых костей. В них я немного забуксовал, и скорость бега замедлилась. Пень же напротив — даже прибавил ходу. Колода, издали похожая на деревянную, неслась по костям как глиссер по воде, и за ним разлеталась костяная мука, как веер брызг за водным лыжником. Останавливаться и постреливать в преследователя мне стало некогда. Я рванул со всех ног вдоль стены, окружающей двор, а за мной летел как моторная лодка любитель баранины. Намотав три круга, я решил, что с меня довольно и снова забежал в коридор. Добежав до места предполагаемой схватки, я увидел скучающих ребят.

— Что ты там так долго? — удивился Дехор.

— А мы думали, что тебя уже съели! — радостно крикнула Лия.

— Мимо огра пробежишь — сразу падай, — не стал размениваться на лишние слова Рапет, привычно координируя наши действия.

Я не стал вступать в переговоры на бегу и когда пробежал мимо огра, на самом деле поскользнулся и шлепнулся на каменный пол. Дехор в этот момент двинул пня булавой и, не прерывая движения руки, еще и второй раз ударил сверху и потом добавил щитом.

— Овечка моя! — радостно взвыл пенек и переключился на огра.

Бой некропня и могучего огра я бы назвал древним аналогом тенниса. Пень бросался на Дехора и с гулом бился в щит, причем огромный боец немного отступал под этим бешеным напором. После этого огр делал резкий разворот корпуса и бил по твари своей булавой как теннисист по мячику ракеткой. Некропня отбрасывало на пару шагов, и затем он снова бросался на нашего танка, ударяясь о поставленный щит, как теннисный мяч о стену во время тренировок, разве что отскакивал не так далеко. Так они поколотились некоторое время друг о друга, а потом в дело вступили маги. Делер и Рапет направили на врага светящиеся потоки силы своих школ магии, Лия укрепляла Дехора, я переводил дух после забега, а Рыжик с интересом за всем этим наблюдал. Около минуты ничего не происходило, а потом пень

вдруг тихо лопнул, и на пол плюхнулась темная вонючая жидкость, которая тут же непонятным образом впиталась в каменную поверхность.

— Двинулись дальше, — скомандовал тролль, и мы снова организовались в построение.

По коридорам замка Мертвых шел отряд воинов Той Стороны. Встречая нечисть, группа бойцов без лишних слов и телодвижений, четко следуя указаниям собранного тролля, устраняла врагов. Бои мало напоминали жаркие схватки, и больше всего походили на прохождение полосы препятствий каким-нибудь слаженным десантным взводом. Некро-медузы, огромные скелетоны-зомби и некропни — любители баранины, все они по четкому и отработанному сценарию отправлялись в небытие. Очередную победу отряд встречал как нечто само собой разумеющееся, и никаких восторгов себе не позволял. Джисталкер поначалу с интересом воспринимал каждый бой, но потом увлекся монотонным процессом и, ни о чем умном не думая, выполнял четкие и скупые команды опытного мага-тролля. Единственным существом в группе, которому было все ужасно интересно, оставался большой рыжий кот. Кот брезгливо обходил последствия работы отряда и постоянно вертел головой, получая новые впечатления, оставив возможность подраться этим беспокойным двуногим созданиям.

Работа 28. Драчливая

Ты великий, ты могучий!
Но видали мы покруче…

(мантра стайки мосек перед дракой)

Неспешно уничтожая всю встречную некронечисть, наш отряд уверенно продвигался в глубину замка Мертвых. Из медуз выпадали невзрачные мутные кристаллы, похожие на выпаренную соль, которые все члены нашего отряда брали себе в порядке очереди. Я от своей доли отказался, так как в классификаторе трикета эта добыча значилась как очень нестабильная, и при переносе на Землю почти мгновенно деструктуризирующаяся. На мой альтруизм никто особо не возражал. Больше никакой добычи не было, хотя мы и пахали на ниве уничтожения мертвецов как рабы на плантации.

«Потому в мире Ворк и нет искателей сокровищ в таких местах. Работы много — добычи кот наплакал», — подумал я, рубя очередного огромного зомби.

«Коты не плачут, они гордые», — сразу поправил меня Рыжик, и передал образ зеленого клыкастого орка, который ревел в три ручья сидя на полу.

«Люди тоже не плачут, они дерутся — пока коты ленятся», — парировал я.

«Без тролля ты бы тут даже во двор войти не смог. Так что давай, работай», — не очень последовательно, но зато очень правильно ввернул Рыжик, на что я не нашелся чем возразить.

Победив в теоретическом диспуте, кот снова занялся изучением очищенной части замка Мертвых, а мы монотонно продолжали очистительные мероприятия.

— Ты же говорил, что встречаются более пятидесяти видов зомби, — спросил я Рапета, когда очередная некромедуза растаяла в воздухе и мы плюхнулись на пол, для того чтобы перевести дух. — А тут всего три вида.

— Так я тебя в оружейную комнату веду, — удивленно ответил тролль. — Это на первом этаже тут недалеко. Еще есть четыре этажа подземелий и три этажа самого замка. Экскурсию захотелось?

— Нет, — поспешно сказал я, чем заслужил добрую тролльскую клыкастую улыбочку.

— Некоторые твари могут сюда забрести, — успокоил меня

тролль напоследок, вставая на ноги. — Все, заканчиваем передышку, а то так до утра на одном месте просидим. Вперед!

Мы, кряхтя, поднялись на ноги и продолжили кропотливый труд по временному очищению замка Мертвых от коренных обитателей этого гостеприимного местечка. Вскоре, нейтрализовав очередных пеньков — любителей баранины (успел возненавидеть их больше всего — столько я давно уже не бегал), мы застыли у больших двухстворчатых дверей, которыми заканчивался этот бесконечный коридор.

— Легкая часть закончилась, — сказал Рапет, серьезно оглядев нас. — Теперь каждая ошибка может стать последней.

Мы застыли и изобразили на своих клыкастых физиономиях готовность идти за своим командиром хоть на край света. По-видимому, у нас неплохо это получилось, так как тролль удовлетворился нашим молчанием, скорее всего — приняв его за знак согласия.

— Кто что делает, не забыли? — не удержался и спросил все-таки Рапет напоследок.

— Да, нет, помним, знаем, — ответили мы в разнобой.

«Все же в армейских уставных ответах есть определенный смысл», — подумал я после этого.

— Ну, тогда вперед. Огр — начинай! — резко скомандовал тролль и рывком распахнул двустворчатую дверь. Дехор дико взревел и забежал в комнату. Следом за ним туда же вбежал весь наш отряд во главе с Рапетом.

Огромную круглую комнату (диаметром примерно метров тридцать) в которой мы очутились, я бы даже назвал залом. В центре зала находилась арена метров десяти в диаметре, которую окружали уступами восемь кругов сидений. Этот мини-амфитеатр, в свое время наверняка использовавшийся для развлечений жителями замка, сейчас заселяло жуткое существо. Прямо посредине арены стоял громадный пятиметровый огр, одетый в гнилую кожу, ветхие грязные тряпки и ржавые доспехи, и улыбался беззубым ртом. Надо ли говорить, что этот огр был живым мертвецом? Думаю — не надо. Без клыков рот огра смотрелся жутко неестественно, и на этом фоне уже не так впечатляли немигающие глаза монстра, горящие холодным синим огнем. В руках великан сжимал двуручный молот, который, казалось, был выточен из целого каменного утеса. Эта кувалда, по моему мнению, имела длину рукояти метра три и заканчивалась отбойной частью размером с небольшой холодильник.

Дехор на секунду замер, пораженный зрелищем могучего

мертвяка, но потом взревел еще яростней и бросился, прыгая по уступам сидений, вниз на арену. Комната затряслась от могучих ударов сапог нашего огра о каменную поверхность. Мертвый огр, стоящий посредине арены, как-то очень странно рыкнул (то ли шикнул, то ли кашлянул), и сделал неуклюжий шаг навстречу Дехору. От одного этого шага пол в комнате дрогнул гораздо более ощутимо, чем от прыжков живого огра. Через секунду гиганты сшиблись, и это мне ужасно напомнило столкновение борцов сумо в первые секунды схватки. Впрочем, последующее противостояние тоже было похоже на эту борьбу, разве что правил, прекращающих состязание, предусмотрено не было. Да и махали могучие пузатые атлеты не пустыми руками, а железными и каменными орудиями убийства. Мертвый огр больше чем на две головы повышался над живым, и Дехор начал постепенно отступать, сдавая под напором более могучей силы.

— Близко не подходим, — крикнул Рапет, перекрыв лязг издаваемый оградами. — Лия, все силы на Дехора!

Мы разошлись по периметру комнаты, а гоблинка смело встала за спиной нашего огра, похожая на трехгодовалого ребенка стоящего у ноги взрослого мужчины, и запела магическое плетение, вливая в Дехора энергию. После этого отступление нашего огра прекратилось, и на маленькой арене замерло шаткое равновесие, сопровождаемое жутким лязгом бьющегося друг о друга железа и камня.

— Ждем, — крикнул тролль и начал плести заклинание.

Через некоторое время вокруг Дехора образовался купол защиты, который вскоре со звоном осыпался от очередного удара мертвяка. К этому времени Делер как раз наложил новое защитное плетение на нашего огра, которое тоже вскоре оказалось разрушено бешенным напором огра-зомби. Маги по очереди накладывали защитные заклинания на Дехора, гоблинка усиливала лечебной магией нашего живого танка, а я прохаживался рядом и бездельничал (Рыжик тоже, впрочем). Вдруг зомби прекратил все свои атаки и жутко завизжал, от чего я чуть не лишился слуха.

— Отходим и готовимся, — проорал Рапет, хоть я и с трудом услышал его слова сквозь визг мертвого огра.

Пятиметровый некро-огр стоял в центре маленькой круглой арены, подняв над головой свой ужасный молот двумя руками, и громко пел магическое заклинание визгливым голосом (мне кажется — иногда переходящем в ультразвук). Непонятные слова древнего языка, изредка угадывающиеся в этом оглушительном крике, одновременно и завораживали, и вселяли в душу ужас. На отбойнике жуткого каменного молота возник маленький шар

тьмы, который под визг огра начал расти, искрясь черными молниями. Когда размер шара достиг в диаметре метра, мертвый воин как-то даже величаво опустил молот на пол арены, похожий в этот момент на огромного штангиста, бросающего тяжеленную штангу на помост после взятия веса. При ударе этого сложного спортивного снаряда об пол шар тьмы оказался между наковальней поверхности арены и каменным молотом в руках мертвого спортсмена, и от этого взорвался с резким грохотом. После чего, как круг по воде от брошенного камня, во все стороны побежала черная волна, похожая на кольцо от табачного дыма.

Дехор и Лия успели отбежать примерно на пять метров, когда мертвый монстр ударил в пол под своими ногами. Так что все бойцы нашего отряда (включая Рыжика) оказались готовы к этому сложному моменту боя и одновременно высоко подпрыгнули, пропуская под собой волну, которая покатилась по комнате от удара каменного молота об поверхность арены. Чем бы закончился этот магический удар по моим ногам — я проверять почему-то не захотел. Когда наш отряд приземлился на пол после этого синхронного прыжка — все вернулось на круги своя. Дехор схватился с некро-огром, Лия занялась магическим усилением нашего огра, Рапет и Делер плели защитные купола, а Рыжик и я бездельничали. Второй визг и новую волну мы синхронно отпрыгали, после чего Рапет приказал:

— Начинаем атаку!

После этого маги вместо плетения защитных куполов занялись обстрелом мертвяка. Делер выпускал из ладоней молнии, соединяющие на долю секунды руки мага и голову некро-огра, а Рапет каждым взмахом посылал во врага небольшие ледяные сосульки, с огромной скоростью врезающиеся в тварь где-то в районе огромного живота. Подойти к жутко махающей огромным молотом неутомимой мельнице я не решился, и тоже занялся методичным расстрелом зомби с безопасного расстояния. При этом мы не забывали в случае необходимости синхронно подпрыгивать.

Схватка с могучим порождением некромантии, чудовищным огром некро-мутантом, благодаря все тому же троллю Рапету постепенно превращалась в нудный и однообразный трудовой процесс. Стреляем, отбегаем, подпрыгиваем — снова стреляем. Так бы мы, скорее всего, без лишних эксцессов постепенно и забили своего врага, но нам помешали это сделать. В дверь неожиданно вбежал огромный скелетон-зомби. Наш непогрешимый командир на секунду растерялся и удивленно взглянул на нового участника боя. Видимо, такое усиление врага

никак не входило в планы Рапета.

— Я им займусь, — крикнул я, и тролль благодарно мне кивнул, не отвлекаясь от своего основного противника.

Задачу по уничтожению четырехметрового скелета-зомби я решительно взял на себя, а вот как эту задачу выполнить — представлял себе плохо. Любой из тех ударов, которыми немногим ранее обменивались скелетон и Дехор, в лучшем случае переломал бы мне все кости, а в худшем я бы после него напоминал помидорину, уроненную с крыши небоскреба (естественно не в процессе полета, а после приземления). Идею, как победить скелетона, подсказал мой богатый жизненный опыт вкупе с практическими знаниями о боевых искусствах и теоретической базой истории развития человеческой цивилизации. Там где пасует сила — спасет ловкость! Причем желательно, чтобы ловкость эта была не моя.

«Рыжик! Отвлекай скелета», — попросил я кота.

И перед остатками носа зомби замелькала в воздухе рыжая пушистая молния. Кот использовал стены, пол, ступени и самого зомби как вспомогательное снаряжение для своих акробатических этюдов, и при этом умудрялся не только не попадаться в руки-крюки скелетона, пытающегося поймать рыжую бестию, но и отвешивать могучими лапами громкие плюхи по куполообразной черепушке. На крепком черепе скелета оставались почти незаметные царапины (все же очень крепкие это некро-твари), но цель была достигнута — зомби затоптался на месте, все свое внимание устремив на Рыжика.

Этой ситуацией грех было не воспользоваться. Я подкрался к скелетону с тыла (самым подлым образом) и, резко взмахнув мечом, перерубил твари коленный сустав. С грохотом (на секунду заглушившим шум основной схватки) зомби-скелет упал, и я тут же разрубил ему правый плечевой сустав. После этого пришлось спешно отпрыгнуть, так как тварь перестала обращать внимание на кота и полностью переключилась на меня. Но однорукая и одноногая нечисть, ползающая по каменному полу за мной, уже большой опасности не представляла. Я потихоньку отступал, отрубая куски от зомби и не забывая при визге огра синхронно прыгать вместе со всей остальной группой, и вскоре встал над едва дергающимся остатком огромного скелета. Дорога моего отступления была усеяна костяными запчастями. С гордым видом я взглянул на Рапета, и поймал обреченный взгляд нашего командира.

— Не успеваем! — крикнул тролль. — Дехор едва стоит! Лия почти без сил!

Я бросил взгляд на арену и увидел, что заявление Рапета не

является голословным и имеет под собой серьезные основания. Наш могучий танк тяжело дышал, с него градом катился пот и движения рук, сжимающих оружие, не так давно быстрые и стремительные, заметно потеряли в скорости. Его же мертвый противник, напротив, двигался так же уверенно, как в самом начале схватки. Гоблинка стояла у ноги огра и сосредоточенно плела свою лечебную магию, при этом ее обычно коричневая, как шоколадка, мордашка приобрела нездоровый беловато-серый оттенок. Надо было что-то срочно предпринимать.

Я быстро сорвал с плеча арбалет, переключил рычажок на автоматическую стрельбу и, наплевав на конспирацию, выпустил длинную очередь болтов прямо в шею жуткого огра-зомби. Десятисантиметровые тяжеленные металлические болты как гвозди из перфоратора рубили в шею толстяка, насквозь пробивая мертвую плоть. Расстреляв всю обойму, я быстро заменил магазин в арбалете, подпрыгнул, пропустив под ногами очередную некроплазменную волну, и новые тридцать болтов одной длинной очередью с неприятным хлюпаньем погрузились в горло врага. Рапет переключился и тоже начал бить некро-огра в шею ледяными снарядами, Делер жарил нечисть молниями, которые уже непрерывным изгибающимся лучом соединяли голову монстра и ладони мага, а Дехор гвоздил порождение некромантии из последних сил своей огромной булавой. И вот наступил момент, когда могучая шея мертвого воина не выдержала нашего общего напора, от очередного удара булавы Дехора голова зомби оторвалась от плеч и, отлетев на пару метров, шлепнулась на первую ступень сидений, окружающих небольшую арену. Огромная безголовая туша покачнулась и с жутким грохотом упала на каменный пол.

— Отходим! — успел крикнуть Рапет.

Мы, как тараканы на кухне при внезапном включении света, рванулись в разные стороны, а по жуткой туше поверженного врага покатилась волна, похожая на ту, что он пускал своим молотом по полу. Сначала взорвалась голова огра, лежащая на ступени, а через долю секунды лежащее на полу тело некро-огра тоже распалось, превратившись в застывшую над поверхностью арены жуткую тучу песка, и к нам снова покатилась некроплазменная волна. Мы подпрыгнули и все как один были брошены на пол порывом ветра с секущими кожу песчинками. Опытный тролль, ушлая гоблинка и хитрый орк отвернули лицо от эпицентра взрыва и особо не пострадали. Толстокожему огру было на все наплевать, а вот я не успел отвернуться от жуткого порыва и мою коллоидную маску сильно посекли песчинки. Наверно со стороны я смешно выглядел с расцарапанной

физиономией, как нерадивый муж после семейной ссоры. Ладно хоть Лия совершенно выбилась из сил и сидела на полу, не предлагая мне своих врачебных услуг, а то как бы я выкрутился — просто не представляю. А так через некоторое время маска сама выпустит положенную порцию крови и якобы покроется царапинами.

— Молодец, Тим. Хорошо дрался, — скупо похвалил меня Рапет, сидя на полу, и я почувствовал, что краснею под маской. Редкая похвала этого профессионала тронула меня до глубины души. — Если будет желание воевать вместе с нами, ты скажи. Я поговорю с Кепебом. Кстати, ты очень интересно стрелял…

— Да ладно, любой бы на моем месте справился… — неловко пробормотал я, вовремя прерывая нашего командира, и быстренько перевел разговор на самое интересное: — А где тут склад?

— Ну что ж, сходи, погляди, что тут есть… — сказал тролль, отвлекшись от скользких вопросов и вставая с пола.

Рапет подошел к небольшой двери в стене, которую я раньше просто не замечал, что-то над ней пропел — и дверь сама широко распахнулась. После чего сделал мне приглашающий жест рукой, а сам, совершенно не интересуясь содержимым оружейной комнаты, побрел к выходу.

— Погоди, мне тоже интересно! — вскочила с места гоблинка, к этому моменту немного придя в себя, и засеменила к дверному проему.

Огр и орк тоже встали с пола и последовали за ней. Я зашел в комнату и замер в восхищении, увидев груду древнего оружия и доспехов, лежащую прямо на полу. Любой земной коллекционер, не задумываясь ни на секунду, продал душу дьяволу за возможность хотя бы разок взглянуть на это богатство. Мои боевые товарищи равнодушно поглядели на это великолепие, потом с сомнением осмотрелись внутри комнаты и недоуменно переглянулись.

— И ради этого хлама стоило так рисковать? — нахмурившись, спросил Дехор.

— Все грымские такие… странные ребята? — дипломатично поинтересовался Делер.

— Тим, здесь хоть есть то, что ты ищешь? — спросила Лия, и все на меня с интересом уставились.

Будь моя воля, я бы взял с собой всю эту кучу сокровищ, лежащую прямо на каменном полу. Но количество совершенных мною необычных поступков стремительно приближалось к критической отметке, и надо было хоть как-то сглаживать

ситуацию.

— Да я в этом ничего не понимаю, — как можно более равнодушно протянул я. — Мне надо только арбалет найти.

— Этот что ли? — спросила гоблинка, и небрежно вытащила из огромной кучи вещей арбалет — точную копию которого Борис Кузнец считал вершиной своей коллекции. Сунув его мне в руки, куколка-вампирчик сказала: — Держи, и пойдем отсюда.

— Долго вы там? — услышал я крик Рапета из коридора. — Давайте быстрее — скоро скелеты восстанавливаться начнут, а потом и все остальные.

Я стоял с равнодушным лицом под выжидающими взглядами моей клыкастой команды, и мне хотелось плакать. Вся моя натура джисталкера (искателя сокровищ) желала зарыться с головой в раритеную кучу и рыться, рыться, рыться.… При этом я, как джисталкер (специалист по внедрению), прекрасно понимал, что сейчас мне надо с независимым видом отойти от прелестной пыльной кучи ценных и невообразимо прекрасных древностей. Тяжело вздохнув, я позволил противному осторожному рационализму взять верх над прекрасной наркотической жадностью, крепко сжал в руке арбалет, не удержался и якобы невзначай прихватил приглянувшийся мне древний нож. Потом, снова чуть не заплакав, с каменным лицом вышел, наконец-то, из сокровищницы. За мной как привязанные шли клыкастые бойцы и недоуменно шептались о том, что в мире, оказывается, есть столько странных ребят.

— Идем быстрее, если пробиваться обратно с боем не хотите, — встретил нас возгласом Рапет.

— Не хотим, — за всех ответила Лия, и мы быстро двинулись в обратную дорогу.

На обратном пути в коридоре всего разок нам попался огромный скелетон, которого мы быстро и уже как-то даже профессионально разобрали на запчасти. Во дворе крепости Мертвых Дехор снова прошелся, как катком, по зашевелившимся костям, махая своей булавой. Восстанавливаемость у всех жителей мира Ворк просто фантастическая, пять минут назад огр едва дышал — и вот уже снова полон сил. Потом мы вышли из крепости и в напряженной тишине, в любой момент ожидая нападения отряда Этой Стороны, гуськом побежали к месту высадки. Через час мы без происшествий добрались до якорей, у которых остановились и, по-прежнему внимательно следя за окрестностями, стали ждать наш дирижабль.

На степной равнине, похожей на поверхность кухонного стола, стоял готовый ко всему отряд клыкастых воинов. Вскоре

над ними в небе показалась черная точка, которая начала стремительно увеличиваться. Через пятнадцать минут над головами бойцов завис красавец-дирижабль, и с борта плавучего судна сбросили три каната. Огр продел тросы в магические якоря, и все бойцы отряда начали притягивать дирижабль к земле. Когда дно корабля коснулась сухой степной травы — к якорям спрыгнули матросы, которые профессионально завозились у магических швартовочных приспособлений. Бойцы поднялись на борт судна, и напряжение постепенно начало покидать их лица. Последним на борт поднялся большой рыжий кот. Рыжий охотник постоянно оглядывался на норки сусликов и не очень хотел далеко от них отходить, но джисталкеру удалось уговорить кота подняться на борт, соблазнив его курицей из припасов. Через пару минут матросы разобрали магические якоря, затащили устройства на корабль, и еще через минуту дирижабль взмыл в воздух и начал резко набирать высоту. Из одной норки вылез самый смелый суслик и начал выкрикивать на своем языке оскорбления коту, но тот уже ничего не слышал. Дирижабль поднялся к облакам и вскоре скрылся из вида, после чего суслик успокоился и занялся своими важными сусличьими делишками.

Работа 29. Приемно-полетная

Ждет посетителей теплый приём!
Милости просим в наш водоём!

(реклама бюрократического болота)

Расслабленное состояние накатило на тело как приливная волна, как только мы уселись в кресла. Дирижабль рвался в облака, а я сидел, закрыв глаза, и в голове (как в студенческом кармане) царила блаженная пустота. Оказывается, поход на Ничейную Территорию отнял у меня очень много сил, хотя до того момента, как моя задница не ощутила под собой мягкое дирижабельное сидение, я об этом и не подозревал. Но долго блаженствовать мне не дали. Стоило мне открыть глаза, я сразу ощутил на себе заинтересованный взгляд Лии (ох уж мне это женское любопытство), неожиданно просительный Дехора и требовательный — орка Делера. И только тролль Рапет сидел, закрыв глаза, продолжая предаваться счастливому чувству безделья и безопасности. Он свое дело уже сделал, в отличие от меня. Тяжело вздохнув, я сделал выбор в пользу официальной части нашего отряда.

— Делер, а тут есть место, где можно переговорить наедине? — спросил я у орка.

— Как раз хотел тебе предложить перейти в переговорную каюту, — облегченно перевел дух доверенное лицо Правителя орков. — Сейчас корабль набор высоты закончит, и мы пройдем туда.

— А потом мне можно будет там со всеми переговорить один на один? — добавил я, предупреждая готовую сорваться реплику с уст гоблинки, и многозначительно взглянув ей в глаза.

— Все зависит от нашего разговора, — улыбнувшись, отшутился Делер. — Решим наш вопросик — и весь дирижабль в твоем распоряжении!

— Идите уже! — грозно прозвенел голосок Лии. — А то я скоро лопну от любопытства.

— Я тут хотел тебя об одной вещи попросить, — как-то даже застенчиво попытался влезть в разговор Дехор. — А ты мог бы…

— Давай потом, пожалуйста? — прервал я могучего огра. — Тоже в каюте наедине переговорим, хорошо?

— Хорошо, — покладисто согласился Дехор и погладил кота,

доедающего жареную птицу из припасов Моба.

Тут дирижабль вынырнул из облачного покрова. Палуба мгновенно оказалась залита лучами солнца, и вся наша команда разом заулыбалась. Даже Рыжик оторвался от своей курицы, которой я первым делом его угостил, поднявшись на борт, и начал излучать жизнерадостность как котенок Сусанин. Дирижабль замер в воздухе, и Делер тут же на меня многозначительно взглянул.

— Мы пойдем, поговорим, — как комментатор объяснил я свои предстоящие действия и встал с места следом за поднявшимся орком, на всякий случай прихватив свои вещички.

— Чересчур медленно идете… — тут же нахмурилась Лия, и я быстренько устремился за доверенным лицом Правителя к лесенке, ведущей куда-то под палубу нашего летучего судна.

Каюта оказалась на удивление просторной. Хотя я, конечно же, зря ожидал того, что на роскошном правительственном летательном аппарате может иметься тесная и неудобная комнатка — просто сработали стереотипы сознания (спускаемся вниз с просторной палубы яхты — заходим в тесные каюты). В комнате переговоров в центре находился стол, на котором скатертью расстелилась бумажная карта материка. Вокруг стола находилось три стула и большое кресло-трон. Делер подошел к столу и привычно занял место по левую руку от трона, взглянул на меня и пригласил за стол, указав мне на стул слева от себя. Я не стал нахально занимать трон, подошел к столу и уселся на место, которое мне указал орк. В полной тишине мы просидели около минуты, глядя друг на друга. Наконец Делер собрался духом и начал разговор на тему, которая была ему не очень приятна:

— Тим, куда сейчас планируешь лететь?

— В Огрбург, как я понимаю, не стоит? — спросил я, желая облегчить Делеру его работу.

— Правильно понимаешь, — улыбнулся орк в ответ.

— Так все серьезно у Правителя с Джиной? — не удержался я от глупого вопроса.

— Не достойное это дело — обсуждать своего Правителя, — сразу поскучнел Делер.

— Извини, с манерами у меня туговато, — тут же искренне покаялся я.

— Да знаю уже, — оттаял орк и с улыбочкой протянул: — Грымский…

Точно говорю — в джисталкерском комитете кое-кто будет долго вспоминать мой визит. Разнесу все здание по кирпичику за

такой вопиющий непрофессионализм!

— Ну, раз в Огрбург нельзя, то я бы в Лес Котов слетал, — вернулся я к теме нашей беседы. — На полпути между Огрбургом и Островом. Это возможно?

— Эта территория на стороне гнумов? — спросил Делер.

— Да, но там безлюдно.

— Обычно дирижабли не садятся в места без охраны, да еще на враждебной земле, — сказал представитель властной структуры, потом хитро взглянул на меня и продолжил: — Но мы уже разок нарушили инструкции, когда садились рядом с Ничейной Территорией, и еще — у меня четкое распоряжение по поводу тебя с самого верха.

— И какое же?

— Во-первых — не допустить тебя в Огрбург. Во-вторых — сделать это как можно более корректно, выполняя остальные твои пожелания, — Делер сделал небольшую паузу и потом, улыбаясь, продолжил: — Так что рискнуть в этом случае я просто обязан.

— Спасибо за такую трактовку приказа, — искренне поблагодарил я орка.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Делер. — Чай не эльфы мы какие, в трудной ситуации бросать хорошего орка на произвол небес.

В ответ я только улыбнулся, с благодарностью глядя на справедливого и милосердного представителя власти.

«Интересная картина вырисовывается. Придворный маг, орк зубастый — а человек-то — хороший!» — пришла в голову странная противоречивая мысль.

— Ладно, сиди тут пока, — сказал Делер, поднимаясь со стула. — Я к тебе сейчас капитана пришлю. С ним насчет конечной точки маршрута поговори.

— Уху, — согласился я. — И еще раз тебе спасибо…

— Хватит уже благодарностей, — прервал меня орк, потом посмотрел на старинный арбалет, с которым я никак не мог расстаться, и спросил: — Кстати, спросить хотел. Тебе сколько заплатят за это старьё?

— Не знаю точно, — смешался я, мысленно пересчитывая еврази в местные золотые. Получалась катастрофическая сумма. Я разделил получившуюся цифру на десять и озвучил результат: — Если все в арбалете знатного грымского орка устроит, то думаю, где-то в районе тысячи золотых.

— Ничего себе! — опешил орк, замерев на месте. — За такие деньжищи, конечно, стоило рисковать. Странные вы ребята, Грымские. За такую бесполезную вещь столько денег отвалить…

После этих слов Делер быстро вышел из комнаты. Я

задумчиво посмотрел ему вслед.

«Деньги лишними не бывают. Надо бы хоть как-то вознаградить Делера. А то он, похоже, живет на одну чиновничью зарплату», — думал я, глядя на закрывающуюся дверь.

— Честный чиновник, — пробормотал я, когда дверь закрылась, и до меня донесся утихающий звук шагов удаляющегося орка. — Это чудо гораздо реже встречается, чем какая-то там магия…

Делер навеял на меня философское настроение, и я задумался о превратностях бытия, несправедливости судьбы и прочих жизненных мелочах, полностью погрузившись в поток усталой задумчивости и закрыв глаза, поэтому внезапное появление за столом капитана судна и малышки-гоблинки оказалось для меня полной неожиданностью. Да и заметил я их исключительно потому, что капитан вежливо кашлянул, привлекая мое рассеянное внимание. Я открыл глаза, встрепенулся и окинул сидевших за столом недоуменным взглядом рыбы, вытащенной из пруда спокойствия на берег, полный проблем. Гоблинка и капитан сидели на стульях (трон никто занять не посмел) и ждали от меня какой-нибудь адекватной реакции на их присутствие. Я встрепенулся и виновато взглянул на Лию — гоблинка тут же скорчила кровожадную физиономию, но рукой мне отмашку дала, разрешая поговорить с капитаном. После этой пантомимы мы с седым орком прямо на карте, скатертью расстеленной на столе, начали искать и вскоре нашли место, где было запланировано избавить дирижабль от лишнего груза в лице одного джисталкера и одного кота. От места финиша нас в тот момент отделяло примерно пять часов полетного времени. Потом капитан залез в шкаф, порылся там и через минуту вытащил на свет карту с подробным масштабом местности конечной точки маршрута. Мы еще немного потыкали пальцами в леса и реки на плотной бумаге, после чего водитель дирижабля с довольным видом покинул каюту, оставив меня на растерзание маленькой светской львице.

Надо отдать ей должное, Лия на протяжении всего разговора с капитаном сидела тише воды ниже травы, и только когда седой орк вышел — в ее глазах заблестел на всю комнату голодный блеск неудовлетворенного женского любопытства.

— Если ты прямо сейчас мне все не расскажешь, то я съем твою печень, — тихо произнесла гоблинка, и у меня в правом боку что-то жутко заныло — явный симптом цирроза, не от страха же перед этой мелкой! Пить надо бросать…

— Все расскажу! — испуганно поднял я руки вверх,

мучительно соображая как выкручиваться из сложившейся ситуации. — Только сначала ответь на два вопроса.

— Нет! — звонко рыкнула Лия. — Сначала все рассказываешь ты!

— Ну, нас же ждут! — уперся я. — Дехор ждет, Делер и Рапет! Сначала надо с ними решить, а без тебя я точно попаду впросак, я же грымский…

Так мы пререкались где-то минут пять. Я беззастенчиво льстил маленькой аристократке, давя изо всех сил на ее больные точки — чувство такта, знание этикета и вообще взывал к ее острому уму, без которого мне никак не обойтись! Вопрос я поднял жизненно важный — финансовый, так что вскоре Лия сдалась.

— С Дехором просто, я ему десять золотых пообещал, — перешел я денежному моменту. — Стоит удвоить оплату, как считаешь?

— Отличный воин наш огр, — поддержала меня гоблинка. — Вполне стоит двадцати золотых. Ему это польстит.

— С огром разобрались, теперь с орком и троллем, — сказал я, и замялся. — Надо бы тоже их как-то поощрить, но вот не обидятся ли? Они же своими господами посланы.

— А ты не как оплату им деньги предложи, а как их долю в добыче, — подала идею гоблинка. — Сколько ты планируешь за арбалет со своего знатного орка получить?

— Примерно тысячу золотых, — выдал я тот же ответ, что недавно Делеру.

— Неплохо, — удивленно качнула головой Лия, но тут же в ней снова возобладала деловая жилка: — По сотой доле каждому можешь смело давать, по десять монет. Не десятая часть, как у компаньонов, так что все выглядит прилично, и их господ никак не касается. И при этом десять золотых — сумма неплохая.

— А твоя доля сто монет, так? — решительно сказал я. — Десятая доля.

— Не откажусь, — удовлетворенно выдохнула гоблинка и, закрыв глаза, пробормотала: — Еще один шажок к своей ложе в амфитеатре Огрбурга.

— Так ты копишь средства на ложу, свою колесницу и ездового волка! — дошло до меня.

— Давно. По происхождению я могу претендовать на ложу, интригами устроить себе местечко тоже не очень большоя проблема, а вот с деньгами трудности — наш род беден, — пробормотала Лия, потом отвлеклась от своих проблем и снова строго на меня взглянула: — С делами покончено? Давай рассказывай, как ты утихомирил гнумов…

Но мысль уже родилась у меня в голове и продолжала крутиться, долбясь изнутри о черепную коробку и мешая себя сформулировать. Решив, что переведение ее (мысли) на уровень вербального общения (это я у бывшей жены-филолога умных слов нахватался) лучше произойдет в процессе разговора, я вдохнул воздух и начал говорить:

— Лия, у меня к тебе есть встречное предложение, только не перебивай — а то собьюсь.

Столь витиеватая фраза на секунду озадачила гоблинку, так что я получил возможность высказаться. Если коротко, то я собрался купить ее любопытство, причем на самом деле мне это ничего не стоило. У меня с собой остались сто пятьдесят золотых, остаток от двухсот, выданных зулусским бароном (так скажем, командировочные расходы). Рыбной ловлей я заработал еще двести. Итого сейчас при мне имелось триста пятьдесят монет. По десять Делеру и Рапету, да двадцать Дехору — остается триста десять. Сто монет для Лии — остается двести десять. Десяток золотых особой роли не играл, а вот двести придется везти домой, менять на еврази и сдавать юристу Джона Аурума (сдача остатков не потраченных командировочных в кассу предприятия). Утаивать деньги смысла не имело (при его возможностях это выясниться моментально, ведь имеется не так уж много мест, где джисталкеры могут менять валюту), да и выглядеть мелочным в глазах барона, доказывая, что я эти деньги заработал, а не зажал из его командировочных, совершенно не улыбалось.

Так что я смело предложил Лии еще двести монет сверху к ее законной доле — как мою инвестицию в ее ложу, плюс плата за неудовлетворенную любознательность. Потом еще десять минут я объяснял гоблинке суть инвестирования и долгосрочных вложений капитала (хотя сам в этом разбирался весьма посредственно). Из моего сумбурного объяснения Лия поняла не все, но даже того, что мне удалось донести до умненькой гоблинки, оказалось достаточным для принятия ею правильного (для меня) решения. Во-первых, ей стало понятно, что принять эти двести монет не будет ущемлением для ее аристократической чести (это, кстати, оказалось самым сложным моментом). Во-вторых, эти деньги возвращать в явном виде не надо будет никогда (это ее приятно удивило). В-третьих, я собирался в будущем иногда появляться на ее жизненном горизонте, так что к вопросу, каким образом мне удалось уговорить «этих подлых гнумов» отказаться от боя, можно еще будет вернуться (это, в конце-то концов, и склонило чашу весов на мою сторону).

Я залез в мешок, достал оттуда кошельки, полные золота и

водрузил на стол перед Лией — железо нужно ковать пока оно горячо, так что я тут же подкрепил наши договоренности видом желтого металла. Гоблинка с уважением тронула пальчиком тяжелые мешочки и перевела удивленный взгляд на меня. Высыпав золото на стол, я занялся разбивкой огромной груды монет на кучки поменьше. Вскоре основная часть финансовых средств огромной сверкающей горкой лежала перед довольной гоблинкой. Три скромные кучки для остальных ребят терялись рядом с Лииной денежной пирамидой, а на моем поясе болтался изрядно похудевший кошелек с остатками былой роскоши.

— Ты только меня не бросай, когда будем деньги раздавать, — попросил я, после того как мы общими усилиями запихали Лиину часть денег в один кошель, ставший после этой процедуры размером с шар для боулинга. — И вообще, давай ты будешь вручать награды. Ты же полноправный компаньон, в конце-то концов!

— Да запросто! — улыбнулась гоблинка, погладила огромный кошелек и убежала на палубу.

Первым она привела Рапета, красиво и возвышенно высказалась про его достоинства лидера, после чего мы с ней синхронно поклонились и заслужили ответный поклон тролля. Потом Лия пропела дифирамбы Хельне, и напоследок ненавязчиво вручила троллю десять золотых.

— Неплохо, — сказал тролль, с удовольствием принимая золото из рук Лии. — В два раза больше получил, чем за выступление на арене.

— Так вот почему ты мне знакомым при первой встрече показался, — в удивлении хлопнул я себя по лбу. — Ты же показательный бой устраивал на Соревнованиях, против огра-воина.

— Ну да, я, — недоуменно уставившись на мою бурную реакцию, ответил Рапет. — Не так много магов холода моего уровня в Огрбурге найдется, вот и упросили устроители праздника Хельну. А хозяйка меня попросила немного полицедействовать.

— Мне очень понравилось! — никак не мог я успокоиться. — Так что я не только восхищен тобой, как командиром, но еще и поклонник твоего таланта магического актера.

На эти дифирамбы в свой адрес тролль только улыбнулся, еще разок поблагодарил нас и отправился обратно на палубу.

Следующим Лия привела Делера, и картина полуофициального приема повторилась полностью, разве что вместо достоинств лидера хвалился магический профессионализм, и вместо восхваления Хельны плелись

славословия Правителю орков. Десять золотых было вручено так же изящно и ненавязчиво, после чего орк с довольным видом покинул приемную комнату. Это была не гоблинка, а ходячий клад политеса!

Последним Лия привела Дехора. Вот от кого я не ждал никаких сюрпризов, так это от могучего и спокойного огра, как выяснилось — абсолютно напрасно. Дехор вошел в комнату переговоров, чуть пригнувшись в трехметровом дверном проеме. Я встал и, улыбаясь, смотрел на огра, предвкушая его радость от удвоения суммы награды. На могучей руке нашего воина, как на толстенной ветви старого дуба, лежал Рыжик, свесив лапы по обе стороны этого необычного ложа. Рыжий хищный зверь потерялся в ручищах огра, и был похож на обычного земного кота в руках доброй пузатой старушки.

— Я решил удвоить твою сумму, — улыбаясь, сказал я смущенному огру и пододвинул в его сторону две стопки золотых монет, стоящих на столе. — Вот твоя наемничья оплата.

— Я что хотел тебе тогда еще сказать, Тим, — застенчиво пробормотал Дехор. — Не надо мне денег.

— А что ты хотел? — все так же улыбаясь, спросил я.

— Подари мне кота! — выпалил довольно оскалившийся огр. — Рыжика. Ты себе еще найдешь котят, а мне этого оставь.

Улыбка медленно сползла с моего лица.

— Да нет, ты что! — широко открыв глаза, взвизгнул я, после чего у меня перехватило дыхание от неожиданности, и я закашлялся. Откашлявшись, я умудрился выдавить: — На это я пойти не могу…

— Ну, пожалуйста, — просительно протянул громадный огр, взглянув на меня ставшими вдруг огромными голубыми глазищами.

Дирижабль, набрав скорость, несся за облаками в сторону Леса котов, оставляя за собой полоску инверсионного следа. По палубе бегали матросы, капитан и штурман правили летучим кораблем, маги-мотористы исправно гудели, а в пассажирских креслах на палубе дремали тролль и орк. В огромной приемной каюте под палубой судна стоял могучий огр в железных доспехах, держа на одной руке, толщиной с человеческое туловище, большого лесного кота, а второй аккуратно почесывая рыжего неженку за ухом. За столом стоял пораженный до глубины души джисталкер и пытался найти слова, чтобы объяснить гиганту всю нелепость его просьбы. Слова, почему-то, упорно не желали находиться. За ними с ехидной улыбочкой наблюдала хорошенькая гоблинка, похожая на куколку-вампирчика.

Гоблинке вообще нравились любые нескучные ситуации. И только сам предмет спора, огромный рыжий кот, совершенно не обращал внимания на непоседливых двуногих существ и занимался вторым по приятственности делом после еды — сладко дремал. Занимался кот этим важным занятием на руке огра, благосклонно позволяя почесывать себя за ушком.

Работа 30. Прощательная

Наш цирк закончил гастроли
В этом клоунском городишке…

(объявление на сайте популярного цирка после неудачных гастролей)

Предложения Дехора оказалось настолько нелепым, что сначала я от удивления застыл соляным столбом. Потом долго что-то объяснял могучему воину, который при разговоре о Рыжике сразу превращался в обиженного мальчугана, об которого как стеклянные бутылки о бетонную стену разбивались все разумные доводы. К консенсусу мы так и не пришли, и вслед за разговорами последовала безобразная сцена, при воспоминании о которой мне стыдно до сих пор: я бросился на Дехора и начал отнимать у него моего кота! Вы когда-нибудь пробовали силой отбирать у четырехсоткилограммового огра четырехпудового кота? Мой вам совет — лучше и не пытайтесь. Уж на что джисталкеры упорный народ, и то это бесполезное занятие надоело мне через каких-то жалких пятнадцать-двадцать минут, ввиду его полной бесперспективности.

— И что теперь делать? — спросил я у Лии, обессилено плюхнувшись на стул после того, как Дехор с Рыжиком на руках покинул комнату.

— А отдать кота огру нельзя? — поинтересовалась гоблинка.

— А тебя отдать кому-нибудь можно? — вопросом на вопрос ответил я.

— Даже так дела обстоят? — удивилась куколка-вампирчик.

— Еще хуже все, — понуро сказал я. — У Рыжика дома вроде как жена молодая осталась.

— Так это не твой кот?

— Мой, так же как ты — мой компаньон. Коты они обычно сначала сами свои, а потом уже наши. Вот ты тоже, к примеру, мой друг — а в принципе совершенно самостоятельная гоблинка.

— Вот ты загнул, — засмеялась Лия. — Пойдем наверх. Там что-нибудь и решим. Или само собой все разрешиться…

Схватив свой огромный кошелек и двадцать дехоровых золотых, гоблинка засеменила к выходу, чем-то похожая на уменьшенную копию деда Мороза с мешком подарков. При этом Лия почти не сгибаясь под тяжестью мешка с драгоценным металлом, после чего я заново оценил мудрость высказывания:

«Своя ноша не тянет». Я тоже поднялся со стула и последовал за ней. На палубе все дышало деловым спокойствием: экипаж занимался своими делами, пассажиры-маги дремали в огромных креслах, а в ряду сидений, установленных лицом по направлению движения, на центральном месте ссутулился огромный грустный огр и гладил свернувшегося калачиком у него на коленях спящего рыжего кота. Лия подсела к Дехору справа, а я слева. Огр покосился на меня, прикрыв плечом рыжего неженку но, удостоверившись, что я уже неагрессивен, успокоился и снова продолжил поглаживание спящего кота.

«Вступать в агрессивную полемику с оградами бессмысленно и чревато последствиями», — пришла в голову умная мысль, я устроился удобнее и задремал, краем уха слыша бормотание Лии, которая что-то упорно вполголоса говорила Дехору.

Нервное напряжение дало о себе знать, и вскоре чуткая дремота перешла в здоровый и крепкий сон без сновидений. Потом сон без сновидений превратился в сон с очень даже яркими образами-видениями. Мне снилась Джина, которая невероятным образом превратилась в огромного некро-огра, схватила Рыжика и, злобно хихикая как вредная баба Торя, вдруг расправила саламандровые крылья и унеслась в небо, сопровождаемая драконом Гошей в короне Правителя орков, косившим на меня насмешливым взглядом. Я бежал за ней, умоляя вернуть Рыжика Халве, тут меня потрясли за плечо, и я вынырнул из этого бреда, испуганно озираясь.

Мы летели в чистом небе на магическом дирижабле, рядом находился громадный пузатый огр, хорошенькая гоблинка, похожая на куколку-вампирчика, и рыжий кот-телепат. Напротив спали тролль и орк. Маги-мотористы слаженно гудели на корме, а седой клыкастый орк-капитан участливо тряс меня за плечо. Словом — обычная картина, никаких кошмаров.

— Снижаемся, — сказал улыбчивый капитан, когда увидел в моих глазах проблеск разума.

— Спасибо, — буркнул я, протирая глаза.

— Ты глянь вниз, только не упади, — попросил меня сориентироваться седой орк. — Туда прилетели?

— Уху, сейчас посмотрю, — пробормотал я, поднимаясь с кресла.

Подойдя к фальшборту летучего судна, я взглянул вниз. Безоблачная ясная погода и мягкие лучи заходящего солнца весьма способствовали ориентированию на местности с высоты птичьего полета (а мы, пожалуй, находились выше любых пташек). Под нами тянулся зеленым ковром лес. Найдя изгибы и проблески рек Дремки и Сплюшки, я восстановил в памяти карту

местности. Да, мы действительно почти прилетели. Чтобы не искать подходящую поляну, я решил произвести высадку прямо на горе бабы Тори. Помимо того, что вершина горы, где проживала ведунья, была неплохой ровной площадкой, весомым аргументом для выбора места высадки являлось валяющееся на полу неподалеку от наших сидений драконье седло. Тащить снова по лесу тяжелый и неудобный предмет для того, чтобы вернуть его вредной бабушке, я, мягко скажем, не очень хотел.

«Рыжик, ты где?» — позвал я кота.

«Тут», — отозвался рыжий исследователь, выходя на палубу с лестницы, ведущей к каютам.

«С огром будь внимательнее, есть у меня некоторые опасения», — попросил я кота.

«Да ты не волнуйся, он меня любит», — жизнерадостно отозвался Рыжик.

«Ну и я о том же», — ответил я, не зная как объяснить, что порой любовь бывает опаснее ненависти.

«Коты чуют агрессию. У Дехора ее нет», — ответил рыжий экстрасенс менторским тоном, закрывая тему и передав мне образ зеленого клыкастого оленя, испуганно шарахающегося от пузатого симпатичного огрика.

«Я просто прошу, будь аккуратнее при высадке», — взмолился я, видя беззаботный настрой Рыжика.

«Я всегда аккуратен, отстань», — отмахнулся от меня (как от назойливой мухи) кот и убежал мешаться под ногами капитана судна, с которым уже успел подружиться, пока я спал.

Дирижабль тем временем начал снижаться и через какие-то полчаса уже завис в десяти метрах от поверхности площадки на каменистой скале. Наступили сумерки. Вся команда и пассажиры напряженно всматривалась в зеленое лесное море, со всех сторон окружающее скалу бабы Тори. Все-таки маневр приземления на чужой территории можно было отнести к разряду особо опасных мероприятий, так что присутствующие на борту были предельно собраны и сосредоточены, в зависимости от рода службы в любую минуту готовые либо дать отпор кому угодно, либо быстро разогнать дирижабль, унося всех за облака.

К моему счастью безветренная погода максимально облегчила высадку. Матросы спустили веревочную лестницу. Я поднял с пола седло, подошел к правому фальшборту и хотел скинуть его с дирижабля на камни в десяти метрах под ногами, потом почему-то передумал, подошел к другому бортику и предмет моих мучений полетел вниз. Взяв в руки свои вещи, я посмотрел на ребят, запоминая их перед расставанием. Лия

ободряюще мне улыбнулась, и переключила внимание на Дехора. Огр смотрел на меня немного расстроено, продолжая поглаживать Рыжика, сидевшего на его кресле. Тролль Рапет закрыл глаза и медитировал, сканируя окрестности при помощи своей магии. Представитель Правителя орков, маг Делер, коротко взглянул на меня и жестом дал понять, что неплохо было бы, если бы некий орк с двумя арбалетами за плечом имел совесть и быстро покинул дирижабль.

— Всем спасибо, — сказал я сосредоточенным и готовым к любой опасности пассажирам и команде дирижабля, заслужил несколько ободряющих взглядов и начал спуск.

Через пятнадцать секунд я стоял на камнях и ждал Рыжика. Веревочную лесенку уже начали втягивать обратно на борт, а кота все еще не было, и я почуял неладное.

«Рыжик, ты где застрял?» — обеспокоено спросил я.

«Меня огр держит за ошейник. Не отпускает», — испуганно сообщил мне кот.

«Что я тебе говорил?» — сердито передал я коту, и в ответ получил мольбу о помощи, сопровождаемую образом великого мудрого зеленого вождя и маленького глупого рыжего котенка.

«Тим, сделай что-нибудь! Я не хочу в Огрбург без тебя! Меня Халва убьет!» — вопил мысленно рыжий паникер.

— Дехор! — заорал я в дно дирижабля. — Сейчас же отпусти кота!

— Ему со мной будет хорошо, — услышал я довольный голос огра в начинающем подниматься дирижабле.

— Лия, хоть ты скажи ему, — сделал я последнюю попытку образумить капризного огра.

— Он как маленький с этим котиком, — пожаловалась гоблинка, перегнувшись через бортик стартующего летучего судна. — Ничего не воспринимает!

— Уже ничего нельзя сделать, — услышал я радостный голос Дехора. — Я все продумал!

— Ну ладно, сам напросился! — пригрозил я и услышал с небес торжествующий смех огра, который мнил себя безнаказанным.

«Рыжик, готовься сразу прыгать за борт», — сказал я коту.

«Спаси!» — продолжал паниковать рыжий трусишка.

Я тронул выступ на кольце-когте, дистанционном пульте ошейника кота, и набрал команду электрического разряда. Наверху раздался треск искр, громкий и обиженный рев огра, и через долю секунды с борта дирижабля сиганул вниз испуганный кот. Рыжий десантник на миг завис в воздухе, потом мягко приземлился на четыре лапы и тут же со всех ног рванул в

сторону леса. Через десять секунд Рыжик скрылся в кустах у подножия скалы.

— Рыжик, ты где! — расстроено крикнул Дехор, показавшись рядом с бортом.

Рядом с огром стояла Лия, и что-то ему усиленно доказывала, а Дехор грустно смотрел в сторону леса, где скрылся рыжий пушистик.

— Лия, не забудь передать огру его двадцать золотых! — крикнул я уже прилично набравшему высоту летучему судну.

Гоблинка взглянула на меня, скорчила хитрую физиономию и сделала пальцами жест, означающий, что все будет в ажуре, только надо доверится именно ей (я в этом уже неоднократно успел убедиться) и снова перенесла свое внимание на расстроенного огра. Такими они мне и запомнились в тот раз — Дехор тянет могучие руки в сторону леса, где скрылось его рыжее сокровище, а Лия вещает ему что-то успокаивающее, при этом ехидно улыбаясь. Дирижабль закончил плавный набор высоты и задрал нос, маги-двигателисты включились в работу, из сопла на корме вырвался огненный хвост, летучий корабль быстро начал набирать скорость и вскоре стал едва заметной черной точкой в небе, за которой тянулся инверсионный след.

Проводив дирижабль взглядом, я оглянулся и сразу увидел бабу Торю, которая спокойно сидела на скамейке и с ехидной улыбочкой смотрела на меня.

— Здравствуй, балуля-хорошуля, — немного опешив, поздоровался я.

— И тябе прявет, — сварливо отозвалась бабушка. — Опять не как все к мине пожаловал, то на гору лезет, как горный баран, то с неба падает, как шишка с елки. Одно слово — дуралей.

— Да я седло тебе привез, — окончательно смутился я.

— Да заметила ужо, — еще более сердито сказала вредная бабулька. — Ты ж мине его, дурилка, прямо на голову кинуть хотел с летучей орковской ладейки, насилу успела тебя заставить с другого борта швырануть тяжесть эдакую.

«Так вот почему я передумал сбрасывать седло с того борта!» — подумал я, с уважением взглянув на старушку.

— Конешна я сама сябя и спасла, так бы прибил бабушку — не поморщился, да пошел бы хвастать о том подвиге налево-направо, дурак-дураком! — продолжала ворчать старушенция. — Мол, это я прибил бабульку в лясу сядлом! Дивитеся на меня, люди добрые!

— Извини, баба Торя, не хотел тебя обидеть, — покаялся я и быстро добавил, чтобы не давать старушке лишний раз про мою

дурость упомянуть, так сказать сбил с любимой темы: — Я специально вернулся, чтобы седло тебе вернуть.

— А я думала, упер ты мое сядло, — ехидно покачала головой старушка. — А у тя даже на енто ума не хватило.

— Извини, бабушка, — решительно заявил я, думая только о том, как бы побыстрее закруглиться. — Вот твое седло, а я пойду.

— Нет уж постой, — решительно пресекла мою попытку к бегству баба Торя. — Зачем мине теперича два сядла? Как ты тогда упер сядло, пришлося мине лятеть на Гошке за новым. Сягодня с утра токма вярнулися — а ты тут как тут. Это же траты какие понапраслину!

— А что, лучше бы я его, в самом деле, украл, что ли? — возмутился я.

— Да знаю, что не спер, совсем дурачок что ль? — удивилась старушка. — Я ж вядунья, мине Гошка все рассказал. Бросил бы там его, я б на след день и подобрала.

— И что теперь делать? — застыл я в недоумении.

— Как что? Давай мине пять золотых! А сядло сябе бери теперича, токма старое забирай, новое я тябе не дам.

— Да запросто, — обрадовался я возможности отделаться от бабушки.

Через минуту к бабе Торе под постоянные причитания о недалеком умишке одного орка перекочевали пять золотых из моего кошелька, после чего бабулька сразу же немного подобрела.

— Чаво, шары-та при тябе остались, я гляжу? — соизволила пошутить ехидная старушка. — Случайно сохранил, небось?

— Ну, можно сказать угадала ты, баба Торя, — смущенно улыбнувшись признался я. — Повезло…

— Ладна, пошла я отдыхать, — довольно и в то же время устало сказала бабушка. — А то свалился мине на голову, да привел за собой ораву цельну. Это ж как я намаялася всем глаза-то отводить…

— Извини, баба Торя, — окончательно стушевавшись пробормотал я. — Как-то не подумал…

— Нипадумал он! И почему это неудивительна мине? — пробормотала бабушка, скрываясь в дверях своего ветхого строеньица. — Сама главна дурилка в лясу как был, так и остался…

Я, посмеиваясь, спускался по широкой дороге к подножию горы, таща свои вещи и не желающее от меня отцепляться огромное драконье седло, а за моей спиной слышалось утихающее ворчание древней ведуньи, которая никак не хотела успокаиваться даже в своей избушке.

«Рыжик! Вылезай, улетел Дехор», — позвал я кота, когда спустился с горки.

«А я тут, тебя не бросил. Просто с бабушкой не хотелось разговаривать», — тут же ответил рыжий нахал, выползая из-под ближайшего кустика, и мы пошли рядом мирно беседуя.

«Тебя проводить до ваших мест?» — спросил я, улыбаясь.

«Да, вдруг меня опять какой-нибудь огр поймает», — с хитринкой в зеленых глазах попросил рыжий плутишка.

«Откуда в вашем лесу огры?» — удивился я.

«А вдруг забредет один», — не сдавался Рыжик, явно издеваясь над бедным уставшим джисталкером.

«Хорошо, провожу. Но ты несешь седло», — согласился я.

«Ой, совсем забыл! Меня Халва заждалась, а ты медленно идешь. Мне срочно надо бежать», — сразу засуетился рыжий умник, сел на землю и мы стали прощаться.

Мы находились на небольшой лесной поляне совсем недалеко от скалы бабы Тори. До Леса Котов было часа два неспешной ходьбы (полчаса бега коту средним темпом), так что за Рыжика я уже не беспокоился. Я свалил свои вещи на лесную траву, присел рядом и обнял рыжего пушистого негодяйского красавца за шею. Так мы просидели без слов минуты две-три. Двигаться не хотелась — грядущая безкотовая жизнь представлялась серой и унылой. Потом я оторвался от пушистой шеи, схватил большую голову за уши и притянул нос-пуговку к своему носу. Рыжик на долю секунды высунул красный язык меж могучих клыков и лизнул меня в щеку. Потом я снял кольцо-коготь и одел на мягкий пушистый палец правой лапы лесного кота.

«Отлично, Вожак просил притащить еще один ошейник», — с удовольствием передал мне кот.

«Опять отдаст соседнему прайду в качестве взаимовыручки», — улыбнулся я.

«Мы такие», — согласился рыжий воин лесной армии.

«Ладно, беги. Халве привет передай от меня», — сказал я, вставая на ноги. Прощаться с котом можно целую вечность, но легче от этого не станет.

«Не скучай», — привычно напутствовал меня рыжий философ, и через секунду его хвост, мелькнув напоследок в кустах напротив, скрылся с глаз.

Точка на сканере, идентифицирующаяся как «Рыжик», быстро достигла границы зоны видимости и тоже исчезла. Через минуту счетчик пискнул, сигнализируя разрядку. Мое время пребывания в мире Ворк опять стало ограниченным.

— Еще мы увидимся неоднократно, — неожиданно для самого себя пропел я какую-то невообразимую мантру, потом сделал себе компенсирующую инъекцию, взял груду вещей и застыл, ожидая действия препарата на свой организм.

На поляне в лесу стоял джисталкер. За спиной у человека, замаскированного под орка, висели два одинаковых с виду арбалета, на поясе болтался меч в ножнах, а в левой руке мужчина держал большой мешок. Но главным украшением джисталкера служило огромное драконье седло, водруженное вверх тормашками ему на голову. Человек стоял, слегка покачиваясь, придерживая седло правой рукой, чем-то похожий на горскую девушку с кувшином на голове. Джисталкер стоял минуты две без движений, и местные птахи с недоумением глядели на эту фигуру, которая безуспешно пыталась стать лесной статуей. Поучалось это у него не очень удачно — периодически статуя вдруг покачивалась под тяжестью седла, а потом возвращалась в прежнее положение как детская игрушка Ванька-встанька. Неожиданно по телу человека пробежала неясная тень, и через долю секунды на том месте, где только что находился джисталкер, стало пусто.

Часть 3. Снова тут

Работа 1. Офисная

Счастья хватит всем!
(ритуальная фраза, в которую Темный Властелин предлагает Главному Герою вставить всего одно «не», а иначе…)

Скромная комната отдыха в офисе у ребят после сумеречного Леса котов показалась мне как минимум ярко освещенным подиумом и, выйдя из Гашек-камеры, я зажмурился от нестерпимого света двух ламп, которые обычно считал слегка тускловатыми. Когда слезы высохли у меня на глазах, и зрение частично вернулось, я увидел уже ставшую для меня привычной картину:

В полной тишине вечернего офиса друзьями-компаньонами представлялся театральный номер, под названием «танец Победы, необузданный». Увидев у меня за плечом два арбалета, Саня и Дима сделали правильные выводы и благодаря ним стали производить на свет абсолютно неправильные телодвижения. Огромный Дмитрий, похожий на немного уменьшенную копию огра, крутился вокруг своей оси по часовой стрелке, поднимая над головой то правую то левую руку, производя кистями неожиданно элегантные движения, словом — просто восточная красавица, изгибающаяся в танце живота. Вокруг него против часовой стрелки в каком-то невообразимом ритме, похожим одновременно на русскую народную присядку и папуасский ритуальный танец, рывками двигался Саня, и когда оказывался за спиной Димы пытался запрыгнуть последнему на голову. Так высоко прыгать у маленького толстенького Александра не получалось, поэтому он некоторое время висел у вращающегося Дмитрия на шее, а потом отцеплялся и снова пускался в свой дикий пляс. Мне деваться было некуда, я бросил седло на пол и начал хлопать в ладоши, стараясь попадать в такт этого феерического танцевального шоу.

Занимайся ребята физкультурой регулярно — танец грозил бы затянуться, а так буквально через пять минут танцоры диско выдохлись, дружно рухнули на диван — и настала пора слов, заменив собой времена действий.

— С возвращением! — поприветствовал меня Александр и тут же начал громко глумиться: — Тим, а чего ты маску не снимаешь? Так и будешь теперь всегда ходить? А что — так ты даже

симпатичнее…

И точно, я совсем забыл и про маску, и про клыкастую челюсть во рту. За это время и вставной протез, и коллоидная накладка на лицо так приросли ко мне, то я их просто не замечал. Я улыбнулся, снял с лица маску и с легким щелчком вытащил изо рта клыкастую челюсть. Положив на тумбочку оба предмета, я подумал, что находиться в обществе без этих привычных атрибутов немного неудобно. Но еще больше меня смущали бледные лица друзей и отсутствие клыков на их знакомых физиономиях.

— О, рожа зеленая, противная! — сразу радостно заорал Саня. — Арбалет долго искал?

— Где нашел? — в такт ему пробурчал Дима.

— Ну… — замялся я, зависнув между двумя вопросами, ответ на каждый из которых занял бы около пяти часов времени. Потом замер на секунду, думая как ответить одновременно на оба вопроса, и выдал: — Не скажу!

— Ой-ей-ей, какие мы загадочные! — радостно крикнул Александр. — А мы и не очень-то и хотели!

— И не надо, — согласительно пробубнил скучный Дмитрий. — Документы отчетности заполни лучше, а то пока тебя не было три раза с налоговой звонили.

— Ага! И еще джисталкерский комитет в офис названивал, — завопил маленький глава предприятия, совершенно забыв про свой первый вопрос. — Ты там недооформил договор! Пришлось мне съездить, все утряс — но твоя подпись нужна!

— С ведомостями у тебя полный бардак, — не переставал ворчать горообразный бухгалтер. — Перепутал параграфы опять, и вместо социального фонда заполнил графу пенсионного…

— Плату за офис надо вносить, а ты опять задержался с выплатами! — обвиняющее гаркнул улыбающийся Саня. — Лицензии скоро срок подходит, новую надо оформлять!

— Когда последний раз форму номер четыре заполнял, забыл? — строго вопросил Дмитрий, и у меня в душе что-то съёжилось.

— Когда последний раз в райсобесе на частного предпринимателя освобождение от налогов выправлял, забыл? — не менее строго крикнул Александр, и то, что недавно съежилось в душе, тут же оборвалось.

— Ну как же можно быть таким неприспособленным к жизни человеком, — хором закончили свою сердитую отповедь друзья-компаньоны, и грозно на меня уставились.

— Если бы я все это умел, то зачем тогда были бы нужны мне вы? — резонно возразил я, начиная приспосабливаться к темным

сторонам цивилизации, развернулся и отправился вкушать светлые стороны прогресса.

На это возражений не последовало, а может — я их просто не услышал из-за журчания крана в туалетной комнате. Почистив зубы, первый раз за четыре дня, я получил ощущения, сравнимые с возвышенным эстетическим удовольствием от прослушивания высокой поэзии. А уж скинув кожаные доспехи прямо на пол, и обмывшись по-пояс в теплой воде, я можно сказать, духовно возродился. Одевшись в удобную современную одежду, распихав по карманам ключи, карточки и прочие принадлежности городского человека я как всегда почувствовал ни с чем несравнимый комфорт цивилизации, который ценишь, только тогда когда он уходит.

«Кто бы ни позвонил первым — обязательно соединюсь с абонентом и вежливо с ним поговорю», — пообещал я сам себе, с любовью засовывая в карман мобильник, по которому успел изрядно соскучиться.

Потом я тщательно побрился, хотя на зеленой физиономии щетина не так бросается в глаза. Ванну с препаратом, возвращающим мне природный цвет, я принимать в офисе не стал — за отсутствием как самого препарата, так и ванны как таковой. В туалетной комнате я провозился пятнадцать минут, принесших мне просто бездну удовольствия. При всем при этом я ощущал некоторую грусть от потери ощущения горячего вкуса жизни, возникающее только в экстремальных ситуациях, на которые цивилизованное общество чуть бедновато, на мой взгляд.

«Люблю я шляться по новым местам, и обожаю возвращаться домой. Может это и есть любимая работа?» — пришла в голову мысль в тот момент, когда я вышел из волшебной комнаты, в которой есть горячая вода и прочие колдовские устройства и препараты, позволяющие грязному человеку через ничтожно короткое время выйти из нее абсолютно чистым как внутри, так и снаружи.

— Вот, на человека похож! — радостно завопил Александр, когда увидел переодевшегося меня. — Еще бы рожу от зелени оттереть, и вообще красавец стал бы!

— Ты мне лучше ответь, Джона предупредили? — перешел я к деловой части беседы. — А то будет опять как в прошлый раз…

— Обижаешь! — радостно проорал Саня. — Чингачгук, мудрый змей, два раза на одни и те же грабли не наступает! Каждый раз новые грабли нужны, ибо старые ломаются!

— Пока ты там водными процедурами прохлаждался, я уже позвонил барону, — довольно пробурчал Дмитрий. — Сюда едет,

не может до завтра дотерпеть…

— Ты нам лучше вот что расскажи! — перебил друга начальник предприятия. — Это что за монстрообразную амуницию ты притащил?

После этого Саня ткнул пальцем в драконье седло, сиротливо лежащее посредине комнаты отдыха, и они с Димой с глумливым интересом уставились на меня. Так, надо было что-то срочно предпринимать. Мало мне крови попортил сей предмет там, если дать ему волю (а многие предметы имеют дурной характер — в этом я абсолютно уверен!), то он возьмется за меня и здесь.

«Надо срочно натравить седло на этот новый для него мир», — пришла в голову странная мысль, и я начал действовать.

— О, это самая ценная вещь, что мне в этот раз досталась! — воодушевленно воскликнул я, привлекая все свои актерские способности и уже начиная потихоньку в это верить. — И его я никому не отдам, потому что оно навсегда будет прописано тут, у нас в офисе!

— А зачем оно нам? — удивился Саня, делая первый шаг к пропасти.

— Зачем быкам сёдла? — ехидно буркнул Дима, усугубляя свое и без того незавидное положение.

— Пойдемте, покажу! — гордо сказал я.

После этого я торжественно подошел к небрежно валяющемуся седлу, нежно поднял его и, печатая каждый шаг, понес к выходу из комнаты отдыха. За мной как привязанные шли мои приятели-предприниматели, заинтригованные происходящим процессом. Зайдя в офисную комнату, я водрузил огромный кожаный предмет на пол, отодвинул в угол все кресла и стулья, и гордо продемонстрировал удивленным ребятам получившуюся картину.

— И зачем оно тут? — недоуменно протянул горообразный бухгалтер, подойдя к седлу и легонько толкнув его ногой.

— Ты до сих пор не понял? — вежливо, как шипящая гадюка, спросил я.

— Нет, — недовольно буркнул Дима, повернув ко мне голову.

— А вот зачем! — грозно рявкнул я, и шоу началось.

Я подскочил и сильно толкнул в грудь живую гору, по какому-то капризу судьбы занимающуюся бухгалтерией. Дмитрий покачнулся и, конечно же, ему под ноги попалось драконье седло. Споткнувшись, колосс отчетности рухнул на пол. На этом дело не ограничилось — после моей ловкой подножки на него с верху полетел Александр. Я вытащил из-под ребят седло, водрузил его на барахтающуюся горку, состоящую из руководства фирмы, и взгромоздился на самый верх получившейся кучи.

— Враги не пройдут! Седло — наш достойный ответ вашей рыболовной сети! — кричал я, запихивая обратно под вредную кожаную сбрую (на этот раз ее вредность была умело направлена в нужную для меня сторону) пытающихся выбраться из-под нас приятелей. — Ура! Да здравствует куча-мала!

Барахтанье на полу продолжалось минут пять. За время мучений в мире Ворк с этим неудобным предметом я в совершенстве изучил все его сильные и слабые стороны, ремешки, крючки и бугорки — и теперь эти знания работали на меня. Я пользовался седлом для удержания на вершине кучи-малы с поразившим даже меня самого профессионализмом и грациозностью. А вот ребята столкнулись с этим чудом впервые, отнеслись к нему с неуважением — и седло жестко отомстило им за пренебрежительное отношение к себе при знакомстве.

Внезапно, под тяжелое пыхтение пытающихся вырваться на свободу офисных крыс и мой гомерический хохот, открылась дверь офиса, и на пороге появился безукоризненный блондин в шикарном черном костюме. Зулусский барон бросил на нас полный собственного достоинства взгляд, и мне показалось, что в нашем непрезентабельном офисе снова раздались первые аккорды последней голливудской постановки про агента ноль-ноль-семь. А вот дальше Джон Аурум поступил совершенно не так, как на его месте поступил бы Джеймс Бонд.

— Кьючьямалья! — радостно завопил барон, и прямо от порога прыгнул на меня.

Джон совершил этот опрометчивый поступок ни в коем случае не по-глупости. Он просто не учел одного момента, которым именно эта куча-мала отличалась от других, тех, что до этого проходили в нашем офисе с его участием. На этот раз вместо рыболовной сети в игре участвовало драконье седло — и это со стороны незначительное изменение критическим образом отразилось на зулусском бароне. Дальнейшее у меня получилось совершенно непроизвольно (не иначе седло мною руководило, а не наоборот). Я немного приподнял кожаный снаряд для езды на драконах (ребята замерли от неожиданности, и поэтому упустили сей благоприятный момент для бегства) и обратил его внутреннюю часть в сторону барона. Когда наш наниматель влетел в седло — я ловко погасил своим весом инерцию летящего человека в строгом костюме, а потом вместе с Джоном водрузил ценный предмет на свое законное место. Теперь в одной упряжке оказались не только российские предприниматели, но и представитель иностранного бизнеса. Русские и зулусские капиталисты оказались под одним седлом.

Троих людей в брыкающейся куче-мале под седлом удержать

оказалось не на много сложнее, чем двоих. Все попытки вырваться из-под сбруи я решительно пресекал, а признать поражение перед джисталкером, всегда до самого конца терпевшем издевательства над собой в период мучения рыболовной сетью, предпринимателям не позволяли остатки профессиональной гордости, почти уже растоптанные кожаным предметом.

Неизвестно чем бы закончилось это представление, но дверь в офис распахнулась, и на пороге застыла монументальная фигура охранника офисного центра, над правым плечом которого противно звенел винтокрыл огневой поддержки, а из-за левого опасливо выглядывал юрист Джона.

— Опять безобразничаете, — с улыбкой пророкотал охранник, и его винтокрыл аккуратно опустился обратно на плечо.

— Рашен традишен, — раздался приглушенный голос Сани, хотя его самого не было видно в куче тел, прикрытой сверху драконьим седлом.

Работа 2. Продолжающаяся офисная

Опять скрипит потертое седло…

(древняя песня-предсказание)

Через пять минут офис был приведен в относительный порядок. Саня расположился во главе стола, рядом на любимой табуретке пристроился Дима, а Джон, естественно, занял кресло важного клиента. Мне достался обычный офисный стул, один из миллионов клонов рядовых бойцов стульного офисного воинства. Дряхлый предмет офисной мебели уже был готов вот-вот завершить свою карьеру и погибнуть в переговорных боях, чтобы вскоре очутится в неком седалищном раю или, если стулья практикуют перерождения, явиться снова миру в облике начальственного кресла, а может быть даже (в зависимости от праведности прожитой сидельческо-деловой жизни) и царского трона.

— На этот раз мне ваша игра не очень понравилась, — довольно корректно сказал Джон.

«Я бы на твоем месте немного по другому сформулировал свое мнение по этому поводу», — ехидно подумал я, глядя на красного зулусского барона с растрепанной прической и поцарапанной щекой.

— Потому что некоторые играют нечестно, — не преминул вставить свое веское слово глава предприятия. — Седло правилами игры предусмотрено не было!

— Оно и не запрещено, как и сеть рыболовная, — твердо ответил я, с удовлетворением взглянув на седло, по-прежнему гордо лежащее на полу в центре офисной комнаты.

Чем на это можно было бы возразить — придумать никто не смог (как и я в свое время на аналогичное высказывание Александра), все с уважением покосились на массивный кожаный предмет и вернулись собственно к предмету договора, ради которого тут и собрались. Александр с гордым видом скрылся комнате отдыха, и через минуту появился как минимум с видом царедворца, несущего государственный скипетр власти. В вытянутых перед собой руках глава фирмы тащил добытый мною арбалет. Если до этой секунды я изредка и сомневался в том, тот ли арбалет мне удалось достать, то в этот момент, при взгляде на зажегшиеся страстным светом истинного ценителя глаза Джона, последние сомнения покинули меня. Саня положил древнее

оружие магического мира на обычный офисный стол и отошел в сторону с видом опытного конферанса, сделавшего свою работу.

Зулусский барон рывком вскочил с кресла, пробормотал по-английски: «Превосходно!», подошел к столу и провел рукой над арбалетом, напомнив мне в этот момент гоблинку Лию, занимающуюся магическим лечением. Следующие пять минут прошли в уважительном молчании с нашей стороны, а вот заказчик провел это время гораздо плодотворнее — восхищенно цокал языком и бегал по комнате, радостно размахивая руками и иногда кружась, как юла. Вернее, сначала он сделал пару кругов по офису, просто взмахивая руками, а потом подхватил со стола предмет своего преклонения и нарезал круги вокруг седла, уже помахивая в воздухе арбалетом. Чем-то его круговое элегантное движение напоминало кружение вальса, только вместо прекрасной партнерши в кружевном длинном платье в руках у Джона было не менее нежно сжато древнее оружие. При этом барон вполголоса то ли ругался по-зулуски, то ли бормотал на каком другом непонятном языке колдовские обряды-заклинания.

«Жаль, что контракт давно заключен, и сумма за товар уже проставлена», — билась во мне как всегда совершенно не ко времени проснувшаяся коммерческая жилка, именуемая в народе веским словом «жаба».

С момента появления в нашем непрезентабельном офисе арбалета из мира Ворк для Джона Аурума весь остальной мир перестал существовать. Для меня это было как не в новинку, так и не в диковинку. Я насмотрелся в свое время на Бориса Кузнеца в массе аналогичных случаев, поэтому сидел в уголочке и не отсвечивал (этот природно-стихийный феномен можно только перетерпеть). А вот Дима и Саня, наверное, в первый раз столкнулись с подвидом человека, называемое «коллекционерус маньякус». Они пытались привлечь внимание зулусского барона, говоря нелепые слова о подписании приложения договора, которое в этот момент интересовало Джона меньше всего на свете. Ситуация в конторе больше всего охарактеризовывалась словом «недопонимание». Пришлось взять все под свой контроль. Вскочив с умирающего офисного стула, я выхватил из руки Сани приложение к договору, которым глава предприятия безуспешно размахивал в воздухе, и смело встал на траектории движения зулусского барона, держа перед собой лист бумаги.

Джон наткнулся на меня, остановился, удивленно взглянул мне в глаза, потом опасливо покосился на седло — и с ним стало можно разговаривать. Но этот момент обычно длится недолго, поэтому нельзя было терять ни секунды.

— Джон, если вас все устраивает, подпишите, пожалуйста,

бумаги, — выпалил я на одном дыхании, помахивая в воздухе бумажкой.

— О, конечно, мои дорогие друзья! — воскликнул сияющий зулусский барон.

Дальнейшие действия Александра мне больше всего напомнили опереточную постановку какого-нибудь школьного театра. Глава предприятия в нелепом вальсе, имитирующем вдохновенное кружение барона, с ручкой в одной руке и кожаной папкой в другой, по-касательной приблизился ко мне, кружась вокруг своей оси, и отобрал у меня приложение к договору. Потом, так же кружась на одном месте, он вложил приложение в папку, после чего с идиотской улыбочкой протянул папку и ручку Джону, разве что: «Кушать подано!» не провозгласил. Я ошарашено глядел на Саню, гадая — не сошел ли он с ума? Дима тоже с некоторой долей удивления воззрился на нашего общего одноклассника. Единственным человеком в офисе, которого поведение главы нашего предприятия совершенно не удивило, был зулусский барон (по-моему, занятие бизнесом — это какая-то болезнь, возможно заразная). Пританцовывая на одном месте с арбалетом в левой руке, Джон взял у Александра ручку, ловко подписал бумаги в заботливо протянутой Саней папке, после чего два танцора, кружась в одном ритме, разошлись в стороны. После этого глава предприятия начал крутиться на месте стоя за столом, с любовью глядя на папку в своих руках, а зулусский барон продолжил прерванное кружение вокруг седла по офисной комнате.

«Дурдом какой-то», — подумал я, глядя на танцоров.

— Это какой-то сумасшедший дом, — озвучил мои мысли Дмитрий, испуганно зажавшись в углу на своей табуретке.

В этот момент дверь открылась, и на пороге показался юрист Джона. На этот раз странное занятие своего босса парня в черном костюме совершенно не удивило, и вызывать охрану он не стал. Вместо этого он взглянул почему-то на меня, сделал вопросительное выражение лица и показал правой рукой конструкцию из пальцев, во всем англоязычном мире понимаемое как: «Окей?». Я в ответ показал ему схожую конструкцию, соединив кончики большого и указательного пальцев и соорудив на лице соответствующее выражение. Юрист просиял, подскочил к барону, и они вместе закружились в дикой имитации вальса, не касаясь друг друга, при этом парень говорил что-то Джону почти на ухо скороговоркой, в которой наряду с английскими словами перемешивались явно какие-то голландские, и к ним естественным образом прикреплялись гортанные звуки диких

племен.

«Вот как, оказывается, выглядит африкаанс!», — почему-то подумал я, хотя совершенно небыл уверен, в самом ли деле это та самая смесь английского, голландского и зулусского языков, или какой-то тайный колдовской язык народа, в котором Джон занимал целое баронство.

Под этот ритуальный танец барон и его юрист покинули наш офис, естественно не попрощавшись. Это был явно какой-то новый способ покидать помещение по-английски. Я и Дима довольно долго с удивлением глядели на дверь, за которой скрылись Джон и его юрист, а потом синхронно повернули головы и посмотрели на Александра. Наш глава предприятия, невзирая на то, что его партнеры по танцам покинули офисную комнату, не прекращал свою часть танцевальной программы. Маленький пузатенький человечек держал раскрытую кожаную папку в вытянутых руках и кружился, с любовью глядя на бумаги, которые этот канцелярский аксессуар прятал в себе.

Мы с Дмитрием с пониманием переглянулись, встали со своих мест и медленно направились к Александру, который, совершенно не обращая внимания на столь явную опасность для собственной жизни (каждому из нас выпрямившийся Саня уперся бы носом под дых), продолжал кружиться на одном месте. Через минуту папка с бумагами была у начальника предприятия отобрана, а сам руководитель под возмущенные выкрики об узурпации власти препровожден в туалетную комнату. Там совместными усилиями разгоряченная голова начальства была засунута под струю холодной воды, в воздухе явственно зашипело, и Саня начал превращаться во вменяемого человека.

— Все! — орал начальник под струей холодной воды, иногда немного захлебываясь. — Все понял! Был неправ!

Мы с бухгалтерией закрепили успех, продержав руководство под отрезвляющей струей еще полминуты, потом Александр был отпущен, и мы вернулись в офисную комнату.

Саня вытирал голову прихваченным полотенцем и обидчиво сопел, усаживаясь на начальственное место, мы с Димой тоже присели к столу, и на этот раз я занял «кресло важного клиента».

— Ну что, бойцы? — начал я заключительное заседание великолепной троицы. — Удача опять посетила наши стройные ряды?

— Ага! — радостно заорал вытирающийся полотенцем Саня, моментально обретая жизнерадостность двухмесячного щенка. — Завтра деньги переведут!

— И оформлено все как надо, — не удержался и довольно

пробурчал Дима.

— Может, на этот раз обойдемся без банкетов? — попробовал протолкнуть я идейку.

— Ну уж нет! — хором возмутились одноклассники.

— Мы и сейчас отметим это дело… — пробубнил Дмитрий, залез куда-то под стол, и через секунду на поверхности возвышалась початая бутылка водки и три довольно-таки чистые рюмки.

— Ну, за удачу! — провозгласил тост глава предприятия, и мы опрокинули в себя по пятьдесят грамм обжигающей влаги.

— Ты спортсмен, тебе больше не наливаем! — проорал Александр, наливая водку в две рюмки.

— Знаете же, что больше не буду, — привычно ответил я, с улыбкой взирая на то, как парни сноровисто приговаривают остатки водки.

— Кстати, вернемся к нашему седлу, — осмелел от выпитого Александр. — Ты что, серьезно намерен оставить его тут?

— И меня интересует этот вопросик, — несмело буркнул Дмитрий, с опаской поглядывая на кожаную сбрую в центре офиса.

— Пока там есть сеть, — я с улыбкой ткнул пальцем в небо, хоть на потолке, в данный момент, сети и не было. — Эта ценная вещь будет находиться здесь!

— Можно совместно обдумать вопрос всеобщего разоружения и прийти к общему знаменателю, — как опытный политический лидер начал Саня, но сбил благоприятное впечатление от речи примирения, пьяненьким голосом добавив под конец: — Или к числителю…

— Неужели вам не нравится это великолепное седло? — как опытный провокатор невинно поинтересовался я.

— Нет, что ты! Как ты мог такое подумать! — хором воскликнули приятели-предприниматели, лишний раз убедив меня в том, что оба обладают отличной интуицией (сам я не сразу додумался до того, что не стоит вступать в конфликт с таким опасным предметом).

— Ну вот! — провозгласил я, встал с кресла и, выйдя на центр офиса, поднял седло на руки. — Вы только полюбуйтесь, как оно прекрасно!

Ребята мгновенно сориентировались, провозгласили тост в честь седла и тут же выпили за все сбруи вообще, и конкретно за нашу в частности. Ребята пили за амуницию стоя, а я возвышался в центре офиса как статуя Свободы и держал над головой опасный кожаный предмет, всем своим видом (позой и выражением лица) олицетворяя восторженное преклонение

сёдельного фаната. Уж я не знаю, это ли послужило поводом для дальнейших событий (седло мы умаслили, но жертвы-то ему были нужны по-прежнему!), или просто так совпало — но тут зазвонил мой мобильник. Я аккуратно опустил седло на плечо и, достав из кармана мобильный гашекфон, с интересом взглянул на маленький экран — кого это интересует моя персона в это время? Столь поздним звонком меня порадовал, конечно же, монгол Едигей.

«Я обещал себе и фортуне то, что поговорю с первым позвонившим. Чтобы потом спокойно пенять на судьбу — я просто обязан сейчас вежливо поболтать с монголом», — горестно подумал я, осознавая то, что клятву придется выполнять, и нажал на кнопку соединения.

— Добрый вечер, Едигей. Хотя правильнее было бы сказать — спокойной ночи, — максимально вежливо протянул я, с добренькой натянутой улыбочкой глядя на узкоглазое обветренное лицо земного сына степи.

— Тим-джисталкер! Ты точно — великий сабдык! — витиевато и непонятно высказался монгольский детектив, восхищенно взирая на седло, которое покоилось на моем плече.

Работа 3. Завершающаяся офисная

Дом начинаешь ценить — если есть с чем сравнивать.

(фраза приписывается Наполеону, сказана после завоевания Испании)

Едигея прорвало. Монгольский детектив торопливо вещал, опасаясь, что я снова найду способ от него отделаться. Надо сказать, что на этот раз монголу удалось меня удивить и заинтересовать, и я даже не пытался прервать его речь, так и застыв с седлом на плече и мобильником в руке. Приятели-предприниматели тоже замолчали, превратившись на время пламенной исповеди монгола в доброжелательную и внимательную аудиторию (думаю только из-за того, что появилась возможность избавиться от седла!). Оказывается, Едигей с самого начала вовсе не хотел, чтобы ему достали «Камень света», как это подумал я. Просто его звонок случайно совпал со звонком очередного «слона». На самом деле все обстояло таким образом:

Всему миру известны мохнатые монгольские кони, на которых великий Чингисхан усадил свои войска и завоевал потом полмира. Кони всегда являлись гордостью монгольского народа, но в остальном мире их не воспринимали всерьез — восторгались либо тонконогими арабскими скакунами, либо могучими боевыми конями европейских рыцарей. И вот этим вопросом занялся один из монгольских ханов, по имени хан Джамух, который оказался одновременно потомком и Чингисхана, и Улан-батора, как это — меня не спрашивайте, сам толком ничего не понял и ужасно удивился данному, без сомнения достоверному, историческому факту невероятно древней и при этом пролетарской родословной. Жутко разбогатев на предоставлении степных полигонов для каких-то там испытаний высоких технологий, хан Джамух решил исправить ситуацию с несправедливым и уничижительным мнением мирового сообщества о низкорослых монгольских лошадках. Применив биотехнологии, узконаправленные мутации и специализированное питание (чем кормят коней — мне так и не удалось узнать ни в тот раз, ни в последствии) в лабораториях монгольского хана вывели мохнатых коников размером с африканского носорога. Средняя скорость рыси этих чудо-

горбунков составляет пятьдесят километров в час. И вот уже вскоре должна состояться презентация на мировом уровне, с широким оповещением нового символа монгольской степи в средствах массовой информации, привлечением лучших ковбоев для объездки мощных животных и прочими красочными шоу — а подлинное седло Чингисхана так и не было найдено.

— Это в такой ответственный момент! — закатил в полуобморочном состоянии глаза Едигей, и я на секунду испугался, что монгол потеряет сознание прямо в процессе разговора, но обошлось. Едигей собрался с силами, и продолжил исповедь:

История с седлом Тимучина вообще полна загадок. Якобы оно было семейной реликвией в роду хана Джамуха, но в период революционной Монголии надежно спрятано от всех в фамильных тайниках, потом найдено и снова потеряно, уже при помощи современной бюрократической отчетности. То ли оставили не там, где положено, то ли вообще полигон степной сдали для испытаний современных технологий вместе с фамильными тайниками и, естественно, фамильных тайников вместе со всем их содержимым после этого больше не стало. Словом — история темная, покрытая мраком таинственности и недоговоренностей, как и любая другая позорная ситуация.

И вот приближенные монгольского хана, чтобы хоть как-то прикрыть тылы (и не только тылы), послали Едигея, дав тому кучу полномочий, в современный Вавилон, открытый всем соседним мирам, ближайшим из которых оказалась Москва. Задача у Едигея была для начала официализоваться. Зачем он детективное агентство открыл я так и не понял, обычного представительства хватило бы за глаза — не иначе как хотел разрешение на оружие получить. Монгол без сабли — не батор! Потом стал искать по всей Москве проводника-джисталкера, в надежде быстренько пробежаться по мирам как по лавкам, чтобы найти эксклюзивчик, который бы заменил седло Чингисхана в глазах хана Джамуха. И вот тут монгольский детектив столкнулся с неожиданной трудностью — он не мог составить четкого заказа, поэтому госконторы сразу отпадали. Сунувшись к частным джисталкерам, Едигей тоже потерпел фиаско — никто не хотел работать с его прекрасным детективным агентством «И-Батор» по совершенно непонятной причине. И тут монгольскому детективу улыбнулась удача — он узнал о существовании джисталкера по имени Тим, который может достать совершенно нереальные вещи, и даже вытащил откуда-то настоящий «Камень света»! Узнал об этом монгол совершенно случайно — у старушки, сдающей квартиру бравым монголам, внук учился с моей дочерью

в одном классе. Вот так, оказывается, я стал единственным человеком, который хоть иногда соглашался с ним говорить, и то делал это почему-то крайне неохотно. А когда я пропал на четыре дня — Едигей просто впал в отчаяние. На послезавтра запланирована мировая презентация огромных мохнатых коней, а замены седлу Чингисхана — символу новой породы — нет до сих пор. Без всякой надежды Едигей позвонил мне и — о чудо!

— Ты великий сабдык! — опять употребил детектив свое любимое слово, и начал приближаться к завершающей части своей исповеди:

Мало того, что я оказался доступен — прямо на моем плече имелось то, что было в данный момент жизненно необходимо всей прогрессивной Монголии! А когда я сказал монгольскому детективу, что это не конское, а настоящее драконье седло из магического мира — глава «И-Батора» просто забился в экстазе.

Далее последовал небольшой торг прямо по мобильнику. Несмотря на неограниченные полномочия, данные приближенными могущественного хана своему московскому представителю, денег за седло мне было предложено не так уж и много.

— Так все в Москве дорого, — начал сокрушаться монгол, пряча глаза. — А лицензии сколько стоят! А аренда жилья и офиса!

— И не говори! — неожиданно влез в разговор улыбающийся пьяный Саня, но под строгим взглядом Димы стразу стушевался.

— Вот что, Едигей, — начал я, желая просто отделаться от монгола. — Я хочу за это седло сто тысяч еврази, и вообще — эту цену я назвал только из уважения к монголо-татарскому игу! А так я не планировал его продавать, ибо инвентарь привезен мною исключительно для украшения офиса!

— Дай мне срок до завтрашнего утра! — неожиданно тонким голосом взмолился монгольский детектив. — В десять часов я буду у вас в офисе!

— Хорошо, — согласился я и дал отбой не прощаясь — честно говоря, только потому, что жутко устал на протяжении всей исповеди монгола держать на плече седло, а бросать на пол сбрую, на которую Едигей взирал прямо-таки с благоговением, было как-то не очень удобно.

Сбросив громоздкий тяжелый предмет с онемевшего плеча на пол, я уселся на кожаную обивку и тяжело перевел дух. Седло в очередной раз проявило свой вредный характер — не преминуло уличить момент и устроить очередную небольшую пакость, на этот раз испытывая мою выносливость в качестве сёдельной подставки.

«Ни на секунду с тобой не расслабишься», — тяжело дыша, подумал я, уважительно похлопав по старой коже.

Потом я отдышался, спохватился и взглянул на ребят. Саня переводил восхищенный взгляд с меня на седло и обратно, а Дима прищурился и скептически рассматривал только мою скромную персону — со школьной скамьи такой взгляд означал одно: «А у кое-кого кое-что не треснет от жадности?»

— Мне надо было от него отвязаться, — смущенно начал объясняться я. — Очень устал, а седло бросать на пол при клиенте не хотелось…

— Наоборот! — воодушевленно крикнул Александр, скосив глаза к переносице. — Мне очень понравился твой стиль переговоров!

— И сумма тоже, — ехидно пробубнил Дмитрий. — Ты с головой дружишь?

— Да не собираюсь я седло продавать! Оно нам самим жизненно необходимо!

После этого последовала сцена, которая доставила мне массу удовольствия. Ехидное выражение сошло с лица горообразного бухгалтера, а невысокое начальство сразу перестало довольно лыбиться. Приятели-предприниматели отнеслись серьезно к моему заявлению, зная — если мне что-то втемяшится в голову — оттуда это выбивать впоследствии гораздо более затруднительно, чем сразу же непосредственно после втемяшивания. Через полчаса споров, криков и демонстративных падений Сани в обморок (нашелся нетрезвый артист с погорелого театра!) мы пришли к единому мнению:

Завтра в десять утра ждем монгольского детектива с деньгами. Если он придет вовремя и сразу переведет всю сумму — то седло уходит в Монголию, плюс к этому в нагрузку туда же бесплатно отправляется рыболовная сеть. Фирма ребят получает свои комиссионные, а куча-мала с тех пор играется только в спортзале. Если монгол запаздывает — седло остается в офисе и используется по назначению — и примерно через год ежедневной кучи-малы руководство фирмы лишается животов, попутно приобретая спортивные фигуры. Финансовых затруднения я не испытывал, так что вариант номер два был для меня предпочтительнее (люблю я ребят — поэтому буду мучить!).

Скрепив достигнутые договоренности рукопожатием, и отметив это событие, допив остатки водки (от бутылки к этому времени осталось как раз три рюмки), мы покинули гостеприимный офис и отправились по домам.

Спустившись на телепорт-лифте с двести восемнадцатого этажа и покинув здание офис-центра, я очутился в ночном городе. По-сравнению со средневековым Огрбургом, магическим городом-муравейником, современная Москва, несомненно, выглядела гораздо более волшебно. Исполинские лазерные рекламные звери над районом развлечений Мневники занимали полнеба, переливаясь всеми цветами радуги, как гигантские драконы, до которых бедному Гоше было еще расти и расти. По изгибу третьего транспортного кольца, светясь в темноте фарами и неоновыми украшениями, окруженные как солнце протуберанцами светящимся ореолом современных огней, проносились невероятной формы болиды любителей быстрой езды, сталкиваясь на поворотах как рапторные колесницы — но без проблем продолжая невероятную по скорости и безопасности для мира Ворк гонку. В темном небе проносились светящиеся летательные аппараты, в сравнении с которыми яхта правителя орков казалась не очень удачным изделием подросткового кружка любителей воздухоплавания. Одним словом — обычный урбанистический пейзаж, к которому мы с детства привыкли и совсем его не замечаем. Я просто из-за контраста с миром Ворк расчувствовался — но через минуту уже пообтерся и тоже побежал с остальной толпой москвичей и гостей столицы мимо всех этих красот в ближайшую станцию Телеполитена, накинув капюшон, чтобы не смущать мирное земное население зеленым цветом лица.

Через пять минут я уже был дома. Вообще — уровень развитости любой цивилизации я бы всегда, прежде всего, измерял возможностью покрытия больших расстояний. Чем ниже уровень общества — тем больше времени уходит на перемещения. Причем всегда способность быстро передвигаться узурпируют сначала сильные мира сего — и только значительно позже такая возможность появляется у всего остального населения. Характерный пример — железнодорожный транспорт. Сначала была построена царская железная дорога, чуть позже путешествие на поезде стоило небольшого состояния, потом он стал практически самым массовым видом транспорта и, наконец, до появления Телеполитена, Метрополитен оставался самым быстрым и самым дешевым способом передвижения по индустриальному конгломерату, именуемому городом Москва. Или, к примеру, кругосветные путешествия в эпоху Магеллана занимали многие годы, немного позднее Жюль Верн описал вполне реальный способ кругосветки меньше чем за три месяца, еще через сто лет этот процесс занимал сутки, а потом (при

выходе человека в космос) счет и вовсе пошел на минуты. Так что главное достоинство цивилизации я вкусил, по моему глубокому убеждению, преодолев десять километров густонаселенного города — ровно за пять минут.

Зайдя в квартиру, первым делом я наполнил ванну теплой водой. Раньше, говорят, ванну надо было наполнять через узкий кран, и этот процесс занимал жутко долгое время. Не понимаю я такого — если ванну наполнять минут десять или даже пятнадцать — так я же успею раза три передумать помыться, а то и дела появятся важные! Как раньше люди жили — не понимаю…

Приняв ванну с раствором химии от салона джисталкерской красоты (хи-хи), я обтер свежим полотенцем кожу белого человека, взглянул в зеркало на неестественно бледную физиономию, без выступающих клыков смотрящуюся как-то очень беззубо, и тяжело вздохнул.

— Хорошо, что Джина меня сейчас не видит… — пробормотал я, смерив себя недовольным взглядом, и отошел от окна в стене, ведущей в зазеркальный мир.

Затем последовали минуты блаженства в медицинском регенерационном кресле. Мы становимся рабами современной жизни, а продвинутая медицина является одним из столбов нашей цивилизации. Впрочем, как и все в нашей жизни, медицина — это обычная приманка на ловушке современности, задача которой, как и у остальной цивилизационнной шелухи, привязать к себе человека. Ведь и медицину мы начинаем ценить, опять же, только в одном случае — когда ее лишены. Вот так, очень ненавязчиво, мы и растворяемся в этом мире…

Когда кресло пикнуло, сигнализируя о том, что мой организм приведен в норму, я уже почти уснул. Встав на ноги, добредя до ванной комнаты и с удовольствием еще разок почистив зубы, я дополз до кровати, упал в нее, как в озеро блаженства, и крепко заснул. До самого утра меня никто так и не побеспокоил.

Работа 4. Финишная

— Это финиш. Вот и приплыли… — протянул я, горестно глядя в зачетку.

(из воспоминаний бывшего студента, ныне мичмана флота по кличке Студент, проходящего срочную службу на атомной подводной лодке)

Утренний офис для огромного количества современных людей — привычное и обыденное явление. Я же, к своему величайшему счастью и к сочувственному сожалению серьезных родственников, никогда долго не работал на одном месте. Вернее не так — мое рабочее место никогда постоянно не находилось на одном и том же месте, простите за тавтологию. Обычно с утра у меня находится масса важных дел вне стен офиса, и в контору к ребятам я подтягиваюсь ближе к обеду. А тут, в связи с монгольскими событиями, пришлось появиться на рабочем месте с раннего утра — за это я был вознагражден помятым видом заспанных и похмельных физиономий одноклассников.

— Не спать! — сразу заорал я, перейдя порог офиса и увидев полусонных приятелей-предпринимателей.

— Тим… — только и смог страдальчески выдавить из себя Саня, мучимый похмельем.

— Какой ты резвый, как молодой козлик… — недовольно буркнул Дима, тоже не очень радостный от своего утреннего самочувствия.

— Физкультурой надо заниматься, вести подвижный образ жизни, — энергично шагая по офисной комнате, начал читать я лекцию. — С утра зарядку делать, обливаться холодной водицей…

— Вот мы тебя и обольем холодненьким, — лениво попробовал Дмитрий мне пригрозить, но, увидев мою бодрую готовность, выражаясь языком политзаключенных, к любому кипежу кроме голодовки, сбавил обороты: — Но не сейчас, хватит того, что о нас зулусский барон думает. Еще и перед монгольской делегацией опозоримся…

— Тим, ну не мельтеши перед глазами, а? — взмолился Саня, страдальчески скривив похмельное лицо, и я сжалился, усевшись

на умирающий стул.

— Если монголы не придут, то для него достойное место уже, надеюсь, найдено? — спросил я Диму, мотнув головой в сторону центра офисной комнаты, где со вчерашнего дня так и осталось лежать драконье седло, которое мои одноклассники не рискнули даже передвинуть куда-нибудь.

— Не надо о грустном, — взмолился Саня, страдальчески возведя глаза к потолку.

— Это тебе сейчас грустно, — начал успокаивать я друга. — А дальше всего пару лет будет все грустнее и грустнее, зато потом — очень тебе смешно станет, когда будешь на свое сегодняшнее фото смотреть. Обещаю! Кстати, неплохо бы сейчас сфотографироваться, обнажив торс. Ах да, извиняюсь, забыл — у вас же нет торсов, одни пуза…

Так мы препирались еще минут двадцать, и к десяти часам, уж не знаю при помощи кофе, разговоров или невзначай появившегося на столе пива, похмелье ребяток отпустило, и они стали выглядеть значительно веселее.

Ровно в десять утра дверь офиса открылась и на пороге, прервав нашу развернувшуюся полемику о том, как должен выглядеть живот современного мужчины и что означает слово «пресс», появился монгольский детектив. Едигей застыл на пороге, уставившись на седло, лежащее на полу в центре офисной комнаты, и на его лице, хоть и напоминающем вырезанную из камня маску, поочередно промелькнули выражения сначала удивления, потом ужаса, а под конец истинного восхищения.

— В жизни оно еще прекраснее, чем на картинке мобильника, — восхищенно сказал монгол, не отрывая взгляд от кожаной сбруи. — И вызывает ужас, как настоящая реликвия Чингисхана!

— Эээ… — выдавил из себя я, и не нашел ничего лучшего, чем с умным видом ляпнуть: — Да!

— Тим-джисталкер! Я рад, что по книге судеб было суждено пересечься нашим путям, — витиевато выразился монгольский детектив, и склонил голову в поклоне, прижав ладонь к груди.

Приятели-предприниматели замерли в восхищенном удивлении, внимая гладкой речи сына степи, и я тоже поклонился, приложив руку к груди.

— Пришлось лететь в Монголию и пройтись с просьбой по всему своему роду, облететь сотни стойбищ — но я привез деньги! — гордо сказал Едигей, вызвав у меня неконтролируемый приступ стыда. Вчера я вовсе не хотел так осложнять жизнь симпатичному монголу — не иначе вредное седло тут

приложилось. — Но эта вещь стоила того!

— Не ожидал, восхищен предприимчивостью, — пробормотал я смущенно.

После этого Едигей гордо взглянул на меня, оглянулся и махнул рукой. И в комнату начали заходить монголы. Сначала я ничего не понял — каждый из заходящих в комнату людей вносил небольшой тяжелый мешочек, клал его на пол и выходил из комнаты, уступая свое место следующему монголу. Между входящими и выходящими узкоглазыми ребятами я не видел никакой разницы, как между клонированными овечками. Через пять минут рядом с седлом возвышалась куча из кожаных мешков, каждый из которых был размером примерно с заварочный чайник. Когда процедура вноса мешочков закончилась, мы с Едигем посмотрели друг другу в глаза. Мой взгляд выражал абсолютное недоумение, а взгляд монгола был полон гордости от отлично выполненной работы. Мне эта сцена больше всего напомнила древнюю легенду о камнях и Чингисхане, только роль булыжников сейчас играли кожаные мешочки, а Едигей в отличие от Тимучина радостно лыбился и с этими аксессуарами разговаривать не желал.

— И что это? — первым нарушил молчание я.

— Где? — удивился Едигей.

— Только что — что это было? — начал закипать я, то ли от собственной глупости, то ли от сюрреализма создавшейся ситуации.

— Где? — еще сильнее удивился монгол, и почему-то начал оглядываться.

— Вот это — что! — не выдержав, почти проорал я, показывая пальцами на гору из мешков, которая была выше огромного драконьего седла.

— А! — моментально успокоился Едигей, и гордо произнес: — Это сто тысяч еврази!

— Ты наличными притащил всю сумму, да еще железной мелочью что ли? — удивленно прошептал я.

— Почему железной, — обиделся монгол. — Железки ржавеют быстро, только медь!

Руководство, бухгалтерия и я дружно раскрыли рты и синхронно переводили ошарашенные взгляды с гордого монгола на кучу кожаных кошельков, далее на седло, а затем снова на монгольского детектива, и с каждым новым кругом глаза у присутствующих ветеранов офисной жизни раскрывались все шире и шире.

— Как же это пересчитывать… — убитым голосом нарушил

молчание Дмитрий.

— Зачем считать, — оскорбился Едигей. — Тут все точно!

Следующие пять минут мы с монголом морально давили на представителей официального московского предпринимательства, взирая к совести, чести и достоинству, как их, так и всего монгольского народа. Я, правда, больше напирал на то, что пересчет мелочи займет пару дней, и я точно столько времени находиться здесь не намерен. В конце концов, нашелся выход — решили обратиться в банк и сдать этот медный ужас в кассу. Сразу мысль об этом никому в голову не пришла по причине нестандартности ситуации — все привыкли из кассы брать наличность, а не сдавать ее туда. При обращении к сбербанковскому телепорт-банкомату, которым в обязательном порядке были оборудованы все офисы, возникла дополнительная трудность — аппарат отказался принимать наличность без вбивания номера договора. Ситуация тоже оказалась решаемой — тут же начали составлять договор между детективным агентством Едигея и конторой, где главою числился Александр. И вот тут произошла история, которая в тот раз ненадолго выбила всех из колеи предпринимательства, а потом навсегда вошла в нашу жизнь.

Сначала Саня прочитал бумаги Едигея, сел на стул и заплакал. Из его ослабевших рук договор, как переходящую эстафетную палочку, взял Дима пристроился на своей табуретке, прочитал первые строки и завыл, как раненный гиппопотам. Следующим в этой череде жертв (не иначе дело рук седла) был я. Прочитав шапку договора, я, хоть и готовый почти ко всему, исходящему от моего монгольского товарища, поперхнулся и круглыми от удивления глазами уставился на доброжелательно улыбающегося детектива.

— Раньше же было слово «Изворотливый», — умудрился выдавить я.

— Вчера вечером перерегистрировал! — гордо сказал Едигей.

— И зачем? — продолжал недоумевать я.

— Не нравилось тут никому название, и сокращать нельзя, как вы любите. Все поменять и начать с чистого листа — давно назрело решение, — после этой витиеватой фразы я с уважением посмотрел на монгола, он подбоченился и гордо сказал: — Я и подумал, что мы здесь первые, но надеюсь не последние монгольские детективы! Потом я долго сидел со словарем синонимов, и нашел правильное слово…

— Якорный Батор, — в этот момент с восхищением произнес Александр, почему-то сделав ударение в слове «батор» на букву «О», и в его устах это выглядело так, как будто он грязно

выругался.

— Не батОр, а бАтор, — привычно поправил я Саню, потом повернулся к Едигею и сказал: — Вот только сокращать название вашего агентства по-прежнему не стоит.

— Почему? — обиженно удивился Едигей.

— Не стоит и все, — не стал я вступать в полемику, не удержался, отвернулся и тоже вполголоса выругался: — Якорный батОр…

Дальнейшая работа просто закипела. С шутками, прибаутками, под постоянное «якорнобаторинье» договор был мгновенно составлен и подписан. Вслед за этим с не меньшим энтузиазмом мешки с деньгами были распотрошены, и их содержимое с мелодичным звоном утекло в бездонные недра сбербанковского телепорт-банкомата. Когда, с электронным треском, аппарат нам выдал чек, показывающий что содержимое счета пополнилось на соответствующую сумму, мы торжественно вручили седло светящемуся как лампочка Едигею. Монгол нас искренне поблагодарил, мы его объякорнобаторили на прощание, и седло, вместе с Едигеем, навсегда покинуло офис, где оно очень недолго было главным (можно даже сказать — якорным) предметом обстановки.

После такого события работать, естественно, никто больше не захотел, тем более что как раз очень удачненько наступил обеденный перерыв, который плавно перетек в праздничный ранний ужин. Далее это мероприятие переросло в шумный поздний банкет, импровизированно собранный в ближайшем ресторанчике и посвященный удачному завершению дела. Тосты в честь великолепного монгольского седла и полузабытого зулусского барона плавно перемешивались с всеобщим «якорнобаториньем» за столом. Немного позднее ребята благополучно надрались, и мне удалось смыться с мероприятия. Мало того, что этого не заметили — впоследствии даже никто и не вспомнил, был ли я там вообще.

Выпитая водка шумела в голове, поэтому я решил заняться самым отрезвляющим занятием — погонять на своем болиде. Раньше, говорят, несуществующие нынче работники странной службы с непроизносимым названием ГИБДД не давали людям ездить, если в их крови содержание алкоголя было выше нормы. Зачем — непонятно, ведь если человек пьян — то он и ездит из рук вон плохо! Соответственно чаще врезается, ломает свой болид, теряет деньги, все над ним и так смеются. Не иначе ГИБДД — это была какая-то психологическая служба, заботящаяся о

душевном здоровье горожан. Как-нибудь вроде: Гордые Иноки Большого Душевного Достоинства, или что-то вроде того. А может быть, я что-то путаю, и эта аббравиатура расшифровывается как Городской Институт Благородных Девиц-Девственниц, и нежные юные барышни просто одним своим видом приводили мужчин в чувство, не позволяя появляться пьяными на дорогах. И вообще — раньше люди были гораздо человечнее. Цивилизация делает всех черствыми, не замечающими никого и ничего вокруг, если это не какое-нибудь новое развлечение.

Как и следовало предполагать, в таком состоянии ездил я ужасно плохо. Недалеко от офиса не вписался в поворот на скорости почти триста километров в час, разбил машину и вылетел за пределы Третьего Транспортного Кольца в коконе силовых полей, после чего застрял на высоте четвертого этажа врезавшись в высоковольтную вышку. Несмотря на поздний вечер, а может и благодаря ему, собралась толпа зевак и я тихо краснел под ехидными замечаниями москвичей и гостей столицы, дожидаясь прибытия спасателей. Прибывшие вскоре работники муниципальных служб сняли меня со всеобщего обозрения, разбитую машину убрали (не жалко, модель была староватая) и, вволю посмеявшись над незадачливым гонщиком, отпустили домой, порекомендовав напоследок чаще ездить пьяным для того чтобы и дальше смешить народ.

Добравшись до дома, залез в регенерационное кресло. Оказался в абсолютном порядке — даже не поцарапался нигде. Пробормотав в расстроенных чувствах:

— Вот ведь якорный батор… — упал на кровать и уснул

Работа 5. Суетливая

Все безумства этого мира
совершаются обычными людьми…

(надпись на стене в туалете
психиатрической лечебницы)

Зазвонил у меня гашек-фон. Кто говорит? Естественно слон (или какой-то другой дядька, такой же большой и важный). Откуда? От верблюда (опять грубят). Что вам надо? А что еще от бедного джисталкера надо, втихаря разрекламированного? Хотя стоп — я, по-моему, повторяюсь, а может быть, и немного вперед забегаю — это смотря с какой стороны посмотреть. Начнем по-порядку.

На следующий день после «великого избавления от седла» проснулся я от звонка мобильника. Звонивший, естественно, попытался нанять меня для добывания «Камня света», был ловко вовлечен в разговор о пылесосах, затем вспылил и благополучно дал отбой.

— Опять сделка сорвалась, якорный батор… — грустно ругнулся я, быстренько сделал зарядку и пошел умываться.

Пока умывался — спланировал все свои дела на предстоящий день и, выйдя из ванной комнаты, начал этот план воплощать в жизнь.

Нагруженный вещами, как горный ишак, вышел из квартиры и отправился в Гном-маркет. Сдал шмотки, взятые в прокате, обменял остатки золота на цивилизованные деньги и с изрядно полегчавшей, но по-прежнему огромной, сумкой отправился к Борису Кузнецу. У Бориса было не очень хорошее настроение, по-видимому, в связи с последним приобретением зулусского барона. Ну не любят коллекционеры такой ситуации, когда эксклюзивная вещь из их коллекции появляется у друга-конкурента. Спрашивается — зачем тогда надо было меня Джону рекомендовать? Странные они все-таки ребята.

Сдав Кузнецу остатки снаряжения, я показал ему нож, который прихватил из огромной кучи раритета в Замке мертвых. Клинок Бориса не поразил, и он предложил за него смехотворную сумму. За такие деньги проще было оставить ножик себе в качестве сувенира, что я с гордостью и сделал.

Выйдя из великолепной кузницы Бориса, я встал недалеко от дороги и начал сам себя заводить, глядя на проносящиеся мимо

болиды. Буквально через пять минут я был красный от злости, при этом готов был взорваться, как перегретый паровой котел — разве что не свистел, как древний чайник со свистком. Придя в нужное душевное состояние, я отправился в джисталкерский комитет — ругаться из-за их вопиющего непрофессионализма. Впрочем, мои актерские данные и талант аутотренинга пропали даром. Едва я открыл рот, войдя в здание комитета, меня тотчас профессионально осадили. Потом влезли в мой трикет и ткнули, как описавшегося щенка, носом в файл, имеющий название «официальная часть». Следующие десять минут я сидел в коридоре комитета, забившись в уголок, по-прежнему красный как рак, но на этот раз от стыда. Я, честно сказать, этот файлик видел неоднократно, но думал что там всякие отчеты, договора и прочие жуткие вещи, от которых меня сразу начинает тошнить. Поэтому моя здоровая психика просто игнорировала существование этой информации. На самом деле там находилось все данные по этикету. В скольких шагах от кого надо останавливаться, как кивать, о чем говорить — вплоть до того, где молчать, а где прыгать. Все нужные слова, запреты, табу и прочая все это время висели на моем ухе мертвым грузом, и в том, что я ничего не знал и вел себя как глупый пингвин, винить было некого.

С расстройства я загрузил всю информацию об этикете мира Ворк себе в голову прямо там. Лучше бы я этого не делал. Через пятнадцать минут мне стало еще хуже — все «грымское», что я натворил, открылось передо мной в новом свете. За половину того, что я наговорил, не зная элементарных правил приличия и норм поведения, мне хотелось прямо в этом небоскребе провалиться сквозь бетонный пол, а потом падать дальше, проносясь сквозь этажи. А уж за то, как я себя повел перед Правителем орков, меня следовало казнить усекновением головы, и это было бы очень гуманно — этой частью тела я и так почти не пользуюсь.

Чтобы даром не заниматься самобичеванием, я отправился на нижний этаж небоскреба, где находится джисталкерский комитет, не проваливаясь сквозь пол, а самым обычным способом — используя телепорт-лифт. Там терпеливо отстоял очередь, состоящую из недовольных жизнью джисталкеров, взял все бланки отчетности, занял столик в уголочке и начал с каким-то мазохистским удовольствием писать отчет о проделанной работе.

Тайм-отчет (приложение к полному отчету от 11.10.2…г. № ДжТ-48бис)

07.10.2…

09.00 — перенос № 3-191В

09.51 — контакт с враж. объектом, код ЛП-5, уничтожение 36 шт

10.02 — контакт с друж. объектом, код КМВ-22 «Рыжик»

11.55 — контакт с друж. объектом, код ЧВ-13 «баба Торя»

12.02 — контакт с друж. объектом, код ДО-2, «Гоша», хбр (седло) дог. от 08.10.2…г. № 307/21 с ЧОП «Якорный Батор».

16.32 — контакт с друж. объектом, код ГоМХ-18 «Трошка»

18.38 — достижение п.г.т., код ОГ-7 «Остров»

18.52 — контакт с друж. объектом, код ГоМТ-11 «Хоб»

19.08 — контакт с друж. объектом, код ГоСН-7 «Лия»

24.00 — переход в пассивное состояние

08.10.2…

08.00 — переход в активное состояние

19.32 — прибытие в п.г.т. «Огрбург»

20.55 — контакт с друж. объектом, код Го-31 «Моб»

24.00 — переход в пассивное состояние

09.10.2…

09.00 — переход в активное состояние

09.37 — контакт с друж. объектом, код ОВ-22 «Дехор»

19.07 — контакт с друж. объектом, код ОрВ-31 «Джина»

19.27 — контакт с друж. объектом, код ТА-12 «Хельна»

22.22 — контакт с друж. объектом, ТМХ-76 «Рапет»

24.22 — переход в пассивное состояние

10.10.2…

09.00 — переход в активное состояние

10.02 — контакт с друж. объектом, код ОМС-22 «Делер»

10.11 — отбытие из п.г.т. «Огрбург»

13.55 — контакт с друж. объектом, код ЭМО-97 «Ама»

14.42 — контакт с враж. объектом код СМ-22, уничтожение 872 шт.

14.45 — контакт с враж. объектом код СМ-12, уничтожение 14 шт.

15.20 — контакт с враж. объектом код НПМ-3, уничтожение 5 шт.

15.28 — контакт с враж. объектом код НП-12, уничтожение 8 шт.

15.55 — контакт с враж. объектом код НО-1, уничтожение 1 шт. хбр. (арбалет) дог. от 03.10.2…г. № 2207.22 с ч/п Джон Аурум.

22.30 — обратный перенос № 2-191В

Кое о чем я, конечно же, в отчете не упомянул, но, в общем-то, старался честно придерживаться фактов. И вообще, после всех этих событий я стал терпимее относиться к официальной части человеческого существования, и к ее бюрократической составляющей в частности. Хотя в душе по-прежнему ненавижу бюрократию.

Как только я, с чувством глубокого удовлетворения от хорошо проделанной нудной работы, вышел из джисталкерского комитета — зазвонил мобильник.

— Тим! Срочно в офис! Тут такое происходит, — проорал радостный Саня и дал отбой.

Зайдя в офис, я увидел необычную картину — Саня и Дима смотрели Гашек и радостно комментировали происходящую трансляцию (обычно средства массовой информации ребята гордо игнорировали). Присоединившись к зрительской аудитории, я осознал причину нарушения офисных традиций — трансляция шла про наше седло. Вернее трансляция шла про новых монгольских лошадей, огромных волосатых монстров, больше похожих на каких-нибудь дальних родственников мамонтов, чем на обычных коней. Эти волосатые скалы бегали по степи с топотом древних динозавров, не менее грозно ревели (лошадиным ржанием этот жуткий звук у меня называть язык не поворачивается) и на спинах многих из них красовались устройства — точные копии моего любимого драконьего седла. Как за одни сутки монголы умудрились клонировать сложную сбрую в таких количествах — ума не приложу. Вскоре на экране замелькало и само седло. Как какой-нибудь аксакал, глава огромного монгольского рода, восседает на шелковых красных подушках — так и драконье седло из мира Ворк, теперь прототип сотен копий красующихся на огромных мохнатых спинах, под защитой силовых полей было выставлено на обозрение мировой общественности. Рядом с ним постоянно находилась серьезная физиономия Едигея — на этот раз наш монгол был в форме (судя по обилию значков — минимум генеральского уровня) в руках

держал тяжелый бластер и руководил еще десятком представителей монгольских спецслужб.

— А наш то «Якорный батор» оказывается прям Джеймс Бонд, — заорал Саня, когда Едигей в очередной раз мелькнул на объемном экране, не удержался и восхищенно добавил с характерной интонацией: — Якорный батор…

— Не, на самом деле Джеймс Бонд негр, а не азиат, — отмахнулся я от отсталого начальника предприятия, удивленно внимая трансляции. — А хотя в этом безумном мире все постоянно меняется, вполне возможно, что и эту добрую традицию киношники нарушат…

— Да ладно, забудь ты про Бонда, ты дальше слушай, — усмехаясь, буркнул Дима, и я продолжил просмотр интересной передачи.

Когда я понял, какую мысль проталкивают монголы миру, от такой необыкновенной пиар-компании у меня захватило дух, я лишился дара речи и вообще — чуть не упал с умирающего стула, едва не разделив его печальную участь на двоих.

— Вот ведь якорный батор… — без конца повторял я, ошарашено глядя на объемный экран.

Судите сами: по новой версии истории от хана Джамуха — Чингисхан родился не на земле. На самом деле он — орк, прилетевший в древнюю Монголию на драконе, и в доказательство предъявлялось седло Чингисхана, семейная реликвия хана Джамуха (надо ли говорить, о каком седле шла речь?). Дальше-больше: вся монголо-татарская орда — это собранная орком Тимучином (не стану скрывать — имя среди северных орков довольно распространенное, но оно звучит немного по-другому, совпадение и не более того!) по образу и подобию орковских орд Той Стороны организация. Этим и объясняется чрезвычайно эффективная работа Золотой Орды, поработившая полмира — использовался передовой для тогдашней Земли опыт ведения боевых операций и последующей организации захваченных территорий.

Мысль о внеземном происхождении Чингисхана проталкивалась ненавязчиво, как одна из возможных версий, но под это дело у хана Джамуха появились новые далеко идущие планы. Следующим этапом популяризации огромных монгольских коней будет выведение летающей породы — эдакие гигантские мохнатые пегасы. Когда первый такой чудо-конь будет выведен в генетических лабораториях, выращен и объезжен ловкими монгольскими наездниками-ковбоями, то седло Чингисхана (да-да, именно то самое) будет снова вытащено на свет из семейных тайников хана Джамуха, и он лично на нем произведет полет, по

примеру своего достославного предка…

На этом месте я не выдержал, встал со стула, подошел к Гашеку и выключил этот идиотизм. Приятели-предприниматели не сильно возражали, но когда я покинул офис то, закрывая дверь, вновь услышал звук включающегося «болтливого ящика».

Ситуация меня здорово посмешила, но сразу после посещения офиса я выбросил эту чушь из головы и занялся своими обычными делами. В тот день все вошло в обычную колею — зал, клуб, стрелковый дворец. Но как выяснилось — я недооценил возможности волшебного предмета, который сам же привнес в этот мир.

На следующий день я проснулся от звонка мобильника. Увидев незнакомую физиономию на объемном экране, я ожидал обычного нудного требования тотчас добыть «Камень света». Не тут-то было — с меня потребовали в ультимативной форме драконье седло! От неожиданности я растерялся и начал оправдываться, объясняя, что владельцем седла в мире Ворк являлась ужасно вредная старушка, и что у меня нет никакого желания ехать туда и вести с ней какие-либо беседы. На меня попробовали надавить, но по сравнению с бабой Торей собеседник показался сущим ангелом — и я незамедлительно вступил с ним в продолжительную полемику. Как только я повесил трубку, так ни о чем и не договорившись, зато вволю наругавшись с желающим заполучить «штучку как у монголов», как мобильный Гашек-фон зазвонил снова. Новый незнакомец робко поинтересовался, а нельзя ли заказать мне пять древних драконьих сёдел, и будут ли скидки за опт.

Как позже выяснилось — это были лишь первые ласточки будущей огромной черной стаи. Неделю после достопримечательной трансляции из монгольской степи я спасался только тем, что выключал мобильник, но при этом все равно умудрялся по десять раз на дню делать попытки сбыть средство для похудания желающим приобрести драконье седло. Что характерно — ни пылесосы, ни препараты для снижения веса так никто и не изъявил желания приобрести, я был каждый раз обруган, послан в подпространство и унижен прерыванием разговора — при этом количество звонков почему-то не сокращалось. Вот как такое происходит — ума ни приложу! Порой вкладываешь в рекламу массу средств, трудишься, не покладая рук — а результата нет, разве что бабулька какая-нибудь со скуки позвонит-поинтересуется. А порой стараешься максимально засекретить информацию, постоянно меняешь шифры, пароли и во всю используешь прочие конспираторские

штучки — а мобильник при этом в буквальном смысле слова перегревается. Одним словом, бизнес и пиар-компании, если вежливо выражаться — это не мой конек.

Самый примечательный звонок случился примерно день на третий после событий, освещенных средствами массовой информации. Я как раз включил мобильник, намереваясь позвонить дочери — но меня опередили. Поинтересовавшись, кому это я там срочно понадобился, увидел на объемном экране мобильника лицо зулусского барона.

— Привет, Джон, — радостно сказал я, соединившись с Аурумом. — Рад вас видеть, а то жутко надоели за последнее время несерьезные люди с нелепыми просьбами.

— Добрый день, Тим, — с аристократическим полупоклоном ответил барон. — У меня к вам есть вопрос.

— Слушаю внимательно.

— Вы хорошо помните нашу последнюю встречу?

— Конечно, — улыбнулся я, вспоминая как Джона вытаскивали со дна кучи-малы. — А что вы хотели?

— Понимаете, я и мои чернокожие друзья-подданые увлекаемся гонками на носорогах. Это, конечно, не обычные дикие носороги, они неким образом гено-модифицированы, и не имеют такого уровня агрессии, как их вольные собратья, — чинно произнес зулусский барон, потом посмотрел прямо мне в глаза и выдал: — Во время последней «Кьючьямалья» вами был задействован некий предмет, который я бы хотел использовать в следующей гонке. Цена значения не имеет, как вы понимаете.

— Только не это, якорный батор… — непроизвольно вырвалось у меня.

Потом я стойко отказался от повторного визита в мир Ворк, в который пытался снарядить меня Джон. Хоть он и сулил неимоверные барыши — но еще не напечатано в подлунном мире такое количество денежных знаков, за которые я бы добровольно отправился к бабе Торе поинтересоваться, откуда у старушки появилось столь ценное седло, и нельзя ли достать где-нибудь второе такое же. Во-первых, бабка, скорее всего ничего уже и не помнит, хотя честно признаюсь — это я больше для самоуспокоения говорю. Ибо главное тут, во-вторых — если я заявлюсь к бабуле-хорошуле с разговорами о седле (от одной только мысли об этом меня всего передернуло!), то я столько нового и интересного узнаю о своей персоне, сколько мне знать точно без надобности!

— …так что он был загрызен орками, потом упал со скалы и разбился насмерть, а останки были съедены лесными котами, — закончил я придуманную на ходу историю о человеке, который

продал мне драконье седло в мире Ворк. — Как теперь добыть достоверные сведения о происхождении седла, я просто не представляю. Извините, Джон — но в этой ситуации я бессилен.

— Получается, что эта вещь уникальна? — с блеском в глазах тихо спросил зулусский барон, но я тот момент не придал никакого значения зловещим признакам, занятый одной мыслью — как бы отделаться от заказа.

— Да, — сказал я, и сам чуть не заплакал от безысходности (все-таки во мне умер великий актер!).

— Монголы говорите… — многозначительно протянул Джон.

— Да, — нажаловался я с интонациями детсадовского ябеды (а не надо было Едигею на меня не вовремя звонящих кретинов с седлами натравливать!).

— Спасибо, Тим. Я остался доволен работой с вами в прошлый раз, уж извините, что не поблагодарил тогда. Если созреет новое предложение — обязательно вам позвоню, до свидания, — попрощался Аурум, вежливо дождался моего ответного «пока-пока» и дал отбой.

О дальнейших событиях я узнавал, в основном, из Интернета, хотя кое о чем поведал Борис Кузнец, каждый раз делая зверское выражение лица и испуганно оглядываясь по сторонам. Сначала юристы Джона Аурума вышли на представителей хана Джамуха с деловыми предложениями. Сделки не состоялось, при этом стороны не пришли к взаимопониманию не только по вопросам бизнеса, но и по всем остальным вопросам. Вскоре в монгольских степях начали орудовать банды чернокожих ребят на носорогах, а в ответ по африканской саванне проскакали табуны огромных мохнатых коней с узкоглазыми наездниками на спинах. Южноафриканская республика и Монголия, до этого не замечавшие друг друга на протяжении всей истории человечества (как будто эти страны вообще находятся на разных планетах), впервые обменялись официальными нотами протеста, после чего разорвали дипломатические отношения. При этом боевые отряды на лошадях и носорогах продолжали вторгаться на чужие территории и иногда сталкивались между собой в жутких верховых схватках. Одно из таких боевых столкновений было заснято экстремальными операторами и ненадолго стало хитом недели во всех средствах массовой информации (что характерно — как носороги, так и огромные мохнатых лошади были оседланы одинаковыми предметами). Поговаривают, что напряженность между двумя странами достигла взрывоопасной ситуации и от партизанских диверсионных действий, которые сейчас проводят на степных и саванных просторах летучие боевые

отряды на носорогах и гигантских конях, грозит перейти в небольшую локальную войну. Седло оказалось гораздо более опасным предметом, чем я решил поначалу, и боюсь, как бы оно не спровоцировало чего-нибудь и вовсе серьезного, несравнимого с войной двух небольших государств — вроде мирового апокалипсиса, падения гигантского метеорита, вспышек смертельных эпидемий или новую волну женского феминизма.

Меня, впрочем, война наездников практически никак не задела (седло, наверно, решило, что с меня пока хватит), хотя мобильник продолжает разрываться от желающих «оседлиться». Теперь на один звонок «слона», желающего приобрести «Камень света», приходится три «верблюда», которым позарез необходимо драконье седло. Впрочем, и те, и те по-прежнему не желают покупать пылесосы и плохо относятся к средствам для похудания, так что я до сих пор умудряюсь существовать, не меняя номера мобильника.

Работа 6. Заключительная

И вот, наконец, все кончено! В конце-то концов, конечная, из конца-то в конец…

(объявление водителя троллейбуса на последней остановке маршрута)

Последующие дни полетели мимо меня со свистом, как болты из арбалета Кузнеца при выстреле очередью. В один из обычных дней решил я потренироваться, зашел к сэнсэю и начал спокойно разминался на ринге, никого можно сказать не трогая. В углу зала Андрей беседовал со своей любимой ученицей — той самой блондинкой, которая сделала мне замечание во время последней тренировки. Потом я отправился в мир Ворк и забыл о девчонке — вспомнил о ней только сейчас. Сэнсэй смотрел на меня с обычной беззаботной улыбкой, а девушка хмурила бровки на обаятельном личике, грозно внимая словам Андрея.

— …законченный бездельник, — услышал я слова сэнсэя, которые он, улыбаясь, произнес своей подружке.

— Надо больше тренироваться, — гнула свою линию девчушка.

Настроение у меня было подходящее, и я тоже решил поучаствовать в полемике.

— Да куда уж больше, — начал плакаться я, ехидно поглядывая на Андрея. — И так сам уже не тренирует, дал группу новичков, чтобы меня быстрее со свету сжить.

— Этот научит, — сердито буркнула девушка сэнсэю, неодобрительно глядя на меня.

«Что-то новая пассия Андрея много себе позволяет», — пронеслась в голове мысль, впоследствии лишний раз убедившая меня в том, что я не очень хорошо разбираюсь в людях.

— Ну, уж куда нам, — ехидно сказал я, заканчивая растяжку. — С моими почти ста килограммами.

— Не только в килограммах дело, — поучительно изрекла блондинистый профессор, вызвав у нас с учителем улыбки. Как позже выяснилось — улыбались мы совершенно по разным поводам.

— Чтобы лишнего не болтать — давайте-ка оба на ринг, — решительно прервал сэнсэй начинающийся конфликт, еще раз проявив себя великим учителем.

Не буду описывать этот бой, по причине мужской гордости. Когда через три минуты меня привели в чувство после нокаута, Андрей, по-прежнему весело улыбаясь, сказал мне, что я теперь могу гордиться, ибо побит самой «Лерой-ягуарой». Чемпион Москвы в «экстремальных безрежущих боях» стояла неподалеку и виновато смотрела на меня. Я вспомнил тот смертоносный вихрь каких-то необъяснимо острых и кусачих кулачков, в который безобидная блондиночка превратилась на ринге, и содрогнулся еще раз, представив, что на самом деле Лера-ягуара могла со мной сотворить, если бы дралась в полную силу. Значительно позже я порылся в Интернете и нашел массу интересных кадров, на которых эта маленькая белокурая бестия, закованная в шлем и облегающий костюм, с помощью небольшой крестообразной дубинки-кастета и маленького кистеня вырубала таких огромных ребят, мимо которых я бы лишний раз пройти не рискнул.

Пока я приходил в себя, меня решили порадовать редким зрелищем — спаррингом Андрея и Леры-ягуары. Надо сказать — я остался доволен. Если меня каждый день будут мутузить до беспамятства, но потом покажут что-нибудь подобное — то я согласен! На этот раз вихрь смерти в лице блондинки был разбит об утес мудрости великого лысоватого учителя. Буквально через пятьдесят секунд схватки Лера была поймана в примитивный захват, выполненный немного под необычным углом, после четко переведена на болевой прием, в результате чего ей пришлось три раза хлопнуть изящной ладошкой по мату. Потом сэнсэй и его ученица (без сомнения находящаяся на гораздо более высокой ступени ученичества, чем я), начали обсуждать схватку, и Андрей в своей обычной веселой манере принялся за разбор ошибок Леры. Я же тихонько ретировался, так как посчитал, что свою порцию тумаков на сегодня я уже получил с лихвой.

«Когда же я, наконец-то, научусь разбираться в людях?» — думал я по пути домой. Вот почему умному человеку достаточно бросить один беглый взгляд на кого-нибудь (например, на меня) — и ему все сразу становится ясно и понятно. Я же смотрю на людей и вижу только руки, ноги и изредка нос на лице. Что собой представляет тот или иной индивидуум — я понимаю только через определенное время, и часто за этот период успеваю больно получить по своей многострадальной голове. А если совместить мою общую непонятливость с собственной глупостью по поводу отношений с прекрасной половиной человечества — вообще хочется выть от разочарования в себе. Все ошибки, которые возможно сделать при общении с женщинами, я обычно с чувством глубокого удовлетворения совершаю. А уж если есть

теоретический способ опозориться в глазах предмета моих воздыханий, то я обязательно воспользуюсь предоставленной возможностью — пример с Джиной лишний раз подтверждает это неправильное правило. Как с этим бороться — просто не представляю. Наверное, я думаю больше о себе и мало смотрю по сторонам, если преодолеть эту черту моего характера — все в жизни наладится.

«Надо больше уделять внимание тем дамам, которым нравлюсь я, а не тем, которые нравятся мне», — пришла в голову умная мысль.

В подъезде столкнулся с симпатичной соседкой — владелицей спаниельчика, который гордо шествовал рядом с хозяйкой. Песик при виде меня виновато вильнул хвостом, подошел и уткнулся лбом в ногу. Как только я перестал пахнуть, как хищник из мира Ворк, все собаки пришли в себя, а некоторые при этом начали испытывать передо мной что-то вроде легкого стыда — и вот так забавно извинялись. Я почесал песика между ушками, его хозяйка, участливо охая, оглядела мою несчастную физиономию, на которой светились не только глаза, но и свежие синяки, мы мило перекинулись парой слов, и я прошел мимо.

Дома, во время приема медицинских процедур, философские размышления снова посетили набитую, как боксерская груша, голову, в который раз подтвердив мою собственную теорию — хороший удар по голове придает ускорение нейронам мозга, и они начинают быстрее двигаться, вызывая небывалый приток умных мыслей. Кстати, эта гениальная идея меня посетила тоже после одного приличного хука, пропущенного во время спарринга с Андреем.

«В том ли мире мы живем?» — мысль, пришедшая после прошлого путешествия, в котором я познакомился с принцессой Цветой и воином Громом, периодически возвращалась, смущая покой. Но в этот раз удары по моей голове, нанесенные ловкой белокурой бестией, заставили шестеренки там крутиться чуть быстрее, и я успел завязнуть в размышлениях немного глубже.

А что мы делаем для того, чтобы тот мир, в котором мы живем, стал «нашим миром»? Как известно, раньше и деревья были выше, и люди лучше. Сейчас все уже совсем не так, и кстати — так считали, считают, и будут считать во все времена. Какой из этого следует сделать вывод? Я не знаю, но думаю — каждый из нас должен быть на своем месте. И когда ты делаешь что-то, что считаешь важным и нужным — только тогда ты живешь полной жизнью. Естественно, когда такой период проходит (на полном накале всю жизнь продержаться невозможно — сгоришь как

свечка) — остальная жизнь кажется только отголоском той, былой вехи, полной великих дел и сильных поступков.

«А что делаю я для того, чтобы этот мир стал моим?» — пришла в голову странная мысль, и на этом месте я завис в своих размышлениях. Тут как раз медицинское кресло пикнуло, сигнализируя об окончании восстановительных процедур — я встал на ноги и подошел к окну. По заливу носились яхты парусных спортсменов, в воздухе летали разнообразные механизмы. По мосту вдалеке проносились болиды — Москва кипела своей обычной жизнью, я удостоверился в этом и продолжил размышления.

Я делаю свое дело, которое дано мне свыше. Можно назвать это свободным выбором, цепью случайностей, судьбой или божьей волей — суть от этого не изменится. Я делаю то, что умею делать лучше всего. В древности было проще — тот же Архимед сначала был чиновником, потом ученым, после этого снова работал для города-государства Сиракузы в качестве военного инженера, а затем опять начал заниматься исключительно наукой. Великие философы побеждали на Олимпийских играх (причем в кулачных боях), а сенаторы одновременно являлись гениальными полководцами. Человек, командовавший первым в истории многолетним рейдом на вражескую территорию, впоследствии придумал новый литературный жанр и написал художественно-исторический роман с самим собою в качестве главного героя. Развитие цивилизации такие возможности у отдельного человека отобрало. Теперь чтобы только достичь первой линии, например, в науке — надо треть жизни учить то, что успели за тысячелетия (или столетия, если это новые направления) наваять поколения людей, работающие в этой области до тебя. Следующую треть жизни ты учишься всем этим владеть в совершенстве, и только потом начинаешь что-то делать самостоятельно. Следующие за тобой в этой череде поколений плюс к этому будут изучать то, что успел наделать в этой области ты сам. Поэтому современный человек, в основном, обречен делать то, что умеет лучше всего, всю сознательную жизнь. Встречаются, конечно же, исключения, но опять же: во-первых, они только подтверждают правило, во-вторых, успешную смену деятельности возможно сделать максимум один раз — с многогранностью древности это сравнить невозможно.

Можно от такой ограниченности мучиться комплексами неполноценности, а можно сказать: «Так решило небо», и спокойно заниматься своей работой, что я собственно и делаю. Так получается, я меняю мир только тем, что просто делаю свою

работу?

«Когда придет время выбора — я это пойму», — неожиданно пришла в голову уверенная мысль, как будто вложенная откуда-то свыше. Мне стало сразу спокойно и легко. Я вдруг понял, что все делаю правильно. От единения с миром и полной гармонии внутри себя слезы счастья выступили на глазах.

«Может это и есть нирвана?» — мелькнула следующая мысль, судя по легкому оттенку ошарашенности — на этот раз точно моя собственная. Тут же, чтобы окончательно сбить возвышенное состояние, зазвенел мобильник, как бы намекая: «Рановато тебе, Тим, к нирванам с гармониями всякими душой устремляться. Ножками и ручками поработай пока…»

– Тим! Что трубу так долго не берешь, якорный батор… — заорал Саня, как только его физиономия появилась на объемном экране мобильника. — Тут такое дело нарисовалось! Ты срочно нужен!

— Если звонишь по поводу седла или камня, то приготовься — я тебя буду убивать максимально извращенным способом, каким только возможно, — скорчив злобное выражения на физиономии, прорычал я. — Сейчас специально ради этого в Интернет залезу, пороюсь на сайтах или в ЖЖ каких-нибудь серийных маньяков для повышения квалификации…

— Нет, как ты мог такое обо мне и Димочке подумать! — якобы испугавшись, завопил Александр, скорчив на своей плутовской бизнесменской физиономии такое честно выражение, что я позавидовал и тут же занес это чудо в память мобильника, дабы потом перед зеркалом прорепетировать и самому так научиться.

— А чего тебе тогда нужно? — не очень вежливо поинтересовался я, точно зная — эта мелкая капиталистическая акула, эдакий мелкий московский катранчик, просто так звонить не будет. — Только про дружбу не говори — это будет плагиат, причем с меня самого и содранный.

— Вечер ностальгических воспоминаний тебя устроит? — хитро прищурился Александр, став чем-то похожим на дона Жуана из последней голливудской постановки, разве что благородный испанский дон в исполнении Сани оставлял впечатление того, что он гораздо больше в своей жизни ел и пил, чем фехтовал и флиртовал. — Вечер одноклассников решили организовать, пятнадцать лет минуло со времен тех дальних…

— Так совсем недавно же школу закончили, — немного обалдев от свалившихся на плечи лет, выдавил я. — Вот время-то летит…

— Во-во, — удовлетворенно проорал Александр, и потом так ненавязчиво ввернул: — Заодно с клиентом одним переговорим, он как раз в том же ресторанчике празднует что-то…

— Ладно, приду, — улыбаясь, ответил я, пытаясь представить себе лица школьных приятелей и приятельниц, некоторых из которых я не видел ровно пятнадцать лет.

— С одной стороны — встреча с одноклассниками, с другой стороны — важное дело, может удачное что-нибудь клиент предложит… — не сумев сразу остановиться, по-инерции продолжил уговоры наш великий предприниматель.

— Сказал же, приду, — остановил я словесный поток, исходящий из уст друга, и с доброй улыбкой произнес: — Заодно и поглядим, что там за удачное дело такое…

Конец

02.20 14.04.2009 Роман (Крысь) Хаер

notes

Примечания

1

От автора: Сабдык — дух земли в монгольской мифологии. Низшими сабдыками могут стать души людей, при жизни умевших насылать порчу. Люди сабдыков почти никогда не видят, но если уж человек заметит сабдыка — это к несчастью. Сабдыки обладают человеческим телом с головой мыши, крысы или сурка, так что, почему Едигей принял орка именно за сабдыка — непонятно.